

НАИВНИЦКИЙ • КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ
И ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА

9/624
И25

Н. А. ИВНИЦКИЙ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДЕРЕВНЕ
И ЛИКВИДАЦИЯ
КУЛАЧЕСТВА
КАК КЛАССА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И С С С Р

Н. А. ИВНИЦКИЙ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДЕРЕВНЕ
И ЛИКВИДАЦИЯ
КУЛАЧЕСТВА
КАК КЛАССА

(1929—1932 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

В монографии на основе широкого круга источников как опубликованных, так и архивных (использованы материалы почти 50 партийных и государственных архивов) исследуется классовая борьба в деревне в период социалистического преобразования сельского хозяйства. Центральное место в книге занимает проблема ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В работе прослеживаются основные этапы, формы и методы ликвидации последнего эксплуататорского класса в СССР. Большое внимание в книге уделяется мероприятиям Коммунистической партии и Советского правительства по трудовому перевоспитанию бывших кулаков, вовлечению их в социалистическое строительство.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из выдающихся свершений советского народа, которое по важности и социально-экономическим последствиям можно поставить вслед за Октябрьской революцией 1917 г., является социалистическое преобразование сельского хозяйства и ликвидация на его основе последнего эксплуататорского класса — кулачества. По глубине и размаху, формам и методам, характеру и результатам коллективизация сельского хозяйства относится к числу крупнейших революционных преобразований общества. И хотя этот социально-экономический переворот был совершен в условиях диктатуры пролетариата, он не мог не сопровождаться резким усилением классовой борьбы, потому что и в переходный период от капитализма к социализму продолжают существовать антагонистические противоречия между пролетариатом и поддерживающей его беднотой, с одной стороны, и сельской буржуазией — кулачеством и остатками свергнутых эксплуататорских классов — с другой.

На неизбежность переходного периода от капитализма к социализму указывал еще К. Маркс в работе «Критика Готской программы». Он писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

Опираясь на опыт первых лет существования Советской власти, В. И. Ленин дальше развил это положение К. Маркса. Он указывал, что между капитализмом и коммунизмом лежит целая историческая эпоха — переходный период, который «не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»². Этот период соединяет в себе черты или свойства обоих укладов, поэтому классовая борьба, борьба между новым и старым является неизбежной для всего переходного периода. Свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата ни в коей мере не означают прекращения классовой борьбы, ее исчезновения.

Напротив, в отдельные периоды и при диктатуре пролетариата она может и будет неизбежно обостряться, нередко выливаясь в открытую гражданскую войну.

«Диктатура пролетариата, — писал В. И. Ленин в 1920 г. в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», — есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в *силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли»³.

Диктатура пролетариата является не только орудием подавления свергнутых эксплуататорских классов, но и орудием созидания, построения нового социалистического общества. Поэтому задачи диктатуры пролетариата различны по отношению к буржуазии и по отношению к мелкобуржуазным слоям общества. Главная задача диктатуры пролетариата по отношению к буржуазии состоит в на-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 271.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

сильственным подавлении ее сопротивления (хотя это не исключает и других ненасильственных методов воздействия). По отношению к мелкобуржуазным массам, мелким собственникам задачи диктатуры пролетариата иные, они заключаются в воспитательных функциях. Здесь пролетариат должен действовать не методами насилия, а методами убеждения, добиваясь вовлечения их в строительство новой жизни. Мелких товаропроизводителей, писал В. И. Ленин, *«нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»* ⁴.

В. И. Ленин раскрыл сущность и содержание диктатуры пролетариата, указав на многогранность ее задач. «Диктатура пролетариата,— подчеркивал Ленин,— есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» ⁵. В ходе этой борьбы утверждается новое, создаются условия и предпосылки для победы социализма. Социализм, как подчеркивал В. И. Ленин, есть уничтожение классов, имея в виду прежде всего ликвидацию эксплуататорских классов.

Помещики и капиталисты как эксплуататорские классы были свергнуты и ликвидированы в результате Великой Октябрьской социалистической революции и первых социалистических мероприятий Советской власти. Тем самым была осуществлена лишь часть «и притом *не* самая трудная» ⁶ общей задачи уничтожения классов вообще. Осуществление другой, несравненно более трудной и более длительной задачи — ликвидации противоположности, а затем и различий между рабочим классом и крестьянством — должно растянуться на весь переходный период от капитализма к коммунизму. Эту задачу, указывал В. И. Ленин, нельзя решить свержением какого бы то ни было класса, ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, «переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству» ⁷. Только

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 277.

⁷ Там же.

производственное кооперирование крестьянства, перевод его на путь коллективизации является решающим средством, методом преобразования единоличного крестьянства в социалистический класс нового общества. Эта задача была сложной и трудной. Нужно было преодолеть колебания индивидуального крестьянина между пролетариатом и буржуазией, ибо крестьянин, связанный с мелким товарным производством, является, с одной стороны, тружеником, а с другой стороны,— мелким хозяином, собственником. Поэтому пролетариат должен был разграничивать «крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,— крестьянина работника от крестьянина торгаша,— крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть социализма*⁸. Конечно, на практике проводить такое разграничение очень трудно, потому что как бы ни были различны и противоречивы все свойства крестьянина, в жизни они соединены в одно целое. Но без такого разграничения нельзя правильно определить отношения пролетариата и его партии к крестьянину как союзнику в социалистической революции.

Следовало учитывать не только двойственную природу крестьянина, но и то, что в условиях индивидуального ведения хозяйства крестьянство и в переходную эпоху, в эпоху диктатуры пролетариата, продолжает оставаться неоднородным: оно состоит из бедноты, середняков и кулачества.

В. И. Ленин глубоко проанализировал расстановку классовых сил вообще и в деревне, в частности, теоретически обосновал политику партии рабочего класса по отношению к различным социальным группам крестьянства, определил тактику в зависимости от конкретно-исторических условий и поведения самого крестьянства. В. И. Ленин всегда рассматривал кулаков как злостных, бешеных врагов пролетариата и Советской власти, стремившихся любыми средствами задушить молодую Советскую республику, восстановить власть помещиков и буржуазии.

Летом 1918 г., когда волна кулацких восстаний прокатилась по России и слилась с иностранной интервенци-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 277.

ей, В. И. Ленин в воззвании к рабочим писал: «Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом *никогда*»⁹.

Характеризуя кулаков как эксплуататоров, Ленин подчеркивал, что они «самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры»¹⁰, нажившие свое богатство на грабеже и эксплуатации бедноты, на спекуляции и голоде. «Они, кулаки и мироеды, — говорил В. И. Ленин, — не менее страшные враги, чем капиталисты и помещики. И если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист»¹¹.

Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин, политика Коммунистической партии по отношению к кулачеству, деревенской буржуазии должна состоять в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советским мероприятиям¹². Но это еще не означало немедленной экспроприации кулачества, ликвидации его как класса. Экспроприация «даже крупных крестьян, — писал В. И. Ленин, — никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий»¹³.

Прошло более десяти лет прежде чем Коммунистическая партия и Советская власть, подготовив необходимые материально-технические и социально-экономические предпосылки, смогли перейти к осуществлению массовой коллективизации сельского хозяйства и на этой основе к ликвидации кулачества как класса. Наступил тот исторический момент, когда, по выражению В. И. Ленина,

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 40.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 176.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 101.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 175.

русскому капитализму был дан последний и решительный бой, завершившийся полным разгромом кулачества, всех капиталистических элементов города и деревни. В результате победы колхозного строя и ликвидации кулачества как класса был построен фундамент социализма, был решен вопрос «кто — кого» в пользу социализма.

Обобщение исторического опыта борьбы Коммунистической партии за социалистическое преобразование сельского хозяйства и ликвидацию последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества, исследование конкретных путей, методов и форм этих преобразований является одной из важнейших задач советской исторической науки.

Это тем более важно, что враги социализма, извращая марксистско-ленинское учение о классовой борьбе, пытаются отвлечь пролетариат, трудящиеся массы от борьбы с эксплуататорами. Они выдвинули идею «гармонии интересов» всех классов в капиталистическом обществе, теорию «затухания» классовой борьбы и «сближения» капитализма и социализма в современных условиях. С буржуазными социологами смыкаются и правые ревизионисты, утверждающие, что в социалистических странах нет корней для антисоциалистических тенденций и классовой борьбы. Эти утверждения являются вредными и опасными для дела социализма, поскольку они имеют своей целью усыпить революционную бдительность трудящихся масс, отвлечь их от борьбы с врагами социализма и всяческими проявлениями буржуазной идеологии.

«Забыть классовую борьбу, которая кипит во всем мире,— говорил В. И. Ленин,— значит невольно помочь империалистам всего мира против борющегося пролетариата»¹⁴.

Следовательно, изучение проблемы классовой борьбы имеет не только научно-познавательное, но и большое политическое значение.

Проблема классовой борьбы в деревне накануне и в период массового колхозного движения, составной частью которой является ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, нашла отражение как в общих, так и специальных работах. Уже в конце 20-х годов

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 174.

появился ряд брошюр и статей, в которых показывалась расстановка классовых сил в деревне накануне коллективизации, давалась характеристика кулачества, рассказывалось о формах и методах борьбы классовых врагов против социалистического строительства, ставился вопрос о судьбе кулака в связи с курсом партии на коллективизацию сельского хозяйства¹⁵.

В связи с началом массового колхозного движения и переходом к политике ликвидации кулачества как класса в начале 30-х годов, главным образом в 1930—1931 гг., были опубликованы в периодической печати и вышли отдельными изданиями работы о политике партии в отношении кулака и практических мероприятиях по его ликвидации как класса. Значительная часть статей и брошюр была написана практическими работниками¹⁶.

Хотя эти работы в большинстве случаев не носили исследовательского характера, они представляют не только библиографический интерес. Ценность их состоит в том, что они содержат значительный фактический материал,

¹⁵ *А. И. Гайстер*. Расслоение советской деревни. М., 1928; *В. А. Каврайский*, *И. С. Нусинов*. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929; *Д. Орлов*. Социально-органические процессы по классовым группам крестьянских хозяйств от 1927 года к 1929 году.— «Статистика Сибири», вып. 2. Новосибирск, 1930; *В. А. Карпинский*. О колхозах и кулаке.— «Большевик», 1929, № 11; *П. Федин*. Классовая борьба в деревне. Воронеж, 1929; *А. Ангаров*. Классовая борьба в деревне и сельсовет. М., 1929; *Н. Комаров*. Лицо классового врага. Классовая борьба в деревне во время перевыборов сельских Советов в 1929 г. Л., 1929; *В. Каврайский*, *И. Хамармер*. Уроки классовой борьбы. Итоги выборов Советов Сибири. 1928—1929 гг. Новосибирск, 1929; *А. Азизян*. Аренда земли и борьба с кулаком. М.—Л., 1929 и др.

¹⁶ *И. Варейкис*. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; *М. М. Хагаевич*. О ликвидации кулачества как класса. Самара, 1930; *он же*. Классовая борьба в деревне и наши задачи. Самара, 1930; *Р. И. Эйхе*. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1930; *А. Е. Евдокимов*. В развернутое наступление на кулака. Л., 1930; *Н. О. Лаговьер*, *А. К. Роднянский*. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М., 1930; *Н. Хватов*. Ликвидация кулачества как класса. М.—Л., 1930; *Ф. П. Кошелев*. Ликвидация кулачества как класса. М., 1930; *А. Гожанский*. В развернутое наступление на кулака. Л., 1931; *А. И. Ермолаев*. Коллективизация и классовая борьба в Ленинградской области. М.—Л., 1931; *Н. Т. Лихвицкий*. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов-на-Дону, 1931; *П. Сиротинин*. Кулак отступает с боем. М.—Л., 1931 и др.

особенно о социально-экономических отношениях в доколхозной деревне, характеризуют политическую обстановку в деревне накануне и в начале массовой коллективизации, позволяют проследить основные этапы выработки новой политики по отношению к кулачеству и т. д.

Примерно с середины 30-х годов интерес к этой проблематике заметно падает, количество работ резко сокращается. На первый план выдвигаются проблемы организационно-хозяйственного укрепления колхозов, дальнейшего развития колхозного строя. Одной из первых попыток обобщения борьбы Коммунистической партии и Советской власти за социалистическое преобразование сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса являются работы Я. Никулихина и С. Н. Красавина¹⁷. В изданной в 1940 г. монографии М. Я. Залесского «Налоговая политика Советского государства в деревне»¹⁸ прослеживается эволюция налоговой политики, начиная от первых мероприятий Советской власти в 1917—1918 гг. до победы социализма в нашей стране. Особый интерес представляют главы о налоговой политике в период непосредственной подготовки и проведения массового колхозного движения. В них показано, как налоговое обложение в деревне, с одной стороны, сдерживало развитие кулацких хозяйств, способствовало их вытеснению, а с другой стороны, стимулировало рост колхозного движения. В годы сплошной коллективизации налоговое обложение кулацких хозяйств не только ограничивало возможности роста кулацких хозяйств, но и в ряде случаев вело к непосредственному их раскулачиванию. Монография М. Я. Залесского — серьезное научное исследование, не утратившее своего значения и до настоящего времени.

В послевоенный период интерес к проблемам колхозного строительства, составной частью которого являлась ликвидация кулачества как класса, возрастает. Повышение интереса к истории социалистического преобразования

¹⁷ Я. Никулихин. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М., 1934; С. Н. Красавин. Первые итоги сплошной коллективизации. — «На аграрном фронте», 1934, № 12.

¹⁸ М. Я. Залесский. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940.

сельского хозяйства объясняется прежде всего тем, что колхозный строй с честью выдержал суровые испытания войны, убедительно доказав свою жизненность и прочность. Обобщение исторического опыта Коммунистической партии по претворению в жизнь ленинского кооперативного плана в СССР имело и имеет не только научное, но и практическое значение, ибо сразу после войны на путь социалистического развития стал ряд стран Восточной Европы и Азии. Не случайно поэтому, что в первое послевоенное десятилетие историография коллективизации сельского хозяйства пополнилась рядом научно-популярных и исследовательских работ¹⁹. Эта литература продвинула вперед изучение проблемы коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на его основе кулачества как класса.

В научный оборот были введены новые источники, в том числе архивные, материалы периодической печати, статистические данные оперативной отчетности органов Наркомзема и Колхозцентра, Госплана и ЦСУ. Это позволило расширить круг исследуемых вопросов проблемы и некоторые из них рассмотреть более глубоко, чем прежде.

Из работ, появившихся в послевоенные годы, необходимо отметить монографию Г. Е. Глезермана «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР» (М., 1949), статью и книгу Б. А. Абрамова о ликвидации кулачества как класса, исследование М. А. Краева о победе колхозного строя в СССР. В работе философа Г. Е. Глезермана проблема классов и классовой борьбы в СССР в переходный период от капитализма к социализму рассматривается в общетеоретическом

¹⁹ П. Н. Шарова. Великий перелом в сельском хозяйстве.— «Вопросы истории», 1949, № 5; она же. Сплошная коллективизация сельского хозяйства — решающий этап ликвидации противоположности между городом и деревней.— «Вопросы истории», 1953, № 10; она же. Коллективизация сельского хозяйства и создание социалистических производственных отношений в деревне.— «Исторические записки», т. 48; С. Трапезников. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951; Б. Абрамов. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.— «Исторические записки», т. 38; он же. Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954 и др.

плане, конкретный материал лишь иллюстрирует теоретические положения. Вопрос о ликвидации кулачества как класса хотя и нашел отражение в книге, но в его разработку автор не внес ничего нового. Несколько дальше своих предшественников в изучении этого вопроса ушел Б. А. Абрамов. Он впервые в советской историографии дал систематическое изложение проблемы ликвидации кулачества как класса. Что касается конкретного хода ликвидации кулачества как класса, то здесь автор ограничился отдельными иллюстрациями, относящимися к началу 1930 г. В целом же работы Б. А. Абрамова внесли определенный вклад в разработку проблемы.

В фундаментальном труде экономиста М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» рассмотрен весь комплекс вопросов, связанных с коллективизацией сельского хозяйства. Особый интерес для нашей темы представляют разделы, посвященные характеристике социально-экономических отношений в деревне, массового колхозного движения и ликвидации кулачества как класса. Говоря о проведении политики ограничения (и вытеснения) кулачества накануне сплошной коллективизации, М. А. Краев приводит материал, характеризующий этот процесс (данные о кредитовании трудовых крестьянских и кулацких хозяйств, применении наемного труда, аренде земли, сдаче в наем средств производства и т. п.). Решительное наступление на кулака, развертывание массового колхозного движения подготовили условия для перехода к политике ликвидации кулачества как класса. Однако отмечая, что кулачество было ликвидировано подлинно революционными методами и что конкретные меры борьбы с кулачеством были различны в разных районах, автор не показал их. Вообще надо заметить, что разделы о ликвидации кулачества как класса в монографии М. А. Краева бедны конкретно-историческим материалом.

Со второй половины 50-х годов резко возросло количество опубликованных работ, заметно повысился их научный уровень. В течение последних 12—14 лет по истории социалистического преобразования сельского хозяйства было издано больше научных работ, чем за предыдущие 40 лет существования Советской власти. Многие работы этого периода отличает широкая источниковедческая база, критический подход к источникам, серьезный анализ социально-экономических отношений в доколхозной дерев-

не, глубокая научная разработка истории социалистического преобразования сельского хозяйства как в целом по стране, так и в отдельных районах²⁰.

Критический обзор этой литературы дан в историографических статьях В. П. Данилова, М. Л. Богденко, И. Е. Зеленина, А. М. Чинчикова, В. И. Погудина, Н. Я. Гущина, И. Я. Трифонова, В. А. Овсянкина и других²¹.

Среди работ, специально посвященных проблемам классовой борьбы в деревне и ликвидации кулачества как класса в годы сплошной коллективизации, либо так или иначе освещающих эти вопросы²², наибольший интерес

²⁰ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959; он же. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965; он же. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967 (последние две книги являются дополненными и переработанными изданиями работы 1959 г.); В. М. Селунская. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934 гг.). М., 1961; I. I. Слінько. Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України (1927—1932 рр.). Київ, 1961; А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963; «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969; «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969)». М., 1970 и др.

²¹ В. П. Данилов. Изучение истории советского крестьянства.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», М., 1962; М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. История коллективизации сельского хозяйства в современной советской историко-экономической литературе.— «История СССР», 1962, № 4; А. М. Чинчиков. О некоторых проблемах историографии социалистического преобразования сельского хозяйства СССР.— В кн. «Некоторые проблемы истории советского общества (историография)». М., 1964; В. И. Погудин. Проблема ликвидации кулачества как класса в советской историографии.— «Вопросы истории», 1965, № 4; М. Л. Богденко, В. П. Данилов, И. Е. Зеленин. Коллективизация сельского хозяйства в СССР.— В кн. «Очерки по историографии советского общества». М., 1965; И. Я. Трифонов, В. А. Овсянкин. Проблема ликвидации эксплуататорских классов в СССР в советской историографии.— «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. II. Л., 1967 и др.

²² Е. А. Иванова. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ).—

представляют книги И. Я. Трифонова, Ю. С. Кукушкина, Ю. А. Мошкова²³, Г. А. Конюхова, Ф. М. Ваганова²⁴ и других авторов. В них рассматриваются основные этапы развития классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, раскрываются формы классовой борьбы, показывается деятельность партийных и советских организаций по пресечению враждебных действий классовых врагов. Проблемам сплочения бедноты и политиче-

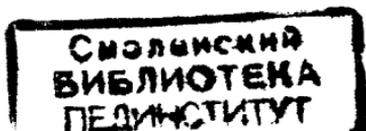
«Ученые записки Могилевского пединститута», 1956, вып. 2; С. В. Восый. Дальнейшее наступление против кулачества в период от XV съезда партии до коренного перелома в деревне.— «Ученые записки Харьковского юридического института», 1957, т. 1, вып. 10; Р. Г. Бергауз. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929—1931).— «Труды Свердловского сельскохозяйственного института», 1959, т. 5; Г. А. Конюхов. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928—1929). М., 1960; И. С. Семькин. Батрацкие стачки против кулачества в 1929 году.— «Вестник МГУ», 1960, № 6; И. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М., 1960; А. Нуригов. К вопросу о характере и формах классовой борьбы в узбекском кишлаке (1932—1934 гг.).— «Научные труды Ташкентского госуниверситета», 1962, вып. 207; И. С. Степичев. Из истории классовой борьбы в восточносибирской деревне в период подготовки и начала сплошной коллективизации.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве». М., 1963; А. Г. Попов. К вопросу о классах и классовой борьбе в период коллективизации сельского хозяйства в Чечено-Ингушетии.— «Известия Чечено-Ингушского НИИ», 1964, т. 4, вып. 1; В. Я. Осокина. О классовой борьбе в западносибирской деревне в периоды избирательных кампаний накануне сплошной коллективизации.— «Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири», вып. 4. Томск, 1966; Ю. С. Кукушкин. Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни. М., 1962; *он же*. Кулацкий террор в деревне в 1925—1928 гг.— «История СССР», 1968, № 1; *он же*. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М., 1968; Н. Я. Гуцин. Из истории классовой борьбы в сибирской деревне в 1928—1929 гг.— «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, 1967, вып. 1, № 1; В. И. Леонова. Из истории деятельности сибирской партийной организации по усилению роли бедноты в борьбе с кулацким хлебным саботажем в 1928—1929 гг.— «Ученые записки Омского пединститута им. М. Горького», вып. 28, 1967 и др.

²³ Ю. А. Мошков. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966.

²⁴ Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.). М., 1970.

ской изоляции кулачества много внимания уделяется в работах Ю. С. Кукушкина, Ю. А. Мошкова, Г. А. Конюхова, В. Я. Осокиной, Н. Я. Гущина, И. С. Степичева, И. С. Семькина. И хотя развитие классовой борьбы авторы книг и статей рассматривают каждый в своем аспекте (в связи с хлебозаготовками, советским или колхозно-кооперативным строительством), тем не менее все они в общем верно показывают расстановку классовых сил в деревне, резкое обострение противоречий между батрацко-бедняцкими массами и кулачеством, формы и методы борьбы кулачества против мероприятий Коммунистической партии и Советской власти.

281034
Следует, однако, признать, что не все вопросы этой проблемы получили достаточно полное освещение в нашей литературе. Лучше исследованы вопросы классовой борьбы в деревне в связи с переВыборами Советов и хлебозаготовками, значительно слабее — в связи с колхозным строительством и особенно в годы сплошной коллективизации. Общим недостатком всех работ, в которых рассматриваются вопросы классовой борьбы, является отсутствие обобщенных, сводных данных. Нередко те или иные положения иллюстрируются пусть даже яркими и типичными, но отдельными фактами. Правда, в некоторых исследованиях (Ю. С. Кукушкина, И. Я. Трифонова) делалась попытка преодолеть этот недостаток. Ю. С. Кукушкин в вышеупомянутой статье, а затем в книге «Сельские советы и классовая борьба в деревне» приводит уже обобщенные, хотя и неполные данные о террористических актах кулачества по РСФСР в 1925—1927 гг. Аналогичные материалы приводятся и в книге И. Я. Трифонова. Но даже такие далеко не полные сведения обрываются 1928 г., а в лучшем случае 1929 г. Архивные источники, доступные исследователям, содержат сведения иллюстративного характера. Некоторые итоговые данные имеются в фондах местных партийных архивов, но и они не являются полными. Поэтому исследователям приходится по крупицам собирать необходимые данные. В какой-то степени это удалось сделать по отдельным районам (П. Н. Шаровой по ЦЧО, В. К. Медведеву — по Нижней Волге, Ф. А. Каревскому — по Средней Волге, П. В. Семернину — по Северному Кавказу, Н. Я. Гущину — по Сибири), но по многим другим районам и в целом по стране эта задача еще не решена.

Известные успехи достигнуты в последнее время в изучении форм классовой борьбы в деревне накануне и в начальный период сплошной коллективизации, в оценке характера классовой борьбы и т. д. Вместе с тем нельзя не отметить, что эволюция форм и методов борьбы кулачества против колхозов и Советской власти исследована недостаточно. Слабо освещен в литературе и вопрос о степени организованности кулачества накануне коллективизации и о связи кулацких организаций и группировок с зарубежными контрреволюционными центрами и иностранными разведками. Мало внимания уделено и такой стороне контрреволюционной деятельности кулачества, как подготовка вооруженного выступления против Советской власти, которое должно было сомкнуться с иностранной военной интервенцией.

Проблема ликвидации кулачества как класса освещается почти во всех работах по истории коллективизации. Но до последнего времени она рассматривалась лишь в самых общих чертах, в большинстве случаев в теоретическом плане. Только с конца 50-х годов появляются специальные исследовательские работы, основанные на фактическом материале, почерпнутом из партийных и государственных архивов²⁵. Введение в научный оборот новых архивных материалов позволило более глубоко, а в ря-

²⁵ П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; *он же*. Разработка Коммунистической партией политики ликвидации кулачества как класса.— «Тезисы докладов на Всесоюзной межвузовской конференции». Ростов-на-Дону, 1958; В. К. Медведев. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае.— «История СССР», 1958, № 6; Ю. С. Кукушкин. Осуществление сельскими Советами политики ликвидации кулачества как класса.— «Вестник МГУ», 1966, № 4; Ф. А. Каревский. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80, 1967; Н. В. Ефременков. Деятельность партийных организаций Урала по ликвидации кулачества и трудовому перевоспитанию бывших кулаков.— «Победа Октябрьской революции и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти». Свердловск, 1968; *он же*. Ликвидация кулачества и первые шаги трудового перевоспитания бывших кулаков на Урале.— «Материалы межвузовской научной конференции по проблеме историко-социологического исследования села». Калинин, 1968; В. А. Сидоров. Ликвидация в СССР кулачества как класса.— «Вопросы истории», 1968, № 7; Н. Я. Гуцин. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне.— «Социальная структура населения Сибири». Новосибирск, 1970 и др.

де случаев и по-новому осветить проблему ликвидации кулачества как класса.

Составной частью общей проблемы ликвидации кулачества как класса является вопрос ограничения и вытеснения эксплуататорских элементов накануне сплошной коллективизации. Хотя эта проблема еще не стала объектом специального исследования, она в той или иной мере затрагивается в работах о социально-экономических отношениях в доколхозной деревне, о подготовке массового колхозного движения²⁶. Полнее и глубже этот вопрос исследован в работах В. П. Данилова и Г. Ф. Дахшлейгера. В монографии В. П. Данилова «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР» большой интерес представляют те ее разделы, в которых рассматриваются социально-экономические сдвиги в деревне к 1928—1929 гг., изменение соотношения классовых сил в результате осуществления политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в сельском хозяйстве. То обстоятельство, что монография посвящена проблеме создания материально-технических предпосылок коллективизации, не помешало автору исследовать и ряд других вопросов, непосредственно касающихся общей проблемы социально-экономических

²⁶ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; *он же*. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации.— «Исторические записки», т. 55, 1956; *он же*. Земельные отношения в советской доколхозной деревне.— «История СССР», 1958, № 3; *он же*. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963; В. Н. Давыдов. Социально-экономические сдвиги в коми деревне в 1926—1929 гг.— «Труды Коми филиала АН СССР», 1957, № 5; *он же*. Социально-экономические отношения в коми деревне накануне коллективизации.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР»; И. Ш. Френкель. Социально-экономическое положение крестьянства Курской губернии накануне коллективизации сельского хозяйства.— «Ученые записки Курского пединститута», вып. 25, 1958; В. П. Шерстобитов. Социально-экономические отношения в айле, кыштаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР»; А. К. Касьян. Западносибирская деревня в 1926—1929 гг.— Там же; Г. Ф. Дахшлейгер. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата, 1965 и др.

отношений в деревне в конце 20-х годов (наем-продажа рабочей силы, аренда и сдача земли, обеспеченность основными средствами производства, развитие сельскохозяйственной кооперации и т. п.).

Разумеется, В. П. Данилов не ставил задачи рассмотреть весь комплекс вопросов социально-экономического развития деревни накануне коллективизации.

В монографии Г. Ф. Дахшлейгера «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.)» наряду с другими вопросами обстоятельно освещены расстановка классовых сил в деревне в годы подготовки массового колхозного движения, борьба социалистических и капиталистических тенденций в развитии сельского хозяйства, специфические особенности социально-экономических преобразований в Казахстане в 20-е годы.

Однако нельзя не признать, что в целом эта проблема еще мало изучена.

Более обстоятельно изучен сам процесс ликвидации кулачества как класса, т. е. мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. Большинство исследователей признает, что начало перехода к политике и практическому проведению в жизнь мер по ликвидации кулачества как класса относится к концу или второй половине 1929 г. (Б. А. Абрамов, М. А. Краев, И. Я. Трифонов, Ю. А. Мошков, Ю. С. Кукушкин и др.), хотя конкретно-исторический материал, подтверждающий этот вывод, в их работах не приводится. Только в последнее время местные историки (Б. К. Медведев, И. И. Слинько, И. С. Степичев, Ф. А. Каревский, Н. Я. Гуцин) попытались на примере отдельных районов показать начало ликвидации кулацких хозяйств в конце 1929 г., т. е. одновременно с переходом к сплошной коллективизации. Но, как справедливо заметили М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин, никто из исследователей не указал, на основании каких законодательных актов (до принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г.) проводилось это мероприятие²⁷. В

²⁷ М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», стр. 213.

этой связи следует отметить, что впервые такую попытку сделал Ю. А. Мошков в 1966 г. в монографии «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации». Он считает, что юридическим основанием для частичной экспроприации кулачества до принятия известных январско-февральских постановлений ЦК ВКП(б) и Советского правительства послужили постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» и аналогичное решение правительства Украины от 3 июля 1929 г.²⁸. «Хотя эти меры,— пишет автор,— касались лишь заготовок, они на практике послужили той юридической основой, которая позволила уже со второй половины 1929 г. начать частичную экспроприацию кулачества»²⁹.

В основном можно согласиться с этим положением, но следует внести и некоторое уточнение, а именно: начало частичной экспроприации кулачества относится не ко всей второй половине 1929 г., а лишь к осени—зиме 1929 г. Дело в том, что злостные саботажники и спекулянты, к которым применялись чрезвычайные меры вплоть до продажи с торгов их имущества, могли быть выявлены только после того, как в сентябре планы районных заготовок сообщались сельсоветам для раскладки заданий по отдельным хозяйствам.

Начало массового колхозного движения хронологически совпало с разгаром хлебозаготовок 1929/30 г., поэтому меры по борьбе с кулацким саботажем хлебозаготовок и меры по дальнейшему наступлению на кулачество в ходе коллективизации тесно переплетались. Чрезвычайные меры 1929 г., в проведении которых принимали участие миллионные массы трудящегося крестьянства, представляли теперь составную часть общего наступления на кулачество и развития колхозного движения. Не случайно поэтому некоторые исследователи (например, Ф. А. Каревский), ссылаясь на партийные документы, утверждают, что осенью 1929 г. 61 статья УК РСФСР применялась не только для изъятия хлеба, но и в «качестве механи-

²⁸ СУ РСФСР, 1929, отд. I, № 60, ст. 589; «Известия ВУЦИК», 14 июля 1929 г.

²⁹ Ю. А. Мошков. Указ. соч., стр. 64.

ческого раскулачивания»³⁰. Таким образом, исследования последних лет, в том числе по некоторым национальным районам (Казахстану, Узбекистану и др.), позволяют сделать вывод о том, что начало ликвидации кулацких хозяйств в период сплошной коллективизации относится к осени 1929 г.

В историографической литературе конца 50-х — начала 60-х годов был поставлен вопрос о том, что в процессе ликвидации кулачества как класса осуществлялся дифференцированный подход к кулакам в зависимости от их экономической мощи, поведения и т. п. Об этом, в частности, говорится в статьях П. В. Семернина и В. К. Медведева, опубликованных в 1958 г.³¹ Но, если П. В. Семернин рассматривает в общетеоретическом плане историю выработки политики и мероприятий в отношении кулачества, то В. К. Медведев, напротив, основное внимание обращает на практическое осуществление политики ликвидации кулачества как класса на примере Нижне-Волжского края. В этом смысле статьи дополняют одна другую. Публикация статей П. В. Семернина и В. К. Медведева положила начало конкретно-историческому изучению проблемы ликвидации кулачества как класса. Этому в значительной мере содействовало включение в научный оборот материалов Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), созданной для выработки проекта постановления ЦК о темпах коллективизации³².

³⁰ Цит. по: *Ф. А. Каревский*. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80, стр. 89.

³¹ *П. В. Семернин*. Указ. соч.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; *В. К. Медведев*. Указ. соч.— «История СССР», 1958, № 6.

³² *Н. А. Ивницкий*. О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 — весна 1930 г.).— «Исторический архив», 1962, № 2; *он же*. О начальном этапе сплошной коллективизации (осень 1929 — весна 1930 г.).— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; *он же*. История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г.— «Источниковедение истории советского общества». М., 1964; *М. Л. Богденко*. К истории начального этапа сплошной коллективизации.— «Вопросы истории», 1963, № 5; «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963; [*Б. А. Абрамов*]. О работе Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1; *В. А. Сидоров*. Указ. соч.— «Вопросы истории», 1968, № 7 и др. В этой связи следует заметить, что в уже

Углубленное изучение процесса ликвидации кулачества как класса выдвинуло новые вопросы этой проблемы, важнейшим из которых явился вопрос о трудовом перевоспитании бывших кулаков. В 1958 г. в статье С. П. Трапезникова, опубликованной в журнале «Коммунист», и в учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза», изданном в 1959 г., был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе бывших кулаков³³. Появившиеся вслед за этим работы В. Т. Шуклецова, А. П. Финарова, В. А. Сидорова, Н. В. Ефременкова и других были целиком или частично посвящены исследованию этой проблемы³⁴. В них собран новый, ранее не известный фактический материал, сделаны первые шаги в обобщении опыта Коммунистической партии по перевоспитанию и вовлечению бывших кулаков в ряды строителей социализма.

Несмотря на значительные сдвиги в изучении вопросов, связанных с историей классово-борьбы в деревне и ликвидацией кулачества как класса, приходится констатировать, что в целом эта проблема исследована слабо. Недостаточно изучены, как уже отмечалось, социально-экономические отношения и классовая борьба в доколхозной деревне кануна сплошной коллективизации. Между тем это имеет большое значение для правильного понимания

упоминавшейся статье М. Л. Богденко и И. Е. Зеленина допущена неточность: П. В. Семернин ввел в научный оборот не материалы Комиссии Политбюро (1929 г.), а материалы Средне-Волжского крайкома ВКП(б), а именно доклад М. М. Хатаевича о работе Комиссии (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2507).

³³ С. П. Трапезников. Исторический опыт колхозного строительства в СССР и его международное значение.— «Коммунист», 1958, № 5; «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1959.

³⁴ В. Т. Шуклецов. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае.— «Из истории партийных и советских организаций Сибири». Новосибирск, 1962; А. П. Финаров. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963; В. А. Сидоров. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков.— «Вопросы истории», 1964, № 11; Н. В. Ефременков. Указ. соч.; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967; Н. А. Ивницкий. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР.— «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968; «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969)».

характера классовой борьбы в деревне в годы массового колхозного движения. Слабо разработана в конкретно-историческом аспекте и проблема ликвидации кулачества как класса, особенно в 1931—1932 гг. Неясен вопрос о соотношении мер по ограничению и вытеснению капиталистических элементов и мероприятий по ликвидации кулачества как класса, проводившихся в годы сплошной коллективизации. Специфические особенности этого процесса в различных районах страны либо вообще обходятся в большинстве работ, либо сводятся только к выяснению сроков проведения этих мероприятий. Не менее существенные пробелы имеются и в изучении проблемы перевоспитания бывших кулаков, приобщения их к общественно полезному труду.

Говоря о литературе последнего времени, особенно первой половины 60-х годов, нельзя не отметить, что в ряде работ по истории коллективизации проявились тенденции преувеличения ошибок и недостатков в колхозном строительстве, переоценки субъективных и недооценки объективных факторов. Серьезной критике подверглись, например, книга Н. И. Немакова «Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения», а также ряд других работ³⁵.

В условиях острой идеологической борьбы, когда буржуазные фальсификаторы, ревизионисты всех мастей стремятся извратить и опорочить исторический опыт Коммунистической партии по социалистическому преобразованию сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, задача советских историков состоит в том, чтобы дать достойный отпор клеветническим наскокам апологетов капитализма. Наибольшим нападкам буржуазных идеологов подвергается политика коллективизации сельского хозяй-

³⁵ Ф. Ваганов. Преобразование сельского хозяйства.— «Коммунист», 1966, № 3; В. Голиков. Ленинская дорога советского крестьянства.— «Коммунист», 1967, № 11; А. Гуковский, А. Угрюмов, В. Кульбакин. По страницам Советской Исторической Энциклопедии.— «Коммунист», 1968, № 4; В. Голиков, С. Мурашов, И. Чижвишвили, Н. Шатагин, С. Шаумян. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС.— «Коммунист», 1969, № 3; Б. А. Абрамов, Ф. М. Ваганов, В. И. Куликов. Рец.: Н. И. Немаков. Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929—1932 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6.

ства и ликвидации кулачества как класса³⁶. Буржуазные исследователи («советологи») отрицают классовую дифференциацию в доколхозной деревне и извращают сущность классовой борьбы внутри крестьянства. Они считают, что классовая борьба была не закономерным явлением переходного периода, а искусственно вносилась в деревню Советской властью. Ликвидацию кулачества как класса буржуазные фальсификаторы рассматривают как «необоснованный» и «жестокий» акт Советского государства, понимая под ликвидацией кулачества его физическое уничтожение. Не удивительно, что в своих работах они пишут, что кулаки в СССР «были обречены на голодную смерть», что судьбой кулаков «стала безысходная нужда» и т. п.³⁷

Вот почему объективное, с позиций ленинской партийности освещение развития классовой борьбы в деревне накануне и в период сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как класса и мероприятий партии и правительства по трудовому перевоспитанию бывших кулаков имеет первостепенное значение в борьбе с нашими идеологическими противниками.

Автор настоящей работы поставил задачу исследовать классовую борьбу в деревне и ликвидацию кулачества как класса в годы сплошной коллективизации (1929—1932). В центре нашего внимания находится проблема ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. В монографии исследуются следующие вопросы: развитие классовой борьбы в деревне накануне и в период сплошной коллективизации; политика ограничения и вытеснения кулачества в период непосредственной подготовки массового колхозного движения; переход и практическое осуществление политики ликвидации кула-

³⁶ Критике зарубежной буржуазной историографии по этому вопросу посвящены следующие работы: Ю. С. Борисов, В. С. Васюков. Некоторые проблемы коллективизации сельского хозяйства в оценке Шарля Бувье.— «Вопросы истории», 1960, № 10; А. А. Барсов. Против извращения истории советского крестьянства буржуазной историографией.— «История СССР», 1962, № 2; А. А. Барсов, В. С. Васюков. Зарубежная антимарксистская историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР»; Г. В. Шарапов. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966 и др.

³⁷ См. А. А. Барсов, В. С. Васюков. Указ. соч., стр. 276.

чества как класса на основе сплошной коллективизации; мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков.

При освещении классовой борьбы в деревне особое внимание обращается на выяснение масштабов и эволюцию форм этой борьбы на различных этапах ее развития. Мы попытались (насколько это позволяют источники) обобщить и дать сводные данные о соотношении различных форм борьбы кулачества накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства.

В монографии также прослеживаются основные направления и важнейшие результаты проведения политики ограничения и вытеснения кулачества в 1927—1929 гг.

Большое место в книге отводится проблеме непосредственной ликвидации кулачества как класса в 1929—1932 гг., в том числе выработке политики партии по отношению к кулачеству в связи с началом сплошной коллективизации и практическому осуществлению этой политики. Автор сделал попытку наметить основные этапы, раскрыть формы и методы ликвидации кулачества в условиях широко развернувшейся социалистической реконструкции сельского хозяйства. Ликвидация последнего эксплуататорского класса в СССР исследуется на общесоюзных материалах, включающих данные и по национальным районам. Однако в монографии не ставится задача всестороннего анализа специфических особенностей этого процесса в национальных районах, поскольку это должно явиться предметом специального исследования.

В вопросе о перевоспитании бывших кулаков в процессе общественно полезного труда, вовлечении их в социалистическое строительство выделяются такие его стороны, как временное удаление кулаков из районов сплошной коллективизации; хозяйственная колонизация (освоение) необжитых и малонаселенных районов СССР; перевоспитание (как одна из форм классовой борьбы) бывших кулаков, высланных из районов сплошной коллективизации; превращение их в равноправных тружеников советского общества.

Вполне понятно, что не все вопросы избранной нами большой и сложной проблемы рассмотрены и решены с одинаковой полнотой и убедительностью. Некоторые из них нуждаются в дальнейшем изучении; решение других — упирается в накопление фактического материала.

При написании монографии был использован широкий, разнообразный по характеру и содержанию круг источников.

Основополагающими источниками явились произведения В. И. Ленина, документы Коммунистической партии и Советского правительства. Произведения В. И. Ленина, и прежде всего такие, как «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция», а также статьи и речи, в которых изложен кооперативный план, послужили источником и методологической основой исследования. Ленинская методика определения классовых групп крестьянства имеет первостепенное значение для изучения характера социально-экономических отношений в доколхозной деревне, классовой борьбы накануне и в период сплошной коллективизации, истории социалистического строительства в деревне.

В документах Коммунистической партии содержится основополагающий конкретно-исторический материал как о развитии классовой борьбы в СССР и политике партии по отношению к эксплуататорским классам, так и о практических шагах Советского государства по ликвидации последнего эксплуататорского класса в СССР.

Большую ценность представляют материалы и документы съездов, конференций и пленумов ЦК партии. Из разнообразного и обширного круга источников следует выделить опубликованные протоколы (стенограммы) XV и XVI съездов ВКП(б), XVI партийной конференции³⁸, которые позволяют, в частности, проследить историю выработки и осуществление политики партии в области колхозного строительства, по отношению к кулачеству, борьбу партии с оппортунистами и т. д. Говоря о значении протоколов партийного съезда, В. И. Ленин подчеркивал, что они дают «единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, на-

³⁸ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.». Стенографический отчет. М., 1961; «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1930; «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 г.». Стенографический отчет. М., 1962.

рисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу»³⁹.

С материалами съездов и конференций тесно связаны документы пленумов ЦК ВКП(б) (которые, за исключением резолюций и некоторых выступлений их участников, не публиковались), а также постановления, принимавшиеся ЦК ВКП(б), в развитие и во исполнение решений вышестоящих партийных органов, которые в конце 20-х — начале 30-х годов систематически публиковались в «Справочнике партийного работника», периодической печати и других изданиях. В настоящее время они представляют библиографическую редкость, поскольку многие из документов, опубликованных там, не вошли в позднейшие издания.

Непосредственно примыкают к этой группе источников статьи и речи видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства: А. А. Андреева, М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина и других, в которых обобщается практический опыт партии и Советской власти по социалистическому строительству в нашей стране.

Важным источником, отражающим социальный переворот в сельском хозяйстве, в том числе и изменения в классовом составе деревни, являются статистические и другие сборники, изданные в начале 30-х годов⁴⁰. Наибольший интерес представляют материалы сборников «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», «Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б)», «Колхозы в 1930 г.» (Итоги рапортов колхозов

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 189.

⁴⁰ «Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б)». М.—Л., 1930; «Колхозы в 1928 году». Итоги обследования колхозов. М.—Л., 1932; «Колхозы в 1929 году». Итоги сплошного обследования колхозов. М.—Л., 1931; «Колхозы в 1930 г.» Итоги рапортов колхозов к XVI съезду партии. М.—Л., 1931; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». М.—Л., 1930; второе издание — 1931; «Колхозы весной 1931 г.». Статистическая разработка отчетов колхозов об итогах весеннего сева 1931 года. М.—Л., 1931; второе издание — 1932, и др.

к XVI съезду партии) и др. Первый из них включает статистические сведения за 1927—1930 гг., характеризующие изменения, которые произошли в сельском хозяйстве после XV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на коллективизацию. В сборнике нашли отражение как классовая структура деревни в целом, так и изменения в составе отдельных классовых групп крестьянства в частности.

Очень скупо отражают источники процесс ликвидации кулачества как класса. По этой проблеме отсутствуют какие-либо сводные данные. Только в статистических сборниках «Колхозы в 1930 году» и «Колхозы весной 1931 года» можно найти сведения о стоимости имущества раскулаченных хозяйств, поступившего в неделимые фонды колхозов. Однако полного представления о размерах конфискованного у кулаков имущества материалы сборников не дают, потому что, во-первых, они содержат сведения только о той части изъятого при раскулачивании имущества, которая была передана в неделимые фонды колхозов; во-вторых, сведения даются не по всем колхозам, а только по тем, которые прислали свои материалы (рапорты к XVI съезду, отчеты о проведении весеннего сева 1931 г.), и, наконец, в-третьих, стоимость конфискованного у кулаков имущества, как правило, занижена.

Особое место занимает сборник «Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б)», изданный впервые в 1930 г. и переизданный в 1932 г. Он включает серию статей, которые, по признанию их авторов, являются лишь обработкой статистического материала, подготовленного работниками экономико-статистического сектора Госплана СССР⁴¹. Ввиду этого сборник в значительной мере является источником: он содержит большое количество статистических таблиц и другого фактического материала по социально-экономическому развитию деревни в 1927—1930 гг. Многие из этих материалов впоследствии вошли в различные статистические и иные сборники.

При работе над материалами сборника приходилось учитывать, что в первом издании многие данные и расчеты

⁴¹ «Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б)», стр. 5.

носили предварительный характер. Во втором издании они были уточнены, а некоторые ошибочные помолжения исправлены, но работа в этом направлении не была полностью завершена.

В особую группу следует выделить сборники документов, изданные в последние годы,— по истории коллективизации в Северном, Западном, Северо-Западном и Центральном промышленном районах РСФСР, в Среднем Поволжье, на Украине, в Молдавии, Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Грузии, Татарской АССР и других районах страны⁴². Сборники содержат много новых документов о классовой борьбе в деревне, меньше — о ликвидации кулачества как класса в процессе массового колхозного движения⁴³. Интересные материалы директивного порядка и отчетно-информационного характера содержат газеты «Правда», «Известия», «Сельскохозяйственная газе-

⁴² «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.)». Ташкент, 1962; «Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.)». Ташкент, 1961; «История коллективизации сельского хозяйства Украинской ССР. 1917—1937 гг.» (т. I. «Колхозное строительство на Украине в 1917—1927 гг.». Киев, 1962; т. II. «Осуществление сплошной коллективизации на Украине. 1927—1932 гг.». Киев, 1965 — на укр. яз.); «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Вологда, 1964; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920—1937 гг.)». Кишинев, 1964; «Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР». Кишинев, 1969; «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 г.)», ч. 1 и 2. Алма-Ата, 1967; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Смоленск, 1968; «Коллективизация сельского хозяйства в Туркменской ССР (1927—1937 гг.)». Ашхабад, 1968; «Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР. 1927—1937». Казань, 1968; «Путь трудовых побед». Волгоград, 1967; «История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.)». Тбилиси, 1970; «Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927—1937 гг.)». Куйбышев, 1970; «Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927—1937 гг.)». Л., 1970 и др.

⁴³ Подробнее об этом см. *М. Л. Богденко*. Первые тома общесоюзной серии по истории коллективизации сельского хозяйства.— «Вопросы истории», 1966, № 8; *Н. А. Ивницкий*. О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969; *он же*. Документы по истории коллективизации.— «Преподавание истории в школе», 1971, № 3.

та», «Социалистическое земледелие», «Труд», «Комсомольская правда», журналы «Большевик», «Известия ЦК ВКП(б)», «Партийное строительство», «Сельскохозяйственный бюллетень», «Коллективист», «На аграрном фронте» и многие другие. На страницах периодической печати обсуждались вопросы колхозного строительства, велись дискуссии об отношении к кулачеству, о роли и задачах Советов в связи с переходом к сплошной коллективизации и т. п.; публиковались сообщения и другие материалы о ходе социалистического преобразования сельского хозяйства, развития классовой борьбы в деревне, ликвидации кулачества как класса.

Архивные источники, которые содержат сведения о классовой борьбе в деревне и ликвидации кулачества как класса, хранятся в фондах центральных и местных партийных и государственных архивов.

В фондах центральных партийных и государственных архивов хранятся материалы центральных партийных органов, высших органов власти и государственного управления, колхозно-кооперативных и профсоюзных учреждений и организаций, в которых содержатся сведения в целом по стране и по отдельным ее районам.

Источником первостепенной важности являются материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА НМЛ), которые содержатся в фондах ЦК ВКП(б) (ф. 17), Средазбюро ЦК ВКП(б) (ф. 62), М. И. Калинина (ф. 78), И. В. Сталина (ф. 558), Г. К. Орджоникидзе (ф. 85), М. Ф. Владимирского (ф. 357) и некоторые другие. Они существенно дополняют опубликованные партийные документы. Исключительный интерес представляют хранящиеся в ЦПА ИМЛ стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), в том числе ноябрьского (1929 г.), декабрьского (1930 г.) и январского (1933 г.). Они дают возможность полнее раскрыть руководящую роль Коммунистической партии в осуществлении великого социального переворота в деревне, в проведении ликвидации последнего эксплуататорского класса в нашей стране — кулачества.

В материалах Информотдела ЦК ВКП(б) имеются сводки, отчеты, статистические сведения и другие документы, характеризующие положение в деревне, развитие классовой борьбы, процесс коллективизации сельского хозяйства, ликвидацию кулачества как класса.

Фонд Средазбюро ЦК ВКП(б) содержит материалы, характеризующие своеобразие классовой борьбы в республиках Средней Азии в 1929—1931 гг. и социалистического строительства в республиках Советского Востока. Значительный интерес представляют содержащиеся в фондах М. И. Калинина, И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе, М. Ф. Владимирского стенограммы выступлений (в том числе и неопубликованных), проекты постановлений и приложения к ним, письма, записки и телеграммы, которые в совокупности с документами партийных органов и учреждений воссоздают картину напряженной и трудной борьбы партии за победу социализма в нашей стране.

Нельзя не отметить, что документы, относящиеся к личным фондам руководителей партии и правительства, разбросаны и по многим другим архивохранилищам — ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, партийным архивам, что, несомненно, затрудняет их научное использование.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) был обследован ряд фондов: ЦИК СССР (ф. 3316), ВЦИК (ф. 1235), СНК СССР (ф. 5446), НК РКИ СССР (ф. 374), НК РКИ РСФСР (ф. 4085), МВД СССР (ф. 1), ВЦСПС (ф. 5451), ЦК Сельхозрабочих (ф. 5466) и другие. В фондах ЦГАОР СССР были изучены материалы январского (1930 г.) совещания о задачах Советов в связи с коллективизацией сельского хозяйства; о подготовке и пере выборах Советов в 1928—1930 гг., сводки Отдела печати о колхозном строительстве, классовой борьбе и ликвидации кулачества как класса в 1929—1930 гг.; информационные сводки с мест о советском строительстве, укреплении местных Советов кадрами рабочих и батраков. К этим материалам тесно примыкают документы профсоюзных органов (ВЦСПС и ЦК профсоюза Сельхозрабочих), которые содержат сведения о помощи рабочего класса трудящемуся крестьянству в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, в борьбе с кулачеством во время хлебозаготовительных, налоговых и других хозяйственно-политических кампаний, об участии рабочих и батраков в проведении мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. К сожалению, все они отрывочны, носят преимущественно иллю-

стративный характер и потому не могут дать полной картины реальной обстановки в деревне в годы сплошной коллективизации, масштабов конкретной помощи, оказанной рабочим классом крестьянству.

Что касается материалов Рабоче-крестьянской инспекции, то они по своему характеру и назначению относятся к числу источников, отражающих в основном негативные стороны и недостатки работы нашего аппарата.

Сопоставление их с документами обследуемых учреждений и организаций является обязательным условием объективного освещения тех или иных фактов и явлений.

Материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), являются наиболее значительной по объему и содержанию группой источников для исследования процесса социалистического преобразования сельского хозяйства и ликвидации кулачества. Этот процесс нашел отражение в материалах фондов Наркомзема СССР (ф. 7486), Колхозцентра СССР (ф. 7446), Союза союзов сельскохозяйственной кооперации (ф. 3983), Хлебоцентра (ф. 4108), а также ЦСУ СССР (ф. 1562), Наркомфина СССР (ф. 7733).

Перечисленные фонды не равноценны по составу и содержанию. Так, фонды земельных и колхозно-кооперативных органов содержат документы, отражающие колхозное строительство, мероприятия по ограничению и вытеснению сельской буржуазии, процесс ликвидации кулачества как класса. Стенограммы и протоколы заседаний коллегии Наркомзема, правления и сессий Совета Колхозцентра и Всесоюзного совета колхозов, всесоюзных совещаний (районов сплошной коллективизации, крупных колхозов, по вопросам организации труда в колхозах и т. д.), доклады в вышестоящие партийные и советские органы (ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ВЦИК), докладные записки и другие материалы обследований колхозно-кооперативной системы и земельных органов, оперативно-статистическая отчетность, наконец, письма крестьян, рабочих-двадцатипяти тысячников, шефов и многие другие документы дают богатый конкретно-исторический материал для изучения как общей проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства, так и отдельных ее вопросов⁴⁴.

⁴⁴ Подробный источниковедческий анализ документов Колхозцентра см. в нашей статье «Фонд Колхозцентра СССР и РСФСР и его

Исключительную научную ценность представляют хранящиеся в ЦГАНХе, в фонде Наркомзема СССР, материалы Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), созданной для выработки проекта постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и мерах помощи колхозному строительству⁴⁵.

Материалы ЦСУ СССР (ф. 1562) и Наркомфина СССР (ф. 7733), в отличие от охарактеризованных выше фондов, не имеют прямого отношения к исследуемой нами проблеме. Однако они дают много ценных сведений как о результатах проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в сельском хозяйстве, так и об осуществлении политики ликвидации кулачества как класса. Материалы налогового обложения крестьянских хозяйств, хранящиеся в фонде Наркомфина СССР, заслуживают самого пристального изучения, поскольку в них содержатся сведения о количестве кулацких хозяйств, особенно для периода 1930—1932 гг., но они требуют критического подхода.

Изменения удельного веса социально-экономических групп крестьянства в 1927—1929 гг., отраженные в материалах ЦСУ СССР, дают возможность выяснить конкретные результаты политики ограничения и вытеснения кулачества накануне сплошной коллективизации. Ценность документальных материалов Наркомфина и ЦСУ заключается, во-первых, в том, что они в большей мере, чем другие архивные источники, содержат сводные, обобщенные данные; и во-вторых, сведения, содержащиеся в них, в значительной мере основаны на данных обследований и поэтому наиболее достоверны.

значение для изучения истории колхозного движения в СССР (1927—1932 гг.)» («Проблемы источниковедения», IV. М., 1955); материалов Сельскосоюза и Союза союзов сельхозкооперации — в статьях М. П. Губенко: «Документальные материалы кооперативных учреждений, их организация и значение для исторического исследования» («Исторический архив», 1957, № 1) и «Документы сельскохозяйственной кооперации по истории кооперирования бедноты» (там же, 1959, № 5).

⁴⁵ Подробнее о значении материалов Комиссии см. в главе третьей книги и в наших статьях («Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; «Исторический архив», 1962, № 2; «Источниковедение истории советского общества». М., 1964), а также в работах Б. А. Абрамова, М. Л. Богденко, П. Н. Шаровой и др.

Другую группу архивных источников, использованных в монографии, составляют материалы местных партийных и государственных архивов, в том числе партийных архивов Архангельского, Владимирского, Коми, Куйбышевского, Курского, Мордовского, Новосибирского, Псковского, Ростовского, Саратовского, Северо-Осетинского, Татарского, Тульского, Челябинского, Якутского обкомов, Хабаровского крайкома КПСС, Грузинского, Свердловского, Узбекского филиалов ИМЛ; государственных архивов Вологодской, Гомельской, Ивановской, Калининской, Калужской, Костромской, Новосибирской, Псковской, Ростовской, Свердловской, Смоленской, Тульской, Ярославской областей, Приморского, Ставропольского и Хабаровского краев, центральных государственных архивов Казахской, Киргизской, Туркменской ССР, Кабардино-Балкарской, Коми, Татарской, Якутской АССР, ЦГАОР УССР, госархивов Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской и Московской областей.

Все охарактеризованные в данном обзоре документы были либо непосредственно выявлены нами в центральных и областных (краевых) архивах (Московской, Ленинградской, Вологодской, Курской областей, Хабаровского края), либо присланы по нашему запросу из местных архивов, либо заимствованы из материалов всесоюзной серии «Коллективизация сельского хозяйства СССР».

Научно-вспомогательная работа по книге выполнена сотрудником Института истории СССР О. М. Вербицкой.

ОГРАНИЧЕНИЕ И ВЫТЕСНЕНИЕ КУЛАЧЕСТВА НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

1. Курс на коллективизацию сельского хозяйства. Мероприятия по дальнейшему наступлению на кулачество

Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд партии вошел в историю как съезд коллективизации. Он провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства. В резолюции съезда «О работе в деревне» указывалось: «Опыт истекших лет, последних лет в особенности, подтвердил целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму, переделывая индивидуальные и раздробленные производственные единицы — как через процесс обращения, так все больше и через реорганизацию и объединение самого производства — в крупное обобщественное хозяйство на основе новой техники (электрификация и т. д.).»

В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне»¹.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства, провозглашенный XV съездом ВКП(б), явился результатом

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4. М., 1970, стр. 57.

глубокого и всестороннего анализа социально-экономического развития деревни к концу восстановительного периода и диктовался насущными потребностями индустриализации страны. Хотя к 1927 г. сельское хозяйство достигло довоенного уровня, но чрезмерная отсталость сельскохозяйственной техники (свыше 5 млн. сох составляли основное орудие индивидуального крестьянского земледелия), низкий уровень культурного развития деревни, распыленность и раздробленность сельскохозяйственного производства, ежечасно рождающего капитализм, — все это тормозило развитие как сельского хозяйства, так и социалистической промышленности. Строительство социализма нельзя было базировать на двух разных основах — на основе крупной социалистической промышленности и на основе раздробленного мелкого единоличного крестьянского хозяйства.

Рост производительных сил в промышленности пришел в противоречие с индивидуальным мелкотоварным крестьянским укладом в деревне, ибо крестьянское хозяйство в отличие от крупной централизованной социалистической промышленности не могло осуществлять в массе своей не только расширенного, но даже и простого воспроизводства. Поэтому партия поставила в качестве основной задачи перевод крестьянства на путь коллективизации.

[В целях содействия колхозному строительству съезд партии предусматривал ряд мероприятий, в том числе усиление государственно-планового регулирования развития сельского хозяйства через ~~посредство~~ ~~контракта~~ ~~ции~~, сельхозкредита, машиноснабжения. Большое значение придавалось развитию и укреплению кооперации как потребительской и кустарно-промысловой, так и в особенности сельскохозяйственной, имея в виду вовлечение в нее в ближайшее время всей бедноты и большинства середняков. Этим же задачам были подчинены и другие мероприятия партии: налоговая политика, землепользование и землеустройство, культурно-просветительная работа, укрепление обществ крестьянской взаимопомощи. «*Вся политика* пролетарского государства, — говорилось в резолюции XV съезда ВКП(б), — финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и — в зависимо-

сти от условий — по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии»².

Политика ограничения и вытеснения кулачества, деревенской буржуазии начала проводиться еще со времени VIII съезда партии (1919 г.). В Программе РКП (б), принятой съездом, прямо указывалось, что политика партии по отношению к кулакам заключается «в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике»³.

В годы восстановления народного хозяйства, когда подъем сельскохозяйственного производства являлся главной задачей партии в деревне, политика Советского государства состояла в решительной поддержке бедняцко-среднезажиточных масс и ограничении эксплуататорских тенденций кулачества. Использование хозяйственного опыта кулачества ни в коей мере не означало примирения с кулаком, отказа от политики его ограничения. В. И. Ленин в «Письме в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне»» 16 марта 1922 г. писал: «...ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т. д.»⁴.

Задачи строительства социализма, с одной стороны, некоторое оживление капиталистических элементов в деревне, произошедшее в первые годы нэпа, — с другой, поставили перед Советским государством вопрос о более жестком проведении политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества. Настоятельная необходимость в этом особенно проявилась в период непосредственной подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Мероприятия Коммунистической партии в деревне, проводившиеся в период 1927—1929 гг., были направлены на подготовку условий для развертывания массового колхозного движения и ликвидации на этой основе кулачества как класса.]

² «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 52.

³ Там же, т. 2, стр. 54.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 44.

Первые результаты подготовительной работы начали сказываться уже в этот период. Значительно оживилось колхозное строительство. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1⁵

Основные показатели колхозного строительства в 1927—1929 гг. (на 1 июня)

Республики	Число колхозов			Число крестьянских хозяйств в колхозах, тыс.			% коллективизированных крестьянских хозяйств		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
РСФСР*	8307	21568	38460	115,8	269,1	659,4	0,7	1,6	3,7
УССР	5566	9734	14306	66,3	122,4	284,8	1,4	2,5	5,6
БССР	434	611	1027	4,5	5,6	10,7	0,6	0,7	1,4
ЗСФСР	83	586	1345	1,5	8,7	23,1	0,2	1,0	2,6
Туркменская ССР	16	64	247	0,2	0,9	5,2	0,1	0,5	2,7
Узбекская ССР			1452			21,7			2,6
Таджикская ССР	426	695	208	6,4	10,0	2,8	0,8	1,2	1,9
Всего по СССР*	14832	33258	57045	194,7	416,7	1007,7	0,8	1,7	3,9

* Без Якутской АССР.

Как видим, после XV съезда партии темпы колхозного строительства заметно возросли, хотя удельный вес коллективизированных крестьянских хозяйств продолжал оставаться незначительным. Так, например, в целом по СССР уровень коллективизации за 1927—1929 гг. поднялся в 5 раз, тем не менее он едва достигал 3,9% общего числа крестьянских хозяйств. Это значит, что задача развертывания массового колхозного движения сразу же, непосредственно после XV съезда еще не ставилась, основное внимание партии и Советского правительства было обращено на подготовку условий, создание

⁵ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». Статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927—1930 гг М. — Л., 1931, стр. 22—23, 25.

предпосылок для сплошной коллективизации в дальнейшем. Правда, в наиболее передовых и подготовленных зерновых районах к лету 1929 г. колхозное движение получило значительный размах. На Северном Кавказе в колхозы вступило 7,3% крестьянских хозяйств против 1,6% в июне 1927 г., в Нижне-Волжском крае соответственно — 5,9 и 1,6%, на Урале — 5,2 и 0,5%, на Украине — 5,6 и 1,4%, в том числе в Степной — 8,6 и 1,6% и т. д.⁶ Эти районы явились опорными пунктами в проведении коллективизации, они повели за собой другие, менее подготовленные районы нашей страны. Их опыт сыграл важную роль в развертывании массового колхозного движения.

До начала массового колхозного движения колхозы по социальному составу были бедняцко-батрацкими. По данным комиссии ЦК ВКП(б), проведенной обследование социального состава членов колхозов летом 1928 г., в коммунах беднота составляла 78%, в артелях — 67% и в ТОЗах — 60%, середняки соответственно — 21, 29 и 36% и зажиточные — 1, 4 и 4%⁷. Удельный вес бедноты возрастал от низших форм колхозов к высшим, а середняков, наоборот, понижался. Это объяснялось социальной природой крестьянства вообще и середняков, в частности. У середняков мелкособственническая психология более живуча, чем у бедноты, поэтому они очень нерешительно, с большими колебаниями вступали в коллективные хозяйства, особенно в коммуны и артели. Товарищества по совместной обработке земли и простейшие производственные объединения были понятнее для среднего крестьянства, чем артель и коммуна, ибо первые не обобществляли средства и орудия производства. Опыт работы ТОЗов и простейших производственных объединений не прошел даром — он способствовал изменению социально-экономических отношений в деревне и заложил прочные основы для решительного поворота основных масс крестьянства на путь социалистического развития.

По мере развертывания колхозного строительства постепенно укрупнялись коллективные хозяйства, о чем свидетельствуют, например, такие данные: летом 1928 г. на один колхоз приходилось в среднем 12—13 хозяйств,

⁶ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», стр. 25.

⁷ «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 86.

через год — 17—18, а осенью 1929 г. — 28—29 крестьянских хозяйств⁸. Хотя в целом до начала сплошной коллективизации колхозы были мелкими, но тенденция к их укрупнению совершенно отчетливо прослеживается в приведенных выше данных. Это и понятно, так как развитие колхозного строительства шло не только за счет организации новых колхозов, но и за счет вовлечения крестьянских хозяйств в уже существующие колхозы. Поэтому темпы прироста коллективизированных крестьянских хозяйств обгоняли темпы роста числа колхозов. В самом деле, если на 1 июля 1929 г. насчитывалось 57 045 колхозов, которые объединяли 1007,7 тыс. крестьянских хозяйств, то к 1 октября того же года число колхозов возросло до 67 446, т. е. примерно на 18%, а число коллективизированных крестьянских хозяйств достигло 1919,4 тыс., т. е. увеличилось более чем на 90%⁹.

Развертывание колхозного движения означало прежде всего дальнейшее наступление на капиталистические элементы деревни, на кулачество. [Наступление на кулачество, ограничение и вытеснение его эксплуататорских тенденций шло как по линии расширения производственной смычки между городом и деревней, между рабочим классом и трудящимся крестьянством, так и по линии непосредственного вытеснения кулачества.] Производственная форма смычки в период социалистической реконструкции народного хозяйства являлась основной и определяющей формой экономического союза между рабочим классом и крестьянством.]

Развитие системы договорных отношений между крестьянством и государственными органами (контрактация), расширение сети машинопрокатных и зерноочистительных пунктов, деятельность первых тракторных колонн и станций, производственные успехи совхозов и колхозов — все это наносило серьезный удар по кулачеству, выбивало почву из-под его ног.

Важным направлением в политике партии и Советского государства по ограничению и вытеснению эксплуататорских тенденций кулачества и усилению государственно-планового регулирования развития сельского хо-

⁸ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», стр. 22—23.

⁹ Там же.

зайства являлась контракация. Контракация означала установление непосредственной связи между крестьянским хозяйством и соответствующими отраслями социалистической промышленности в целях оказания государственного воздействия на развитие сельскохозяйственного производства. Контракционные договоры были тесно увязаны с производственными задачами по подъему сельского хозяйства, они предусматривали особые льготы для кооперированных и единоличных бедняцких хозяйств при получении авансов, снабжении машинами и сельхозинвентарем. Контракация способствовала производственному кооперированию крестьянства, не случайно поэтому, что из 4 тыс. селений, заключивших в 1928 г. договоры на контракацию, половина приняла устав поселковых товариществ¹⁰.

Накануне сплошной коллективизации контракация крестьянских посевов приняла значительные масштабы. Так, если весной 1928 г. было законтрактовано 5,6 млн. га крестьянских посевов, то весной 1929 г. — уже 14 млн. га. Резко увеличилось и число крестьянских хозяйств, заключавших договоры на контракацию своих посевов: в 1927/28 г. их насчитывалось 3 млн., а в 1929 г. — около 6 млн.¹¹

[Советское государство оказывало трудящемуся крестьянству всестороннюю экономическую помощь, чтобы, с одной стороны, поднять производительные силы крестьянского хозяйства, а с другой стороны, — высвободить крестьянство, особенно беднейшее, из-под экономической зависимости от кулаков.] В этих целях в 1928—1929 гг. были проведены мероприятия по увеличению дешевого сельскохозяйственного кредита. XV съезд партии дал директиву в области сельхозкредита «направить своё главное внимание на поддержку и развитие производственного кооперирования широких бедняцко-середняцких масс»¹².

При распределении кредита соблюдался строго классовый подход. Удельный вес ссуд, выданных беднякам,

¹⁰ И. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М., 1960, стр. 192.

¹¹ «Развитие союза рабочего класса и крестьянства СССР». М., 1958, стр. 160; М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935 гг. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 310; «Сельское хозяйство СССР». М., 1958, стр. 20.

¹² «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 64.

увеличился с 12,1% в 1928 г. до 39,1% в 1929 г., в то же время удельный вес ссуд, выданных кулакам, снизился с 0,9 до 0,5% ¹³. Бедноте предоставлялся кредит более дешевый, чем кулакам. Если бедноте отпускался краткосрочный кредит из расчета 8% годовых, а долгосрочный — 5%, то кулаки платили соответственно 12 и 7%, т. е. в полтора раза больший процент, чем платили бедняки ¹⁴. В 1929 г. процент по долгосрочным ссудам беднякам был снижен до 4, а по краткосрочным — до 7 ¹⁵.

Большое значение для поднятия производительных сил бедняцкого хозяйства и создания предпосылок для перехода бедноты на путь коллективизации имело постановление СНК СССР от 7 сентября 1928 г. «О мероприятиях по хозяйственной помощи деревенской бедноте» ¹⁶. Совнарком устанавливал, что из общей суммы сельхозкредита на долю бедняцких хозяйств должно быть выделено в 1928/29 г. не менее 40%, причем половина из этих средств выделялась в фонд льготного кредитования (не свыше 4% годовых). Согласно этому постановлению создавался фонд кооперирования бедноты, в который должны были отчислять 15% прибыли все кооперативные организации, работающие в деревне. Ссуды за счет этого фонда должны были выдаваться па сроки от 3 до 5 лет. ¹⁷

Эти льготы способствовали увеличению числа заемщиков-бедняков. На 1 октября 1928 г. было 60,6% заемщиков-бедняков от общего числа бедняков — членов кооперации, а на 1 октября 1929 г. число их возросло до 94,1%, т. е. практически почти все бедняки — члены кооперации — являлись заемщиками. Процент заемщиков-кулаков, членов кооперации, наоборот, снизился с 42,4 до 24,9, а средний размер ссуд на одного заемщика-кулака уменьшился на 42%, т. е. почти вдвое ¹⁷. Это уже были непосредственные результаты политики вытеснения кулачества из системы сельхозкредита.

Меры по ограничению и вытеснению кулачества проводились Советским государством и в области снабже-

¹³ М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 351.

¹⁴ В. Н. Яковцевский. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964, стр. 231.

¹⁵ СЗ СССР, 1929, № 70, ст. 663.

¹⁶ СЗ СССР, 1928, № 59, ст. 530.

¹⁷ М. А. Краев. Указ. соч., стр. 351.

ния сельскохозяйственными машинами и инвентарем. В резолюции XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне» курс на ограничение снабжения кулацких хозяйств сельхозинвентарем был совершенно четко определен следующим положением: «Всемерно облегчить снабжение колхозов и маломощных крестьян сельскохозяйственными машинами, выработав особые льготы по линии кредита, условий расплаты и т. д. В целях ограничения снабжения сельскохозяйственными машинами кулацких элементов, выработать для этого соответствующие нормы (уменьшение доли кулаков в общей сумме реализуемых машин, расплата наличными и т. д.)»¹⁸.

Продажа бедняцко-средняцким слоям деревни машин и сельскохозяйственного инвентаря в индивидуальное или коллективное пользование в рассрочку и на других льготных условиях освобождала крестьянство от аренды их у кулаков на кабальных условиях. По данным Сельскосоюза, весной 1929 г. бедняцкими хозяйствами, освобожденными от сельскохозяйственного налога, было приобретено 30,4% однолемешных и 30,7% двухлемешных плугов, 41% буккеров, 33,2% рядовых, 43,1% дисковых и 24,6% специальных сеялок, 23,9% сортировок. Кулацкие хозяйства, облагаемые индивидуальным налогом, приобрели 2% однолемешных и 4,1% двухлемешных плугов, 5,5% буккеров, 3,5% рядовых, 5,7% дисковых и 5,1% специальных сеялок, 2,5% сортировок¹⁹. Начиная с 1928 г. была прекращена продажа кулакам сложных сельскохозяйственных машин, а в течение 1928—1929 гг. у них были изъяты или выкуплены все тракторы²⁰.

Важное значение для перехода бедняцко-средняцких масс крестьянства на путь производственного кооперирования имело развитие машинных товариществ. Машинные товарищества сыграли большую роль и в ограничении эксплуататорских стремлений кулачества, поскольку внедряли в крестьянское производство сельскохозяйственные машины, новый инвентарь и орудия. В годы непосредственной подготовки условий коллективизации количество машинных товариществ быстро росло:

¹⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 65—66.

¹⁹ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, стр. 193.

²⁰ И. Трифонов. Указ. соч., стр. 195.

осенью 1927 г. в РСФСР насчитывалось 10 268 машинных товариществ, в 1928 г.—15 942, к лету 1929 г.—17 616. Всего по СССР к лету 1929 г. имелось 21 807 машинных товариществ²¹.

Широкая производственная помощь крестьянству оказывалась через систему машинопрокатных и зерноочистительных пунктов. В 1927/28 г. крестьянские хозяйства обслуживали 16 097 машинопрокатных и зерноочистительных пунктов. Крестьянам была отпущена государством семенная ссуда в размере 222 тыс. тонн семян, очищено семян для посева 1093 тыс. тонн. В 1928/29 г. число машинопрокатных и зерноочистительных пунктов возросло до 35 697, размер семенной ссуды — до 805 тыс. тонн, было очищено семян 3777 тыс. тонн, протравлено — 2345 тыс. тонн²². Прокат сельскохозяйственного инвентаря, взятого в кооперативном прокатном пункте, стоил в 2 раза, а в государственном — в 3 раза дешевле, чем аренда его у кулака²³. Несомненно, что развитие системы государственного и кооперативного проката ослабляло влияние кулачества, сужало сферу его эксплуататорских тенденций.

В 1928 г. вслед за тракторной колонной совхоза им. Шевченко стали возникать другие машинно-тракторные колонны, число которых к осени достигло 13. Располагая 327 тракторами, они обслуживали 6138 крестьянских хозяйств с земельным массивом свыше 66 тыс. га²⁴. Весной 1929 г. только в системе Хлебоцентра насчитывалось 45 тракторных колонн (1222 трактора), которые обслуживали крестьянские хозяйства с земельной площадью 322 157 га. В районе деятельности тракторных колонн образовалось 208 товариществ по совместной обработке земли, число объединенных крестьянских хозяйств достигало 16 872²⁵. Это говорило о том, что машинно-тракторные колонны являлись средством не только технической, но и социальной реконструкции сельского хозяйства.

Развитие колхозов и совхозов, усиление их влияния

²¹ В. П. Данилов. Указ. соч., стр. 415.

²² «Проблемы источниковедения», вып. IV, стр. 75.

²³ В. Н. Яковцевский. Указ. соч., стр. 235.

²⁴ «Проблемы источниковедения», вып. IV, стр. 76.

²⁵ В. П. Данилов. Указ. соч., стр. 436—437.

на индивидуальные крестьянские хозяйства, их все возрастающая производственная помощь окружающему населению сыграли большую роль в сужении сферы действия кулачества, в ограничении его эксплуататорских тенденций. Крестьянство на опыте работы совхозов и колхозов убеждалось в преимуществах крупного общественного хозяйства по сравнению с мелким индивидуальным и все определеннее и решительнее переходило на путь коллективизации. Это еще не было массовое колхозное движение, но удельный вес колхозов и совхозов в сельскохозяйственном производстве возрастал из года в год, а экономические позиции кулачества в деревне ослаблялись, влияние его на трудящееся крестьянство уменьшалось по мере роста влияния социалистического сектора, рабочего класса.

Непосредственное участие рабочих в проведении хозяйственно-политических кампаний в деревне, в строительстве колхозов, производственное шефство города над деревней, сплочение и организация деревенской бедноты на борьбу с кулачеством имели громадное значение в подготовке условий для сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Об усилении руководящей роли рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, распространении пролетарского влияния на деревню говорит и оживление рабочего шефства. Ко времени XV съезда партии (конец 1927 г.) в шефских обществах насчитывалось примерно 1,5 млн. рабочих и служащих²⁶. После съезда основной центр тяжести рабочего шефства был перенесен на производственную смычку. От единовременных наездов и кратковременных командировок шефов на проведение отдельных хозяйственно-политических кампаний партия и рабочий класс перешли к планомерной и систематической помощи деревне кадрами. За два с половиной года, прошедших после XV съезда партии, в деревню из города было направлено не менее 250 тыс. человек, в том числе значительная часть на постоянную работу.

✕ Рабочие городов и промышленных центров возглавили борьбу бедняцко-батрацких масс против кулачества за развертывание социалистического строительства в дерев-

²⁶ «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года». Стенографический отчет, т. II. М., 1961, стр. 228.

не. Только рабочие Москвы в течение 1929 г. организовали 800 колхозов ²⁷.

Усиление руководящей роли рабочего класса в осуществлении наступления на капиталистические элементы являлось надежной гарантией успешного строительства социализма.

В период непосредственной подготовки массового колхозного движения Коммунистическая партия и Советское государство, руководствуясь решениями XV партсъезда, проводили политику решительного хозяйственного вытеснения капиталистических элементов путем ограничения кулацкого землепользования и изъятия земельных излишков у кулаков, регулирования арендных отношений, ограничения и регламентации найма рабочей силы и т. д.

В области землепользования и землеустройства XV съезд ВКП(б) предлагал проводить такую политику, которая вела бы к постепенному сокращению площади земли, сдаваемой в аренду «в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов» ²⁸. Срок аренды ограничивался сроком одного севооборота, но не более 6 лет. Категорически запрещалось нарушать закон о сдаче земли крестьян в аренду. Государственные фондовые земли разрешалось сдавать в аренду, главным образом, хозяйствам трудового типа, допуская исключения из этого правила только для отдельных районов и только с согласия центральных земельных органов. Одновременно с этим XV съезд предлагал всемерно содействовать развитию таких форм землепользования, которые способствовали бы кооперированию и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), «ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов» ²⁹.

Во исполнение этих указаний был принят ряд законодательных и других документов, ограничивающих кулацкое землепользование. Так, вскоре после съезда, 24 марта 1928 г., Коллегия высшего контроля по земельным спорам при ВЦИК приняла постановление «О землеполь-

²⁷ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 212.

²⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 67.

²⁹ Там же.

зовании лиц, существующих на нетрудовые заработки», согласно которому они лишались права пользоваться землей на началах трудового землепользования. Излишки земель изымались у кулаков и передавались беднякам ³⁰.

15 декабря 1928 г. 4-я сессия IV созыва ЦИК СССР приняла общесоюзный закон о земле «Общие начала землепользования и землеустройства» ³¹. Основным содержанием закона о земле являлось содействие коллективным, общественным формам хозяйства, защита интересов трудящегося крестьянства в земельных отношениях и ограничение эксплуататорских тенденций кулачества. Закон предоставлял преимущественное право на получение земли в трудовое пользование сельскохозяйственным коллективам, а также бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам. Такие же права получали вышеперечисленные хозяйства и в отношении лучших и более удобно расположенных земель (п. 8). Что касается лиц, лишенных избирательных прав, то им земля выделялась в последнюю очередь. Советам запрещалось предоставлять землю бывшим помещикам и другим землевладельцам, выселенным из принадлежавших им ранее хозяйств. В тех случаях, когда они изъявляли желание вести трудовое хозяйство, земля выделялась им за пределами тех губерний и округов, в которых они ранее владели землей.

В законе подчеркивалось, что перераспределение земли между землепользователями допускается: а) в обществах с общинным порядком землепользования только в сроки, установленные специальным законодательством; б) в отношении хозяйств с иным порядком землепользования и в отношении хозяйств, не входящих в земельные общества; досрочные переделы земли допускались лишь в случаях: землеустройства, перехода к улучшенным формам хозяйства, необходимости борьбы с кулачеством, изъятия земли для государственных и общественных надобностей (п. 14).

³⁰ «Бюллетень узаконений и распоряжений по сельскому и лесному хозяйству», 1928, № 29, стр. 16; П. Н. Шарова. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928—1932 гг. М., 1963, стр. 76.

³¹ СЗ СССР, 1928, № 69, ст. 642; «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935» (далее — «Коллективизация сельского хозяйства...») М., 1957, стр. 96—108.

Следовательно, порядок землепользования носил ярко выраженный классовый характер, он был направлен на вытеснение кулацких хозяйств и ограничение их эксплуататорских тенденций.

Этой же идеей были проникнуты и другие разделы закона о земле. Определяя назначение землеустройства, закон подчеркивал, что оно «должно способствовать общему подъему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его»³². Проводится оно по решению как самих землепользователей, так и органов власти; причем обязательное землеустройство допускается в порядке, определяемом законодательством союзных республик, «для ограничения захватнических стремлений кулаков»³³, упорядочения запутанных земельно-хозяйственных отношений, выделения переселенческого фонда (п. 16).

Специальные разделы (V и VI) определяли меры поощрения коллективных и других общественных форм землепользования, а также совхозов. Для них предоставлялся ряд льгот в кредитовании, снабжении сельскохозяйственными машинами и орудиями, при наделении землей и проведении землеустройства и т. п.

«Общие начала землепользования и землеустройства» устанавливали строгий порядок аренды земли трудового пользования, при котором не допускалась сдача земли в аренду кулацким хозяйствам. В случае, если в нарушение закона такая сделка будет заключена, то сельсоветы должны отказывать в регистрации договора, а земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься. Порядок использования изъятых земель регламентировался законодательством союзных республик.

Использование наемного труда ограничивалось специальным законодательством. Как известно, XV съезд партии дал установку следить за тем, «чтобы неуклонно проводился в жизнь Кодекс труда в отношении сельскохозяйственных рабочих и работниц в хозяйствах кулацкого типа»³⁴, привлекая нарушителей Кодекса к строжайшей ответственности. В законе «Общие начала

³² «Коллективизация сельского хозяйства...», стр. 99.

³³ Там же. Подчеркнуто нами.— Н. И.

³⁴ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 67.

землепользования...» указывалось, что наемный труд в крестьянских (и тем более кулацких) хозяйствах допускается при условии, что трудоспособные члены хозяйства принимают участие в работе хозяйства, а наемный труд имеет лишь подсобное значение. Это указание имело своей целью сузить масштабы применения наемного труда прежде всего кулацкими хозяйствами. Не случайно закон предусматривал строгий контроль за этим как со стороны Инспекции труда, так и сельских Советов.

Важное значение для подрыва влияния кулачества на крестьянство в области земельных отношений имели те положения закона о земле, которые регламентировали взаимоотношения земельных обществ и сельских Советов. Закон, в частности, предоставлял право сельским Советам приостанавливать или отменять те решения общих собраний (сходов) земельных обществ, которые противоречат законам и распоряжениям высших органов или нарушают интересы бедноты. Хотя членами земельных обществ могли быть все члены крестьянских хозяйств, в том числе и кулацких, а также лица, не входящие в состав дворов, образующих общества, но участвующие своим трудом в сельском хозяйстве данного общества (батраки, пастухи, кузнецы и др.), однако кулаки и лица, лишенные избирательных прав в Советы, не имели права решающего голоса и не могли быть избраны в выборные органы земельного общества. Специальным примечанием оговаривалось, что члены земельного общества, не достигшие совершеннолетия, но являющиеся самостоятельными домохозяевами, «признаются полноправными членами общества, если их хозяйства не являются кулацкими»³⁵.

В дальнейшем, по мере усиления наступления на кулачество, и принимая во внимание лишение кулачества права голоса в земельных обществах, ЦК ВКП(б) постановлением от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» лишил права голоса во всех видах кооперации кулаков и нетрудовых элементов, лишенных избирательных прав при выборах в Советы³⁶.

³⁵ «Коллективизация сельского хозяйства...», стр. 106.

³⁶ «Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 23—24, стр. 20.

Таким образом, к началу массового колхозного движения для кулачества была закрыта дорога не только в Советы, но и в органы управления колхозно-кооперативной системы. Больше того, кулачество юридически лишалось возможности активно участвовать в деятельности земельных обществ, кооперации и других общественных организаций в деревне. Это затрудняло и в значительной мере ограничивало влияние кулачества на крестьянство, хотя следует признать, что, поскольку его экономическое положение было еще достаточно крепким, оно продолжало оказывать свое влияние на отстающую и экономически зависимую от него часть крестьянства.

Важнейшее значение для регулирования социально-экономических процессов в деревне, ограничения эксплуататорских стремлений кулачества имело налоговое положение. В период непосредственной подготовки массового колхозного движения при проведении налоговой политики партия руководствовалась указаниями В. И. Ленина о дифференцированном подходе к различным социально-экономическим группам крестьян: «Советская власть требует,— говорил он в 1919 г.,— чтобы бедняки не платили ничего, средние умеренно и богатые много...»³⁷. Исходя из этого, XII съезд партии указывал: «Наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовые деления в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства. Как самые декреты и распоряжения центральных органов, так и применение их на местах должны облегчать экономические тяготы, падающие на маломощные хозяйства, вплоть до полного освобождения от тех или других из них (например, от некоторых налогов) беднейших слоев деревни»³⁸.

Эти указания получили дальнейшее развитие и конкретизацию в последующих решениях партии и правительства. В конце 1927 г. в связи с десятилетием Советской власти было принято решение об освобождении 35% (маломощных) крестьянских хозяйств от сельскохозяйственного налога, а XV съезд партии поручил

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 17.
³⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 475.

ЦК ВКП(б) разработать мероприятия по наиболее полному прогрессивно-подходящему обложению³⁹. Единый сельхозналог на 1927/28 г. был построен таким образом, чтобы было достигнуто дальнейшее увеличение количества освобождаемых от налогов бедняцких хозяйств, усиление льгот коллективным хозяйствам, стимулирование развития наиболее важных отраслей сельского хозяйства и усиление обложения кулацких хозяйств. В результате этого в 1927/28 г. было достигнуто иное по сравнению с 1926/27 г. распределение налога между основными социально-экономическими группами крестьян: во-первых, количество освобожденных от уплаты налога крестьянских хозяйств достигло в 1927/28 г. 38% против 27,6% в 1926/27 г.; во-вторых, количество зажиточных хозяйств, облагаемых по повышенным ставкам, увеличилось до 5,96% против 0,9% в 1926/27 г.⁴⁰ Интересно отметить, что 5,96% хозяйств (с доходом свыше 500 руб.) уплатили 32,69% общей суммы налога, в то время как 33,16% хозяйств (с доходом до 150 руб.) уплатили только 5,85% общей суммы налога⁴¹.

В 1928/29 г. максимальная ставка обложения для кулацких хозяйств была повышена с 25 до 30%, для зажиточной части крестьянских хозяйств вводилась надбавка к налогу в 5—25%. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 апреля 1928 г. «О едином сельскохозяйственном налоге» наиболее богатые кулаки подлежали обложению не по нормам, а по действительной доходности в индивидуальном порядке.

Количество кулацких хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, не должно было превышать 2—3% от общего числа крестьянских дворов в среднем по СССР. Всего в индивидуальном порядке было обложено 890 тыс. кулацких хозяйств, особо отличившихся высоким уровнем своих доходов при нетрудовом характере их. Система индивидуального обложения позволяла более полно учесть доход кулацких хозяйств от различных объектов и не только сдерживала рост накоплений, но в ряде случаев вела к экспроприации кулацких хозяйств.

³⁹ См. «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 65.

⁴⁰ М. Я. Залесский. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940, стр. 66, 69, 74.

⁴¹ Там же, стр. 74.

О распределении налога между отдельными группами крестьянских хозяйств в 1928/29 г. можно судить по данным, которые приводит М. Я. Залесский в своей работе «Налоговая политика Советского государства в деревне». Согласно этим данным, 55,79% крестьянских хозяйств РСФСР с доходом до 250 руб. уплачивали 13,57% общей суммы налога, а 2,48% хозяйств с доходом свыше 700 руб. уплачивали 22,8%, причем на долю наиболее крупных кулацких хозяйств, составлявших 0,89% общего числа крестьянских хозяйств, приходилось 14% всей суммы сельхозналога по СССР⁴².

1928/29 год характеризовался более полным выявлением и учетом доходов от второстепенных источников и неземледельческих заработков. Достаточно указать, что прирост облагаемого дохода от этих источников в этом году составил почти 500 млн. руб., т. е. увеличился на 83% по сравнению с 1927/28 г. Основная доля ранее не учтенных доходов падала на кулаков, хозяйство которых было разноотраслевым, и поэтому второстепенные отрасли хозяйства имели здесь более высокий удельный вес, чем у середняков. Объясняется это и тем, что поскольку до 1928 г. второстепенные источники дохода не учитывались при обложении, то кулаки старались их развивать и приумножать. С 1928/29 г. в налоговой политике произошел перелом — обложение кулацких хозяйств стало проводиться в индивидуальном порядке с учетом всех действительных доходов хозяйства. В связи с этим резко возрос налог на кулацкие хозяйства. Так, если в 1926/27 г. одно кулацкое хозяйство уплачивало в среднем 100 руб. 77 коп. сельскохозяйственного налога, то в 1928/29 г. — 267 руб. 45 коп., т. е. в 2,7 раза больше. За это же время средний размер сельхозналога на одно середняцкое хозяйство возрос с 17 руб. 77 коп. до 28 руб. 60 коп.⁴³, т. е. в 1,6 раза, и был почти в 10 раз меньше налога с кулацкого хозяйства. Что касается бедняцких хозяйств, то они фактически почти все были освобождены от уплаты сельхозналога, коллективные хозяйства в расчете на одного едока уплачивали: артели — в 2,5 раза,

⁴² Там же, стр. 82.

⁴³ Г. Марьяхин. Налоги в СССР. М., 1958, стр. 33, 40; М. Я. Залесский. Указ. соч., стр. 87.

а коммуна — примерно в 2,2 раза меньше, чем единоличники⁴⁴.

М. И. Калинин, характеризуя классовый принцип сельскохозяйственного налога на 1928/29 г., говорил, что «сельскохозяйственный налог является в наших руках одним из важнейших инструментов для изменения социально-экономической структуры крестьянства: мы облагаем верхушку по принципу подоходной прогрессии, не давая возрастать... Вместе с тем, так сказать, с другого конца, мы увеличиваем относительный вес и значение бедноты и середняков. Ослабляя верхушечную часть деревни, мы поддерживаем и поднимаем крестьянские низы»⁴⁵.

Сельхозналог являлся не только средством создания государственных накоплений (в 1928/29 г. общая сумма сельхозналога составила 425 млн. руб.), но и важным орудием ограничения и вытеснения кулачества. Он способствовал также развитию коллективных форм хозяйства, т. е. служил задаче непосредственной подготовки массового колхозного движения.

Наступление на кулачество осуществлялось и в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927/28 и 1928/29 гг.

Социалистическая индустриализация страны, рост населения городов и промышленных центров поставили перед сельским хозяйством задачу значительного увеличения объема его продукции. Особенно возрастал спрос на зерно. Между тем раздробленное мелкотоварное сельское хозяйство не в состоянии было полностью удовлетворять потребности промышленности и городов, поэтому, как отмечалось в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 11 апреля 1928 г., хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. натолкнулась на ряд затруднений, грозивших вылиться в общий народнохозяйственный кризис⁴⁶. К январю 1928 г. образовался серьезнейший кризис в хлебозаготовках: было заготовлено только 300 млн. пудов зерна против 428 млн. пудов, заготовленных к январю 1927 г.⁴⁷

«В основе этих затруднений, — указывал Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), — лежало резкое нарушение рыночного рав-

⁴⁴ См. М. Я. Залесский. Указ. соч., стр. 83.

⁴⁵ «Правда», 20 апреля 1928 г.

⁴⁶ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 75.

⁴⁷ См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 10.

новесия, причем обострение диспропорции в рыночных отношениях (платежеспособный деревенский спрос, с одной стороны, предложение промышленных товаров — с другой) объясняется повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев»⁴⁸. Кулачество и другие капиталистические элементы использовали эти затруднения для взвинчивания цен на хлеб, для нажима на Советскую власть с тем, чтобы вынудить ее отказаться от строительства социализма. Накопленные в течение предыдущих лет хлебные запасы кулачество использовало как средство экономического закабаления бедноты и средство давления на Советскую власть. Кулачество, являясь хозяйственным авторитетом в деревне, сумело повести за собой значительную часть середняков.

Кулаки зерновых районов оказывали ожесточенное сопротивление хлебозаготовкам, вели агитацию среди крестьян против продажи хлеба государству. В докладной записке Донецкого окружкома партии в ЦК ВКП(б) приводятся многочисленные факты кулацкого саботажа хлебозаготовок. Вот некоторые из них. Кулаки Верхне-Макеевского сельсовета Кашарского района заявляли: «Пришел момент, когда у нас просят хлеб за мануфактуру. Совдепия начинает плясать под нашу дудочку, ну и пусть — как они ни вымогают — мы воздержимся, пока не будут платить по рублю за пуд ржи и по два рубля за пуд пшеницы». В другом сельсовете (Верхне-Грековском) один кулак на собрании прямо заявил: «Давайте, граждане, делать так: ввиду того, что рабочие на свои товары накладывают цены сами, мы будем накладывать на свой продукт то же самое. Пусть рабочие посидят голодные..., но ни в коем случае не выпускать хлеб»⁴⁹.

На Украине в январе 1928 г. были обнаружены большие запасы хлеба у кулаков и спекулянтов. В Черкасском округе, например, у спекулянтов был обнаружен склад, в котором было спрятано 20 тыс. пудов зерна; в Харьковском округе — 30 тыс. пудов. У некоторых кулаков Мелитопольского округа имелись запасы в 5—8 тыс. пудов хлеба⁵⁰.

⁴⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 75.

⁴⁹ Партийный архив Ростовского обкома КПСС, ф. 75, оп. 1, д. 120, лл. 78—79.

⁵⁰ Г. Конюхов. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928—1929). М., 1960, стр. 73.

Коммунистическая партия и Советское государство вынуждены были принять ряд экстраординарных мер, в том числе в отношении кулаков и скунщиков-спекулянтов. ЦК ВКП(б) в директивах от 14 и 24 декабря 1927 г., 6 января и 13 февраля 1928 г. категорически предписал местным партийным и советским организациям шире использовать законы против спекуляции товарами массового потребления, улучшить работу заготовительного аппарата, устранить искривления партийной линии в практической работе в деревне, «сделав ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью и обязав наши парт-организации «развивать дальше наступление на кулачество»⁵¹. В директиве от 13 февраля 1928 г. ЦК ВКП(б) предлагал «продолжать нажим на кулаков — действительных крупных держателей товарных излишков хлеба, проводя этот нажим исключительно на основе советской законности (в частности, применив на практике в отношении отдельных злостных элементов, из числа владеющих излишками в две тысячи и более пудов товарного хлеба, статью 107 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующую статью украинского кодекса), но ни в коем случае не задевая этими и подобными им мерами середняцкую часть крестьянства»⁵². Из конфискованного у спекулянтов и кулаков хлеба рекомендовалось 25% распределять среди бедноты и маломощных середняков на условиях долгосрочного кредита на удовлетворение семенных (и в случае необходимости — потребительских) нужд.

Применение чрезвычайных мер в отношении кулачества, а также спекулянтов хлебом сыграло положительную роль. За три месяца 1928 г. (январь—март) было заготовлено на 110 млн. пудов зерна больше, чем за тот же период 1927 г., а заготовки за 9 месяцев (июль 1927 — март 1928 г.) всех культур составляли 644 млн. пудов против 617 млн. пудов предыдущего года⁵³.

Чрезвычайные меры Советского государства не только позволили сломить сопротивление кулачества и обеспечить перелом в хлебозаготовках, но и способствовали политическому сплочению бедняцко-середняцких масс кре-

⁵¹ *И. В. Сталин. Соч.*, т. 11, стр. 15.

⁵² Там же, стр. 17—18.

⁵³ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 78.

стьянства в борьбе против кулачества. Вводя чрезвычайные меры, Коммунистическая партия и Советское правительство считали их временными, вызванными особыми обстоятельствами. Применение чрезвычайных мер было навязано нам кулачеством, его контрреволюционной деятельностью в области хлебозаготовок. Как только удалось сломить сопротивление кулачества, смягчить, а затем и изжить перебои в снабжении городов, Красной Армии, промышленных районов и создать минимальные хлебные резервы,— чрезвычайные меры были отменены.

2. Важнейшие итоги проведения политики ограничения и вытеснения кулачества к началу массового колхозного движения

Направление социально-экономического развития советской деревни, сдвиги в классовой структуре крестьянства в период диктатуры пролетариата определялись условиями развития всего народного хозяйства в целом (и прежде всего его социалистического сектора), политикой Советского государства. В условиях диктатуры пролетариата, когда в борьбе социалистических и капиталистических тенденций Коммунистическая партия и Советская власть всячески поддерживали и поощряли развитие социалистических тенденций, ограничивали и контролировали развитие капиталистических элементов, процесс социально-классового развития деревни коренным образом отличался от развития ее в период капитализма. Как отмечал XV съезд партии, классовая дифференциация крестьянства при капитализме выражалась в «ослаблении (в «вымывании») среднего крестьянства при росте крайних групп — бедноты и кулачества...» В условиях Советской власти, наоборот, происходит «процесс усиления группы середняков, при некотором пока еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков и при сокращении групп бедноты, из которых некоторая часть пролетаризируется, а другая, более значительная часть, постепенно передвигается в группу середняков»⁵⁴. В условиях капитализма мелкий товаропр-

⁵⁴ Там же, стр. 55.

изводитель в сельском хозяйстве может либо разбогатеть и превратиться в мелкого капиталиста, либо разориться и превратиться в пролетария. Третьего пути для него не существовало, так как кооперация мелких производителей при капитализме неизбежно вырастает в систему капиталистических отношений. В условиях советского общества кооперация является тем третьим путем развития деревни, через посредство которого мелкий товаропроизводитель вовлекается в строительство социализма. Вместе с этим бедняк при Советской власти, даже если он не вовлекается в кооперацию, имеет «возрастающую возможность передвигаться в средние группы крестьянства»⁵⁵.

Советское государство, осуществляя плано-регулирующее воздействие на развитие сельского хозяйства, с одной стороны, способствовало развитию кооперативных форм хозяйства, повышению материального уровня беднейших масс крестьянства, а с другой — ограничивало и вытесняло эксплуататорские тенденции капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Курс XV съезда на коллективизацию сельского хозяйства и усиление наступления на кулачество, подкрепленный политическими и экономическими мероприятиями Советского государства в 1928—1929 гг., привел к новому соотношению классовых сил, к существенным сдвигам в социально-экономическом развитии деревни.

В результате проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов экономическая мощь кулачества была в значительной мере ослаблена. В то же время позиции социалистического сектора (совхозы и колхозы) усилились. Укреплялось и экономическое положение беднейших слоев деревни. Существенных изменений в экономическом положении середняков в целом по СССР не произошло, хотя по отдельным районам, особенно национальным, наблюдался заметный рост обеспеченности основными средствами производства, расширение посевных площадей и т. п.

Рассмотрим прежде всего динамику зернового хозяйства в совхозах, колхозах и крестьянских хозяйствах по производящим районам (Украина, Северный Кавказ, Ниж-

⁵⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 55.

не-Волжский и Средне-Волжский края, Центрально-Черноземная область, Урал, Сибирь и Башкирия), которые производили около 70% валовой продукции зерновых СССР.

Таблица 2⁵⁶

Посевные площади зерновых в 1927—1929 гг.

Категории хозяйств	Посевные площади, тыс. га			Удельный вес посевных площадей, %		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Совхозы	654,0	700,9	970,1	1,0	1,1	1,5
Колхозы	534,7	841,1	2729,1	0,9	1,3	4,1
Крестьянские хозяйства	62 266,1	61 590,5	62 261,3	98,1	97,6	94,4
в том числе с посевом более 17,6 га	8167,9	6346,4	4704,8	12,9	10,1	7,1
Итого	63 454,8	63 132,5	65 960,5	100	100	100

Данные таблицы 2 говорят о том, что за период 1927—1929 гг. площадь посевных площадей зерновых в социалистическом секторе увеличилась более чем в три раза, в то время как кулацкие посевные площади сократились почти на две трети. Площадь крестьянских посевов (без кулаков) осталась стабильной и только примерно на 6,5% превысила уровень 1927 г. Это значит, что рост посевных площадей социалистического сектора и частично единоличного трудящегося крестьянства шел за счет сокращения посевных площадей у кулаков, за счет вытеснения капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

Эта же тенденция прослеживается и при сопоставлении размеров валовой продукции зерновых различных категорий хозяйств (см. таблицу 3).

Как видим, удельный вес валовой продукции социалистического сектора возрос с 2,6% в 1927 г. до 6,2% в 1929 г., т. е. почти в 2,5 раза; удельный вес валовой

⁵⁶ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», стр. 13.

Валовая продукция зерновых в 1927—1929 гг.

Категории хозяйств	Валовые сборы, тыс. га			Удельный вес, %		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Совхозы	7831	8386	9555	1,6	1,8	1,9
Колхозы	4703	7173	21 359	1,0	1,5	4,3
Крестьянские хозяйства						
в том числе с посевом более 17,6 га	480 668	458 580	463 740	97,4	96,7	93,8
	50 256	39 907	28 840	10,2	8,4	5,8
Итого	493 202	474 139	494 654	100	100	100

продукции кулацких хозяйств за это же время сократился с 10,2 до 5,8%, или в 1,8 раза. Размер валовой продукции индивидуальных крестьянских хозяйств (без кулаков) остался почти на прежнем уровне — прирост составил менее одного процента, а ее удельный вес в общем итоге валовой продукции вырос всего на 0,8%⁵⁸. Что касается удельного веса чистой товарной продукции зерновых⁵⁹, то и здесь удельный вес колхозов и совхозов неуклонно повышается (с 7,6 до 14%), а кулацких хозяйств снижается (с 25,1 до 14%) при некотором росте удельного веса бедняцко-средняцких хозяйств (с 67,3 до 72,0%)⁶⁰.

Если сравнить размеры сокращения кулацких посевных площадей и числа кулацких хозяйств, то нетрудно заметить, что процесс сокращения посевных площадей шел быстрее процесса сокращения кулацких хозяйств. В самом деле, посевные площади кулацких хо-

⁵⁷ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», стр. 13.

⁵⁸ Подсчеты сделаны на основании данных статистического сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 13.

⁵⁹ Под чистой товарной продукцией подразумевается остаток валовой продукции после удовлетворения всех потребностей как производственного, так и потребительского характера (см. «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 202).

⁶⁰ См. там же, стр. 14.

зяйств в 1929 г. по сравнению с 1927 г. сократились в 1,75 раза, а число кулацких хозяйств только в 1,5 раза ⁶¹.

Следовательно, к 1929 г. средний размер посевов зерновых на одно кулацкое хозяйство уменьшился. В сокращении размеров кулацких посевов в 1927—1929 гг. основную и решающую роль сыграла политика ограничения и вытеснения кулачества.

О плано-регулирующей роли Советского государства в развитии сельскохозяйственного производства и направлении классовой дифференциации деревни свидетельствуют данные не только по зерновым районам, но и в целом по СССР. Вот как выглядит изменение площади всех посевов по основным социальным группам крестьянства за 1927—1929 гг. по материалам выборочной сельскохозяйственной гнездовой переписи (см. таблицу 4):

Таблица 4⁶²

Изменение посевных площадей по основным группам крестьянства (1927—1929 гг.)

Классовые группы 1927 г.	Число хозяйств, вошедших в разработку	%	Размер посева на одно хозяйство, га	
			1927 г.	1929 г.
Батраки	48 515	9,0	1,4	1,9
Бедняки	122 545	22,7	2,4	2,8
Середняки	349 510	64,6	4,8	4,8
Кулаки	20 297	3,7	7,9	6,8
Итого	540 867	100	—	—

Таблица 4 показывает, что наибольший прирост посевных площадей приходится на долю батрацких хозяйств (35,7%), за ними идут бедняцкие хозяйства (16,7%); у середняцких хозяйств изменений в размерах посевных площадей не произошло, а у кулаков средний размер посева на одно хозяйство уменьшился на 14%.

Показатели по отдельным районам СССР еще больше подчеркивают тенденцию вытеснения капиталистических элементов в сельскохозяйственном производстве зерновых

⁶¹ См. там же, стр. 13.

⁶² ЦГАНХ СССР, ф 1562, оп. 73, д. 113, лл. 6—8.

районов. Так, например, для Украины сокращение площади кулацких посевов на одно хозяйство достигло 16%, Сибири — 15,5%, Северного Кавказа — 25,7%. Одновременно с этим укреплялись бедняцко-батрацкие слои деревни. На Украине посевные площади батраков выросли на 43,8%, бедняков — на 19,2%, в Сибири соответственно на 63,8 и 52,2%, на Северном Кавказе — 37,5 и 20% ⁶³.

Несколько по-иному обстояло дело в потребляющих и национальных районах страны. Здесь темпы вытеснения капиталистических элементов были более замедленными. В Белоруссии уменьшение посевных площадей на одно кулацкое хозяйство составляло менее 5%, в Закавказье — 6%, Узбекистане — 9%, в Киргизии — 9,5%, Туркмении — 13,8%. Но зато процесс прироста посевных площадей у бедняцко-батрацкой части кшплага и аула шел (за исключением Закавказья) не менее интенсивно, чем в зерновых районах. Об этом говорят такие данные: в Белоруссии прирост посевных площадей у батраков равнялся 40%, у бедняков — 15,4%, в Узбекистане соответственно — 250 и 31,3%, в Киргизии — 66,7 и 29,4%, в Туркмении — 50 и 28,6% ⁶⁴.

Изменение размеров посевных площадей у различных категорий хозяйств, конечно, является важным показателем классовой дифференциации крестьянства, но не может быть единственным и тем более решающим критерием. Для этого следует учитывать совокупность всех других факторов, характеризующих положение той или иной группы хозяйств (обеспеченность рабочим и продуктивным скотом, средствами производства, наем рабочей силы, арендные отношения и т. п.).

В годы непосредственной подготовки сплошной коллективизации изменилась обеспеченность рабочим и продуктивным скотом различных категорий хозяйств. Наблюдается та же тенденция, что и по посевным площадям: маломощные слои деревни укрепляются, а зажиточные и кулацкие ослабевают. Наглядное представление об этом дает таблица 5.

Таким образом, при почти одинаковой обеспеченности рабочим скотом и коровами в среднем на одно хозяйство

⁶³ См. ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 73, д. 113, лл. 6—8.

⁶⁴ Там же.

Таблица 5⁶⁵

Изменение обеспеченности скотом на одно хозяйство (1927—1929 гг.)

Категории хозяйств	Рабочий скот, голов		Коровы, голов	
	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.
Батраки	0,2	0,3	0,45	0,5
Бедняки	0,4	0,6	0,7	0,7
Середняки	1,2	1,2	1,3	1,2
Кулаки	1,9	1,6	2,0	1,7

в 1927 и 1929 гг. обеспеченность маломощных крестьянских хозяйств рабочим скотом за это время возросла на 50%, середняков — осталась на прежнем уровне, а кулаков — упала на 16%. Обеспеченность хозяйств коровами в целом несколько сократилась (примерно на 5%), но у бедняцко-батрацкой группы она даже несколько возросла, у середняков сократилась на 7—8% и у кулаков — на 15%. Некоторое снижение обеспеченности середняцких хозяйств коровами объясняется тем, что с осени 1929 г. под влиянием кулацкой агитации и других факторов началось разбазаривание продуктивного скота.

Процесс ограничения и вытеснения кулачества хорошо прослеживается по динамике обеспеченности основными средствами производства от 1927 к 1929 г., показанной в таблице 6:

Таблица 6⁶⁶

Обеспеченность различных категорий хозяйств основными средствами производства

Категории хозяйств	Стоимость средств производства в среднем на одно хозяйство, руб.		В 1929 г. в % к 1927 г.
	1927 г.	1929 г.	
Батраки	91,5	159,7	+74,5
Бедняки	169,5	261,6	+54,3
Середняки	624,5	626,0	+0,2
Кулаки	1602,2	1259,9	-21,4

⁶⁵ Там же, лл. 9—12.⁶⁶ Там же, л. 13.

Снижение обеспеченности основными средствами производства кулацких хозяйств от 1927 г. к 1929 г. еще в большей степени прослеживается по важнейшим зерновым районам страны. На Украине, например, стоимость средств производства в среднем на одно кулацкое хозяйство снизилась с 1541,3 руб. до 990,4 руб., т. е. на 35,7%, на Северном Кавказе — с 2013,0 до 1400,4 руб. (на 34,3%), в Сибири — с 1292,5 до 868,1 руб. (на 32,9%), на Средней Волге — с 1432,8 до 957,7 руб. (на 33,2%), Нижней Волге — с 1922,1 до 1426,2 руб. (на 25,7%), в Центрально-Черноземной области — с 1538,2 до 1037,6 руб. (на 32,5%).

В национальных и потребляющих районах, где процесс ограничения и вытеснения кулачества шел менее интенсивно, изменения в обеспеченности основными средствами производства кулацких хозяйств были менее значительными. В Белоруссии стоимость средств производства на одно кулацкое хозяйство в 1927 г. составляла 1152,6 руб., а в 1929 г. — 1069,6 руб., т. е. уменьшилась менее чем на 8%, а в Закавказье и Средней Азии даже несколько возросла: соответственно на 2% и почти на 17%⁶⁷. Одновременно шел процесс роста вооруженности основными средствами производства маломощных слоев крестьянства; в республиках Закавказья обеспеченность средствами производства батраков возросла более чем вдвое, в Средней Азии — в 2,5 раза, в Белоруссии — почти вдвое.

Что касается середняцких хозяйств, то в целом по СССР средняя обеспеченность их средствами производства не изменилась, а в национальных районах наблюдается заметное повышение их вооруженности средствами производства: в Белоруссии — на 15,4%, в Закавказье — на 22,6%, в Средней Азии — на 30,6%. В то же время в зерновых районах обеспеченность середняцких хозяйств средствами производства снизилась: на Украине — на 16%, на Северном Кавказе — примерно на 6%, в Нижне-Волжском крае — на 7%, Средне-Волжском крае — почти на 8%, в ЦЧО — на 6% и т. д.⁶⁸ Некоторое снижение уровня обеспеченности основными средствами производства середняц-

⁶⁷ Подсчеты сделаны на основании данных об изменении обеспеченности основными средствами производства в 1927—1929 гг. (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 73, д. 113, л. 13).

⁶⁸ Там же.

ких хозяйств к 1929 г. объясняется тем, что в зерновых районах мероприятия по ограничению кулацких хозяйств нередко распространялись и на зажиточную верхушку середняцких хозяйств. Следует учитывать и то, что при обследовании в 1929 г. в связи с развитием коллективизации и политикой ограничения кулачества произошло, во-первых, некоторое обесценивание индивидуальных средств производства (особенно к концу 1929 г.) и, во-вторых, происходило умышленное занижение стоимости средств производства не только кулацкими, но и зажиточными и середняцкими хозяйствами⁶⁹. Об этом, в частности, говорит тот факт, что если в стоимостном выражении средняя обеспеченность одного крестьянского хозяйства средствами производства, по данным обследования, снизилась к 1929 г. на 8%, то в натуральном выражении наблюдается повышение обеспеченности рабочим скотом при незначительном снижении (только по четырем районам — Украине, Северному Кавказу, Сибири и Туркмении) средней обеспеченности коровами⁷⁰.

Вытеснялись капиталистические элементы и из сферы арендных отношений. Уменьшился удельный вес кулацких хозяйств как в числе арендовавших, так и в числе сдававших землю в аренду. По данным 13 районов, которые приводятся в статистическом сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», только в двух районах (Московской и Западной областях) удельный вес кулацких хозяйств, арендовавших землю, с 1927 по 1929 г. незначительно вырос: в Московской области с 27,5 до 29,2%, а в Западной и того меньше — с 22,7 до 23,0%. В остальных районах, особенно зерновых, произошло сокращение: на Украине — с 43,2 до 25,7%, в ЦЧО — с 48,5 до 32,8%, Средне-Волжском крае — с 63,1 до 51,4%, Сибирском крае — с 55,2 до 45,1%, на Северном Кавказе — с 66,4 до 59,2%⁷¹.

В отношении сдачи земли в аренду кулацкими хозяйствами не произошло сколько-нибудь существенных изменений, так как удельный вес этих хозяйств был очень невелик — он колебался по районам от 1,3 до 13,2% для 1927 г. и от 2,2 до 16,4% для 1929 г. Но зато резко из-

⁶⁹ «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 204—205.

⁷⁰ См. там же, стр. 72—73.

⁷¹ Там же, стр. 84—85.

менилось положение маломощных слоев деревни, прежде всего зерновых районов. В Средне-Волжском крае число батрацких хозяйств, сдававших землю, сократилось с 46,1 до 29,6%, бедняцких — с 33,5 до 21,1%; в ЦЧО число батрацких хозяйств сократилось с 41,2 до 25,8%, а бедняцких — с 25,6 до 15,8%, на Украине соответственно с 42,8 до 21,9% и с 28,3 до 13,4%, на Северном Кавказе — с 54,2 до 46,6% и с 48,5 до 41,4% и т. д.⁷² Это значит, что маломощные крестьянские хозяйства, окрепшие за 1927—1929 гг., получили возможность сами обрабатывать свои наделы. Кулаки свои земли, как правило, в аренду не сдавали, а обрабатывали сами, привлекая наемную силу.

Рассмотрим процесс сокращения найма рабочей силы в 1927—1929 гг. Как свидетельствуют материалы гнездовых сельскохозяйственных переписей 1927 и 1929 гг., к началу массового колхозного движения заметно сократилось число кулацких хозяйств, нанимавших рабочую силу (см. таблицу 7).

Из таблицы 7 видно, что в целом по стране за время с 1927 по 1929 г. число кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, сократилось на одну треть, в том числе нанимающих на срок более 50 дней уменьшилось втрое. Изменилась и продолжительность найма рабочей силы — к 1929 г. она сократилась более чем в два раза (со 168,2 до 74,8 дня на одно нанимающее хозяйство). При анализе данных таблицы 7 обращает на себя внимание резкое сокращение в зерновых районах числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, — примерно в 2 раза.

Еще больше сокращается группа кулацких хозяйств, нанимающих рабочих на срок свыше 50 дней: в Средне-Волжском крае эта группа уменьшилась в 5 раз, на Северном Кавказе — в 6, в ЦЧО — в 7, в Сибири — в 4 раза и только в Нижне-Волжском крае — примерно в 2,5 раза.

Та же тенденция обнаруживается и при анализе показателей о среднем числе дней найма на одно нанимающее кулацкое хозяйство в зерновых районах. В Средне-Волжском, Северо-Кавказском, Сибирском краях и Центрально-Черноземной области среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство за период с 1927 по 1929 г. сни-

⁷² «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 84—85.

Таблица 7⁷³

Наем рабочей силы кулацкими хозяйствами

Районы	% кулацких хозяйств, нанимающих рабочих				Среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство	
	всего		на срок свыше 50 дней		1927 г.	1929 г.
	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.		
СССР	73,1	49,6	59,2	19,6	168,2	74,8
РСФСР	69,6	46,6	57,4	16,7	159,1	65,1
Средне-Волжский край	67,6	34,2	56,2	11,7	172,7	59,2
Нижне-Волжский край	65,3	37,6	57,9	24,5	172,8	143,8
Северо-Кавказский край	74,6	39,9	60,5	10,5	165,3	52,1
Центрально-Черноземная область	49,3	24,6	31,1	4,7	114,7	37,4
Сибирский край	92,1	65,7	81,3	20,7	168,5	54,1
Ленинградская область	61,5	44,1	51,1	21,7	163,8	86,3
Западная область	63,6	50,6	53,9	29,6	150,9	101,2
Московская область	62,6	50,2	56,5	29,3	164,0	93,0
Ивановская промышленная область	49,5	32,5	37,0	10,2	127,3	53,4
Татарская АССР	34,6	33,9	9,5	1,7	70,0	24,8
Киргизская АССР	54,4	57,9	36,8	22,8	143,8	111,7
Украинская ССР	75,3	46,8	58,9	15,0	157,3	53,0
Белорусская ССР	92,7	59,4	87,8	35,0	210,9	108,9
ЗСФСР	89,7	84,3	78,0	46,6	284,6	110,8
Узбекская ССР	68,9	80,0	64,9	59,2	213,2	169,2
Туркменская ССР	83,1	86,0	75,7	62,5	275,0	202,7

зилось втрое. Исключением является Нижне-Волжский край, где, согласно материалам переписи, сокращение составило лишь 20%.

Однако эти последние данные вызывают сомнение. В самом деле, если число кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, сократилось на 73%, в том числе с наймом свыше 50 дней — в 1,4 раза, то и среднегодовое

⁷³ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 73, д. 113, лл. 19—21, 54—56; «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 78—79.

число дней найма на одно хозяйство должно было сократиться не на 20%, а значительно больше, ибо в зависимости от сокращения числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу на срок более 50 дней, сокращается и среднегодовое число дней найма на одно нанимающее хозяйство. Это подтверждается показателями по всем районам страны, не исключая потребляющих и национальных. Особенно наглядно видна неточность приведенной в таблице цифры, если сравнить показатели Нижне-Волжского края с показателями соседнего Средне-Волжского края. Здесь и там удельный вес числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу в 1927 и 1929 гг., примерно одинаков, одинаково и среднее число дней найма на одно хозяйство и удельный вес хозяйств с наймом свыше 50 дней для 1927 г., но к 1929 г. число этих хозяйств в Средне-Волжском крае сократилось в 5 раз, а в Нижне-Волжском — в 2,5 раза, т. е. вдвое меньше, чем в Средне-Волжском крае, следовательно, и среднее число дней найма, приходящееся на одно хозяйство в Нижне-Волжском крае, должно быть примерно вдвое меньше, чем в Средне-Волжском крае. На основе всех этих данных можно предположить, что общая продолжительность найма кулацкими хозяйствами рабочих в Нижне-Волжском крае должна была сократиться со 172,8 дня примерно до 115—120 дней на одно хозяйство.

В национальных и потребляющих районах процесс вытеснения эксплуататорских тенденций кулачества проходил более медленно — в Белоруссии, Ленинградской, Московской, Западной, Ивановской промышленной областях число кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, сократилось на 15—35%, в том числе нанимающих на срок свыше 50 дней — в 2—3 раза, а среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство также уменьшилось в 1,5—2,5 раза. В республиках Закавказья и Средней Азии при общем стабильном числе нанимавших рабочую силу кулацких хозяйств высшая группа их (с наймом на срок более 50 дней) заметно сократилась — в Закавказье на 40, в Киргизии на 35, в Туркмении почти на 20%. Продолжительность найма на одно хозяйство в республиках Закавказья снизилась более чем в 2,5 раза, в Узбекистане — на 26%, в Туркмении — на 36% и т. д.

Таким образом, процесс ограничения и вытеснения эксплуататорских тенденций кулачества в зерновых районах

шел более интенсивно, чем в национальных и потребляющих, так как зерновые районы с точки зрения социально-экономического развития были более подготовлены к проведению коллективизации. Более медленные темпы вытеснения капиталистических элементов в национальных районах объяснялись их специфическими особенностями: экономической и культурной отсталостью, сильным влиянием феодально-родовых пережитков, слабой организацией пролетарских и полупролетарских элементов кулака и аула, низким удельным весом социалистического сектора в сельском хозяйстве.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства, направленные на ограничение и вытеснение кулачества и на поддержку в первую очередь бедняцко-батрацких, а также середняцких масс крестьянства, привели к серьезным социально-экономическим изменениям в деревне, в классовой структуре крестьянства. Как отмечал XV съезд партии, «капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову — социалистической индустрией), кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хозяйство»⁷⁴. «Эти факторы,— подчеркивалось далее,— являются орудием борьбы против кулака, занявшего ряд позиций в экономике деревни, и против частного капитала, вытесняемого из важнейших сфер хозяйственной жизни...»⁷⁵.

Одним из важных показателей, характеризующих социально-экономические сдвиги в деревне, являются данные о численности и распределении наемных рабочих в сельском хозяйстве. В результате проведения политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества и поддержки бедняцко-батрацких масс ко времени и особенно в связи с началом массового колхозного движения резко сократилось число батраков. Так, в 1926/27 г. в индивидуальных крестьянских хозяйствах, главным образом кулацких, среднегодовое число работающих по найму составляло 1045,1 тыс. человек. Кроме того, 365,1 тыс. человек было занято в сельских обществах (пастухи и т. п.)

⁷⁴ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 56.

⁷⁵ Там же.

и 340,8 тыс. в социалистическом секторе сельского хозяйства (совхозах и пр.) К 1929/30 г. положение существенно изменилось: в индивидуальных крестьянских хозяйствах число работающих по найму сократилось до 420,1 тыс., в сельских обществах — до 307,5 тыс. человек, а в социалистическом секторе увеличилось до 647,7 тыс. человек ⁷⁶.

Сопоставляя эти данные, приходим к выводу, что, во-первых, общее среднегодовое число работающих по найму в сельском хозяйстве сократилось с 1751 тыс. до 1375,3 тыс., т. е. на 21,5%; во-вторых, в индивидуальных крестьянских хозяйствах (в основном кулацких) число батраков уменьшилось в 2,5 раза; в-третьих, в социалистическом секторе число работающих по найму увеличилось почти вдвое. В то же время число поденных сельхозрабочих даже несколько увеличилось ⁷⁷. Это говорило о том, что кулачество, вынужденное значительно сократить аренду земли, должно было уменьшить и наем рабочих, переходя в целях маскировки эксплуататорских тенденций к найму сезонной рабочей силы. В целом же кулачество заметно утратило свои позиции в отношении найма рабочей силы. Кулацкая эксплуатация была решительно ограничена, а права наемных рабочих надежно охранялись законом.

Вывод о том, что уменьшение числа батраков в индивидуальных крестьянских хозяйствах происходило за счет сокращения их числа в кулацких хозяйствах, подтверждается данными об уменьшении среднего числа дней найма на одно нанимающее хозяйство. В 1927 г. на бедняцкое хозяйство приходилось 21,6 дня найма, в 1929 г. — 18,1, на одно середняцкое приходилось соответственно 27,7 и 25,4 дня, а на кулацкое — 168,2 и 74,8 ⁷⁸. Следовательно, и по числу дней найма, и по сокращению дней найма кулацкие хозяйства занимали преобладающее положение.

В целом процесс вытеснения капиталистических элементов из всех сфер хозяйственной жизни деревни и укрепления маломощных слоев крестьянства характеризуется таблицей 8.

⁷⁶ «Сельскохозяйственный пролетариат в капиталистических странах и в СССР. Обзор положения с.-х. рабочих». М., 1931, стр. 240.

⁷⁷ «Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б)», стр. 110.

⁷⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 73, д. 113, лл. 19—21, 54—56.

Таблица 879

Динамика классового состава деревни 1927 и 1929 гг. (в %)

Районы	Год	Число хозяйств, вошедших в разработку	Батраки	Бедняки	Средняки	Кулаки
СССР	1927	638127	9,8	22,9	63,4	3,9
	1929	640736	8,9	21,6	67,2	2,3
РСФСР	1927	446726	9,7	22,6	63,8	3,9
	1929	444322	9,0	21,1	67,7	2,2
Ленинградская область	1927	21673	8,9	20,4	67,6	3,1
	1929	21191	6,9	14,3	75,1	3,7
Западная область	1927	33534	6,4	22,6	68,7	2,3
	1929	33406	5,2	21,4	71,2	2,2
Московская область	1927	41238	8,0	18,1	70,0	3,9
	1929	40421	8,9	17,9	70,1	3,1
Ивановская промышленная область	1927	25627	7,1	16,1	73,6	3,2
	1929	25903	5,4	13,1	78,6	2,9
Средне-Волжский край	1927	29989	9,1	24,2	63,2	3,5*
	1929	29635	7,7	27,0	64,1	1,2
Нижне-Волжский край	1927	28095	11,7	22,1	61,8	4,4
	1929	29421	12,0	20,3	65,2	2,5
Северо-Кавказский край	1927	34782	14,8	21,0	58,5	5,7
	1929	35041	13,9	21,3	62,4	2,4
Сибирский край	1927	38430	9,8	20,3	63,2	6,7
	1929	39691	8,8	20,3	69,1	1,8
Центрально-Черноземная область	1927	58368	8,9	24,7	64,2	2,2
	1929	59515	9,4	24,6	65,3	0,7
Татарская АССР	1927	15364	8,9	33,2	55,5	2,4
	1929	15758	14,1	31,5	52,2	2,2
Уральская область	1927	34252	12,9	25,7	57,0	4,4
	1929	30667	10,1	22,5	65,8	1,6
Киргизская АССР	1927	2381	5,1	26,5	65,0	3,4
	1929	2272	4,2	12,5	78,1	5,2

Таблица 87⁹ (окончание)

Районы	Год	Число хозяйств, вошедших в разработку	Батраки	Бедняки	Средняки	Кулаки
УССР	1927	130883	9,6	21,1	65,5	3,8
	1929	136128	9,2	21,9	67,5	1,4
БССР	1927	23724	6,5	24,7	64,7	4,1
	1929	23379	3,9	19,6	73,9	2,6
ЗСФСР	1927	12011	15,4	24,7	52,2	7,7
	1929	11982	8,8	22,2	62,9	6,1
Узбекская ССР	1927	21040	12,8	34,4	49,4	3,4
	1929	21509	10,5	33,1	51,0	5,4
Туркменская ССР	1927	3743	8,7	33,3	53,2	4,8
	1929	3416	4,4	24,7	63,9	7,0

* В сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 67 ошибочно указано 3,9 %.

Как отмечается в примечаниях к таблицам о динамике классовых групп в деревне статистического сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве...», материалом для этих таблиц послужили итоги разработки гнездовых сельскохозяйственных переписей 1927 и 1929 гг. За оба года одни и те же гнезда и хозяйства были описаны аналогичным методом.

При оценке данных о классовом составе советской деревни за 1927 и 1929 гг. следует иметь в виду следующие обстоятельства:

а) хозяйства относились к определенным группам за оба года по одной и той же схеме, но с учетом классовых признаков соответствующего года;

б) отнесение хозяйств к той или иной группе производилось на основании прямых классовых признаков: занятия (рабочий, батрак, служащий и т. п.), найма рабочей силы, сдачи и аренды средств производства с учетом размеров хозяйства (стоимость основных средств производства);

⁷⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 73, д. 113, л. 36; «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 66—67.

в) в связи с развитием колхозного движения и наступления на кулачество данные для 1929 г. отражают лишь тенденцию, а не абсолютно точное положение группы кулацких и отчасти середняцких хозяйств, ибо, как уже отмечалось, к этому времени произошло некоторое обесценивание средств производства, а также умышленное занижение стоимости средств производства, сокрытие размеров найма рабочей силы, сдачи средств производства и т. п.;

г) наступление на кулачество, ограничение его эксплуататорских тенденций вынуждало последнее приспосабливаться к новым условиям, ввиду этого не всегда удавалось статистически зарегистрировать те или иные признаки кулацких хозяйств. Поэтому в действительности сокращение группы кулацких хозяйств будет несколько меньше, чем говорят об этом данные таблицы 8⁸⁰. И тем не менее тенденция падения удельного веса кулацких хозяйств в общем числе крестьянских хозяйств налицо. Об этом свидетельствуют не только данные таблицы 8, но и таблиц 2—7.

Анализ содержания материалов гнездовых обследований 1927 и 1929 гг. позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в отличие от первого периода нэпа, когда при падении удельного веса капиталистических элементов происходил некоторый абсолютный их рост, теперь, накануне сплошной коллективизации, кулацко-капиталистические элементы сокращались не только относительно, но и абсолютно.

Во-вторых, одновременно с сокращением числа кулацких хозяйств в сельском хозяйстве происходил процесс сокращения пролетарских элементов деревни (примерно на 20%) и отчасти бедняцких хозяйств (на 6%).

В-третьих, наряду с размытием крайних полюсов происходил рост удельного веса и абсолютного числа средних слоев деревни (с 63,4% в 1927 г. до 67,2% в 1929 г.).

В-четвертых, процесс дифференциации крестьянства в зерновых районах шел более интенсивно, чем в потребляющих и национальных, причем число и удельный вес кулацких хозяйств уменьшались повсеместно, за исключе-

⁸⁰ «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 204.

нием республик Средней Азии, где в 1929 г. наблюдается некоторый рост числа байско-манапских хозяйств. Видимо, это объясняется тем, что данные за 1927 г. были преуменьшены, так как в это время полным ходом шла земельно-водная реформа, в процессе проведения которой была ликвидирована часть наиболее крупных баев. Кроме того, поскольку процесс ликвидации крупных баев и феодалов еще продолжался, то вполне вероятно, что некоторая часть не ликвидированных, но частично экспроприированных баев могла попасть в разряд середняков. Что касается данных за 1929 г., то, поскольку к тому времени эта часть баев смогла оправиться и занять свое прежнее место в кулацкой группе, показатели могли оказаться выше, чем было в действительности. Нельзя не считаться и с тем, что в 1929 г. в связи с проведением политики наступления на капиталистические элементы признаки кулацких хозяйств были несколько расширены по сравнению с 1927 г., и это также сказалось на результатах гнездового обследования. Само собой разумеется, что последнее обстоятельство имело место не только в республиках Средней Азии, но в сочетании с другими факторами результаты его особенно наглядно проявились в Средней Азии.

И хотя статистические материалы гнездовых обследований 1927 и 1929 гг. не дают полного представления о масштабах изменений в социально-экономическом развитии доколхозной деревни, по ним достаточно убедительно прослеживаются тенденции этого развития. Эти данные позволяют сделать важный вывод о том, что в период непосредственной подготовки массового колхозного движения в результате проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов экономическая мощь кулачества была сильно подорвана: часть кулацких хозяйств была ликвидирована (хотя эта ликвидация и не носила массового характера), другая часть — подавляющее большинство — экономически ослаблена. Ослабление экономической мощи кулачества привело к ослаблению и его политического влияния в деревне.

ОБОСТРЕНИЕ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
В ДЕРЕВНЕ
В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ
К СПЛОШНОЙ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Начало массового колхозного движения

Со второй половины, в особенности с осени 1929 г., масштабы и темпы колхозного строительства резко возросли. На путь коллективизации становились бедняцко-батрацкие массы, увлекаемая за собой и часть середняцких хозяйств. Движение трудящихся масс крестьянства захватило важнейшие зерновые районы страны, наиболее подготовленные к социалистической реконструкции сельского хозяйства как в отношении материально-технических предпосылок, так и в отношении социально-экономического и политического развития этих районов. Это — прежде всего Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга, а также Центрально-Черноземная область, Сибирь и другие районы.

К лету 1929 г. относится зарождение первых районов сплошной коллективизации. В конце июля 1929 г. Чапаевский район Средне-Волжского края выступил с инициативой о превращении его в район сплошной коллективизации. Тогда же Средневожский крайколхозсоюз обсудил доклад о колхозном строительстве в Чапаевском районе и принял постановление одобрить идею сплошной коллективизации.

К сентябрю в районе было организовано 500 коллективных хозяйств (461 ТОЗ, 34 артели и 5 коммун), которые объединяли 6441 хозяйство (из 10 275 хозяйств). В Чапаевском районе в колхозах обобществлялось 131 тыс. га земельных угодий (из 220 тыс. га), в том числе

около 82 тыс. га пашни, т. е. почти 50% имевшейся в районе¹.

Быстрыми темпами шла коллективизация в трех районах Ирбитского округа Уральской области (Еланского, Знаменского, Байкаловского). Всего в этих районах были созданы 84 коллективных хозяйства (25 коммун, 34 артели и 25 товариществ по совместной обработке земли), объединявшие 54,4% крестьянских хозяйств районов. В связи с преобладанием высших форм коллективных хозяйств процент обобществления основных средств и орудий производства был довольно высок. Так, например, в колхозах было обобществлено 60% всей земли трех районов (при уровне коллективизации хозяйств в 54,4%), рабочих лошадей — 52,8%, коров — 52,3%². Если учесть, что обеспеченность скотом у бедняцко-средняцкой массы, вступившей в колхозы, была ниже, чем у единоличных хозяйств, то нетрудно заметить, что рабочий скот и коровы были почти полностью обобществлены.

Районы сплошной коллективизации стали появляться и в других краях и областях. На Северном Кавказе к сплошной коллективизации перешли Минераловодческий, Дигорский, Георгиевский, Моздокский, Кущевский, Прохладненский и Мечетинский районы; на Нижней Волге — Самойловский, Новониколаевский, Балаповский, Аткарский, Балаковский; на Средней Волге — Кинель-Черкасский, Большеглушицкий, Кинельский; в Центрально-Черноземной области — Таловский, Охочевский, Иловый-Дмитриевский, Свердловский, Кирсановский; на Урале — Армизонский, Мехонский, Щучанский районы.

Вслед за зерновыми районами колхозное движение охватило и некоторые районы потребляющей полосы (Сежский и Свитский — Западной области, Егортаевский — Центрально-Промышленной области, Тигинский — Северного края и др.).

Застрельщиком и инициатором сплошной коллективизации являлась бедняцко-батрацкая часть крестьянства. В конце июля 1929 г. ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Е. И. Вегер, выступая на заседании Политбюро ЦК с докладом о выполнении Архангельской губернской

¹ «Материалы по истории СССР», вып. VII. М., 1959, стр. 241.

² Там же, стр. 244.

парторганизацией директив ЦК ВКП(б) от 26 мая 1928 г. об укреплении бедняцко-средняцкого блока, о борьбе с кулачеством и коллективизации сельского хозяйства, говорил:

«Застрельщиком коллективизации, по преимуществу, является беднота. Средняк в большинстве случаев идет за инициативой бедноты. Вот что говорят об этом сами крестьяне: «Средняк, он еще может самостоятельно существовать, а нас (бедняков) нужда в коллектив гонит» (дер. Кица). «Средняки — они могут подождать с коллективизацией, а нам некогда». «Только беднота действительно и старается за коллективизацию, а средняк — тот еще думает один сам справиться. Ну, да ничего, поймет скоро, что проошибается, пристанет к нашему» (совещание бедняцко-средняцкого актива в Шенкурском уезде).

Во всех этих словах звучит одна мысль: хозяйственные условия толкают бедноту на путь объединения и обобществления; коллективизация для бедноты является производственной необходимостью. Именно поэтому беднота так живо откликается на этот лозунг партии, является первым застрельщиком в его проведении. Средняк — тот осторожнее, его «нужда не гонит» (выражение крестьян), ему можно подождать, ему нужно показать и доказать на деле»³.

Летом 1929 г. зародилась идея сплошной коллективизации целого округа — Хоперского в Нижне-Волжском крае. В августе 1929 г. окружной съезд колхозов принял решение объявить Хоперский округ округом сплошной коллективизации. 27 августа окружной комитет партии поддержал это решение и постановил завершить сплошную коллективизацию округа в течение пятилетки. Уже 4 сентября этот вопрос был рассмотрен Колхозцентром РСФСР. В его постановлении указывалось, что Колхозцентр «на основе материалов, представленных Хоперским округом о темпах и условиях развития коллективного движения, считает необходимым проведение сплошной коллективизации всего Хоперского округа в течение текущей пятилетки»⁴. Было принято также предложение закончить

³ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Сборник документов. Вологда, 1964, стр. 174.

⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 68, лл. 54, 58; «Колхозцентр. Двухнедельный информационный бюллетень Всероссийского

в 1929/30 г. сплошную коллективизацию четырех административных районов округа — Новониколаевского, Михайловского, Алексеевского и Новоаннинского. Предусматривалось строительство пяти машинно-тракторных станций. 10 сентября правление Колхозцентра РСФСР образовало комиссию для разработки конкретного плана коллективизации под председательством представителя Колхозцентра Баранова. 15 сентября комиссия выехала в округ.

Вопрос о сплошной коллективизации Хоперского округа обсуждался также бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б). Бюро одобрило эту инициативу, отметив ее большое политическое значение.

С 15 сентября в округе был объявлен месячник по проведению коллективизации. В станицы и села выехали 11 бригад партийных и профсоюзных организаций (216 человек) и, кроме того, работники из районов. Всего в округ было направлено около 400 партийных, советских, профсоюзных и кооперативных работников. Окружная газета «Красный Хопер» систематически печатала корреспонденции о колхозном строительстве. Повсеместно проходили собрания бедноты и батрачества, бывших красногвардейцев и партизан, комсомольцев и женщин; на собраниях пропагандировалась идея сплошной коллективизации и разъяснялись условия объединения в колхоз.

Темпы коллективизации в округе значительно возросли. Если в августе колхозы объединяли немногим более 12 тыс. крестьянских хозяйств, то к октябрю это число увеличилось втрое, а процент коллективизации поднялся до 38. Размеры колхозов возросли примерно в 6 раз. По социальному составу колхозы становились все более бедняцко-средняцкими (бедняков и батраков — 56%, середняков — 41,8%). Среди мелких колхозов преобладали товарищества по совместной обработке земли (64,8%), среди крупных — артели и коммуны (96,2%), в которых почти полностью был обобществлен рабочий скот и наполовину коровы и овцы⁵.

Успехи, достигнутые в августе — сентябре в Хоперском округе, были действительно велики. В движение была

союза сель.-хоз. коллективов», 1929, № 17 (19), стр. 18 (далее — «Колхозцентр. Информационный бюллетень»).

⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 2, д. 38, лл. 15, 16, 18.

приведена огромная масса трудящегося крестьянства, революционный энтузиазм охватил не только батрацко-бедняцкие массы, но и значительную часть середняков.

Широкий размах колхозное строительство получило по всей стране. Впереди шли зерновые районы, особенно те из них, где раньше и больше всего было создано совхозов, машинно-тракторных станций и колонн. Осенью 1929 г. на территории РСФСР и Украины действовало около 100 тракторных колонн и станций⁶, в том числе на Северном Кавказе — 17, в ЦЧО — 17, в Поволжье — 16. Осенью 1929 г. в этих районах насчитывалось 17 536 тракторов (из 26 940 тракторов, имевшихся в РСФСР), т. е. около 65% их общего количества⁷.

Машинно-тракторные станции и колонны явились не только лучшей для того времени формой использования машин в крупном коллективном хозяйстве, но и важнейшим рычагом социальной реконструкции сельского хозяйства. Их появление создавало материальную основу для объединения крестьянских хозяйств и приводило к коренному изменению в настроениях батрака и бедняка, а затем и середняка. Показательно в этом отношении выступление одного крестьянина-бедняка Щигровского района (ЦЧО), которое приводилось на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). «Я,— говорил крестьянин,— жил всю жизнь в батраках. Октябрьская революция дала мне землю, я из года в год получал кредит, завел себе плохонькую лошаденку, но, несмотря на это, с нищетой, с бедностью я никак не могу покончить. Лошадь меня объедает, инвентарем я никак не обзаведусь, землю обработать не могу, дети ходят раздетые, голодные, и я не могу никак поднять хозяйство, несмотря на помощь со стороны Советской власти. По-моему, вывод один: идти в тракторную колонну, поддержать ее, и дело это наладить»⁸.

В районах деятельности МТС и тракторных колонн коллективизация сельского хозяйства шла значительно быстрее, чем в других селениях. Например, до организации

⁶ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, стр. 364.

⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 81, лл. 24—25.

⁸ Н. А. Ивницкий. О начальном этапе сплошной коллективизации (осень 1929 — зима 1930 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 56.

МТС в Мамлютском районе (Сибирь) в колхозах состояло 26% крестьянских хозяйств, после одного сезона работы МТС уровень коллективизации поднялся до 88%, в Средне-Волжском крае в районе Тростянской МТС удельный вес коллективизированных крестьянских хозяйств возрос с 16 до 62%⁹. В зоне Тамбовской МТС (ЦЧО) к 20 октября 1929 г. в колхозы вступило большинство крестьянских хозяйств. То же самое наблюдалось в районах Парьевской, Иловой-Дмитриевской и Охочевской МТС Центрально-Черноземной области¹⁰.

Важную роль в коллективизации сельского хозяйства сыграли и совхозы. Они проводили большую работу по объединению крестьян в колхозы и оказанию им производственной помощи. Вокруг 14 совхозов Северного Кавказа в 1929 г. появилось 125 колхозов. Под влиянием успехов совхоза «Хуторок» в станице Ново-Кубанка 54% хозяйств вступило в колхоз. В Пугачевском округе Нижне-Волжского края, где было создано 8 крупных зерновых совхозов, к концу 1929 г. в колхозах объединилось 42,6% крестьянских хозяйств, тогда как в соседних районах, где совхозов не было, уровень коллективизации колебался от 9 до 16%. В Бугурусланском округе на Средней Волге в зоне трех новых совхозов к декабрю в колхозы было вовлечено свыше 40% крестьян¹¹.

Высокие темпы коллективизации сельского хозяйства в зерновых районах объясняются также и тем, что дифференциация крестьянства там была намного глубже, чем в других районах. Кулацкая эксплуатация неизбежно обостряла классовую борьбу. Беднота раньше поняла необходимость хозяйственного объединения как единственного средства избавиться от нищеты и кулацкой эксплуатации. Естественно, что бедняцкие слои крестьянства на Северном Кавказе, Нижнем и Среднем Поволжье, в степной полосе Украины и в смежных с ними районах все более решительно выступали за коллективизацию. За июнь — сентябрь 1929 г. число крестьянских хозяйств, вошедших

⁹ *В. А. Абрамов. Коллективизация сельского хозяйства в РСФСР. — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963, стр. 84—85.*

¹⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 3983, оп. 183, д. 10.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 9, д. 607, л. 33; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 251, св. 19, д. 163; *М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М., 1958, стр. 204.*

Основные показатели колхозного движения (июнь—сентябрь 1929 г.)

Районы	Число колхозов		Число крестьянских хозяйств (семейств и одиночек) в колхозах, тыс.		Удельный вес коллективизированных хозяйств, %	
	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября
СССР *	57 045	67 446	1 007,7	1 919,4	3,9	7,6
РСФСР *	38 460	46 117	659,4	1 290,4	3,7	7,4
Северный край	731	1 318	9,4	20,8	2,1	4,5
Карельская АССР	23	36	0,2	0,3	0,5	0,7
Ленинградская область	652	1 005	6,8	13,3	0,9	1,9
Западная область	1 011	1 395	11,4	20,7	1,0	1,8
Московская область	1 709	2 288	26,7	48,9	1,8	3,3
Ивановская промышленная область	668	811	8,5	12,6	1,0	1,6
Нижегородский край	2 197	2 646	33,8	50,2	2,5	3,7
Уральская область	3 026	3 520	61,6	116,4	5,2	10,0
Башкирская АССР	1 577	1 789	27,9	42,8	5,5	8,6
Татарская АССР	431	647	7,8	21,3	1,5	4,0
Средне-Волжский край	2 812	3 568	50,4	112,5	3,9	8,5
Центрально-Черноземная область	3 301	3 756	68,0	123,0	3,2	5,9
Нижне-Волжский край	3 220	3 715	57,1	174,2	5,9	18,3
Северо-Кавказский край	6 542	7 618	105,3	271,0	7,3	19,0
Дагестанская АССР	311	333	4,2	10,1	2,3	5,6
Крымская АССР	1 104	1 086	15,0	19,6	16,7	21,8
Казахская АССР	4 088	5 144	65,4	92,0	5,3	7,4
Киргизская АССР	479	570	11,1	13,2	5,1	6,3
Сибирский край	3 340	3 558	68,4	102,1	4,5	6,7
Бурят-Монгольская АССР	302	327	5,8	6,0	5,7	6,0
Дальне-Восточный край	936	987	14,6	19,5	6,1	8,1
У С С Р	14 303	15 801	284,8	522,5	5,6	10,4
Полесье	511	617	8,3	13,3	1,6	2,6

Таблица 9¹² (окончание)

Районы	Число колхозов		Число крестьянских хозяйств (семейств и одиночек) в колхозах, тыс.		Удельный вес коллективизированных хозяйств, %	
	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября	1 июня	1 октября
Правобережье	4 438	4 958	93,4	183,7	5,3	10,6
Левобережье	2 312	2 844	45,1	72,9	3,8	6,2
Степь	7 045	7 382	138,0	252,6	8,6	16,0
Б С С Р	1 027	1 631	10,7	23,0	1,4	3,6
З С Ф С Р	1 345	1 972	23,1	40,7	2,6	4,4
Туркменская ССР	217	280	5,2	5,8	2,7	4,0
Узбекская ССР	1 452	1 406	21,7	29,1	2,6	3,5
Таджикская ССР	208	209	2,8	2,9	1,9	2,0

* Без Якутской АССР.

в колхозы, возросло почти вдвое — с 1 млн. до 1 млн. 919 тыс. Уровень коллективизации по стране в целом поднялся с 3,9 до 7,6% (см. таблицу 9).

По уровню коллективизации сельского хозяйства резко выделялись Северный Кавказ, Нижняя Волга, Крым и степная часть Украины (от 16 до 21,8%). На эти районы приходилось 37,3% коллективизированных крестьянских хозяйств. Выше среднего уровень коллективизации был в Правобережной Украине, на Урале, Средней Волге, в Башкирии и на Дальнем Востоке (24,7% хозяйств, вступивших в колхозы). Таким образом, осенью 1929 г. колхозное движение охватило по преимуществу зерновые районы, протянувшиеся почти сплошной полосой по югу, юго-востоку и востоку Европейской части СССР (свыше 60% от общего числа коллективизированных крестьянских хозяйств).

Районы, где уровень коллективизации был близок к среднему (от 5,6 до 7,4%), также являлись преимущественно сельскохозяйственными. Сюда относились Цент-

¹² «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». М.—Л., 1931, стр. 22—23, 25.

рально-Черноземная область, Сибирь, Казахстан, Киргизия, Левобережье Украины, Дагестан и Бурят-Монголия.

Наиболее низкий уровень коллективизации (до 4,5%) был в потребляющей полосе (Ленинградская, Западная, Московская и Ивановская промышленные области, Северный и Нижегородский края), в Белоруссии, Татарии, республиках Средней Азии и Закавказья. В этом сказались и сравнительно низкая обеспеченность сельского хозяйства новой техникой, и отсутствие такого опыта борьбы с кулачеством, какой был накоплен в зерновых районах во время хлебозаготовительных кампаний 1928—1929 гг., и небольшое число старых колхозов и совхозов.

Огромные трудности должно было преодолеть колхозное строительство в экономически отсталых национальных районах, где сохранялись еще остатки докапиталистических укладов. В республиках Средней Азии колхозное движение скорее всего распространялось в наиболее развитых хлопководческих районах, меньше захватило зерновые и почти не коснулось районов кочевого животноводства. На территории Узбекистана к октябрю 1929 г. насчитывалось более 1400 колхозов, в которых состояло около 30 тыс. дехканских хозяйств (3,5%). Как сообщала 18 октября газета «Кызыл Узбекистан», «во всех округах Узбекистана увеличивается число сторонников создания коллективного хозяйства»¹³. Стали появляться колхозы, охватывающие все население отдельных кишлаков.

Развитию колхозного движения в республиках Средней Азии и Закавказья содействовало отчасти наличие большого количества безземельных и малоземельных хозяйств, а также высокая товарность сельского хозяйства (хлопок, чай, виноград). Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что система ирригации находилась в руках государства, которое оказывало преимущественную помощь коллективным хозяйствам.

Несмотря на то, что в республиках Средней Азии и Закавказья число коллективизированных хозяйств с осени 1927 до 1929 г. возросло в 8—10 раз, отставание их от

¹³ «Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.)». Сборник документов. Ташкент, 1961, стр. 377.

зерновых районов не только не сократилось, но, наоборот, увеличилось. Колхозное движение осенью 1929 г. оставалось по преимуществу движением деревенской бедноты. В потребляющей полосе и, особенно на национальных окраинах, преобладание бедноты в колхозах было очевидным. Даже в передовой по уровню коллективизации республике Средней Азии — Узбекистане — беднота и батраки в колхозах составляли около 90% (за исключением Ташкентского и Самаркандского округов, где их было несколько меньше — 70—80%)¹⁴. Такие же данные характерны и для других республик Средней Азии.

Однако в основных зерновых районах страны осенью появились признаки назревающего перелома в настроениях середняцких слоев крестьянства. Об этом в первую очередь говорит увеличение количества сел и районов сплошной коллективизации. Об этом свидетельствуют и темпы прироста в 1929 г. коллективных посевов, значительно обгонявшие темпы прироста коллективизированных хозяйств. На Средней Волге прирост числа коллективизированных хозяйств в 1929 г. по отношению к 1928 г. составлял 173,4%, а прирост коллективных посевов — 346,9% (в 1928 г. прирост по отношению к 1927 г. соответственно составлял 176,8 и 134,5%); на Северном Кавказе — 147,5 и 221,5% (против 338,1 и 207,8% в 1928 г.); на Украине — 229,6 и 308,2% (против 184,6 и 116,4%) и т. д.¹⁵ Это означало, что в 1929 г. в колхозы стало вступать больше обеспеченных, т. е. середняцких крестьянских хозяйств, чем в 1928 г.

О росте удельного веса середняков в колхозах осенью 1929 г. говорят и прямые данные. Обследование колхозов Уральской области установило, например, что осенью 1927 г. в колхозах было 80% батраков и бедняков, 18% середняков, 2% зажиточных, а осенью 1929 г. — 71% батраков и бедняков, 28,6% середняков и 0,3% зажиточных¹⁶. В Курганском округе удельный вес бедноты в колхозах снизился в 1929 г. по сравнению с 1928 г. с 70,3 до 59,4%, середняков, напротив, поднялся с 28,5 до 40,0%, а зажиточных сократился вдвое — с 1,2 до 0,6%. В кол-

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3180, лл. 26, 60.

¹⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 143, л. 3; *Н. А. Ивницкий*. Указ. соч. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 56.

¹⁶ «Материалы по истории СССР», вып. VII, стр. 239.

хозах Украины осенью 1929 г. середняки составляли 30—40%¹⁷.

Средняки больше тяготели к низшим формам колхозов — ТОЗам. До конца 1929 г. за ТОЗами сохранялось абсолютное преобладание (на 1 июня ТОЗы составляли 60,2% всех коллективных хозяйств, на 1 октября — 62,3%), на втором месте стояли артели — 33,6 и 30,8%, на третьем коммун — 6,2 и 6,9%). Примерно такая же картина наблюдается и в распределении крестьянских хозяйств по основным уставным формам колхозов (см. таблицу 10).

Т а б л и ц а 10¹⁸

Распределение крестьянских хозяйств по основным формам колхозов, %

	ТОЗы	Артели	Коммуны
На 1 июня 1929 г.	60,1	29,4	10,5
На 1 октября 1929 г.	68,2	22,7	9,1

Хотя удельный вес артелей и коммун несколько снизился за этот период, степень обобществления посевов в целом по всем колхозам постепенно возрастала (с 82 до 84%), что подготавливало переход от ТОЗов к более высокой форме колхоза — артели. Не случайно поэтому уже летом 1929 г. в ТОЗах была высокой степень обобществления посевов (74%)¹⁹.

При этом характерно, что в то время как удельный вес артелей в потребляющей полосе и национальных районах снизился, в основных зерновых районах он стал понемногу возрастать (см. таблицу 11).

Эта тенденция объясняется тем, что в отстававших по уровню коллективизации районах первоначально организовывались преимущественно низшие формы колхозов, а в

¹⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 101, лл. 122—123; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 67.

¹⁸ «Сдвиги в сельском хозяйстве...», стр. 30.

¹⁹ «Колхозы в 1929 году». М.—Л., 1931, стр. XIX.

Т а б л и ц а 11²⁰

Удельный вес артелей среди других форм колхозов, %

Районы	На 1 июня 1928 г.	На 1 ок- тября 1929 г.
Ленинградская область	54	29
Западная область	61	55
Московская область	54	33
Татарская АССР	61	44
Северный Кавказ	8	11
Нижняя Волга	33	48
Урал	35	38
Украина	22	23

передовых они уже перерастали в высшие. В 1929 г. происходит более интенсивный процесс перерастания низших форм кооперативного движения в более высокие. По Сибири, например, из 734 колхозов (по которым имелись сведения) 409 (т. е. 55,7%) образовались путем перерастания из более простых форм кооперации. На Северном Кавказе 229 колхозов (из 1025) перешли на устав более сложного коллективного хозяйства²¹. Все это указывает на качественные сдвиги в колхозном движении второй половины 1929 г.

Поворот основных масс крестьянства — середняков — в сторону колхозов подготовлялся исподволь, постепенно, благодаря созреванию объективных и субъективных предпосылок. Среди них немаловажную роль играло и то обстоятельство, что крестьянин-единоличник, в том числе и середняк, убеждался в бесперспективности индивидуального хозяйства. Бесперспективность единоличного хозяйства стала особенно очевидной в условиях хлебозаготовительного кризиса 1928—1929 гг. Вся обстановка, сложившаяся в деревне, приводила середняка к выводу о целесообразности перехода к коллективному хозяйству, имевшему большие перспективы развития.

²⁰ «Колхозы в 1929 году», стр. XX—XXI.

²¹ «Материалы по истории СССР», вып. VII, стр. 238.

Первые итоги начавшегося массового колхозного движения были подведены на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г. Вопросы колхозного строительства, выдвинутые движением миллионных масс трудящегося крестьянства, заняли большое место в работе Пленума ЦК.

В докладах о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1929/30 г. председатель Госплана СССР Г. М. Кржижановский и председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев отмечали, что наряду с быстрыми темпами развития социалистической промышленности произошли серьезные сдвиги и в социалистической реконструкции сельского хозяйства. Общее число коллективизированных крестьянских хозяйств к осени 1929 г. намного превысило плановые предположения: посевная площадь колхозов увеличилась за год более чем в три раза, валовая продукция возросла на 240,5%, а товарная продукция — на 278,3%. Колхозное строительство стало делом миллионных бедняцко-средняцких масс крестьянства. Начался новый этап строительства социализма, говорил Г. М. Кржижановский. «Колхозное строительство сравнительно с прошлым годом должно было дать по плану сдвиг около 100%, а оно утроилось, считая по площади зерновых хлебов.

Однако и эти цифры, мне кажется, еще не охватывают того действительного сдвига, который произошел или, вернее, продолжает происходить в рядах крестьянства, когда оно не словами только, а делом, показом убеждается в том, что наконец-таки нащупаны действительно верные пути для прочного изменения крестьянских судеб»²².

Контрольные цифры на 1929/30 г. определяли конкретные задачи развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства. В частности, планировалось довести капитальные вложения в сельское хозяйство до 4,3 млрд. рублей (против 3,5 млрд. по пятилетнему плану), из них на развитие социалистического сектора — 1,6 млрд. руб., т. е. в два с половиной раза больше, чем намечалось пятилетним планом. Посевные площади колхозов и совхозов предполагалось увеличить втрое, с 6,1 до 18,3 млн. га, в том числе колхозов — с 4,3 до 15 млн. га. Колхозы и

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, стр. 6.

совхозы должны были дать в 1930 г. более 50% товарного хлеба против 43%, намечавшихся пятилетним планом²³.

«Бурный рост социалистических форм хозяйства,— отмечалось в резолюции ноябрьского Пленума,— повышение их удельного веса в народном хозяйстве, усиление их влияния на индивидуальное крестьянское хозяйство, выразившееся в стихийной тяге бедняцко-средняцких масс крестьянства к коллективным формам земледелия,— все это свидетельствует о том, что решительный успех политики наступления социализма на капиталистические элементы обеспечен и что *дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки*»²⁴.

Пленум заслушал и обсудил также доклад председателя правления Колхозцентра СССР Г. Н. Каминского об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства. Характеризуя колхозное строительство к осени 1929 г., докладчик подчеркнул, что массовое движение трудящегося крестьянства было обусловлено всей подготовительной работой партии, стало возможным на основе возросших материальных ресурсов пролетарского государства и развития сельскохозяйственной кооперации.

Касаясь темпов и перспектив колхозного движения, Г. Н. Каминский указывал, что если под колхозы будет подведена серьезная машинная база, как это намечено ЦК в постановлении о форсированном строительстве тракторных заводов и т. п., то можно с уверенностью заявить, что в основных зерновых и сырьевых районах в течение полутора-двух лет подавляющая часть бедняцко-средняцких масс крестьянства будет коллективизирована.

О темпах коллективизации говорили многие участники Пленума. Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев отмечал, что темпы колхозного движения нарастали с каждым днем. На Северном Кавказе, например, 25—30% крестьянских хозяйств вступили в колхозы, что значительно превысило плановые предположения. Партийная организация края взяла курс на завершение в основном коллективизации к лету 1931 г.

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4. М., 1970, стр. 327, 329.

²⁴ Там же, стр. 332—333.

В 1929/30 г. крайком считал возможным вовлечь в колхозы примерно половину крестьянских хозяйств²⁵.

О быстрых темпах коллективизации сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае говорил секретарь крайкома Б. П. Шеболдаев. За последние два-три месяца, заявлял он, «... к сплошной коллективизации мы идем очень быстро и не только по отдельным районам и округам. Нижне-Волжский край также через год-полтора будет районом сплошной коллективизации. Это совершенно очевидно для пас на местах...

Волна сплошной коллективизации, несомненно, через некоторое время захватит и те края, области и республики, представители которых сейчас на Пленуме не особенно активно интересуются этим вопросом. Эта волна дойдет туда, может быть, с некоторым опозданием, но через некоторое время те вопросы, которые стояли у нас, встанут перед вами в упор»²⁶.

О перспективах колхозного движения на Украине, и в особенности ее степной части, говорил на Пленуме и председатель Колхозцентра УССР И. А. Гаврилов. Он заявил, что степная часть Украины, так же как Северный Кавказ и Поволжье, закончит в ближайшее время сплошную коллективизацию сельского хозяйства. «Политбюро ЦК КП(б)У постановило,— продолжал И. А. Гаврилов,— в отношении степной части Украины закончить это дело в ближайшие два года, т. е. примерно такая же установка, какую делал тов. Андреев, может быть не на весну, а на осень, может быть весной 1931 г. в степной части Украины в основном коллективизация сельского хозяйства закончится»²⁷. Еще более сжатые сроки завершения коллективизации сельского хозяйства намечались в выступлении В. М. Молотова²⁸.

На Пленуме наряду с достижениями отмечались недостатки и трудности в колхозном строительстве. Однако они не могли заслонить громадных успехов партии в социалистическом строительстве в деревне. Секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор говорил: «Конечно, теневых сторон очень много, но нужно уже совсем выворотить

²⁵ Н. А. *Ивницкий*. Указ. соч., стр. 65.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 40—41.

²⁷ Там же, стр. 57.

²⁸ Н. А. *Ивницкий*. Указ. соч., стр. 65.

мозги, чтобы теньювыми сторонами прикрывать, заслонять общее коллективное движение, его оценку, общую его картину»²⁹.

В целом колхозное движение в то время развивалось на здоровой основе, на базе добровольного объединения крестьянских масс в коллективные хозяйства. Передовые районы страны вплотную подошли к сплошной коллективизации. В резолюции «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» Пленум указывал: «Подводя итоги колхозному строительству, необходимо отметить: быстрый рост охвата крестьянских хозяйств колхозами; осуществление новых организационных форм и методов коллективизации, в частности, на основе опыта машинно-тракторных станций; строительство крупных колхозов и усиление их роли; охват колхозами целых селений; переход к сплошной коллективизации районов и округов. Колхозное движение ставит уже задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями»³⁰.

Пленум отмечал, что бурный рост колхозного движения ставит перед партией новые сложнейшие задачи и выявляет трудности и недостатки колхозного движения. В резолюции Пленума указывалось, что колхозное строительство происходит в условиях борьбы с правыми оппортунистами, фактически выступавшими против коллективизации сельского хозяйства и против решительного наступления на кулачество.

Пленум подчеркнул, что итоги развернувшегося колхозного строительства свидетельствовали о начале *нового исторического этапа* в социалистическом преобразовании сельского хозяйства «на путях укрепления производственной смычки пролетарского государства с основными бедняцко-середняцкими массами деревни»³¹.

Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) разработал целую систему мероприятий по развитию и укреплению колхозного движения. Отмечая отсталость технической базы колхозов, Пленум одобрил постановление Политбюро о расширении плана тракторостроения и машиностроения, о постройке двух заводов с производительностью в 100 тыс.

²⁹ М. А. Вьлцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР.— «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 5.

³⁰ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 345.

³¹ Там же, стр. 347.

гусеничных тракторов, двух комбайновых заводов, расширении заводов сложных сельскохозяйственных машин и развитии химической промышленности для производства минеральных удобрений и т. д. Осуществление этих мероприятий создавало необходимую техническую базу крупного социалистического земледелия. Однако ограниченные материальные возможности Советского государства требовали участия трудящегося крестьянства в финансировании сельскохозяйственного машиностроения. С этой целью Пленум рекомендовал привлекать средства крестьянского населения, практикуя прием предварительных заказов и задатков от колхозов и их объединений на тракторы, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины. В резолюции Пленума подчеркивалась важность строительства крупных механизированных колхозов и машинно-тракторных станций, которые должны стать центрами сплошной коллективизации. В связи с острым недостатком тракторов и других машин рекомендовалось шире использовать и более простые орудия производства в колхозах и простейших производственных объединениях.

Колхозное движение могло успешно развиваться, если коллективные хозяйства покажут свое преимущество перед индивидуальными хозяйствами, повысят производительность труда, поднимут производственную дисциплину и наладят правильную организацию труда. Поэтому Пленум считал, что партийные организации, советские и колхозно-кооперативные органы должны добиваться решительного перелома в поднятии трудовой дисциплины, сознательного отношения колхозников к своим обязанностям, создавать личную материальную заинтересованность в поднятии производительности труда. В этих целях рекомендовалось шире развивать социалистическое соревнование, развертывать самокритику, практиковать производственные совещания.

Важное место в решениях ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) отводилось проблеме кадров. Колхозное движение приняло такой размах, что прежние система, программа и методы подготовки кадров для колхозного строительства уже не отвечали требованиям нового этапа колхозного движения. Пленум указал на необходимость решительного увеличения удельного веса колхозников, батраков и бедняков в числе студентов вузов и техникумов. Наряду с этим признавалось целесообразным организо-

вать подготовку массовых колхозных кадров в совхозах и крупных колхозах. Для подготовки организаторов крупных коллективных хозяйств при Колхозцентре СССР создавалась Центральная колхозная школа.

Придавая большое значение руководящим кадрам из среды промышленных рабочих, Пленум решил, помимо укрепления колхозного строительства партийными руководящими кадрами, послать в деревню не менее 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом. Это имело огромное значение, ибо, по словам А. А. Андреева, организовать крупный колхоз — почти такая же крупная задача, как организовать крупное промышленное предприятие³².

В обстановке ожесточенной классовой борьбы в деревне пролетарское влияние было особенно необходимым. Это влияние осуществлялось как через посланцев промышленных центров, так и через батрацко-бедняцкие группы.

В резолюции Пленума подчеркивалась руководящая роль Советов в колхозном строительстве, говорилось о необходимости повысить ответственность Советов за колхозы, не допуская, однако, мелочной опеки и администрирования в отношении коллективных хозяйств.

«В связи с бурно развертывающимся колхозным движением и стоящей перед рабочим классом и крестьянскими массами задачей поднятия этого движения на более высокую ступень, — говорилось в резолюции, — пленум ЦК предостерегает против недооценки трудностей колхозного строительства и особенно против формально-бюрократического подхода к нему и к оценке его результатов»³³.

Таким образом, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК разработал программу деятельности партийных, советских и кооперативных органов в области колхозного строительства.

* * *

После ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. колхозное движение получило еще больший размах. Все новые и новые районы становились на путь сплошной коллективизации. В деревне происходила коренная ломка вековых хозяйственных устоев, шла полным ходом социали-

³² Н. А. Ивницкий. Указ. соч., стр. 60.

³³ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 354.

стическая реконструкция сельского хозяйства. Наиболее значительные масштабы приобрела она в важнейших зерновых районах. Секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А. А. Андреев так охарактеризовал положение в деревне: «Село вступило в обстановку невиданного, стремительного перехода от единоличного хозяйства к крупному, обобществленному»³⁴.

Все шире развивалось колхозное движение не только в зерновых, но и в потребляющих и национальных районах страны. V пленум Казахского крайкома ВКП(б) (декабрь 1929 г.) отмечал, что в Казахстане «колхозное движение начало развиваться гораздо более быстрым, чем до сих пор, темпом... Колхозное движение захватило также и беднячко-средняцкие слои коренного казахского населения»³⁵.

Крестьяне на собственном опыте убеждались в правильности политики партии и все чаще приходили к выводу о необходимости объединения в коллективные хозяйства. Так, например, крестьяне деревни Костыль Усть-Кубинского района Вологодского округа (Северный край) 19 декабря 1929 г. приняли постановление об организации колхоза. В постановлении говорилось: «Принимая во внимание, что Советское правительство и Коммунистическая партия никогда не желали плохого трудовому крестьянству, а всегда старались и стараются вывести из нищеты путем коллективизации, а поэтому изъявляем желание войти в таковой (т. е. в колхоз.— *Н. И.*) с полным объединением труда, скота и вольной постройки, присвоив название «12 годовщины Октября»»³⁶.

Темпы коллективизации сельского хозяйства продолжали нарастать. К середине декабря в Нижне-Волжском крае свыше 60% крестьянских хозяйств вступили в колхозы, в Крыму — 41, на Средней Волге и Северном Кавказе — 35, в Сибири — 28, на Урале — 25, в Центрально-Черноземной области — 16,7, на Дальнем Востоке — 8,1, в Чувашской АССР — 8,5% и т. д.³⁷

³⁴ «Сельскохозяйственная газета», 24 декабря 1929 г.

³⁵ «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 гг.)», ч. 1. Алма-Ата, 1967, стр. 272.

³⁶ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 263.

³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 40, лл. 174—173, 197; д. 320, лл. 72—73; *В. А. Абрамов. Указ. соч.*, стр. 94—95.

Уровень коллективизации сельского хозяйства на 15 декабря 1929 г.

Районы	Ок- ру- га	Рай- оны	Число районов и уровень кол- лективизации в них, %					
			до 15%	15— 30%	30— 50%	50— 70%	70% и более	
РСФСР								
Ниже-Волжский край	10	96	19 19,8	7 7,3	3 3,1	16 16,7	51 53,1	
Средне-Волжский край	8	97	39 40,2	20 20,7	19 19,6	11 11,3	8 8,2	
Северо-Кавказский край	15	117	17 14,5	49 41,9	34 29,1	13 11,1	4 3,4	
Центрально-Черноземная область	10	147	48 32,6	39 26,5	33 22,4	11 7,7	16 10,8	
Сибирский край	17	205	164 80,1	27 13,1	7 3,4	5 2,4	2 1	
Уральская область	14	168	67 39,8	45 26,8	30 17,8	11 6,7	15 8,9	
Западная область	6	82	64 78,0	9 10,9	6 7,4	—	3 3,7	
Московская область	9	117	89 76,0	15 12,9	10 8,5	1 0,9	2 1,7	
Ивановская область	6	58	44 75,9	11 18,9	3 5,2	—	—	
Нижегородский край	9	126	113 89,6	9 7,3	4 3,1	—	—	
Северный край	5	58	54 93	3 5,3	1 1,7	—	—	
Ленинградская область	6	107	98 91,6	9 8,4	—	—	—	
Казахская АССР	11	156	71 45,5	41 26,2	29 18,6	12 7,7	3 2,0	
Крымская АССР	—	10	—	2 20,0	4 40,0	3 30,0	1 10,0	
Дагестанская АССР	—	28	21 75,0	4 14,2	1 3,6	2 7,2	—	
Украинская ССР	36	510	294 57,5	119 23,3	59 11,6	24 4,9	14 2,7	
Белорусская ССР	8	100	48 48,0	28 28,0	13 13,0	7 7,0	4 4,0	

Таблица 12³⁸ (окончание)

Районы	Ок- ру- га	Рай- оны	Число районов и уровень кол- лективизации в них, %				
			до 15%	15— 30%	30— 50%	50— 70%	70% и более
Узбекская ССР	10	65	42 64,6	17 26,2	5 7,7	—	1 1,5
Туркменская ССР	3	33	27 82,0	1 3,0	4 12,0	1 3,0	—
Армянская ССР	—	31	29 93,6	2 6,4	—	—	—
Азербайджанская ССР	—	62	57 91,9	4 6,6	1 1,5	—	—
Итого по СССР		2 373	1 405 59,2	461 19,4	266 11,2	117 4,9	124 5,3

Об уровне коллективизации сельского хозяйства в СССР к 15 декабря 1929 г. дает представление таблица 12.

Таблица 12, несмотря на некоторую неполноту, дает примерную картину колхозного строительства в конце 1929 г., показывает тенденцию его развития. Приведен-

³⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 50, лл. 52—47; «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 270—271. В таблицу не вошли сведения: по Оренбургскому округу (Средняя Волга); Карачаевской, Черкесской и Чеченской автономным областям (Северный Кавказ); Курскому и Старо-Оскольскому округам (ЦЧО); Барабинскому, Горскому и Тулунскому округам (Сибирский край); Златоустинскому и Курганскому округам (Уральская область); Великолукскому и Ржевскому округам (Западная область); Московскому округу (Московская область); Кинешемскому округу (Ивановская область); Вотской автономной области (Нижегородский край); Ненецкому национальному округу (Северный край); Лужскому, Мурманскому и Новгородскому округам (Ленинградская область); Карельской АССР; Адамовскому, Акмолинскому и Гурьевскому округам (Казахская АССР); Белоцерковскому, Вольинскому, Тульчинскому, Черниговскому округам и Молдавской АССР (Украина); Кара-Калпакской автономной области; Кашка-Дарьинскому, Ходжентскому, Хорезмскому округам и Кенимехскому отдельному району (Узбекская ССР); Грузинской ССР.

ные цифры достаточно полно отражают сдвиги в коллективизации, наметившиеся после ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б). Наибольшее число районов сплошной коллективизации (где уровень коллективизации был свыше 50%) находилось в Нижне-Волжском, Средне-Волжском и Северо-Кавказском краях, а также в Центрально-Черноземной области и Крыму. Особенно выделялся Нижне-Волжский край, насчитывавший 67 районов сплошной коллективизации, т. е. более 2/3 общего числа районов края и свыше 25% имевшихся к середине декабря 1929 г. районов сплошной коллективизации в СССР. Такой бурный рост колхозного движения в крае, когда уровень коллективизации за два с половиной месяца (октябрь — первая половина декабря) поднялся с 18,3 до 62,5%, свидетельствовал не только об успехах, но и о том, что в некоторых районах уже начиналось нездоровое «соревнование» местных организаций за скорейшее завершение коллективизации.

Однако главным содержанием колхозного движения в 1929 г. были не недостатки и ошибки, а громадные достижения. 1929 год вошел в историю как год великого перелома на всех фронтах социалистического строительства, когда Коммунистическая партия, преодолевая громадные трудности внутреннего и международного характера, осуществила коренной поворот к социалистической реконструкции народного хозяйства, обеспечила победу политики социалистической индустриализации страны и добилась первых успехов в социалистическом переустройстве деревни. В конце 1929 г. в важнейших зерновых районах основная масса бедняков и середняков повернула на путь коллективизации, наметился поворот в сторону колхозов и в национальных и потребляющих районах. В стране началось массовое колхозное движение, знаменовавшее начало нового исторического этапа в строительстве социализма.

2. Обострение классовой борьбы в деревне

1929 год характеризуется обострением классовой борьбы в стране, в особенности в деревне. Мероприятия Советской власти, в том числе и по социалистическому переустройству сельского хозяйства, вызывали ожесточен-

ное сопротивление капиталистических элементов города и деревни. Наибольшую активность в этом проявляло кулачество.

Сопротивление кулачества мероприятиям партии и Советской власти в 1929 г. развернулось главным образом в ходе перевыборов Советов, —хлебозаготовок и колхозного строительства.

Перевыборы Советов явились важной политической кампанией, призванной укрепить союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства.

Центральный Комитет ВКП(б) в письме, опубликованном в «Правде» 1 января 1929 г., «О перевыборах Советов» подчеркивал исключительную политическую важность избирательной кампании, которая проходила «в обстановке усиленного внешнего нажима на СССР со стороны империалистических держав и обострения классовой борьбы внутри страны в связи с ростом сопротивления капиталистических элементов нашей политике индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства».

Решение задач социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства было немислимо без укрепления связей Советов с рабочими и крестьянскими массами, без изгнания из Советов классово чуждых элементов, без решительного наступления на сельскую буржуазию и городских нэпманов. Это вызывало обострение классовой борьбы, усиление активности капиталистических элементов. «Мы имеем усиление враждебной активности в связи с перевыборами Советов со стороны кулака и организованных контрреволюционных группировок, вплоть до церковников и сектантов»³⁹, — говорилось в письме ЦК ВКП(б).

В этих условиях необходимо было дать решительный отпор кулаку и всем антисоветским элементам, обеспечить правильное проведение ограничений при выборах в отношении эксплуататорских элементов, не допуская распространения этих мер на середняков. Задача партийных организаций состояла в проведении четкой классовой линии, в преодолении «всяких колебаний и уклонов от ленинской линии в сторону попустительства кулачеству и фактической капитуляции перед капиталистическими эле-

³⁹ «Правда», 1 января 1929 г.

ментами или в сторону недооценки союза рабочего класса с основной массой крестьянства (средняком) и извращения политики партии по отношению к середняку»⁴⁰.

Перевыборная кампания 1929 г. превратилась в арену острой классовой борьбы. Кулачество решило использовать выборы, чтобы подчинить своему влиянию Советы. Характерны в этом отношении выступления кулаков на одном из тайных собраний на Северном Кавказе: «Сумеем провести в Советы своих людей — проживем год как следует, не сумеем — пропали»⁴¹.

В борьбе за достижение своих целей они применяли различные формы выступлений, начиная от антисоветской агитации и кончая прямым террором. Изучение материалов Центральной избирательной комиссии РСФСР и организационного отдела ВЦИК за 1929 г. позволяет установить, что в ходе избирательной кампании происходило повсеместно обострение классовой борьбы в деревне. Так, по данным 148 газет, в конце 1928 — начале 1929 г. был зарегистрирован 5721 случай кулацкого противодействия выборам и выступлений. Кулаки всяческими методами обрабатывали крестьян-избирателей, привлекая их на свою сторону. На первом месте по числу случаев стоит кулацкая агитация (свыше 28,5% общего количества), на втором месте — приемы насильственного воздействия на бедноту (примерно 20%), на третьем — случаи созыва тайных кулацких собраний (около 14,2%) и т. д.⁴² На этих собраниях вырабатывались политические и экономические требования вплоть до требования свержения Советской власти.

О гибкости и разнообразии форм и методов борьбы кулачества говорят многочисленные факты. Широкое распространение получила индивидуальная, групповая и массовая агитация кулачества, которая нередко начиналась задолго до перевыборной кампании. С этой целью кулаки и подкулачники обходили дома, приглашали крестьян в

⁴⁰ «Правда», 1 января 1929 г.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 106, д. 534, л. 369.

⁴² Н. А. Ивницкий. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 28.

гости, устраивали попойки и гулянки, вели беседы у колодцев, на базарах, около церквей, на мельницах. Для привлечения бедноты и батраков на свою сторону кулаки оказывали денежную помощь, давали ссуду хлебом, картофелем, сеном, дровами. В сводке Средазбюро ЦК о пере-
выборах Советов в республиках Средней Азии (от 16 января 1929 г.) сообщалось о многочисленных фактах байской агитации против кандидатов бедняков и батраков. Председатель Совета в кишлаке Наукат Шихрисабзского района Кашкадарьинского округа (Узбекистан) — ставленник баев — на предвыборном собрании заявил: «Как можно выбирать батраков, когда они сплошь неграмотные, они не сумеют совершенно работать»⁴³.

В отсталых национальных районах байство использовало патриархальные традиции, межродовую вражду, противоречия и предрассудки. Часто на совещаниях и собраниях присутствовали старейшины рода — аксакалы и указывали, за кого нужно голосовать при выборах в Советы⁴⁴.

Не ограничиваясь этими методами политической обработки крестьянства, кулаки прибегали и к другим формам воздействия на избирателей. Они распространяли листовки, обращения, плакаты с лозунгами. Только в Северо-Кавказском крае было зарегистрировано 59 случаев выпуска листовок, в Средне-Волжской области — 31, в Козловском округе (ЦЧО) — 13 и т. д. В листовках избирателей призывали голосовать против коммунистов, бедняков и батраков-активистов, а также организовать крестьянский союз (Тверская губерния)⁴⁵.

Чтобы подчинить своему влиянию сельские избирательные комиссии, кулаки стремились проникнуть в их состав или провести своих ставленников. Вместе с тем кулаки пытались получить избирательные права. Для этого кулак либо маскировался под защитника всех мероприятий Советской власти, либо, представляя поддельные справки об имущественном положении, обращался с жалобами в вышестоящие советские органы. Нередко кулаки прибегали к дроблению хозяйств и разделам с целью уменьше-

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп 1, д. 2200, л. 6.

⁴⁴ Там же, д. 2206, л. 2.

⁴⁵ Интересно отметить, что листовки размножались различными способами (от руки, на пишущей машинке, шапирографе и даже типографским способом).

ния мощности хозяйства, распродаже имущества, увольнению батраков. В зависимости от обстановки, настроений крестьянства, степени организованности менялись формы и методы кулацких выступлений. Если не удавалось привлечь на свою сторону крестьянство путем «мирной» агитации, если был сильный отпор со стороны бедняцко-средняцкого блока, то кулачество применяло более решительные методы борьбы. Одним из таких методов явился срыв собраний. В трех округах Северо-Кавказского края были сорваны 57 собраний, в Московской губернии — 30 и было 50 попыток срыва, в Донецком округе — 34, в Калужской губернии — 21 и т. д.⁴⁶

В ходе развертывания избирательной кампании и усиливающегося отпора с стороны бедняцко-батрацких и средняцких масс крестьянства выступления кулачества принимали все более озлобленный и острый характер, перерастая в террористические акты. Кулаки прибегали к различным видам террора: убийствам и избиениям батраков и бедняков, коммунистов и деревенских активистов, поджогам и уничтожению скота, угрозам и покушениям, вредительству и диверсиям. По данным Сибирского края, террор крайне озлобленного кулачества нарастал из месяца в месяц: в октябре 1928 г. было 78 случаев кулацкого террора, в ноябре — 102, в декабре — 191, в январе 1929 г. — 192⁴⁷. На Украине в конце 1928 и начале 1929 г. было зарегистрировано 290 террористических актов⁴⁸. Участились случаи угроз и расправ с партийными, советскими и другими активными работниками деревни во многих районах страны: на Северном Кавказе, Средней Волге, Урале, в ЦЧО, республиках Средней Азии и Закавказье. В Чарджоуском округе (Туркмения) баи убили батрака, члена аулизбиркома Ягмура Сеида Мурадова. В ауле Менгели Халачского района Керкинского округа наемники баев и духовенства зверски убили двух женщин-туркменок, сельских активисток⁴⁹. В Нижне-

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 106, д. 534, л. 377.

⁴⁷ «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». М., 1955, стр. 450.

⁴⁸ П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 80.

⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2206, л. 2 об.

Волжском крае было убито 17 активистов, совершено 31 покушение на убийство, 47 избиений бедноты; на Средней Волге — 9 убийств, 16 покушений и 44 избиения, на Северном Кавказе — 10 убийств и 11 покушений на убийство и т. д.⁵⁰

Наряду с большой контрреволюционной активностью кулачества следует отметить и организованный характер его выступлений. Организованность проявлялась не только в предварительной подготовке к перевыборной кампании, но и в создании специальных групп и комитетов, в проведении совещаний и съездов, конспиративных собраний, которые проходили под видом заседаний церковных советов с «активом», «шахматно-шашечных турниров» и т. п.

Для руководства действиями кулаков во время избирательной кампании в ряде случаев создавались подпольные кулацкие избиркомы. Так, в деревне Менгерен Кузнецкого округа (Средняя Волга) был организован кулацкий избирком, который имел подробно разработанный план действий. В Паденгской волости Шенкурского уезда Архангельской губернии во время перевыборов было выявлено 10 антисоветских групп, которые отводили кандидатов в члены Советов и земельных обществ, выдвигаемых партийными ячейками.

Наибольшая активность кулачества наблюдалась в зерновой зоне и некоторых районах потребляющей полосы. Особенно выделяются по числу кулацких выступлений Северный Кавказ, Сибирь, Урал и Ленинградская область, на долю которых приходилось более половины всех зарегистрированных в конце 1928 — начале 1929 г. выступлений.

Перевыборная кампания 1928/29 г. активизировала и бедняцко-батрацкие и маломощносередняцкие слои деревни. В ответ на выступления кулачества бедняки и батраки теснее сплачивались вокруг партии и Советской власти, они не только поддерживали мероприятия Советского государства, но и являлись активными проводниками их в жизнь. О масштабах их политической активности в перевыборной кампании свидетельствуют такие факты. По неполным данным, в Смоленской губернии состоялось

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 106, д. 534, л. 377 об.

4677 предвыборных собраний бедноты и батрачества, в которых приняли участие свыше 122 тыс. человек; в Рязанской губернии соответственно: 3338 и около 98 тыс.; Брянской — 2199 и почти 85 тыс.; по 14 районам Псковского округа — 2152 и 48 тыс.; в Уральском округе — 1195 и 46 тыс.; четырьмя районами Кубанского округа — 348 и 21,5 тыс.; Киргизской АССР — 623 и 55 тыс. и т. д.

Большой размах приняла эта кампания в Центрально-Черноземной области. Здесь за время избирательной кампании партийными и советскими организациями было проведено 12 158 собраний бедноты, на которых присутствовало 365 726 человек⁵¹. Вопросы, связанные с перевыборами Советов, оживленно обсуждались и на конференциях групп бедноты. В резолюции Мценской районной конференции групп бедноты говорилось: «Признавая одной из политически важных проводимых в стране работ — это предстоящие перевыборы Советов и одобряя руководящую линию Коммунистической партии, проводимую в современных условиях обостренной классовой борьбы в деревне, конференция заявляет, что бедняцко-батрацкая часть покажет себя политической фигурой в деревне, будет еще сильнее держать и крепить блок с середняком и наступать вместе с рабочим классом под руководством партии на кулака в деревне»⁵².

Большую роль в борьбе с кулачеством играли группы бедноты, которые создавались при сельсоветах, кооперации, комитетах крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). Их организация шла довольно интенсивно. Так, например, в той же Центрально-Черноземной области до ноября 1928 г. насчитывалось 1054 группы бедноты, а к январю 1929 г. их число возросло до 2626⁵³. Они являлись опорой партийных и советских организаций при проведении политики партии в деревне. Бедняки и батраки требовали от органов власти принятия решительных мер против кулаков, выносили постановления о лишении их избирательных прав, изгоняли кулаков из избирательных комиссий. На бедняцком собрании в киш-

⁵¹ П. Н. Шарова. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области, 1928—1932 гг. М., 1963, стр. 84.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 83.

лаке Борух Исфаринского района Ходжентского округа (Узбекистан) два бая, лишённые избирательных прав, просили восстановить их в правах. Бедняки просьбу отклонили, а баям предложили уйти с собрания. В кишлаке Каугинон Юкари Паст-Даргомского района Самаркандского округа собрание постановило выбирать в Совет только бедняков и батраков⁵⁴. В кишлаке Шуль Гармского района (Таджикистан) дехкане потребовали лишить избирательных прав 5 крупных баев. В Дюшамбинском районе батраки и бедняки приняли решение изъять у баев часть земли, обложить байские хозяйства дополнительным налогом⁵⁵. На собрании селения Кайки Нарынского района Андижанского округа (Узбекистан) один из батраков сказал: «Мы говорим о том, чтобы в предстоящие переборы в соваппарат не попал чуждый элемент. Что можно ожидать хорошего, когда членом Кайкинского сельизбиркома состоит выходец из духовенства — ишан Ходжа Ходжиханов (он же предсельбатрачком). Он имеет до 30 танапов земли, которую обрабатывает наёмным трудом. Ясно, что нас, батраков, он никогда поддерживать не будет. Таких людей нужно гнать, а его сейчас же попросить удалиться с собрания»⁵⁶.

Угрозы и кулацкая расправа не могли запугать бедняcko-батрацкие массы, они ещё решительнее и настойчивее боролись с кулаками. Когда в селе Репьевке Чамзинского района (Средняя Волга) кулаки сожгли избу председателя сельсовета Гусарова, который погиб в огне, то беднячка Каткова заявила: «Убьют одного, — двадцать станут на его место!»⁵⁷.

Вольшую помощь местным партийным и советским организациям в переыборной кампании 1928/29 года оказали рабочие промышленных центров. По неполным сведениям, только по 37 административно-территориальным единицам в деревню было послано 1176 рабочих бригад из 4500 человек. Московская губерния послала около 700 человек, Кузнецкий округ — 770, Азербайджан — 782, Тула — 100, Смоленск — около 700 человек. Рабочие бригады в деревню послали Ленинград, Украина, Ивано-

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2210, л. 12.

⁵⁵ Там же, лл. 22—23.

⁵⁶ Там же, лл. 62—63.

⁵⁷ «Средне-Волжская деревня», 15 июня 1929 г.

во-Вознесенск, Урал, Иркутск и другие города и промышленные центры ⁵⁸.

С приходом рабочих бригад кампания по перевыборам Советов оживилась. Повысилась активность бедноты, во многих районах беднота стала выступать на собраниях только после приезда рабочих. Улучшилась и явка на отчетные собрания ⁵⁹. Пассивность части бедноты сменилась активностью. «Вы, рабочие, открыли нам глаза,— говорили бедняки,— мы не знали, что нам нужно было ходить на собрания, думали, за нас крепкие мужики решат» ⁶⁰. Бедняки заявляли, что, когда к ним приезжают рабочие, им «легче становится бороться с кулаком» ⁶¹.

В целях подрыва политического влияния сельской буржуазии на крестьянские массы в ходе избирательной кампании кулаки лишались избирательных прав. В 1929 г. их число составило 4,1% от общего количества взрослого сельского населения против 3,6% в 1927 г. В РСФСР в сельской местности избирательных прав были лишены 1 706 025 кулаков, т. е. 3,9% от общего числа избирателей ⁶².

О росте политической активности крестьянских масс свидетельствует их участие в выборах в Советы. В 1929 г. в выборах приняло участие 61,7% сельских жителей, имевших право голоса, т. е. на 13,3% больше, чем в 1927 г.

В сельские Советы были избраны 1 447 928 депутатов (на 131,4 тыс. больше, чем в 1927 г.). Изменился и качественный состав Советов. Удельный вес рабочих и батраков в Советах поднялся с 5 до 8,7%, бедноты — с 34 до 46%, удельный вес зажиточных сократился с 7,1 до 5,9%.

Рост влияния партии в деревне сказался на увеличении партийно-комсомольской прослойки в сельских Советах (с 13,9 в 1927 г. до 16,4% в 1929 г.) ⁶³.

⁵⁸ «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», стр. 329—393, 168.

⁵⁹ Там же, стр. 395.

⁶⁰ Там же, стр. 397.

⁶¹ Там же.

⁶² «Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г.», вып. 1. М., 1930, стр. 12.

⁶³ В. П. Данилов. К характеристике общественно-политической об-

Итоги выборов 1929 г. говорили о росте политической активности и организованности бедноты и батрачества, о повышении их роли и влияния на весь ход избирательной кампании. «На основе этого, несмотря на усиление борьбы кулачества за влияние на середняцкие массы крестьянства, партия достигла новых успехов в деле закрепления бедняцко-средняцкого блока и общего укрепления позиции пролетарской диктатуры в деревне», — говорилось в опубликованном в «Правде» 16 июня 1929 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О предварительных результатах перевыборной кампании Советов».

* * *

Хлебозаготовки 1929 г. также явились ареной острой классовой борьбы. И хотя они в 1929 г. прошли более успешно, чем в 1928 г., трудностей было немало, а противодействие кулачества в ходе их еще более усилилось. Кулачество решило дать бой Советской власти, оно еще раз попыталось саботажем хлебозаготовок вынудить партию и государство отказаться от проведения классовой линии в деревне, от осуществления социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Кулаки являлись крупными держателями хлеба не только потому, что их хозяйства были более мощными и, следовательно, товарность их продукции была выше, чем у середняцких, не говоря уже о бедняцких хозяйствах, но еще и потому, что к кулаку в значительной мере стекался хлеб трудящегося крестьянства. Крестьянский хлеб попадал в закрома кулаков по разным каналам: за пользование инвентарем и тягловой силой, промышленными предприятиями (мельницами, крупорупками, маслобойнями и др.), за счет ростовщических сделок и т. п.

Являясь крупным держателем хлеба, кулачество отказывалось продавать хлеб государству по твердым ценам, установленным Советской властью. Кулак сам саботировал хлебозаготовки и подбивал на это середняка, который, глядя на кулака, отказывался продавать хлеб государству. Это и понятно, кулак был авторитетом для середняка в вопросах хозяйственной деятельности.

становки в советской деревне накануне коллективизации.— «Исторические записки», т. 79, стр. 24—25.

А. И. Микоян в июне 1929 г. на VII сессии Всесоюзного совета колхозов говорил: «В области политики бедняк всегда с нами и середняк идет с бедняком против кулака. Но когда стоит вопрос о том, как посеять, как вспахать и т. д., то середняк пойдет не к бедняку спрашивать об этом, потому что у бедняка хозяйство хуже, чем у него. Он больше смотрит туда, где хозяйство поставлено хорошо, где кони прекрасные, коровы хорошие и хороший урожай»⁶⁴.

При саботаже хлебозаготовок кулачество прибегало к разнообразным методам борьбы, вплоть до применения силы. В антисоветской агитации кулачество использовало различные трудности, в том числе международную напряженность. Запугивание крестьян войной с Китаем и другими государствами особенно распространялось после конфликта на Китайско-Восточной железной дороге, когда летом 1929 г. белокитайские войска напали на дальневосточные границы СССР. И хотя попытка империалистов втянуть нашу страну в войну провалилась, так как Красная Армия нанесла сокрушительный удар китайским милитаристам, кулачество широко использовало эти события в своей антисоветской агитации⁶⁵.

События на КВЖД окрыляли кулацко-напманские элементы, белогвардейцев, духовенство и иных врагов, делали их более наглыми. Они рассчитывали, что срыв хлебозаготовок будет равносильным подрыву экономической мощи нашего государства, срыву социалистического строительства. Кулачество пыталось привлечь на свою сторону неустойчивых середняков и даже отдельных бедняков, пуская в ход подкупы и подачки. В ряд мест, и особенно в районах Сибири и Дальнего Востока, на первых порах кулакам удавалось привлечь на свою сторону крестьян. Однако в большинстве случаев беднота отвечала на кулацкие вылазки организацией красных обозов, созданием колхозов⁶⁶.

События на КВЖД вызвали, с одной стороны, оживление, активизацию кулаков, а с другой, сплотили трудящиеся массы крестьянства вокруг Коммунистической пар-

⁶⁴ «Коллективист», 1929, № 13, стр. 1.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2122, л. 10; д. 2124, лл. 11, 42.

⁶⁶ Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС, ф. 2, оп. 2, д. 173, лл. 11—30.

тии и рабочего класса. По всей стране проходили митинги протеста против провокаций белокитайских генералов: крестьяне выносили постановления о досрочной сдаче хлеба государству. Крестьяне 120 деревень в районе деятельности Колайского коопхлеба (Крым) в знак протеста против провокации на КВЖД решили 28 июля сдать государству 100 тыс. пудов хлеба. День протеста ознаменовался всекрымской крестьянской массовой демонстрацией, прошедшей под лозунгами: «Все съободные излишки—на оборону страны!», «Усиление индустриализации — укрепление смычки крестьянства с рабочим классом!». Свое обязательство колайцы выполнили — они доставили на заготовительные пункты около 125 тыс. пудов хлеба. Всего крестьяне Крыма 28 июля сдали 375 тыс. пудов хлеба⁶⁷.

Почин колайских крестьян был подхвачен многими районами Советского Союза. «Бедняки и середняки, — сообщалось из Ошского округа (Киргизия), — выносят решение о сдаче хлеба полностью»⁶⁸.

Когда антисоветская агитация терпела неудачу, кулаки меняли тактику и прибегали к другим приемам. Они прятали зерно в ямах, сбывали его спекулянтам, передавали на хранение подкулачникам, портили или уничтожали хлеб. В 1929 г. у многих кулаков было обнаружено по 500—1000 и более пудов хлеба. Об этих фактах сообщала центральная и местная периодическая печать. «Сельскохозяйственная газета» сообщала, например, что в селе Толиковцах Шевченковского округа (Украина) бедняки обнаружили около 700 пудов хлеба, зарытых в яму кулаком. Сельский сход постановил выселить кулака из села⁶⁹. В Нижне-Волжском крае, в селе Большая Канда, у кулака Калягина нашли в яме более 725 пудов ржи и овса, большая часть которых сгнила. В селе Преображенском того же края у одного кулака было выявлено 750 пудов зарытого в землю хлеба, у кулака Зими́на (с. Новодевичье) в яме оказалось 1250 пудов зерна, в деревне Малиновке — около 450 пудов и т. д.⁷⁰ В Ивановском районе Амурского округа (ДВК) было вы-

⁶⁷ «Сельскохозяйственная газета», 30 июля 1929 г.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 6, оп. 1, д. 2124, л. 43.

⁶⁹ «Сельскохозяйственная газета», 4 июля 1929 г.

⁷⁰ Там же, 13 июля 1929 г.

явлено 28 случаев сокрытия хлеба кулаками⁷¹. Об аналогичных фактах кулацкого саботажа хлебозаготовок в национальных районах сообщала местная печать («Правда Востока» и др.). В Самаркандском округе в двух кишлаках Янгикурганского района 9 кулаков, имевших 7000 пудов хлебных излишков, продали государству только 212 пудов, а остальное зерно зарыли в ямы⁷².

Значительные размеры приобрела скупка хлеба спекулянтами-перекупщиками. Спекулятивные элементы из числа сельской буржуазии и городских нэпманов осенью скупали хлеб у крестьян по сравнительно дешевой цене (но более высокой, чем твердые государственные цены) и перепродавали его городскому населению, рабочим промышленных центров по вздутым ценам. Например, в Самаре, Пензе, Оренбурге спекулянты скупали муку по 3—5 руб. за пуд, а продавали по 8—10 руб.⁷³ Это давало возможность кулакам и нэпманам наживаться за счет трудящихся города и деревни.

Кулацкая деятельность по срыву хлебозаготовок в ряде мест принимала организованный характер. В некоторых округах Северного Кавказа (Майкопском, Терском) кулаки скупали хлеб путем «контрактации», когда скупщики-спекулянты приезжали на ток в степи, оставляли хозяину зерна задаток с тем, чтобы после обмолота забрать зерно. Еще более организованный характер скупки крестьянского хлеба приняла на Украине. Здесь создавались специальные нелегальные «тресты» по закупке хлеба, которые объединяли кулаков-торговцев и нэпманов-спекулянтов отдельных районов (Киевский, Прилукский округа). Это значительно облегчало манипуляции капиталистических элементов на хлебозаготовительном рынке. Подпольные «тресты» имели свои склады с ежедневным оборотом в 200 и более пудов хлеба (Херсонский округ). Зерно скупалось и перепродавалось по спекулятивным ценам.

Скупка и спекуляция хлебом шли в двух направлениях: внутри края (области, республики) и с вывозом за пределы края. Через частный внутрикраевой рынок перераспределение хлеба шло, главным образом, за счет

⁷¹ Партийный архив Амурского обкома КПСС, ф. 5, оп. 1, д. 257, л. 164.

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2222, л. 10.

⁷³ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, лл. 143—141.

переброски в неурожайные или потребляющие районы края, а также в городские и промышленные центры.

Вывоз хлеба за пределы края практиковался также в малоурожайные и потребляющие районы и промышленные центры, однако в отличие от внутрикраевой перепродажи эта операция была связана с более широким кругом участников: для этого использовались разложившиеся работники транспорта, а иногда и хлебозаготовительных организаций. Естественно, что накладные расходы здесь были больше, чем при внутрикраевой скупке-перепродаже, но зато и прибыль у спекулянтов вследствие большой разницы в ценах была выше.

Вследствие ажиотажа вокруг хлебозаготовок, активизации антисоветской деятельности кулачества и нэпманско-спекулятивных элементов цены на хлеб на частном рынке резко возросли, городские обыватели стали поспешно закупать хлеб, создавать запасы муки и зерна.

Все это осложняло и очень затрудняло работу государственно-кооперативных организаций по хлебозаготовкам.

Хлебозаготовки сопровождалась ростом кулацкого террора против коммунистов, комсомольцев, уполномоченных по хлебозаготовкам, деревенских активистов. Сведения о террористических актах против деревенских работников поступали со всех концов. Летом 1929 г. в Елецком округе (ЦЧО) был убит активист хлебозаготовок Долгов⁷⁴. В селе Соколовском Бийского округа (Сибирь) деревенский активист Крохин получил записку, в которой кулаки угрожали расправой: «Зачем ты принимаешь активное участие в хлебозаготовках? Зачем ты связался с секретарем ячейки Кубановым? Если хочешь жить, то лучше веди себя спокойно»⁷⁵.

Большую активность развили кулаки в Амурском округе (ДВК), где во время хлебозаготовок 1929 г. за террор и другие контрреволюционные действия было осуждено 154 человека. В Читинском округе в ноябре 1929 г. во время хлебозаготовок кулаки организовали банду, в большинстве своем состоявшую из зажиточных крестьян. Бандиты стремились спровоцировать крестьянское восста-

⁷⁴ «Сельскохозяйственная газета», 5 июля 1929 г.

⁷⁵ Там же, 10 июля 1929 г.

ние в округе. Банда совершала налеты на кооперативные организации, убивала коммунистов и других активистов. Кулаки рассчитывали на поддержку со стороны олонского казачества и Бурят-Агенского аймака. Однако банда не получила поддержки крестьян и вскоре была разгромлена ⁷⁶.

Кулацкий террор вызвал гнев и возмущение крестьян, рост их политической активности. В связи с убийством сельского активиста Некрутенко собрание крестьян села Арнаутки Херсонского округа 4 ноября 1929 г. вынесло резолюцию: «В ответ на террористический акт со стороны кулачества собрание батрачества, бедноты и середнячества дает обещание выполнить план хлебозаготовок до 8 ноября и в день Октября организует большой красный обоз с тем, чтобы в этом обозе принял участие каждый крестьянин, обещающий сдать все излишки хлеба государству» ⁷⁷.

Бедняцко-батрацкая часть деревни и маломощносредняцкие массы крестьянства поддерживали мероприятия Советской власти, активно выступали против кулачества. Под руководством Советов и партийных организаций они принимали непосредственное участие в хлебозаготовках, организовывали красные обозы, выявляли излишки хлеба у кулаков. Наиболее ожесточенная классовая борьба и рост политической активности бедняцко-батрацких слоев деревни наблюдались в важнейших зерновых районах, на которые падала основная тяжесть хлебозаготовок и где классовая дифференциация крестьянства проявлялась довольно четко (Северный Кавказ, Поволжье, Украина, ЦЧО). Крестьяне сами задерживали спекулянтов, закупавших хлеб, требовали принятия строгих административных мер к злостным кулакам и спекулянтам — перекупщикам.

Еще летом 1929 г. правительства РСФСР (28 июня) и Украины (3 июля) приняли постановления о расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР говорилось: «Идя навстречу многочисленным ходатайствам бедняцко-середняц-

⁷⁶ Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС, ф. 2, оп. 2, д. 167, лл. 100—102.

⁷⁷ ЦГАОР УССР, ф. 2841, оп. 1, д. 202, л. 14.

ких масс районов хлебного производства и в целях обуздания кулацко-спекулянтских элементов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют:

«Разрешить сельским Советам в тех случаях, когда общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательства всем селом хлебозаготовительного плана и в связи с этим произведена раскладка задания между отдельными хозяйствами, налагать на отдельных хозяев, не выполняющих указанных решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке, в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц»⁷⁸. Из штрафных сумм 25 % отчислялось в фонд бедноты и 75 % в распоряжение правительства на мероприятия по поднятию и реконструкции сельского хозяйства.

Тогда же в целях пресечения кулацкого саботажа хлебозаготовок некоторые партийные органы приняли специальные постановления. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в директиве от 19 июня 1929 г. рекомендовал в отношении злостных кулаков, саботирующих хлебозаготовки и скрывающих излишки хлеба, принимать постановления о выселении их из станиц и лишении земельного надела. Крайком партии предупреждал против перегибов в этом деле. Намеченные мероприятия должны были проводиться только по решению собраний и только по отношению к злостным кулакам, у которых обнаружен спрятанный хлеб. При этом указывалось, что применение такой меры не должно носить массового характера, а касаться лишь одного-двух хозяйств в станице, имея в виду использовать эту меру для обуздания отдельных кулаков⁷⁹.

29 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организационно-партийной работе в связи с новой хлебозаготовительной кампанией»⁸⁰, в котором подчеркивалась важность массово-политической работы среди кре-

⁷⁸ СУ РСФСР, 1929, отд. 1, № 60, ст. 589.

⁷⁹ Партийный архив Ростовского обкома КПСС, ф. 7, оп. 1, д. 860, л. 130.

⁸⁰ «Известия ЦК ВКП(б)», 1929, № 23—24, стр. 12—14.

стьянства, поскольку кулачество в своей борьбе против хлебозаготовок пыталось организовываться и опираться на поддержку отсталых слоев деревни.

ЦК признал необходимым поддержать инициативу общественных организаций о создании при сельских Советах комиссий по содействию хлебозаготовкам. К кулакам, которые отказывались от продажи хлеба и уклонялись от выполнения данных заданий, комиссии были обязаны принимать соответствующие меры воздействия на основе советских законов и, в частности, декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. Наряду с этим против спекулянтов и кулаков, пытающихся сорвать хлебозаготовки, должен был быть использован закон о самообложении и об индивидуальном обложении по сельхозналогу.

Для укрепления местных хлебозаготовительных организаций и оказания помощи деревенским партийным и советским организациям и бедняцко-батрацким массам в проведении хлебозаготовок и борьбе с кулачеством ЦК ВКП(б) признал необходимым командировать не менее 2500 руководящих работников окружного масштаба сроком на 3—4 месяца. Во исполнение этого решения Российская Федерация должна была мобилизовать 1950 коммунистов, а Украина — 550. Фактически было мобилизовано 2719 коммунистов. Мобилизованные направлялись в основные зерновые районы страны — на Северный Кавказ, Нижнюю и Среднюю Волгу, в Центрально-Черноземную область и на Урал, в Сибирь и Казахстан, на Украину⁸¹.

Наряду с партийными мобилизациями профсоюзами была проведена значительная работа по организации и посылке рабочих бригад в хлебозаготовительные районы. Промышленные предприятия Москвы послали 165 бригад (455 человек), Казани — 34 бригады (170 человек). Профсоюзы Ленинграда направили сотни рабочих в деревни Нижней Волги, Сибири, Казахстана и других районов⁸². Проводилась также внутрикраевая мобилизация рабочих и партийно-советского актива на хлебозаготовки. Из городов Северного Кавказа, например, было послано почти

⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 54, д. 41, л. 15; д. 51, л. 200.

⁸² ЦГАОР СССР, ф. 4108, оп. 2, д. 446, лл. 476—479, 494—495.

15 тыс. человек в села и станицы края. В 1929 г. одних коммунистов работало на селе около 100 тысяч⁸³.

Промышленные центры оказали большую помощь сельским организациям, бедняцко-батрацким массам. Посланцы рабочего класса вели массовую разъяснительную работу среди крестьян, оказывали практическую помощь в организации хлебозаготовок, в создании коллективных хозяйств. Рабочим, посланным на хлебозаготовки, помимо основных своих функций, приходилось вести самую разнообразную работу. Так, например, И. Федоров, член ленинградской бригады, командированный в Семипалатинский округ Казахстана, сообщал, что в трех селах Убинского района в течение двух месяцев было проведено 52 различных собрания и совещания (партийных, общих, бедноты и батрачества, актива и т. п.)⁸⁴.

Это вызывалось, с одной стороны, острой нехваткой в деревне политически подготовленных работников, а с другой — тем, что хлебозаготовительная кампания так или иначе затрагивала все вопросы работы партии в деревне. Успешное проведение хлебозаготовок было немислимо без широкой массово-политической работы среди крестьянства.

В условиях ожесточенного противодействия кулачества, саботировавшего хлебозаготовки и вовлекавшего в саботаж крепких середняков, Советское государство вынуждено было установить новые ограничения в отношении аренды земли, применения наемного труда, приобретения сельскохозяйственных машин и инвентаря. Согласно Положению о едином сельскохозяйственном налоге на 1929 г., утвержденному ЦИК и СНК СССР, «наиболее богатые кулацкие хозяйства, особенно те из них, доходы которых недостаточно полно учитываются при обложении на общих основаниях, облагаются по их действительной доходности в индивидуальном порядке, а не по нормам»⁸⁵.

Положение устанавливало признаки, по которым хозяйства могли облагаться в индивидуальном порядке: а) если члены хозяйства занимаются скупкой хлеба с

⁸³ Ю. А. Мошков. *Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации*. М., 1966, стр. 69.

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 4108, оп. 2, д. 466, л. 2.

⁸⁵ СЗ СССР, 1929, № 12, ст. 103.

целью перепродажи, торговлей или ростовщичеством; б) если в хозяйстве систематически применяется наемный труд; в) если в хозяйстве имеются: мельница, маслобойня, крупорушка, волокончесалка, шерстобитка, картофелетёрочное заведение, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие при условии применения механических двигателей или наемного труда, а также если в хозяйстве имеется ветряная или водяная мельница с двумя и более поставами; г) если хозяйство сдаёт внаем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жильё или под торговое либо промышленное предприятие ⁸⁶.

Краевым и губернским исполнительным комитетам, а в Украинской, Белорусской, Туркменской и Узбекской ССР — окружным исполкомам предоставлялось право вносить необходимые изменения в перечень признаков для обложения в индивидуальном порядке, применительно к местным особенностям.

Списки хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, подлежали обсуждению в сельском Совете и утверждению районными или волостными налоговыми комиссиями. При этом, чтобы не допустить перегибов по отношению к середнякам, число индивидуально облагаемых хозяйств не должно было превышать 3% общего числа крестьянских хозяйств СССР. От налога полностью освобождались бедняцкие и маломощные хозяйства (35% общего числа крестьянских хозяйств).

К кулакам, скрывавшим хлеб и спекулировавшим им на рынке, применялись 61-я и 107-я статьи Уголовного кодекса РСФСР и аналогичные статьи уголовных кодексов союзных республик. Эти статьи предусматривали административные взыскания или лишение свободы по суду до трех лет с полной или частичной конфискацией имущества виновных. У кулаков и спекулянтов, отказывавшихся продавать зерно государству по твердым ценам, конфисковывались по суду в пользу государства все излишки. 25% конфискованного у кулаков хлеба передавалось комитетам крестьянской взаимопомощи для распределения среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в счет долгосрочного кредита. Это имело большое политическое значение, так

⁸⁶ СЗ СССР, 1929, № 12, ст. 103.

как спланировало и активизировало бедноту в борьбе с кулацким саботажем хлебозаготовок.

Некоторое представление о масштабах применения 61-й и 107-й статей Уголовного кодекса РСФСР дают сведения по Средне-Волжскому краю, Северному Кавказу и другим районам страны. В Средне-Волжском крае в 1929 г. под действие названных статей УК РСФСР подпало примерно 20 тыс. хозяйств, в том числе около 6 тыс. с изъятием имущества⁸⁷. На Северном Кавказе частично или полностью было конфисковано имущество 30—35 тыс. кулацких хозяйств. В Сибири за саботаж хлебозаготовок было оштрафовано в пятикратном размере около 13 тыс. кулацких хозяйств и почти 6 тыс. кулаков осуждено⁸⁸. В Казахстане было привлечено к ответственности около 52 тыс. кулаков и зажиточных, взыскано штрафов и конфисковано имущества на сумму почти в 14 млн. рублей⁸⁹. В среднеазиатских республиках в 1929 г. индивидуально облагалось около 29 тыс. хозяйств, в том числе в Узбекистане — 15 500, в Таджикистане — 4323 хозяйства⁹⁰.

Следовательно, в условиях резкого обострения классовой борьбы чрезвычайные меры во время хлебозаготовок стали перерастать в ликвидацию части кулацких хозяйств. Это происходило во всех основных зерновых районах, где начала широко развертываться коллективизация сельского хозяйства.

В результате большой подготовительной и массово-разъяснительной работы среди крестьян, а также в результате применения чрезвычайных мер к кулачеству план хлебозаготовок был выполнен досрочно не только социалистическим сектором, но и индивидуально-крестьянским.

* * *

Хлебозаготовительная кампания 1929 г. хронологически совпала с началом массового колхозного движения. Это

⁸⁷ Ф. А. Каревский. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80, стр. 89.

⁸⁸ Н. Я. Гуцин. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне.— В кн. «Социальная структура населения Сибири». Новосибирск, 1970, стр. 127.

⁸⁹ «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926—июнь 1941 г.)», ч. 1, стр. 361.

⁹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3180, лл. 1—5.

наложило свой отпечаток и на характер классовой борьбы в деревне. Начало массового колхозного движения сопровождалось еще большим обострением классовой борьбы. Кулаки всячески противодействовали социалистическому строительству в деревне, ибо понимали, что победа колхозного строя будет означать вместе с тем и ликвидацию кулачества как класса. Характерно в этом отношении заявление одного из кулаков села Сергиевского Бугурусланского округа Средне-Волжского края: «Нам, кулакам-лишенцам, — говорил он, — приходит безвыходное положение. Если не перевернется эта власть, то мы погибнем. Единственная надежда, что не пойдет дело с колхозами, но если они... двинут колхозы, то тогда зарывайся живым в землю»⁹¹.

Коллективизация сельского хозяйства означала конец кулацкой эксплуатации в деревне, освобождала бедняцко-батрацкие и маломощные середняцкие хозяйства от экономической зависимости от сельской буржуазии, ликвидировала почву, на которой, по словам В. И. Ленина, рождались капитализм и буржуазия «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁹². Коллективизация должна была освободить трудящиеся массы крестьянства не только от кулацкой эксплуатации, но и избавить от нищеты и разорения, значительно улучшить их материальное положение. Поэтому вокруг коллективизации разгоралась острая классовая борьба. Трудящееся крестьянство под руководством рабочего класса и Коммунистической партии боролось за создание нового колхозного строя в деревне.

В ходе колхозного строительства усилился нажим на кулачество, широким фронтом шло наступление на капиталистические элементы города и деревни. Сельская буржуазия ожесточенно сопротивлялась этому наступлению, стремилась сорвать социалистическое переустройство деревни, не гнушаясь при этом никакими средствами.

О применении кулаками разнообразных методов борьбы против колхозов свидетельствуют многочисленные документы. Так, в информационной сводке Средне-Волж-

⁹¹ Ф. А. Каревский. Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье в годы первой пятилетки. — «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», вып. 41, 1963, стр. 210.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

ского крайисполкома во ВЦИК от 14 декабря 1929 г. отмечают следующие основные формы кулацкой борьбы против колхозов: открытые выступления кулацко-зажиточной верхушки против организации колхозов; вхождение в колхозы с целью их развала; организация лжеколхозов; создание эксплуататорских отношений внутри колхоза.

При этом выступления кулацких элементов против организации колхозов в свою очередь подразделяются на «мирные» формы (агитация, распространение слухов, травля, запугивание, клевета, угрозы) и террористически-вредительские акты (поджоги, избиения, убийства и т. п.)⁹³.

Различные формы борьбы кулацкой верхушки деревни зависели от характера и степени развертывания колхозного движения, с одной стороны, и состояния массово-политической работы местных партийных, советских и колхозно-кооперативных организаций — с другой. В тех случаях, когда колхозное движение еще не получило большого размаха, а крестьяне еще колебались, кулаки применяли «мирные» формы борьбы (агитация, слухи и пр.). Однако по мере развертывания коллективизации кулачество все чаще переходит от «мирных» форм борьбы к террористическим вредительским выступлениям, стремясь запугать бедняцко-средняцкие массы. Одновременно оно делает попытки проникнуть в колхозы, чтобы там вести работу по разложению и дискредитации колхозного движения. Проникая в колхозы или организуя лжеколхозы, кулаки преследовали и другие цели. Они хотели таким образом сохранить свое хозяйство, получить льготы и кредиты от государства и укрыться от налогов и других повинностей. Это нередко удавалось кулакам, особенно там, где в работе местных организаций отсутствовала четкая классовая линия в колхозном строительстве и была слаба массово-политическая агитация среди батрачества и бедноты. Что касается организации лжеколхозов, то в период массовой коллективизации их число пошло на убыль.

Остановимся более подробно на некоторых методах борьбы кулачества против колхозного движения во второй половине 1929 г.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 108, д. 348, лл. 384—390.

С началом массового колхозного движения широкое распространение получила антиколхозная агитация. Особенно уродливые формы она принимала в отсталых в экономическом и культурном отношениях национальных районах. Специфика и особая сложность условий некоторых национальных областей и республик затрудняли проведение в жизнь социалистических преобразований сельского хозяйства в этих районах, ибо здесь сохранились элементы даже феодально-родовых отношений. Поэтому колхозное строительство было связано с ликвидацией феодально-родовых пережитков, что не могло не вызвать беспенного сопротивления кулачества (байства) и полуфеодальных элементов.

Секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) отмечал резкое обострение классовой борьбы в ауле, он говорил, что бай почувствовал приближение своей гибели в связи с коллективизацией, поэтому он яростно сопротивляется наступлению социализма и «...применяет особенно острые формы борьбы против бедняков, против Советской власти и Коммунистической партии»⁹⁴.

Единым фронтом в борьбе против колхозов наряду с кулачеством выступало и духовенство. Влияние духовенства, кулачества и других контрреволюционных элементов на трудовое крестьянство основывалось в известной мере и на экономической зависимости бедноты от богатеев. Многие кулаки, чтобы отвлечь крестьян от колхозов, оказывали материальную и производственную помощь бедноте. «В настоящий момент,— говорил крестьянин Пожидаев на районном совещании групп бедноты в Минусинском округе (Сибирь),— кулачество ведет агитацию среди бедноты, чтобы та не входила в колхозы, и начинает некоторым беднякам помогать в молотье и других работах, чем пытается доказать бедноте, что, видишь ли, я какой добрый.

Не надо слушать кулаков, а надо организоваться в колхозы. В колхозах мы будем работать не впустую, а получим желаемые результаты»⁹⁵.

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, стр. 34.

⁹⁵ И. С. Степичев. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966, стр. 402—403.

Экономический нажим и религиозная пропаганда, открытые выступления и подпольные собрания, листовки и воззвания, индивидуальная и групповая обработка крестьянства — все было мобилизовано на срыв колхозного строительства.

Не ограничиваясь антиколхозной агитацией, кулачество прибегало и к более острым формам борьбы против проведения коллективизации — к прямым террористическо-вредительским актам. Количество террористических актов кулачества резко возрастало. По далеко не полным данным, в 1926 г. появилось 400 сообщений в печати о случаях кулацкого террора, в 1927 г. — 700, а в 1928 г. — не менее 1440⁹⁶. В 1929 г. только в Средне-Волжском крае было зарегистрировано более 400 террористических актов против 183 в 1928 г.; в Средней Азии — 620, в том числе около 300 убийств; на Северном Кавказе — 335, в Иваново-Вознесенской области — 100; на Урале — 662. На Украине число террористических актов кулачества в 1929 г. возросло по сравнению с 1927 г. в 4 раза. В Острогжском округе (ЦЧО) в 1928—1929 гг. было зарегистрировано 226 убийств, 234 избиения и 762 поджога. Всего в 1929 г. в РСФСР было около 30 тыс. поджогов в сельской местности⁹⁷.

К сожалению, источники не позволяют сколько-нибудь точно подсчитать количество террористических актов в 1929 г. По приблизительным подсчетам, в 1929 г. жертвами кулацкого террора стали около 10 тыс. коммунистов, комсомольцев, рабочих, колхозников, батраков и бедняков против 1150 человек за период с 1 января 1926 по 1 сентября 1927 г.⁹⁸ Это была настоящая борьба не на жизнь, а на смерть.

⁹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 417, л. 201; *И. Трифонов*. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М., 1960, стр. 206.

⁹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2541, л. 27; д. 3234, л. 60; Государственный архив Ростовской области ф. р-1485, оп. 8, д. 189; «Очерки истории Ивановской организации КПСС». Ярославль, 1967, стр. 208 *Н. В. Ефременков*. Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. — «Ученые записки Уральского государственного университета имени А. М. Горького», № 41. Свердловск, 1966, стр. 118; «Очерки истории Воронежской организации КПСС». Воронеж, 1967, стр. 282; *И. Трифонов*. Указ. соч., стр. 231 и др.

⁹⁸ *Ю. С. Кукушкин*. Кулацкий террор в деревне в 1925—1928 гг. — «История СССР». 1966, № 1, стр. 98.

О крайнем обострении классовой борьбы в деревне свидетельствуют многие факты. Пытаясь остановить массовое колхозное движение, кулаки совершали покушения на деревенских активистов.

В 1929 г. в Кирсановском районе Тамбовского округа был убит председатель Новонокровского сельсовета Макаров; в Фатежском районе Курского округа — секретарь большежировской партийной организации Касилов; в селе Дрезгаловке Краснинского района (ЦЧО) кулаки убили активного колхозника, бывшего батрака Боброва⁹⁹.

Кулаки слободы Ольхов Лог (Острогожский округ ЦЧО), надеясь на распад колхоза, осенью 1929 г. застрелили председателя колхоза Шабельникова. Однако их надежды не оправдались. Над могилой своего вожака колхозники поклялись довести его дело до конца. 40 пожилых колхозников и колхозниц тут же, у могилы, подали секретарю райкома ВКП(б) заявления о приеме в партию, 32 молодых колхозника — в комсомол. Отец и 72-летний дед Шабельникова вступили в партию¹⁰⁰.

О кулацком терроре сообщалось из многих районов — из округов Поволжья, Северного Кавказа, Московской области, Урала, Сибири. В ноябре 1929 г. в селе Красном Костромского округа (Московская область) батрак Куянов первым вступил в колхоз и сагитировал бедняков. Его хозяин — кулак Рубцов сказал Куянову: «Колхоз тебя разденет». — «Нет, — ответил батрак, — раздевать меня нечего, а колхоз избавит таких, как я, от кулацкой кабалы». Вскоре кулак убил его¹⁰¹.

Кулацкий террор со второй половины 1929 г. принял широкий размах. В одном Вологодском округе за три месяца (июль—сентябрь) было зарегистрировано свыше 90 кулацких нападений на колхозников и деревенских активистов. Порой кулачество прибегало к массовому террору. В Грязовецком районе, например, кулаки избили 19 колхозников, в том числе и организатора колхоза; в Толшменском районе было избито 22 бедняка и середняка и 2 человека убито. Случаи избиения бедняков и батраков были отмечены в Свердловском и других

⁹⁹ П. Н. Шарова. Указ. соч., стр. 118.

¹⁰⁰ «Коллективист», 1930, № 5, стр. 28—29.

¹⁰¹ «Северная правда», 28 ноября 1929 г.

районах округа¹⁰². Кулаками было организовано массовое побоище в колхозе «Громобой». В постановлении президиума Вологодского окрисполкома говорилось, что «организованное кулачеством кровавое побоище в колхозе «Громобой» является событием сугубо политической важности, открытой террористической кулацкой борьбой против колхоза»¹⁰³. В ответ на вражескую вылазку 6 колхозников подали заявления о приеме в партию, 10 крестьянских хозяйств вступило в колхоз «Громобой». Кроме того, было организовано 4 новых колхоза. Крестьяне взяли обязательство о досрочной уплате сельскохозяйственного налога, сдаче хлебных излишков и потребовали применить к кулакам суровые меры наказания.

Со всех концов страны поступали сведения об усилении кулацкого сопротивления колхозному строительству. Чем шире разворачивалось колхозное движение, тем яростнее сопротивлялось кулачество, тем чаще оно прибегало к самым острым формам борьбы. Поыхали пожары, гремели выстрелы, лилась кровь борцов за новую жизнь, за избавление от кулацкой эксплуатации, Конец 1929 — начало 1930 г. были похожи на время кулацких мятежей первых лет Советской власти.

В Михайловском районе Тульского округа 23 сентября кулаки сожгли колхозную деревню Гранки, было уничтожено 80 хозяйств. В Крапивенском районе того же округа кулаками было сожжено 51 строение¹⁰⁴. В селе Покровка Чапаевского района (Средняя Волга) было сожжено 15 домов колхозников, хлеб, корма, имущество. Это произошло после того, как 8 сентября колхозники потребовали выселения кулаков на дальние поля¹⁰⁵.

Серьезный ущерб колхозному строительству наносила кулацкая агитация за убой скота. Используя частнособственнические настроения среднего крестьянства, кулаки призывали перед вступлением в колхозы уничтожать и продавать свой скот. Тем самым подрывалась материальная база колхозов, ослаблялись их экономическое поло-

¹⁰² «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 186.

¹⁰³ Государственный архив Вологодской области, ф. 22, оп. 4, д. 2, л. 26.

¹⁰⁴ Партийный архив Тульского обкома КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 76, лл. 3—5.

¹⁰⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 108, д. 348, л. 386.

жение и авторитет в глазах крестьянства. Но не только эту цель преследовало кулачество. Резкое сокращение поголовья скота должно было отрицательно сказаться на снабжении мясом и другими продуктами животноводства городского населения, промышленных центров и Красной Армии. А это, в свою очередь, думали кулаки, должно было посеять рознь между рабочим классом и крестьянством и, в конечном счете, привести к разрыву союза между ними.

Уничтожая и продавая скот, кулаки также стремились замаскировать свое истинное положение, «превратиться в середняков». Это было особенно опасно в условиях начала массового колхозного движения. Поддавшись на агитацию сельской буржуазии, значительная часть середняков также стала разбазаривать скот и инвентарь перед вступлением в колхозы.

О том, какие масштабы приняли хищнический убой и распродажа скота в конце 1929 г., свидетельствуют следующие данные. В Нижне-Волжском крае с весны до осени 1929 г. поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось на 783 тыс., овец и коз — на 2233 тыс.; на Средней Волге количество скота уменьшилось почти на 820 тыс. голов¹⁰⁶.

Такая же картина наблюдалась на Украине, в ЦЧО, Сибири, Казахстане и других местах.

На Украине поголовье скота снизилось в 1929 г. по сравнению с 1928 г.: крупного рогатого почти на 1 млн. голов, свиней — на 2,8 млн., овец и коз — на 1,1 млн. голов¹⁰⁷.

О массовой распродаже скота говорят и итоги мясозаготовок в 1929 г. В Казахстане, в частности, в октябре—ноябре 1929 г. было заготовлено 320 тыс. голов крупного рогатого скота и 437 тыс. баранов, в то время как за этот же период 1928 г. было заготовлено крупного рогатого скота 89 тыс. голов (в 3,6 раза меньше) и 183 тыс. баранов (в 2,5 раза меньше). Кроме того, в период заготовок 1929 г. из Казахстана за пределы

¹⁰³ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, д. 398, лл. 195—196; *Н. А. Ивницкий*. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). Автореф. докт. дисс., стр. 31.

¹⁰⁷ *Н. А. Ивницкий*. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.), стр. 31.

страны было угнано около 19,4 тыс. голов скота, в том числе 11,5 тыс. баями¹⁰⁸. Только по одному Петропавловскому округу за 9 месяцев 1929 г. количество скота уменьшилось на 831 600 голов, т. е. почти наполовину¹⁰⁹.

Такое резкое снижение поголовья скота объяснялось его массовым уничтожением кулацкой верхушкой деревни и значительной частью середняков перед вступлением в колхозы. Это была наиболее опасная по своим последствиям форма кулацкого противодействия колхозному строительству, ибо она обескровливала колхозы и ставила под угрозу продовольственное снабжение страны. В сентябре 1929 г. в докладной записке Колхозцентра в ЦК ВКП(б) отмечались случаи распродажи скота и инвентаря середняками перед вступлением в колхозы¹¹⁰. Обращалось внимание на начавшееся истребление скота и на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Об этом говорили Г. Н. Каминский, Г. И. Петровский, М. М. Хатаевич, Б. П. Шеболдаев. «... Сейчас,— говорил М. М. Хатаевич,— животноводству создается особенно большая угроза... У нас создается такое положение, что мы к весне будущего года будем иметь, если не будут приняты серьезные меры, поголовье скота на 20—25% меньше, чем мы имели к весне этого года. Одна причина — недород, постигший в этом году наши важнейшие хлебные районы, и почти полная гибель кормов в этих районах. Но наряду с этой причиной действуют и другие. Кулак «самораскулачивается»... Сам кулак усиленно и быстро приспособляется к новой обстановке, переустраивает свое хозяйство, подравнивается, ликвидирует часть своего скота. И не только кулак это делает, но и крепкий середняк»¹¹¹.

В отчете Балаковского районного оргбюро колхозов (Нижняя Волга) говорится, что в конце 1929 г., когда проводился месячник коллективизации, колхозы стали ареной ожесточенной классовой борьбы. «Обнаглевшее кулачество пыталось создать панику среди населения путем распродажи и убоя скота, разбазаривания фуража. Кулаки готовили кровавую ночь по убою скота: «Про-

¹⁰⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 61, лл. 87—88.

¹⁰⁹ Там же, д. 121, л. 180.

¹¹⁰ «Материалы по истории СССР», вып. VII, стр. 268.

¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. 1, стр. 72.

давайте, режьте скот, продавайте фураж, а то все возьмут в колхозы и все пропадет даром». В результате... в Куржевке убито за одну ночь 120 голов овец. Но благодаря своевременно принятым мерам паника была ликвидирована... На общих собраниях по всем населенным пунктам вынесены самообязательства о категорическом запрещении распродажи скота, фуража и семян и недопущении в колхозы лиц, разбазаривавших свой скот и фураж»¹¹².

Еще до издания официальных документов, запрещающих истребление скота, бедняцко-батрацкие массы и колхозники сами принимали меры по борьбе с этим явлением. Так, общее собрание коммуны «Красный путиловец» (Нижняя Волга) 22 ноября 1929 г. постановило бывшую торговку, обманным путем пробравшуюся в коммуну, продавшую свой скот и подбивавшую на это других, исключить из коммуны, а трем другим членам коммуны, продавшим часть своего скота, было предложено внести полученные от продажи деньги¹¹³.

«Сельскохозяйственная газета» сообщала: «Кулаки развили бешеную вредительскую агитацию за разбазаривание скота, семян, за выход из колхоза. Эта контрреволюционная деятельность вызвала единодушный отпор колхозников Климовического района (Могилевского округа БССР.— *Н. И.*). Колхозники постановили лишить кулаков земли, обобществить их средства производства и выселить кулаков за пределы района»¹¹⁴.

В целях пресечения истребления скота ЦИК и СНК СССР 16 января 1930 г. приняли постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота»¹¹⁵. В постановлении отмечалось, что хищнический убой скота является одним из способов вредительства кулачества, которое пыталось подорвать коллективизацию. В связи с этим ЦИК и СНК СССР уполномочивали районные исполнительные комитеты лишать права пользования землей, а также конфисковывать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые истребляли свой

¹¹² В. К. Медведев. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае.— «История СССР», 1958, № 6, стр. 17.

¹¹³ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, д. 383, л. 66 об.

¹¹⁴ «Сельскохозяйственная газета», 18 января 1930 г.

¹¹⁵ СЗ СССР, 1930, № 6, ст. 66.

скот или подстрекали других. Эти кулаки должны были привлекаться к уголовной ответственности с лишением свободы на срок до двух лет с высыланием. Правительство одобрило постановление Колхозцентра СССР о запрещении приема в колхозы и об исключении из колхозов тех крестьян, которые перед вступлением в коллективные хозяйства убивали или продавали свой скот. Постановление наносило серьезный удар по кулачеству и пресекало дальнейшее массовое уничтожение скота.

Чтобы подорвать колхозное движение, дискредитировать идею коллективизации, а также укрыться от налогов, кулаки создавали лжеколхозы, которые являлись средством маскировки и орудием кулацких элементов в деревне. В Егорьевском сельсовете Елецкого округа (ЦЧО) 35 кулаков организовали лжеколхоз, который имел 700 га земли, эксплуатировал бедняцко-батрацкое население, получил кредиты¹¹⁶. В Средне-Волжском крае (Борский район) кулаки создали колхоз «Искра», в котором состояли зажиточные крестьяне, а также лица, лишённые избирательных прав. Артель получила трактор и использовала его для обработки земли единоличников. Деньги, полученные за использование трактора, делились между кулаками¹¹⁷.

Ярким примером того, как кулаки использовали колхозы в своих целях, служит напумевшее дело колхоза «Красный мелиоратор» (Камышинский округ Нижне-Волжского края), к руководству которым пробрались кулаки, торговцы и тому подобные элементы.

Лжеколхоз имел обобществленного имущества на сумму в 1800 рублей, но ухитрился получить 300 тыс. рублей государственного кредита. Колхоз использовался кулаками в корыстных целях, в нем широко применялся труд батраков, фиктивно зачислявшихся на лето в колхоз и увольнявшихся осенью. В то же время свыше 100 заявлений бедняков и середняков о приеме в колхоз лежали без движения¹¹⁸.

Особенно засоренными кулацко-зажиточными элементами оказались колхозы Елецкого округа, где к руководству окружкомом партии пробрались правые оппорту-

¹¹⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 220а, д. 22.

¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 108, д. 348, л. 390.

¹¹⁸ «Колхозцентр. Информационный бюллетень», 1929, № 22, стр. 14—16.

нисты¹¹⁹. О засоренности колхозов кулацкими элементами говорят данные и по другим районам. В Нижне-Волжском крае в начале октября 1929 г. было обследовано 409 колхозов и выявлено в них 572 кулацких хозяйства¹²⁰; в Средне-Волжском крае выявлено около 100 лжеколхозов¹²¹.

Наличие лжеколхозов и проникновение кулаков в колхозы было возможным не только потому, что кулачество умело приспособлялось к новым условиям, проявляло гибкость в своей борьбе против колхозов, но и потому, что некоторые колхозно-кооперативные и советские организации не всегда четко проводили классовую линию по отношению к кулакам. В Балаповском округе Нижне-Волжского края, например, из общей суммы государственного кредита в 3777 тыс. рублей лжеколхозам и кулацким хозяйствам было отпущено один миллион рублей¹²².

Советское государство решительно выявляло и ликвидировало лжеколхозы. Еще в сентябре 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьями, предусматривавшими уголовное наказание за образование лжеколхозов, за корыстное участие в них, а также за содействие их организации и деятельности¹²³. Колхозцентр определил признаки лжеколхозов: наличие кулаков, являющихся по существу руководителями колхоза; распределение доходов не по труду, а по паям и внесенному имуществу; расходование кредитов не для нужд колхоза, а для укрепления единоличного хозяйства его членов; использование машин, полученных на льготных условиях, в единоличных хозяйствах; широкое и постоянное применение наемной рабочей силы; сдача земли в аренду; спекуляция товарными излишками и связь с частником¹²⁴.

Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) указывал,

¹¹⁹ «Коммуна», 11 сентября 1929 г.; П. Н. Шарова. Указ. соч., стр. 119.

¹²⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 2, д. 38, л. 8.

¹²¹ Ф. А. Каревский. Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье в годы первой пятилетки, стр. 206.

¹²² С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 230.

¹²³ СУ РСФСР, 1929, № 72, ст. 705.

¹²⁴ «Коллективист», 1929, № 22, стр. 59.

что в условиях обострившейся классовой борьбы укрепление колхозов приобретает особое значение. «Продолжая и усиливая борьбу против капиталистических элементов деревни, развивая решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы,— говорилось в резолюции Пленума,— партия должна упорной и систематической работой обеспечить сплочение батрацко-бедняцкого ядра в колхозах. Это тем более необходимо, что в самих колхозах, особенно в колхозах простейшего типа, поскольку в них далеко еще не обобществлены все средства производства и вообще сильны мелкособственнические интересы, остается значительная опасность кулацких влияний»¹²⁵.

Серьезную роль в борьбе с кулачеством и его влиянием в колхозах сыграли группы бедноты, которые создавались при сельсоветах, кооперации и комитетах крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), а с конца 1929 г. и при колхозах. В конце 1929 г., по данным Комиссии Оргбюро ЦК ВКП(б) о работе групп бедноты и другим сведениям, на Северном Кавказе, Нижнем и Среднем Поволжье, в ЦЧО, Белоруссии, Сибири, Западной и Ленинградской областях насчитывалось более 16 тыс. групп бедноты¹²⁶.

Батрацко-бедняцкие группы явились одной из форм политической организации крестьянства в борьбе с кулачеством. Группы бедноты были опорными пунктами партии и рабочего класса в деревне. Они способствовали сплочению бедняков и середняков и изоляции кулачества, следили за правильным и своевременным использованием фондов коллективизации и кооперирования, защищали интересы бедняцко-батрацких масс крестьянства, содействовали вовлечению бедняков и батраков в колхозы, помогали партийным и колхозным организациям наладить общественное хозяйство.

Противодействие сельской буржуазии социалистическому преобразованию сельского хозяйства было настолько сильным, что нередко выливалось в контрреволюционные выступления против колхозов и Советской власти. О на-

¹²⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 346.

¹²⁶ «К XVI съезду ВКП(б). Материалы к организационному отчету ЦК ВКП(б)», вып. 2. М., 1930, стр. 40, 42.

пряженном положении в деревне свидетельствуют такие данные: в 1929 г. было более 1300 кулацких или организованных кулаками выступлений¹²⁷. Кулаки все чаще переходят от неорганизованного и стихийного сопротивления наступлению социализма к созданию различных контрреволюционных группировок и подпольных организаций, ведущих борьбу за срыв коллективизации и готовивших антисоветские восстания.

Наибольшее распространение подпольная деятельность кулачества получила в районах сплошной коллективизации, а также там, где острота классовых противоречий достигла наивысшего накала, где осели остатки разгромленной в годы гражданской войны белогвардейской контрреволюции. Это прежде всего — казачьи районы Северного Кавказа, районы Поволжья и Сибири, ЦЧО и Украины, пограничные районы Средней Азии, Белоруссии. На Северном Кавказе в 1929 г. было раскрыто и ликвидировано 370 контрреволюционных группировок и организаций с общим числом участников 3736 человек против 228 группировок и 1635 участников в них в 1928 г. На Средней Волге в 1929 г. было раскрыто 65 кулацких подпольных группировок¹²⁸. В Сибири за вторую половину 1929 г. было ликвидировано 155 контрреволюционных группировок и организаций, насчитывавших 1234 человека¹²⁹. Много кулацких группировок было раскрыто на Украине, в Крыму, на Нижней Волге, в ЦЧО, Средней Азии и других районах.

О характере их деятельности, целях и программе позволяют судить материалы ликвидированных в конце 1929 г. контрреволюционных организаций и группировок. В Хоперском округе Нижне-Волжского края контрреволюционная организация, состоявшая из бывших казачьих офицеров (более 40 человек), кулаков и торговцев (до 100 человек), готовила вооруженное восстание против Советской власти¹³⁰. В декабре 1929 г. в Донском,

¹²⁷ *Н. А. Ивницкий*. Опыт КПСС по претворению в жизнь ленинского кооперативного плана.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2, стр. 102.

¹²⁸ *Ф. А. Каревский*. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80, стр. 89.

¹²⁹ *Н. Я. Гуцин*. Указ. соч., стр. 122.

¹³⁰ *П. В. Семернин*. Указ. соч.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 80.

Шахтинско-Донецком, Сальском, Майкопском, Терском, Армавирском округах Северного Кавказа и в Черкессии был ликвидирован ряд кулацко-белогвардейских контрреволюционных организаций¹³¹. Контрреволюционная повстанческая организация в станице Бекешевской, куда также входили кулаки и бывшие белогвардейцы станиц Суворовской, Кисловодской и Баргустанской (Терский округ), намечала начало восстания против Советской власти на рождество. «Под рождество,— говорилось в показаниях одного из ее участников,— напасть на станичных коммунистов и вообще на станичное начальство, порезать, пострелять их, а затем поднимать восстание вообще в Бекешах и по другим станицам...»¹³².

Тогда же в станицах Гуреевской и Атамановской, селах Заветном и Ремонтном, хуторе Кудинове (Сальский округ) была ликвидирована кулацкая организация, насчитывавшая более 45 человек, во главе которой стоял кулак-белогвардеец Левинский. Существовавшие осенью 1929 г. контрреволюционные группировки он объединил в единую повстанческую организацию. Ядром и основной силой контрреволюционной организации являлись кулаки. На них делалась основная ставка, поскольку, по словам Левинского, «кулаки ущемлены и среди них большинство недовольных Советской властью и готовы идти на все». Задачей повстанческой организации было поднятие вооруженного восстания: «Я стал вести активную в организации работу..., встречаясь с надежными лицами, говорил, что единственный путь избавления от Советской власти — это путь организации вооруженного восстания»¹³³.

В деревне Ускют Карсубазарского района (Крым) существовал особый центр, ставивший своей задачей свержение Советской власти. Он установил связь с кулацкими группами в 12 деревнях Крыма. Подпольный центр старался установить связи через специальных уполномоченных с другими организациями; вербовать и инструктировать людей; собирать оружие; проводить подпольные

¹³¹ Государственный архив Ростовской области, ф. р-1485, оп. 8, дд. 185, 189; «Молот», 14 декабря 1929 г.

¹³² Там же, д. 185.

¹³³ Государственный архив Ростовской области, ф. р-1485, оп. 8, д. 185.

совещания; обеспечить бегство за границу в случае поражения восстания.

В течение декабря 1929 — первой половины января 1930 г. центр провел ряд нелегальных совещаний и сходов в деревнях, на которых обсуждались вопросы подготовки к восстанию (сроки выступления, вербовка людей, обеспечение их оружием, организация кавалерийского отряда, нападение на пограничные посты: взрывы мостов, уничтожение коммунистов и т. п.). Восстание планировалось на весну 1930 г.¹³⁴

В тесной и непосредственной связи с кулацкими контрреволюционными группировками и организациями действовало духовенство. Это имело особо опасные последствия, так как в такие организации зачастую вовлекалась наряду с явными врагами Советской власти значительная часть верующих — середняков и бедняков, — одурманенных попами. В конце 1929 — начале 1930 г. был раскрыт ряд контрреволюционных организаций, руководимых священнослужителями.

В Черноморском округе, например, существовала нелегальная монархическая организация церковников, возглавлявшаяся бывшим епископом Варлаамом. В организации к моменту ее раскрытия состояло 163 члена, в том числе бывшие атаманы, каратели, дворяне, торговцы, члены монархического «Союза русского народа», сектанты, священнослужители и другие. Следует заметить, что организация церковников действовала настолько конспиративно, что ее удалось раскрыть только через два года после создания. При ликвидации организации было обнаружено в горах 11 тайных убежищ; организация имела до 30 нелегальных ячеек в Черноморском, Майкопском и Армавирском округах, она поддерживала обширные связи с подобными организациями Средней Азии, Закавказья, Украины. В течение двух лет по заранее созданному плану проводилась контрреволюционная агитация среди крестьянства с призывом готовиться к вооруженному восстанию. Готовя вооруженное восстание, руководители церковной организации связались с бандами и вооруженными группами, действовавшими на Северном Кавказе¹³⁵.

¹³⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 78, л. 84.

¹³⁵ Государственный архив Ростовской области, ф. р-1485, оп. 8, д. 189.

Сложность и напряженность внутреннего положения страны, в особенности в деревне, объяснялись активизацией всех контрреволюционных элементов, созданием единого фронта антисоветских сил внутри страны и за рубежом. Оживились буржуазно-националистические элементы на Украине, в Белоруссии, Средней Азии. Они надеялись, что срыв коллективизации повлечет за собою падение Советской власти. Здесь они выступали в сотрудничестве с кулацко-белогвардейскими и церковно-монархическими повстанческими элементами. Все антиколхозные и антисоветские силы консолидировались в борьбе против социалистических мероприятий Советской власти, не оставиваясь перед прямым предательством своей Родины. Часть раскрытых и ликвидированных в январе 1930 г. организаций и группировок на Украине возникла по директивам украинских буржуазно-националистических закордонных центров. Эти организации поддерживали связь с границей и одновременно с подготовкой восстания занимались шпионской деятельностью. Так, в Киевском округе была создана контрреволюционная повстанческая организация, ее руководитель прибыл нелегально из Польши. Он произвел детальную съемку Киевского укрепленного района (план и чертежи при аресте были изъяты). Организация ставила задачу — установление непосредственной связи с польским Генеральным штабом и оказание помощи интервентам на случай войны путем дезорганизации тыла, разрушения коммуникаций и т. д. Члены организации (69 человек) были арестованы.

В Кременчугском округе действовала петлюровская контрреволюционная организация во главе с бывшим петлюровским офицером Манько, который также нелегально прибыл из панской Польши. В организацию входило 60 кулаков, 17 зажиточных, 20 бывших офицеров, 4 попа, 3 бывших помещика, а всего — более 130 человек. Организация имела своих представителей в 13 районах, поддерживала связь с кулацкими группировками других округов Украины. Намечая срок восстания на весну 1930 г., Манько говорил, что нужно спешить, пока Советская власть не провела коллективизацию и не укрепила еще больше свое влияние на трудящееся крестьянство. В Первомайском районе Одесского округа кулацко-белогвардейская организация, насчитывавшая 50 человек, была связана с румынскими разведорганами.

В Белоруссии действовала буржуазно-националистическая организация СВБ («Саюз вызваленья Беларусі»), которая также была связана с зарубежными центрами. В программе СВБ имелся пункт о восстановлении частной собственности на землю, фабрики и заводы. Когда в стране началось массовое колхозное движение, буржуазные националисты надеялись, что это вызовет восстание, которое ликвидирует Советскую власть. «Задача наша, в первую очередь, при данном положении, — говорилось в показаниях одного из лидеров СВБ, — увеличение белорусских сил на будущее время, на случай войны с Польшей или всесоюзного восстания крестьянства в связи с аграрной политикой — коллективизацией, раскулачиванием. Последний фактор особенно окрылял наши надежды и активизировал весь центр СВБ... Мы готовились также в случае начала войны через фронт подать руку..., чтобы скорее ликвидировать Советскую власть»¹³⁶.

О политическом лице участников буржуазно-националистической организации говорит выступление одного из лидеров СВБ: «Я полонофил, потому что в Польше нет никаких колхозов и нет никаких кулаков и середняков; и полонофил я потому, что Польша — буржуазная, а если бы по соседству у нас была буржуазная Германия, я был бы германофилом»¹³⁷.

Можно было бы привести много фактов о том, как буржуазно-националистические организации вели подрывную контрреволюционную работу в нашей стране, прикрываясь националистическими лозунгами. Наряду с Украиной и Белоруссией попытки создания аналогичных буржуазно-националистических организаций наблюдаются и в республиках Средней Азии и Казахстане. Материалы показывают, что вторая половина 1929 г. характеризуется не только общим ростом антисоветских выступлений байства, но и ростом активности националистических контрреволюционных сил. В конце ноября 1929 г. в Коканде возникла организация «Батыр-Гапчиляр», программа которой предусматривала отторжение Узбекистана от Советского Союза и превращение его в буржуазное

¹³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 380, л. 40.

¹³⁷ Там же, л. 42.

государство. Для осуществления этой задачи рекомендовалось использовать всякое недовольство и беспорядки как внутри страны, способствуя их распространению и обострению, так и внешние осложнения с другими государствами. Член организации «Батыр-Ганчиляр» Ирматов говорил: «Борьба за создание Узбекистана как самостоятельного государства должна идти по двум линиям: во-первых, по пути выжидания международных и внутренних осложнений с тем, чтобы использовать эти моменты в своих целях, и другой путь — путь сближения с империалистическими государствами, кои, безусловно, помогут нам в нашей борьбе с Советской властью и дадут возможность вырвать Узбекистан из СССР»¹³⁸.

В конце 1929 г. в Сузакский район Сыр-Дарьинского округа (Казахстан) были присланы из Афганистана организаторы банд — английские агенты Ассоль Якобай и Асадулы. По их указанию был избран руководитель антисоветского восстания — «хан» Султапбек Ишанаков — сын бывшего волостного правителя. Выступление готовилось под лозунгом «священной войны»¹³⁹.

Напряженность положения в конце 1929 г. усугублялась также непрекращающимися налетами байско-басмаческих банд из соседних государств на пограничные районы Средней Азии, кулацко-белогвардейских — из Маньчжурии на территорию Восточной Сибири (Забайкалье) и т. п.

Все это накаляло и без этого напряженную обстановку в деревне, значительно затрудняло социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нужны были огромные усилия партии и рабочего класса, чтобы пресечь контрреволюционную деятельность кулачества, которая в будущем могла сомкнуться с иностранной военной интервенцией; необходимо было сплотить бедняцко-средняцкие массы вокруг Советской власти и изолировать вражеские элементы; окончательно разгромить не только буржуазно-националистические элементы, но и правый оппортунизм в партии, представлявший в то время главную опасность для дела строительства социализма в нашей стране.

¹³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3235, л. 36.

¹³⁹ «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 гг.)», ч. 2, стр. 568.

3. Разгром правого оппортунизма — непременное условие успешного строительства социализма

Социалистическое строительство, составной частью которого была коллективизация сельского хозяйства, проходило в сложной международной и внутренней обстановке. Противоречия между СССР и капиталистическими странами в период строительства социализма резко обострились, причем чем более очевидными становились успехи Советского государства, тем враждебнее было отношение к нему империалистических держав, тем сильнее стала проявляться тенденция подготовки новой военной интервенции против СССР.

Осуществление быстрыми темпами социалистической индустриализации, призванной обеспечить экономическую независимость и укрепить обороноспособность страны, требовало громадного напряжения сил рабочего класса и трудящегося крестьянства, мобилизации всех материальных ресурсов. Трудности социалистического строительства в огромной мере усугублялись обострением классовой борьбы в стране, и в деревне в особенности, в связи с наступлением на кулачество. Трудности социалистической реконструкции народного хозяйства и неизбежное обострение классовой борьбы вызвали колебания в мелкобуржуазных слоях населения. Это отразилось и в партии, где образовалась группа правых оппортунистов во главе с Бухариным, Рыковым и Томским.

Признавая на словах возможность построения социализма в СССР, они на деле противодействовали осуществлению политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В обстановке ожесточенного сопротивления капиталистических элементов социалистическому строительству правые оппортунисты выдвинули «теорию» затухания классовой борьбы и мирного вращивания кулака в социализм. Бухарин искажал сущность ленинского кооперативного плана, противопоставляя торговую форму кооперации производственной форме. Говоря о перспективах кооперативного строительства, он предлагал свою «схему», согласно которой в деревне должны существовать параллельно три вида кооперации: бедняцкая (колхозы), середняцкая (кооперация в области сбыта, закупок и кредита) и кулацкая кооперация. Та-

ким образом, не переход от кооперирования товарооборота к кооперированию производства, как мыслил Ленин, а параллельное «врастание» в социализм всей этой «лестницы» кооперативных организаций. Что касается колхозов, то Бухарин считал их не основным, а побочным путем строительства социализма в деревне. Колхозы, по Бухарину, не могли стать столбовой дорогой к социализму.

Задача социалистического преобразования сельского хозяйства со всей остротой поставила перед партией вопрос об отношении к кулачеству. Разногласия по этому вопросу партии с правым уклоном носили принципиальный характер. «В этом, в отношении к кулаку, — говорил Г. К. Орджоникидзе на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), — одно из наших основных разногласий. Как перестраивать деревню, опираясь на бедноту, умея достигать соглашения с середняком и ни на минуту не прекращая борьбы с кулаком, как это учил Владимир Ильич, или же по-бухарински, — создавая кулацкие кооперативные гнезда, которые будут вращаться в нашу социалистическую систему и деньги будут вносить в наши банки?»¹⁴⁰

Фактически Бухарин противопоставил ленинскому кооперативному плану свой план, в основу которого положил отказ от борьбы с кулачеством и «мирное врастание» кулака в социализм. Ленинское положение об установлении правильных взаимоотношений (союза) со средним крестьянством Бухарин распространил и на кулачество. Тем самым он выхолостил из ленинского кооперативного плана его революционную сущность.

Еще в 1928 г., в то время, когда в результате кулацкого саботажа возникли серьезные трудности с хлебом и Советская власть вынуждена была применить чрезвычайные меры к кулакам, правые стали защищать кулачество.

Они считали, что применение чрезвычайных мер якобы ведет к осложнению политической обстановки в стране, к разрыву союза рабочего класса и крестьянства. В то же время правые оппортунисты пытались доказать, что применение чрезвычайных мер вызвано не сабота-

¹⁴⁰ Цит. по: Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1970, стр. 222.

жём кулаков, а явилось следствием якобы неправильной политики партии и правительства.

В период хлебозаготовок 1928/29 г. правые открыто выступили против административных и общественных мер воздействия на кулаков. При обсуждении в Политбюро ЦК предложения Уральского областного и Сибирского краевого комитетов ВКП(б) о применении метода самообложения при хлебозаготовках, по которому кулакам устанавливалось повышенное задание, Рыков выступил против этого предложения, назвав его «чрезвычайными мерами худшего типа»¹⁴¹. Бухарин заявлял, что применение чрезвычайных мер несовместимо с нэпом и по существу отменяет новую экономическую политику¹⁴².

30 января и 9 февраля 1929 г. правые подали в ЦК ВКП(б) заявления, подписанные первое — Бухариным, а второе — Бухариным, Рыковым и Томским, в которых они возражали против быстрых темпов индустриализации, колхозного и совхозного строительства, против решительного наступления на кулачество. В связи с этим Политбюро ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) 9 февраля 1929 г. на объединенном заседании обсудили внутрипартийные дела и обратились к Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) с просьбой рассмотреть этот вопрос на его заседании.

Правая оппозиция не имела сколько-нибудь заметной поддержки в партии; партийные организации Украины, Москвы, Ленинграда, Урала и других районов решительно отвергали капитулянтскую платформу правых. В резолюции Московской партийной конференции указывалось: «Политика правого уклона... на деле приводит к отказу от наступления на капиталистические элементы и срыву строительства социализма»¹⁴³.

Коммунисты одного из уральских заводов в своей резолюции заявляли: «Клеймим позором тех, кто в трудный момент старается уклониться от линии, намеченной нашим ленинским ЦК... ЦК партии необходимо повести решительную борьбу с правым уклоном вплоть до исключения лидеров такового из рядов ленинской Коммунистической партии»¹⁴⁴. В резолюции бюро обкома

¹⁴¹ Ф. М. Ваганов. Указ. соч., стр. 127.

¹⁴² Там же, стр. 127—128.

¹⁴³ «Правда», 27 февраля 1929 г.

¹⁴⁴ Ф. М. Ваганов. Разгром правого уклона в ВКП(б). — «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 73.

ВКП(б) ЦЧО от 9 марта 1929 г. указывалось, что линия Бухарина, Рыкова, Томского направлена против генеральной линии партии и решений XV съезда ВКП(б) ¹⁴⁵.

Аналогичные резолюции выносились многими партийными организациями страны. Однако опасность распространения взглядов правых на социалистическую перестройку деревни, на классовую борьбу в связи с наступлением на капиталистические элементы существовала, особенно в деревенских партийных организациях, советских и колхозно-кооперативных органах, нередко засоренных чуждыми элементами. Поэтому объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. специально рассмотрел вопрос о внутривнутрипартийных делах. Участники Пленума члены ЦК А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, П. П. Постышев, И. В. Сталин и другие в своих выступлениях вскрыли капитулянтскую сущность взглядов правых оппортунистов, показали, что Бухарин и его сторонники поддерживают не строительство социализма, а развитие буржуазных отношений в деревне, делают ставку на кулака. «Разве не ясно,— говорил С. В. Косиор, обращаясь к группе Бухарина,— что все ваши взгляды и предложения есть установка на кулака?» ¹⁴⁶

С обстоятельным разбором позиции правых оппортунистов на Пленуме выступил И. В. Сталин. В своей речи «О правом уклоне в ВКП(б)» он дал анализ классовых сдвигов, которые произошли в нашей стране и в капиталистических странах, показал, что усилившееся наступление на капиталистические элементы в СССР вызвало обострение классовой борьбы. Решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни, которое стало проводиться после XV съезда партии, повлекло за собой не только ожесточенное сопротивление кулачества и других капиталистических элементов, но и активизацию правого уклона, который фактически выражал интересы кулачества. Поэтому нельзя было допустить свободное существование правого уклона, стремящегося

¹⁴⁵ «Очерки истории Воронежской организации КПСС». Воронеж, 1967, стр. 264.

¹⁴⁶ Цит. по: Ф. М. Ваганов. Разгром правого уклона в ВКП(б).— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 4, стр. 74.

демобилизовать партию, разложить рабочий класс и приспособить политику партии к интересам кулацко-напманских элементов, ибо это означало — сорвать социалистическое строительство и капитулировать перед капиталистическими элементами.

Партия не могла пойти на это и не пошла. В резолюции от 23 апреля 1929 г. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) осудил политическую позицию правого уклона в ВКП(б), которая означала капитуляцию перед трудностями социалистического строительства и обострением классовой борьбы в стране. «Партия открыто ставит перед трудящимися массами вопрос о необходимости преодоления этих неизбежных трудностей в противовес политике капитуляции перед ними, — говорилось в резолюции Пленума. — Социалистический и капиталистический пути развития сельского хозяйства противопоставляются сейчас острее, чем когда бы то ни было. Рост социалистических форм хозяйства, вытеснение капиталистических элементов и связанный с этим рост сопротивления враждебных нам классовых сил неизбежно вызывают обострение классовой борьбы на этом переломном этапе социалистического строительства. Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы»¹⁴⁷.

Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указывал, что решение сложнейших задач реконструктивного периода и преодоление связанных с этим трудностей, обострение классовой борьбы требуют перестройки работы всех органов диктатуры пролетариата и массовых организаций, усиления влияния рабочего класса на крестьянство, «сплочения и подъема всей бедняцко-средняцкой деревни против кулачества и обеспечения последовательного отпора давлению мелкобуржуазной стихии»¹⁴⁸. Решение этих задач требовало окончательного преодоления правого уклона, уходящего своими корнями в мелкобуржуазную стихию, окружающую рабочий класс.

Опираясь на волю всех партийных организаций, поддерживающих линию ЦК, Пленум постановил осудить взгляды группы Бухарина как несовместимые с генераль-

¹⁴⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 182—183.

¹⁴⁸ Там же, стр. 184.

ной линией партии; снять Бухарина и Гомского с занимаемых ими постов («Правда», Коминтерн, ВЦСПС) и предупредить их, что в случае попытки нарушить решения ЦК и его органов они будут немедленно выведены из состава Политбюро¹⁴⁹.

Решения апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) были одобрены и поддержаны местными партийными организациями. Пленум Средне-Волжской партийной организации (апрель 1929 г.) заявил «о своей полной поддержке Центральному Комитету и проводимой им политике, основанной на твердом проведении в жизнь решений XV съезда партии»¹⁵⁰. Областная парторганизация дала единодушный отпор правому уклону и примиренчеству с ним, провела широкую разъяснительную работу среди членов партии об оппортунистической природе этого уклона.

23—29 апреля 1929 г. состоялась XVI партийная конференция, которой предшествовали партийные конференции на местах, обсуждавшие тезисы к конференции. Они продемонстрировали полную поддержку генеральной линии ЦК. Партия осудила политические взгляды и деятельность правых оппортунистов. XVII Московская губернская партийная конференция, II Ленинградская областная конференция ВКП(б), IV Сибирская краевая партийная конференция, II конференция КП(б) Украины, IX Уральская областная партийная конференция и другие целиком и полностью одобрили политическую линию ЦК ВКП(б) и потребовали от ЦК пресечения фракционной деятельности правых уклонистов¹⁵¹.

В адрес XVI конференции ВКП(б) поступали многочисленные приветствия от коллективов промышленных предприятий, советских учреждений, колхозов и совхозов. Рабочие, инженеры и техники ленинградского завода «Красный путиловец» в своем приветствии заявляли: «Генеральная линия партии по коллективизации сельского хозяйства диктуется нам самой жизнью... Клеветнические измышления малочестных о военно-феодалной эксплуатации крестьянства вдребезги разбиваются фактами

¹⁴⁹ См. там же, стр. 187.

¹⁵⁰ См. Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 158.

¹⁵¹ «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 года». Стенографический отчет. М., 1962, стр. IX.

сегодняшнего дня. Мы вступили первой колонной на рабочий воскресник для оказания материальной помощи подшефным деревням. На этот воскресник явились поголовно все 12 тыс. рабочих и служащих «Красного путиловца». Воскресник дал нашим подшефным деревням 42 тыс. рублей. Под нашим шефством находится 20 сельскохозяйственных объединений, с которыми мы поддерживаем регулярную связь.

Трудности строительства социализма в нашей стране, вызывающие у паникеров упадочные настроения, нам не страшны. Наоборот, в пролетарской массе путиловцев они вызывают новый подъем творческого революционного энтузиазма»¹⁵².

Генеральная линия партии находит горячий отклик в широких массах, заявляли рабочие-краснопутиловцы, свыше 600 рабочих вступило в партию менее чем за четыре последних месяца 1929 г. «Политико-моральное состояние и революционная решимость стальной когорты красных путиловцев непоколебимы, — заканчивалось приветствие «Красного путиловца». — Рука об руку с бедняцко-середняцким крестьянством, под незыблемым руководством ленинской партии и ее штаба — ЦК ВКП(б) мы изо дня в день завоевываем все новые подступы к социализму»¹⁵³.

Приветствия XVI партконференции прислали рабочие завода «Красное Сормово» (Нижний Новгород), бакинских нефтепромыслов, шахтеры Донбасса, рабочие харьковского завода «Серп и молот», московского завода «АМО», Архангельского лесопильного завода имени Ленина, заводов Тулы и многих других¹⁵⁴.

Рабочие «Красного Сормова» заявляли: «Мы целиком и полностью одобряем проводимую нашей партией линию индустриализации страны, поднятия сельского хозяйства и перевода его на социалистические рельсы»¹⁵⁵.

Генеральная линия партии встречала поддержку всех трудящихся.

XVI Всесоюзная партийная конференция обсудила ряд вопросов: о пятилетнем плане развития народного хозяй-

¹⁵² «Правда», 21 апреля 1929 г.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, 21, 23, 27 апреля 1929 г.

¹⁵⁵ Там же, 21 апреля 1929 г.

ства, о путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка, о внутрипартийных делах и другие. Делегаты конференции резко выступили против правого уклона при обсуждении доклада о пятилетнем плане, который сделал А. И. Рыков. В его докладе не были освещены такие важные вопросы, как расстановка классовых сил и обострение классовой борьбы в стране, вопросы единства и сплочения партии, борьба с правым уклоном и т. д. Так как в нем основное ударение делалось на трудностях и опасностях, грозивших осуществлению пятилетнего плана, и ничего не говорилось о путях их преодоления, то тем самым ставилась под сомнение реальность пятилетки.

Делегаты конференции, не отрицая трудностей в осуществлении пятилетнего плана, выражали твердую уверенность в его выполнении. Для этого, говорил Г. М. Кржижановский, необходимы единство в рядах партии, укрепление советского аппарата, высокая активность трудящихся.

О необходимости сохранения ленинского единства и борьбы со всякими колебаниями и шатаниями внутри партии, и в первую очередь преодоления правого уклона и примиренческого отношения к нему, говорил на конференции В. Я. Чубарь¹⁵⁶. Секретарь Сибирского крайкома партии Р. И. Эйхе подчеркивал, что для того, чтобы успешно выполнить программу, намечаемую пятилетним планом — планом развернутого социалистического строительства, «нужно дать отпор тем правым настроениям, которые, как червяк, подтачивают сердцевину, ослабляют темн нашей работы, размагничивают, не дают партии и рабочему классу всю энергию направить на достижение этого темпа...»¹⁵⁷.

Политическая позиция правых была подвергнута критическому разбору в докладе В. В. Куйбышева, выступлениях М. Ф. Владимирского, А. И. Криницкого, К. И. Николаевой, И. Н. Перепечко, Г. И. Петровского и других делегатов конференции. Конференция отвергла минимальный вариант плана, который отстаивали лидеры правых, и приняла оптимальный вариант, как отвечающий директивам XV съезда ВКП (б).

¹⁵⁶ «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 98.

¹⁵⁷ Там же, стр. 92.

Наиболее полно были вскрыты ошибки правых по крестьянскому вопросу при обсуждении доклада М. И. Калинина «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка». Докладчик и выступавшие в прениях делегаты конференции вскрыли социально-экономические корни правого уклона. М. И. Калинин говорил, что это — и капиталистическое окружение, и техническая отсталость СССР, и преобладание мелкотоварного производства. Развитие социалистического строительства в нашей стране сопровождается бешеным сопротивлением капиталистических элементов. Двойственная природа крестьянина, — с одной стороны, он — труженик, а с другой — собственник, — вызывает его колебания то в сторону рабочего класса, то в сторону кулака. Пополнение рабочего класса выходцами из деревни сказывалось на поведении как отдельных слоев рабочего класса, так и некоторых неустойчивых членов партии.

Основные расхождения между партией и правой оппозицией по крестьянскому вопросу состояли в том, что правые смотрели на крестьянство как на однородный класс, в котором нет ни бедноты, ни кулачества, что вело к преуменьшению значения классовой борьбы, к проповеди классового мира.

Что касается подъема сельского хозяйства, то Бухарин и его сторонники мыслили его как одновременный параллельный процесс развития индивидуального крестьянского и коллективного хозяйства, не связанных друг с другом. *«Коль скоро, — говорил М. И. Калинин, — правые признают процесс поднятия индивидуального хозяйства как самодовлеющий процесс, это само собою ведет к тому, что нужно дать свободу капиталистическим элементам в деревне, развязать кулачество и т. д. Вот куда это ведет»*¹⁵⁸.

С подробным разбором теоретических положений правых оппортунистов выступили делегаты конференции И. М. Варейкис, А. С. Калыгина, Г. Н. Каминский, П. П. Любченко, Л. Б. Рошаль, А. Г. Шлихтер и другие. Они показали несостоятельность теоретических воззрений уклонистов, особо подчеркнув опасность их распространения. Интересный случай привела в этой связи А. С. Калыгина.

¹⁵⁸ «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 301.

Она рассказала, что накануне конференции один крестьянин-середняк заявил ей: «Вот, я хотел было уже пойти в колхоз, а потом увидел, что партия еще обсуждает этот вопрос, и у ней нет еще договоренности. Может быть, она найдет, кроме колхозов, какую-нибудь форму, которая поднимет наше индивидуальное хозяйство. Ведь жалко расставаться с индивидуальным хозяйством. Вот я и жду, пока так или иначе вопрос разрешат»¹⁵⁹.

Это заявление интересно, во-первых, тем, что оно характеризует настроение крестьянства, ищущего выход из трудностей индивидуального ведения хозяйства, и, во-вторых, показывает, что наличие в партии правого уклона, поведение его представителей непосредственно отражались и на поведении самого крестьянства.

Вот почему борьба с правой опасностью являлась главной, важнейшей задачей партии в тот период.

XVI партийная конференция полностью одобрила резолюцию апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о внутрипартийных делах и призвала членов партии теснее сплотиться вокруг ЦК, неукоснительно проводить в жизнь его решения, «давая сокрушительный отпор уклонам от ленинской линии партии и прежде всего правому уклону и примиренчеству к ним»¹⁶⁰. Решения партийной конференции наносили серьезный удар по правому оппортунизму и были одобрены всей партией и рабочим классом.

Однако и после этого правые оппортунисты не отказались от борьбы с генеральной линией партии. На словах признавая политику партии, они на деле проводили свою, правооппортунистическую линию. Они по-прежнему выступали против применения чрезвычайных мер к кулаку, против быстрых темпов коллективизации и индустриализации. Поэтому собравшийся в ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) был вынужден вновь заняться рассмотрением вопроса о группе правых уклонистов (группа Бухарина).

Участники Пленума в ходе обсуждения основных вопросов повестки дня (контрольные цифры, итоги и задачи колхозного строительства, доклад ЦК КП(б) Украины

¹⁵⁹ Там же, стр. 356.

¹⁶⁰ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 248.

о работе в деревне и др.) резко критиковали взгляды правых, вскрывая их антиленинскую сущность. Секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана Ф. И. Голощекин справедливо отмечал, что нельзя говорить о контрольных цифрах, об осуществлении пятилетнего плана, иначе говоря, о генеральной линии партии, не указав на ту опасность, которую представляет правый уклон.

В выступлениях на Пленуме подчеркивалось, что отказ от применения чрезвычайных мер к кулаку, на чем настаивали правые, означал бы на практике отказ от борьбы с кулачеством, которое оказывало отчаянное сопротивление не только проведению хлебозаготовок, но, главным образом, социалистическому строительству в деревне, осуществлению коллективизации сельского хозяйства.

Между тем Бухарин, Рыков и Томский в своем заявлении Пленуму ЦК ВКП(б) от 12 ноября 1929 г. вновь настаивали на смягчении политики по отношению к кулачеству. Они писали:

«Мы полагаем, что при намечавшихся нами на апрельском Пленуме методах проведения генеральной линии партии мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем. Однако, подводя итоги истекшего года, мы констатируем, что у нас была известная ошибочная недооценка тех могущественных рычагов воздействия на деревню, которые, в конечном счете, начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер»¹⁶¹.

Выступивший сразу после оглашения Рыковым «заявления трех» председатель ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе убедительно доказал, что в течение последних полутора лет между партией и правыми шла борьба по основным вопросам социалистического строительства — о темпах индустриализации, о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, — а не только по вопросу о применении чрезвычайных мер, как это пытались представить Бухарин и его единомышленники. «А они здесь выступают и говорят, будто бы все разногласия сводились к тому, что они были против системы чрезвычайных мер и только, — говорил Г. К. Орджоникидзе. — Извините, пожалуйста, дело не в этом. Возводить чрезвычайные меры

¹⁶¹ Цит. по: Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром стр. 247.

в систему никто никогда не предлагал. Вопрос шел о темпе развития нашей промышленности и о перестройке сельского хозяйства на основе коллективизации. Вы теперь говорите, что у нас величайшие достижения. Да, достижения у нас на самом деле величайшие, но вы должны сказать честно перед партией, что эти достижения, которые мы сейчас имеем, достигнуты против ваших политических рецептов»¹⁶².

Что касается чрезвычайных мер, то применение их было вызвано саботажем хлебозаготовок, яростным, доходившим до открытого террора, сопротивлением кулачества проведению мероприятий Советской власти. В этих условиях Советское государство вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным мерам как временным мерам для подавления кулацкого сопротивления. Поэтому, заявил на Пленуме ЦК председатель исполкома Совета Центрально-Черноземной области Е. И. Рябинин: «Когда в данный момент ставят вопрос о том, что нужно отказаться от применения чрезвычайных мер, нам, рядовым практическим работникам в деревне, это кажется невероятно странным и нелепым. Что значит отказ партии в настоящее время от применения чрезвычайных мер по отношению к кулаку? Это значит не что иное, как отказ от борьбы с кулаком. Как можно отказаться от применения чрезвычайных мер к кулаку, когда он действительно идет на все, лишь бы сорвать социалистическое переустройство деревни? Нельзя же представлять дело таким образом, что кулак ведет сопротивление исключительно только на фронте хлебозаготовок. Это пустяки. Сейчас главное, основное сопротивление кулак оказывает не на фронте хлебозаготовок, а именно на фронте социалистического переустройства деревни, когда он видит, что у него из-под ног берут основную базу, которая давала ему возможность эксплуатировать бедняцкие и середняцкие хозяйства»¹⁶³.

В связи с начавшимся массовым колхозным движением, ростом политической активности бедняцко-середняцких масс крестьянства чрезвычайные меры с осени 1929 г. стали превращаться из средства административного воздействия на кулачество при выполнении государственных

¹⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. I, стр. 83.

¹⁶³ Там же, вып. II, стр. 23.

заданий в одну из составных частей общего наступления социализма на капиталистические элементы. Чрезвычайные меры осенью 1929 г., в отличие от чрезвычайных мер 1928 г., применялись уже не как простая административная мера, а как составная часть массового наступления бедняцко-средняцких масс крестьянства на кулачество в процессе колхозного движения. В общем комплексе мероприятий Коммунистической партии и Советской власти по развертыванию всестороннего и решительного наступления на кулачество удельный вес чрезвычайных мер был весьма скромным.

Развертывание социалистического строительства, осуществление индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, решительное наступление на кулачество вызвали резкое противодействие правых, они стали открыто выступать против быстрых темпов индустриализации, развертывания коллективизации, в защиту кулака.

На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) (1929 г.) приводились факты, когда кулачество, чувствуя поддержку со стороны правых уклонистов, активизировалось, усиливало свое сопротивление социалистическому строительству. Огромный ущерб делу коллективизации сельского хозяйства причиняло распространение правооппортунистических взглядов о путях и методах строительства социализма. Е. И. Рябинин сообщал, например, что на местах чуждые элементы, в том числе и в партийных организациях, ведут антиколхозную агитацию, ссылаясь при этом на Бухарина, Рыкова и других лидеров правого уклона¹⁶⁴.

Платформа правых оппортунистов, если бы она была принята, объективно привела бы к отказу от строительства социализма, к реставрации капитализма в нашей стране. Не случайно, что не только кулачество и нэпманско-буржуазные элементы, но и явно контрреволюционные буржуазные организации брали на вооружение платформу правых¹⁶⁵. Не разгромив правых оппортунистов, нельзя было успешно строить социализм.

Поэтому партийные организации требовали применения к лидерам правого уклона, и прежде всего к Бухарину,

¹⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 22.

¹⁶⁵ «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1930, стр. 179.

суровых мер организационного порядка. Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) в начале ноября 1929 г. принял решение: «Исходя из того, что Бухарин ведет явно линию на начало фракционной борьбы, считать недопустимым его пребывание в Политбюро»¹⁶⁶. На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Р. И. Эйхе отстаивал это решение Сибирской парторганизации и требовал вывода Бухарина из состава Политбюро.

С решительным осуждением позиции и поведения правых уклонистов выступили на Пленуме А. С. Бубнов, И. М. Варейкис, М. Ф. Владимирский, Я. Б. Гамарник, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, А. И. Микоян, В. М. Молотов, П. П. Постышев, И. В. Сталин, Б. П. Шеболдаев, Я. А. Яковлев и другие.

Пленум ЦК ВКП(б) в своих решениях осудил позицию правых оппортунистов и подчеркнул, что итоги истекшего хозяйственного года (1928/29 г.) подтвердили правильность всей политики партии и доказали полное банкротство позиции правых уклонистов во главе с Бухариным, «являющейся не чем иным, как выражением давления мелкобуржуазной стихии, паникой перед обострившейся классовой борьбой, капитулянтством перед трудностями социалистического строительства»¹⁶⁷.

Пленум отмечал, что успехи в социалистическом строительстве стали возможными потому, что рабочий класс и партия решительно преодолевали попытки правых оппортунистов свернуть партию с ее генеральной линии.

В связи с тем, что бухаринская группа отказывалась признать свои ошибки в вопросах строительства социализма, в оценке классовой борьбы и пыталась перейти к методам фракционной борьбы с партией, разоблачив таким образом свою антиленинскую сущность, ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. постановил «признать пропаганду взглядов правого оппортунизма и примиренчества с ним несовместимой с пребыванием в рядах ВКП(б)»¹⁶⁸.

Вместе с тем Пленум решил Бухарина как руководителя правых уклонистов вывести из состава Политбюро ЦК и предупредил Рыкова и Томского, а также Угарова, не

¹⁶⁶ Н. А. Ивницкий. Указ. соч., стр. 58.

¹⁶⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 325.

¹⁶⁸ Там же, стр. 334.

отмежевавшегoся от правых уклонистов, что в случае попытки с их стороны продолжить борьбу против линии партии к ним будут применены соответствующие организационные меры¹⁶⁹.

И только тогда лидеры правых оппортунистов подали заявление с признанием своих ошибок. Но и после этого они не включились в активную борьбу за осуществление поставленных партией задач социалистического строительства и по существу заняли выжидательную позицию.

Таким образом, правый оппортунизм в рядах нашей партии был разгромлен идейно и организационно; почти двухлетняя борьба партии с группой Бухарина увенчалась победой, как в свое время и борьба с троцкизмом. Правые потерпели полное поражение и вынуждены были открыто признать это. Дорога для успешного строительства социализма была расчищена. Однако было бы неправильным думать, что поскольку группа Бухарина была разгромлена, а ее идейно-теоретические воззрения разоблачены, то исключалась возможность в дальнейшем оживления и активизации правого оппортунизма. Пока существовала мелкобуржуазная стихия, которая являлась питательной средой для правого оппортунизма, до тех пор существовала и опасность оживления оппортунизма. Поэтому партия и ее ленинский Центральный Комитет должны были быть настороже, во всеоружии, чтобы отразить новое нападение на партию.

Опыт борьбы с правой оппозицией, за генеральную линию партии закалил партийные организации, сплотил их вокруг Центрального Комитета, укрепил уверенность трудящихся масс в правильности ленинского плана строительства социализма в СССР.

Перед партией теперь стояла задача: разгромив правый оппортунизм, развивать дальнейшее форсированное наступление социализма, ломая сопротивление капиталистических элементов города и деревни. Успехи колхозного строительства поставили во весь рост новую задачу — задачу ликвидации капиталистических элементов, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

¹⁶⁹ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 367.

**ПЕРЕХОД ОТ ПОЛИТИКИ
ОГРАНИЧЕНИЯ И ВЫТЕСНЕНИЯ
К ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ
КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА**

**1. Выработка новой политики по отношению
к кулачеству в связи с началом массового
колхозного движения**

В результате проведения Советской властью политики ограничения эксплуататорских тенденций буржуазии, политики вытеснения капиталистических элементов экономическая мощь кулачества была в значительной мере подорвана, а его удельный вес в общем числе крестьянских хозяйств и в сельскохозяйственном производстве из года в год падал. Тем не менее кулачество до начала сплошной коллективизации еще представляло серьезную силу.

Развертывание массового колхозного движения по-новому поставило вопрос об отношении к ~~кулачеству~~. В деревне созрели условия для полного искоренения капиталистической системы эксплуатации человека человеком. На очередь дня встал вопрос о практических путях ликвидации кулачества как класса. При решении этого вопроса Коммунистическая партия руководствовалась марксистско-ленинской теорией. Марксизм-ленинизм учит, что пути и методы ликвидации кулачества могут быть разными в зависимости от конкретных исторических условий. Ф. Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» высказал предположение, что, если богатые крестьяне окажутся достаточно благоразумными, поймут неизбежность гибели капиталистического способа производства, то не надо будет прибегать к насильст-

венной экспроприации¹. Возможность такого решения допускал и В. И. Ленин (ноябрь 1918 г.) при условии, что кулаки подчинятся мероприятиям Советской власти. На практике этого не произошло. Поэтому В. И. Ленин уже весной 1919 г. заявил, что для России это предположение не оправдалось. «На одном московском собрании²,— говорил В. И. Ленин,— где приходилось ставить вопрос об отношении к мелкобуржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике»³.

Правда, после окончания гражданской войны и подавления контрреволюционных кулацких мятежей партия считала возможным использовать хозяйственный опыт кулаков для подъема крестьянского хозяйства. Но в дальнейшем, в связи с развертыванием социалистического переустройства сельского хозяйства, сопротивление кулачества вновь усилилось, его борьба против колхозов и мероприятий Советской власти обострялась, принимая самые разнообразные формы. Советское государство, решительно пресекая антисоветскую деятельность кулачества, не переходило тем не менее до определенного времени к политике его ликвидации как класса. ~~До второй поло-~~
вины 1929 г. партия не закрывала кулакам дорогу и в коллективные хозяйства.

Вопрос о возможности приема кулака в колхоз обсуждался в печати накануне XVI партконференции и на самой конференции. В связи с опубликованием тезисов доклада М. И. Калинина «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка» на страницах «Сельскохозяйственной газеты» и «Комсомольской

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 522—523.

² В. И. Ленин имел в виду собрание партийных работников Москвы, на котором он выступил 27 ноября 1918 г. с докладом об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии (См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 207—233).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

правды» развернулась дискуссия по этому вопросу. Так, например, 19 и 26 апреля 1929 г. в «Комсомольской правде» были опубликованы статьи Л. Шацкого «Кулак и коллективизация» и «Остаемся на прежних позициях. Ответ гг. Каминскому и Беленькому». 25 апреля «Сельскохозяйственная газета» напечатала статью В. Карпинского «Массовая коллективизация и кулак» и статью М. Устинова «О «сплошной коллективизации» целых селений», а еще раньше, 16 апреля 1929 г., «Правда» опубликовала статью К. Баумана «О смычке и борьбе за хлеб», в которой также затрагивался вопрос о судьбе кулака в связи с коллективизацией сельского хозяйства.

На XVI партийной конференции ВКП(б) из 27 выступавших в прениях по докладу М. И. Калинина 15 делегатов касались этого вопроса. При этом мнения выступавших разделились: часть ораторов была против приема кулака в колхозы, другие высказывались за возможность приема кулаков и зажиточных в коллективные хозяйства при условии обобществления всех средств производства. Некоторые считали, что кулака можно принимать в крупные, окрепшие колхозы, но категорически высказывались против приема в мелкие, слабые коллективные хозяйства. И все без исключения делегаты решительно выступали за пресечение кулацкой контрреволюционной деятельности, против допуска кулаков в органы управления колхозов.

М. И. Калинин, отмечая обострение классовой борьбы в деревне, особенно в связи с колхозным строительством, тем не менее считал возможным в будущем принимать кулаков в колхозы. «Несомненно, — говорил он, — при социалистическом строительстве не прекращается борьба с кулаком. Это — один из факторов социалистического строительства. Но вот — колхозы. Как тут подойти к вопросу — привлекать кулака в коллективное хозяйство или нет? У нас есть борьба с кулаком. Но скажите, пожалуйста, вот межселенные тракторные станции, все межселенные уничтожаются: как лучше бороться с кулаком — или его землю вместе вспахать, или оставить ему землю и выделить ее, чтобы он отдельно вел свое хозяйство? Тут получается персональная борьба с кулаком: с Яковом, Иваном. Такая борьба безусловно необходима. А что означает борьба с кулачеством, в качестве социально-экономического явления? Это значит вырвать у кулака средства

производства, которыми он подавляет крестьян. И если вы выделите ему землю, оставите его на своей земле, то это значит не борьба, не преодоление, а культивирование, консервирование кулачества на веки веков.

Поэтому, если вопрос принципиально поставить, так сказать, в исторической перспективе, то как наиболее полезно с этой отдаленной точки зрения... как наиболее полезно поступить с кулаком, можно ли навсегда закрыть перед ним двери колхоза? Я думаю, что было бы неправильно *навсегда* закрывать эти двери»⁴.

Правда, далее М. И. Калинин указывал, что, решая практически этот вопрос, следует учитывать конкретные условия, действительную обстановку. Нужно учитывать всю совокупность различных факторов: насколько кулаки вредны, насколько они активны в борьбе против колхозов и мероприятий Советской власти, насколько колхозы могут ассимилировать кулаков.

В какой-то степени это положение доклада М. И. Калинина перекликается с положениями, выдвинутыми в статье К. Баумана «О смычке и борьбе за хлеб», в которой автор поставил вопрос о коллективизации целых районов и селений и о возможности в связи с этим допущения кулака в колхозы при условии механизации, сплочения бедняцко-средняцкого блока и т. п. Кулак, писал К. Бауман, должен или подчиниться вновь устанавливаемым порядкам, «или он отшвыривается в сторону, вынужденный уйти из данного земельного общества. Вот почему идея перехода целых селений к общественной обработке земли, как показал уже опыт, реально осуществима, плодотворна и правильна»⁵.

Возможность приема кулака в колхозы признавалась, хотя и с рядом оговорок, и другими делегатами XVI партийной конференции: П. Е. Зайцевым (Московская область), А. С. Калыгиной (Смоленская губерния), Г. Н. Каминским (Колхозцентр), П. П. Любченко (Украина), Ф. Ф. Густы (Нижняя Волга). Они считали, что кулак в колхозе будет лишен возможности эксплуатировать бедноту, поскольку его средства производства обобществляются и ограничиваются возможности роста кулацких

⁴ «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 года». Стенографический отчет. М., 1962, стр. 296.

⁵ «Правда», 16 апреля 1929 г.

хозяйств. Особенно большие надежды возлагались на тракторные колонны, которые должны были выбить почву из-под ног кулака. Так, А. С. Калыгина говорила: «...Там, где имеются тракторные колонны с тысячами гектаров, со многим количеством деревень, где все хозяйства должны перейти по договору на совместную запашку земли, конечно, можно оставлять кулака в колхозе, обобществляя его хозяйство машинами, вовлекая его живой инвентарь и труд и получая все его товарные излишки.

Таким путем мы его фактически раскулачиваем, ибо эксплуатировать ему некого и нечего в его сельском хозяйстве. Кроме того, в тракторных колоннах обычно обеспечено наше руководство и наблюдение, мы там можем сами проводить организацию и активизацию бедноты, что совершенно уничтожает кулацкое влияние и сопротивление»⁶. Но, считала А. С. Калыгина, как правило, не следует вовлекать кулаков в колхозы, особенно в мелкие, поскольку последние могут попасть в руки кулаков и превратиться в лжеколхозы.

Что касается отношения к кулаку при проведении массовых сельскохозяйственных кампаний, то, по мнению оратора, кулакам следует давать улучшенные семена, как и другим крестьянам, чтобы не засорять посевы. То же самое относится и к контрактации кулацких посевов.

Таким образом, хотя и с оговорками, но признавалась возможность приема кулаков в колхозы, а также включение их в земельные общества, обслуживаемые тракторными колоннами.

С такой точкой зрения солидаризировался и представитель ЦК КП(б) Украины П. Н. Любченко. Он считал, что при коллективизации целых селений и при наличии машинно-тракторных станций можно допускать кулаков в колхозы, но при условии особого режима для них, во-первых, политического — лишение активного и пассивного избирательного права в колхозах и, во-вторых, экономического — налоговая система должна применяться в полной мере, чтобы кулак не мог использовать коллективное хозяйство «для своего индивидуального накопления»⁷.

⁶ «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 357.

⁷ Там же, стр. 382—383.

Председатель Колхозцентра Г. Н. Каминский в общем поддержал позицию М. И. Калинина по отношению к кулачеству. Он говорил, что тракторные колонны и машинно-тракторные станции в связи со сплошной коллективизацией селений могут обслуживать и кулацкие хозяйства, дифференцируя оплату за работу тракторов. В дальнейшем, когда сплошная коллективизация охватит большие массивы, может быть, можно будет принимать кулаков в колхозы, подчиняя их задачам организации общественного хозяйства. «На данной стадии, на сегодняшний день,— отмечал Г. Н. Каминский,— из практики колхозного движения я скажу, что и в случае коллективизации целых селений вопрос решается по-разному в разных местах. Возьмем, например, села-колхозы Богудское и Преображенское в Самарском округе. Как там пошло дело? В одном случае кулаков не приняли. В другом — приняли кулака при условии сдачи им в неделимый капитал колхоза всех его средств производства. Это показывает, что мы не можем еще давать каких-либо общих рецептов по этому вопросу. Этот вопрос зависит от организации наших сил, от хода классовой борьбы в том или ином районе... В обычных условиях колхозного строительства мы ведем линию на исключение кулака, и только в единичных случаях, при сдаче им в неделимый капитал средств и орудий производства, принимаем его»⁸.

Некоторые делегаты конференции не соглашались с таким решением вопроса и определенно выступали против приема кулака в колхоз, независимо от того, согласится или не согласится он на обобществление средств производства. Секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области И. М. Варейкис говорил по этому поводу: «Мне кажется, что практически в настоящий момент для нас с вами, для людей, которые в большинстве занимаются практикой колхозного строительства, вопрос стоит не о том, чтобы разрешать кулакам идти в колхозы, а о том, чтобы чистить колхозы от кулаков. В этом основная задача»⁹. При этом он ссылаясь на многочисленные факты засоренности колхозов кулацкими, зажиточными элементами, которые разлагают колхозы изнутри. «Вот по-

⁸ «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 397—398.

⁹ Там же, стр. 333.

чему мне представляется,— указывал И. М. Варейкис,— что организация колхозов на целом земельном обществе должна протекать не под лозунгом привлечения кулака в колхоз, а под лозунгом неослабной борьбы с кулаком и кулацкими элементами. Иначе строить колхозы немислимо»¹⁰.

Резко отрицательную позицию в этом вопросе занял председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов. Он заявлял, что ставить вопрос о допуске кулака в колхозы, «это примерно то же, что ставить вопрос о том, чтобы пустить козла в огород»¹¹, ибо до тех пор, пока не будет сломлено сопротивление кулака, ставить так вопрос — это значит разоружать бедноту и середняков в их борьбе с кулачеством.

Примерно такой же позиции придерживался и В. В. Ломинадзе, который считал, что кулак и при сплошной коллективизации не должен приниматься в колхозы. Лишь в редких, исключительных случаях допустимо принятие кулака при условии обязательного безвозмездного обобществления всего его мертвого и живого инвентаря, а также сдачи в неделимый фонд колхозов денежных капиталов и продовольственных запасов¹².

Секретарь Средне-Волжского обкома ВКП(б) М. М. Хатаевич отмечал, что нельзя ставить вопрос так, можно ли допускать кулаков в колхозы. Опыт показывает, что там, где кулак есть в колхозах, он стремится оказать свое влияние на работу коллектива. «Сейчас стоит вопрос о том, чтобы его вычищать из колхозов»¹³. Но в тех случаях, когда обеспечено крепкое руководство и пролетарское влияние, возможно включение отдельных кулацких хозяйств в колхозы, если они согласятся на обобществление своих орудий производства.

Таким образом, М. М. Хатаевич, возражая сторонникам двух противоположных точек зрения, хотя и с оговорками, сам становился на позиции спорящих сторон. Вообще следует заметить, что не отличались последовательностью выступления и других делегатов конференции, даже тех, кто резко возражал против приема кулаков в

¹⁰ Там же, стр. 334.

¹¹ Там же, стр. 325.

¹² См. там же, стр. 312.

¹³ Там же, стр. 338.

колхоз (В. В. Ломинадзе, Л. А. Шацкий), так как и они признавали возможным в тех или иных случаях принимать кулака в колхозы.

При обсуждении тезисов и доклада М. И. Калинина делегаты конференции подвергли критическому разбору некоторые положения статей, опубликованных накануне и в период XVI партийной конференции. В частности, делегаты отвергли предложение М. Устинова (в статье «О «сплошной коллективизации» целых селений») о создании социально однородных колхозов, потому что это фактически привело бы к осуществлению на практике «теории» Бухарина о дифференциации кооперации по социальному признаку. Еще в 1925 г. Бухарин писал: «Что у нас будет в деревне? Будет расти кооперация не кулацкого типа, а середняцкого. И будут еще расти тоже бедняцкие кооперативы в виде колхозов. Да. Значит, какие будут элементы в деревне? Бедняцкая кооперация — колхозы. Средняцкая кооперация в области сбыта, закупок, кредита. Будет местами и кулацкая кооперация. Вся эта лестница будет вращаться в систему наших банков»¹⁴.

Ясно, что принятие такой точки зрения означало бы не осуществление социалистического переустройства сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса, а насаждение капиталистических гнезд в деревне, увековечение кулака.

Делегаты конференции не согласились и с предложениями З. М. Беленького и В. А. Карпинского, выдвинутыми ими в статьях, опубликованных в «Комсомольской правде» и в «Сельскохозяйственной газете». З. М. Беленький (председатель Хлебоцентра) предлагал, например, при переходе целых селений к общественной обработке земли принимать меры к тому, чтобы кулацкие хозяйства тоже переходили к коллективной обработке земли, предусмотрев при этом условия, исключающие возможность эксплуатации бедняцко-средняцких масс. Для этого, по мнению Беленького, необходимо было запретить индивидуальное использование инвентаря и передать его в общественное пользование на основе нормированной оплаты или постепенного выкупа на основе твердой рас-

¹⁴ Цит. по: «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 352.

ценки, учета инвентаря в паевом капитале колхоза и т. п.¹⁵

Практически это привело бы к привилегированному положению кулака в колхозе, ибо хозяйственные и экономические преимущества кулака по сравнению с беднотой и с середняком сохранились бы и в колхозе, поскольку речь шла не о безвозмездном отчуждении живого и мертвого инвентаря в пользу колхоза, а лишь о его выкупе.

Следовательно, вместо решительного наступления на кулачество предлагалось делать уступки кулаку. Вполне понятно, что конференция не могла принять такого предложения.

Дискуссия на XVI партийной конференции о том, как быть с кулаками в связи со сплошной коллективизацией, показала, что единой точки зрения по этому вопросу еще не было. Сторонники приема кулаков в колхозы при условии передачи средств производства в колхозы не учитывали в полной мере опасности кулацкого влияния на колхозников, с одной стороны, и возможности диверсионно-вредительских актов кулачества внутри колхоза — с другой. Включение кулаков в коллективные хозяйства в условиях усиления борьбы кулачества против колхозов могло привести либо к развалу колхозов, либо к перерождению их в лжеколхозы.

Противники этой точки зрения, возражая против приема кулаков в колхозы и предлагая выселять их в специальные поселки или обособлять на окраинах колхозных полей, не отвечали на вопрос, как быть дальше с кулаком. Таким образом, не было ясности и в определении дальнейшей судьбы кулаков после осуществления сплошной коллективизации в том или ином селении, районе.

Комиссия по составлению резолюции по докладу М. И. Калинина (председатель С. В. Косиор) тоже не пришла к единому мнению и решила вопрос о кулаке передать в Политбюро ЦК ВКП (б). Это решение комиссии было принято конференцией¹⁶.

XVI партийная конференция еще раз подтвердила курс на коллективизацию сельского хозяйства. В резолюции по докладу М. И. Калинина указывалось, что коллективиза-

¹⁵ «Комсомольская правда», 26 апреля 1929 г.

¹⁶ «Шестнадцатая конференция ВКП(б)...», стр. 613.

ция является единственным путем избавления миллионов масс крестьянства от нищеты и разорения, она «означает не только ограничение роста капиталистических элементов в деревне, но и их *вытеснение крупным общественным хозяйством* (государственным и коллективным)»¹⁷.

Осуждая взгляды правых оппортунистов, которые стремились подменить политику усиленного наступления на кулака политикой мирного сожительства с кулаком, и отмечая усиление борьбы кулачества против колхозов, конференция признала необходимым и дальше развивать наступление на кулака. Хотя на XVI партконференции и не был окончательно решен вопрос о возможности приема кулака в колхоз, практика колхозного строительства, обострение классово-борьбы в деревне — все это говорило о недопустимости приема кулака в колхоз. Поэтому многие местные партийные организации еще до принятия специальных решений центральных органов выносили постановления о запрещении приема кулаков в коллективные хозяйства и простейшие производственные объединения.

IV Сибирская краевая партийная конференция в марте 1929 г. по докладу «О состоянии и задачах строительства колхозов и совхозов» приняла решение о недопущении кулака в простейшие производственные объединения. В резолюции краевой конференции было записано: «При организации простейших производственных объединений (машинные, поселковые, животноводческие, семенные и др. товарищества) необходимо осуществлять следующие указания:

а) недопущение кулацких хозяйств в объединения и организация последних исключительно из бедняцко-средняцких слоев деревни...»¹⁸.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Самарской парторганизации» от 30 апреля 1929 г. подчеркивалось, что парторганизация должна проводить более энергично наступление на кулачество, не допуская его кредитования и продолжая чистку колхозов от кулаков¹⁹. Правда,

¹⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4. М., 1970, стр. 209.

¹⁸ «Советская Сибирь», 21 марта 1929 г.

¹⁹ «Справочник партийного работника», вып. VII, ч. II. М., 1930, стр. 140.

в постановлении прямо еще не говорилось о запрещении приема кулаков в колхозы, но указание на то, что следует продолжать чистку колхозов от кулаков, фактически означало, что кулаков нецелесообразно принимать в коллективы.

Секретарь Владимирского окружкома ВКП(б) А. И. Шахрай в отчетном докладе на I окружной партконференции 16 июня 1929 г. говорил: «...идут некоторые разговорчики о том, стоит или не стоит принимать кулака в колхозы. Здесь мы должны сказать определенно, что кулака в колхозы принимать не следует...»²⁰

Летом ЦК ВКП(б) дал директиву не принимать кулаков в колхозы при проведении сплошной коллективизации. В постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г. по докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о выполнении решений ноябрьского Пленума ЦК (1928 г.) о работе в деревне перед краевой парторганизацией ставилась задача массового вовлечения бедняцко-средняцких хозяйств в колхозы. Что касается кулаков, то ЦК ВКП(б) в этом постановлении записал следующее: «ЦК одобряет решение Севкавказкрайкома о нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и о необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, нытающихся разлагать колхозы изнутри»²¹.

Этот документ имел важное значение в деле дальнейшего наступления на кулачество и в укреплении коллективных хозяйств. После опубликования постановления ЦК многие партийные организации принимали решения о запрещении приема кулаков в колхозы и кооперативы. 14 августа 1929 г. обком ВКП(б) ЦЧО принял постановление «О недопустимости вовлечения кулаков в колхозы», в котором отмечалось, что объединение мелких и мельчайших индивидуальных бедняцких и средняцких хозяйств в колхозы происходит не мирным путем, а «на почве и в порядке острой классовой борьбы в деревне бедноты и основной массы среднего крестьянства... против кулацких, капиталистических слоев крестьянства, активно борющихся за капиталистический путь развития. Обком считает поэтому принципиально совершенно недопустимыми и по-

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 20, д. 28, л. 13.

²¹ «Правда», 19 июля 1929 г.

литический вредными и опасными взгляды, допускающие вступление кулака в колхозы. Ибо практика колхозного движения показывает, что засорение кулаками, капиталистическими и чуждыми элементами колхозов, как правило, ведет неизбежно к развалу, хозяйственному и организационному ослаблению и в конечном итоге к распаду таких колхозов, либо перерождению их в лжеколхозы»²². В связи с этим обком партии предлагал местным организациям провести чистку колхозов и проверку их состава.

Аналогичные решения были вынесены партийными организациями Украины, республик Закавказья, Средней Азии и других районов. Так, например, Пленум ЦК КП(б) Грузии, проходивший 18—20 октября 1929 г., решил не пускать кулака в колхозы, при землеустройстве выселять кулацкие хозяйства на окраины районов сплошной коллективизации²³. Иногда партийные организации, в частности национальных районов, выносили решения не принимать кулаков только во вновь организуемые колхозы, но допускалась возможность приема кулаков (баев) в старые крепкие объединения при условии лояльного отношения к колхозам (Кокандский округ Узбекистана)²⁴.

Июльский пленум Средне-Волжского обкома ВКП(б) вынес постановление, в котором говорилось: «Считая важнейшей задачей ближайшего периода вытеснение кулацкого влияния и борьбу с подрывной деятельностью кулачества в колхозах, можно допускать включение отдельных кулацких элементов в коллективные объединения лишь при наличии полного отказа с их стороны от личного владения орудиями производства, наличии в колхозах сплоченного бедняцко-средняцкого ядра и обеспечении через соответствующие кадры актива правильного руководства»²⁵.

Однако с осени 1929 г. такие решения выносились все реже и реже.

При обсуждении типового договора МТС с крестьянскими объединениями в сентябре 1929 г. было решено ку-

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 676, л. 42.

²³ М. А. Вьлцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР.— «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 15—16.

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2504, л. 40.

²⁵ Там же.

лаков в объединения, обслуживаемые МТС, не принимать. Запрещалось принимать кулаков не только в мелкие колхозы и простейшие производственные кооперативы, но и в крупные старые коллективы. Печальный опыт с колхозом «Красный мелиоратор» показал, что при известных условиях и засоренности кулаками возможно вырождение как мелких, так и крупных коллективных хозяйств в лжеколхозы. Практика колхозного строительства, логика развития классовой борьбы в деревне привели к решительному отказу от допуска кулака в колхозы.

Поэтому на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) уже не было сторонников приема кулаков в колхозы — речь шла о развертывании решительного наступления на кулачество. Об этом, в частности, говорили в своих выступлениях А. А. Андреев, Г. П. Каминский, С. В. Кошиор, А. И. Микоян, В. М. Молотов, В. П. Шеболдаев и другие.

Председатель Колхозцентра Г. Н. Каминский в докладе на Пленуме ЦК подчеркивал, что колхозное строительство происходит в условиях жесточайшей классовой борьбы, в условиях бешеного сопротивления и противодействия кулацких элементов, которые не останавливаются ни перед чем, чтобы сорвать коллективизацию сельского хозяйства. В условиях общего наступления социализма по всему фронту кулачество маневрирует, приспособливается к новой обстановке, добиваясь приема в колхозы, чтобы там вредить. «При такой обстановке, — говорил Каминский, — ясно, что на данном этапе обострения классовой борьбы в деревне наша политика должна заключаться в недопущении кулаков в колхоз, в усилении законодательных мер и судебных репрессий против кулака, в очищении существующих колхозов от кулаков»²⁶. *и др.*

До последнего времени, отмечал докладчик, не был ясен вопрос о том, куда девать кулака при сплошной коллективизации. Опыт колхозного движения в районах сплошной коллективизации показал, что наиболее целесообразным является выделение кулацких хозяйств из общего массива на его окраины. Вытеснение кулака на дальние и худшие земли, разобщение кулацких хозяйств ослабляли экономические позиции кулака и подрывали его влияние на крестьянские массы.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 18.

Секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор считал, что «нельзя на пушечный выстрел подпускать кулака к колхозу, ни в коем случае не включать кулака в колхоз»²⁷. К этому выводу пришла партийная организация Украины на основе практического опыта. Вначале машинно-тракторные станции обслуживали и кулацкие хозяйства при условии лояльного отношения к мероприятиям Советской власти. Однако опыт 1929 г. показал, что кулака нельзя пускать в колхоз, ибо он входит туда с целью вредительства и разложения.

На такой же точке зрения стоял и секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаев.

Секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов, говоря об обострении классовой борьбы в деревне и отмечая отдельные случаи колебаний у некоторых работников по вопросу о возможности приема кулака в колхозы, указывал, что колебания здесь недопустимы, так как колхозы еще слабы и не успели стать на ноги. Допущение кулака в колхозы грозило бы разложением многих коллективных хозяйств, поэтому к кулаку следует относиться как к злейшему и еще недобитому врагу.

Однако решительно высказываясь против приема кулака в колхозы в процессе сплошной коллективизации, участники Пленума ЦК не исключали такую возможность в будущем, когда колхозы победят и окрепнут, а позиции кулака будут основательно подорваны. Такую возможность допускали, например, А. А. Андреев и А. И. Микоян.

А. А. Андреев, выдвигая идею сплошной коллективизации Северо-Кавказского края к лету 1931 г., выразил уверенность, что крестьянские массы поддержат инициативу партийной организации. Г. И. Петровский спросил с места: «А кулак как?» А. А. Андреев ответил: «Я думаю, что кулака надо пока выделить, чтобы не осложнять нам на первом этапе свою работу.

Голос с места. Почему пока?

Андреев. Потому пока, что я думаю, что когда мы окрепнем, когда мы обеспечим решающие успехи в нашем колхозном движении, когда мы порядочно раскулачим кулаков (ведь мы их физически уничтожить не собираем-

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 70.

ся), после этого нам не страшно будет включить и эту часть населения в наше общественное хозяйство, но мы должны сперва обеспечить решающие успехи, закрепить свое руководство, раскулачить этот самый элемент»²⁸.

А. И. Микоян также считал, что в условиях, когда кулачество противодействовало колхозному строительству как вне, так и внутри коллективов, кулака в колхоз принимать не следует. Он говорил: «При этих условиях, при массовой коллективизации, при наличии борьбы в колхозе, вхождение кулака в колхоз на первых ступенях организации является чрезвычайно опасным. Когда мы сорганизуем прочно и укрепим колхозы, мы, может быть, и примем кулака, потому что куда же мы его денем? Вопрос этот не абстрактно решается, а решается с точки зрения классовой борьбы. На первых этапах крайней обостренности классовой борьбы допускать кулака в колхоз мы не можем»²⁹.

→ Следовательно, вопрос об отношении к кулачеству при проведении сплошной коллективизации был ясен — кулака необходимо было изолировать, в коллективные хозяйства не пускать, продолжать решительное наступление на капиталистические элементы. В резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. по этому вопросу было записано, что партия должна продолжать и усиливать борьбу против капиталистических элементов деревни, развивать «решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы»³⁰.

Такое решение диктовалось всем ходом колхозного строительства, опытом классовой борьбы в деревне. Нельзя было принимать кулака в колхозы, потому что это способствовало бы оживлению капиталистических тенденций в колхозах. Поскольку колхозы состояли из вчерашних единоличников, которые, как говорил на Пленуме ЦК Г. Н. Каминский, еще не полностью порвали «ту пуповину, которой они привязаны к частнохозяйственному укладу», поскольку там известное время будет существовать опасность оживления капиталистических тенденций,

²⁸ Цит. по: П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 79.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 82.

³⁰ «КПСС в революциях...», т. 4, стр. 346.

будут наблюдаться элементы классовой борьбы. Конечно, это не идет ни в какое сравнение с классовой борьбой вне колхозов, но тем не менее вызывало бы значительные осложнения в колхозном строительстве, в организационном укреплении колхозов.

Что касается судьбы кулаков в будущем, то этот вопрос в то время еще не был окончательно решен, хотя некоторые члены ЦК считали, что, когда кулак будет достаточно ослаблен, наиболее реакционная часть раскулачена или репрессирована, то возможно будет принять его на определенных условиях в колхозы.

Таким образом, ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) вплотную подошел к вопросу о переходе к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Несмотря на то, что в резолюции Пленума этот вопрос не получил специального решения, тем не менее практика колхозного движения и опыт классовой борьбы в деревне фактически ставили вопрос о переходе от политики ограничения и вытеснения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса. Это диктовалось реальной действительностью, жизнью. Крестьяне сами, стихийно выносили решения о выселении кулаков, об изъятии у них средств производства, стогнали кулаков с их земель, т. е. практически уже перешли к ликвидации кулачества как класса.

Вопрос о крутом повороте в политике партии по отношению к кулаку поднимался на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.). В речи «Новые задачи аграрников-марксистов» М. И. Калинин в ответе на записку сказал: «Я считаю, что в настоящий момент вопрос о кулаке достаточно определенно решен. Мы вплотную подошли к выкорчевыванию кулака»³¹.

На этой же конференции выступил с речью И. В. Сталин. Остановившись на классовых сдвигах и наступлении социализма на капиталистические элементы деревни, он обосновал переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса. Переход к новой политике стал возможен в конце 1929 г., во-первых, потому, что кол-

³¹ М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935. М., 1936, стр. 342.

хозное движение и совхозное строительство к тому времени получили широкий размах, и поэтому партия и Советская власть имели социалистические опорные пункты, на которых они могли базироваться в борьбе с кулачеством; и, во-вторых, потому, что были уже созданы материальные предпосылки для ликвидации кулачества как класса, так как в конце 1929 г. имелась возможность заменить капиталистическое производство кулака социалистическим производством колхозов и совхозов.

«Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-средняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов»³².

Следовательно, новая политика партии по отношению к кулачеству к концу 1929 г. была определена и сформулирована, оставался неясным вопрос только о конкретных методах и формах проведения этой политики. Теперь перед партией со всей остротой и настоятельной необходимостью встал вопрос о разработке конкретных мероприятий по ликвидации кулачества как класса.

2. Разработка практических мероприятий по ликвидации кулачества как класса

После ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) колхозное движение развернулось широким фронтом. Темпы коллективизации сельского хозяйства увеличивались с каждым днем. Колхозное строительство все более перерастало в сплошную коллективизацию целых селений, районов и даже округов. Задача сплошной коллективизации вставала теперь перед отдельными областями и краями.

Перед партийными, советскими и колхозно-кооперативными организациями встал целый ряд практических задач по дальнейшему развитию колхозного строительства.

³² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 170.

Для разработки мероприятий по развертыванию сплошной коллективизации 5 декабря 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию во главе с Я. А. Яковлевым.

Следует заметить, что в исторической литературе вопрос о создании этой комиссии трактуется не совсем точно. Так, например, в статье Б. А. Абрамова «О работе комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации» утверждается, что для «повседневного руководства колхозным движением и решения всех неотложных дел колхозного строительства Б. П. Шеболдаев предложил (на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б).— *Н. И.*) создать специальную комиссию. Это предложение было принято»³³.

Между тем действительная история создания этой комиссии такова. На ноябрьском Пленуме ЦК Б. П. Шеболдаев предложил создать *постоянную* комиссию ЦК для разрешения практических вопросов колхозного строительства. Но Пленум не принял никакого решения по этому вопросу. Несколько позднее Нижне-Волжский крайком партии внес в Политбюро ЦК предложение об объявлении одного из районов Поволжья показательным районом по сплошной коллективизации.

Политбюро ЦК ВКП(б), считая, что решение вопросов сплошной коллективизации имеет общесоюзный характер, постановило создать комиссию Политбюро для разработки вопросов о темпах коллективизации в различных районах СССР. Срок работы комиссии был установлен в две недели. Комиссия, таким образом, создавалась не как *постоянно действующий*, а как *временный* орган для разработки проекта постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству.

В состав комиссии, кроме Я. А. Яковлева, были включены секретари партийных организаций: Северо-Кавказского края — А. А. Андреев (с правом замены Н. Г. Ивановым), Средне-Волжского — М. М. Хатаевич, Нижне-Волжского — Б. П. Шеболдаев (с правом замены М. М. Хлопьянкиным), Казахстана — Ф. И. Голощекин, Центрально-Черноземной области — И. М. Варейкис, Московской области — К. Я. Бауман, ЦК КП(б) Украи-

³³ «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, стр. 33.

ны — С. В. Косиор. Кроме того, в комиссию вошли представители центральных учреждений и ведомств: С. И. Сырцов и Т. Р. Рыскулов (СНК РСФСР), М. М. Вольф (Госплан СССР), Г. Н. Каминский (Колхозцентр СССР и РСФСР), З. М. Беленький (Хлебоцентр), И. Е. Клименко (Наркомзем РСФСР), М. Е. Каценельбоген и Н. В. Мальцев (отделы ЦК партии) и другие.

8 декабря 1929 г. состоялось первое заседание комиссии Политбюро, на котором было образовано восемь подкомиссий для разработки конкретных вопросов колхозного строительства: о темпах коллективизации; о типе хозяйств коллективизирующихся районов; по организационным вопросам; о распределении материальных ресурсов; о кадрах; о мобилизации крестьянских средств; об отношении к кулачеству; по вопросу культурного и политического обслуживания районов сплошной коллективизации³⁴.

Сохранившиеся протоколы комиссии Политбюро дают возможность установить первоначальные наметки по выработке проекта постановления ЦК ВКП(б). Так, например выработка примерных сроков коллективизации поручалась правлению Колхозцентра СССР во главе с Г. Н. Каминским. При разработке этого вопроса подкомиссия Г. Н. Каминского должна была исходить из того, что «сплошная коллективизация в основных зерновых районах должна быть закончена в 2—3 года и в остальных районах в основном в конце пятилетки, причем в последнем не исключается возможность оставить известный резерв, выходящий за пятилетие»³⁵.

Подкомиссии в составе К. Я. Баумана (председатель), Г. Н. Каминского, И. Е. Клименко, Т. Р. Рыскулова предлагалось подготовить предложения об отношении к кулачеству в районах сплошной коллективизации.

В протоколе заседания комиссии от 8 декабря 1929 г. зафиксированы также указания: подкомиссии во главе с М. Е. Каценельбогеном разработать предложения о перестройке в связи со сплошной коллективизацией системы управления и организационного построения общественных и хозяйственных организаций (культурно-просветительных, советских, профсоюзных, кооперативных, земель-

³⁴ «Источниковедение истории советского общества», вып. I. М., 1964, стр. 266.

³⁵ Там же.

ных), о взаимоотношениях между округами и районами и т. п.³⁶

Большой интерес для изучения деятельности комиссии представляют и те пункты протокола, которые предусматривали выработку плана усиления материально-технического снабжения районов сплошной коллективизации, переключение значительных ресурсов на колхозное строительство за счет сокращения снабжения единоличных хозяйств. В частности, предлагалось МТС переключить преимущественно на обслуживание колхозов.

В связи с возросшей потребностью в кадрах, особенно в районах сплошной коллективизации, намечалось основную массу квалифицированных работников из округов перевести на постоянную работу в районы. Кроме того, подкомиссии по кадрам поручалось разработать предложения о массовой посылке колхозников из новых колхозов в старые, крепкие колхозы и о мобилизации опытных колхозных кадров для работы в новых колхозах.

Для выработки конкретных предложений о темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству были созданы специальные комиссии в ряде краевых комитетов. Комиссия Политбюро заслушала доклад секретарей Нижне-Волжского, Средне-Волжского и Северо-Кавказского крайкомов партии, обкома ВКП(б) ЦЧО и секретаря ЦК КП(б) Украины. Кроме того, комиссия запросила у всех секретарей окружкомов партии сведения о состоянии коллективизации сельского хозяйства. На основе этих данных комиссия подготовила проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации» и 22 декабря 1929 г. передала его в Политбюро ЦК ВКП(б).

Согласно первоначальному варианту постановления, комиссия считала возможным завершить коллективизацию в основных зерновых районах в 2—3 года (не исключалась возможность сокращения этого срока для отдельных районов), в районах незерновой полосы — в 3—4 года. В ходе обсуждения темпов коллективизации в комиссии выявились две точки зрения. Одни (Я. А. Яковлев, М. М. Хатаевич) считали, что, несмотря на бурный рост колхозного движения, имеет место искусственное форсирование

³⁶ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 267.

его темпов, нездоровая погоня за процентами коллективизации, административный нажим в ряде мест. Поэтому на заседании председателей подкомиссий (14—15 декабря) Я. А. Яковлев подчеркивал, что, с одной стороны, величайшую опасность представляет проявление «какого бы то ни было административного восторга, заскоков, излишней торопливости, которые в случае если бы они получили более или менее серьезное распространение, грозили бы обюрокращиванием движения, отпугиванием некоторых слоев середняков и бедняков от коллективизации, заменой коллективизации действительной — коллективизацией показной, формальной, которой нам не нужно»³⁷. С другой стороны, говорил Я. А. Яковлев, необходимо возглавить это движение, соответствующим образом перестроив всю систему работы партийных, советских и колхозно-кооперативных организаций.

Другие члены комиссии (в частности, Б. П. Шеболдаев) возражали против темпов, которые предлагал Я. А. Яковлев, считали возможным сократить сроки коллективизации и отрицали факты искусственного форсирования колхозного движения.

В результате обсуждения было принято предложение Я. А. Яковлева, но в дальнейшем и оно претерпело изменения.

Большое место в работе комиссии занял такой важный вопрос, как разработка мероприятий в отношении кулака. Значительный интерес в этом отношении представляют материалы подкомиссии К. Я. Баумана. В документах комиссии сохранилась докладная записка «о колхозах и кулаке в районах сплошной коллективизации», подписанная по поручению подкомиссии К. Я. Бауманом, З. М. Бельским, Г. Н. Каминским, И. Е. Клименко и Т. Р. Рыскуловым³⁸. В записке отмечалось, что бурный процесс коллективизации сопровождается резким обострением классовой борьбы в деревне, исход которой в конечном счете предрешен в пользу социализма; кулак как экономическая категория обречен на гибель в кратчайший исторический срок; огромные достижения социалистического строительства позволяют взять прямой курс на уничто-

³⁷ Там же, стр. 269, 271.

³⁸ Там же, стр. 274.

жение эксплуататорских классов в нашей стране. Если в первый период нэпа при падении удельного веса капиталистических элементов во всем народном хозяйстве наблюдался их абсолютный рост, особенно в сельском хозяйстве, то в последние годы в связи с политикой ограничения и вытеснения капиталистических элементов и курсом на коллективизацию сельского хозяйства не только удельный вес, но и абсолютная численность буржуазных элементов заметно упали. Подкомиссия К. Я. Баумана считала, что в условиях сплошной коллективизации уже недостаточно указание на недопущение кулака в колхозы и очистку колхозов от кулаков. Жизнь ставила вопрос о ликвидации капиталистических элементов, поэтому подкомиссия предлагала в районах сплошной коллективизации перейти к экспроприации всех средств производства у кулачества и передаче их в неделимые фонды колхозов. «Совершенно ясно, — говорилось в записке, — что этот процесс раскулачивания, экспроприации кулачества в условиях сплошной коллективизации глубоко отличен от раскулачивания в период военного коммунизма, когда кулацкий инвентарь расплылся по индивидуальным крестьянским дворам и не уничтожалась сама основа роста капиталистических элементов»³⁹.

Экспроприация кулачества означала прежде всего его экономический разгром; вместе с тем это означало дальнейший подрыв и его политического влияния, ибо экономически разгромленный кулак резко терял свое влияние на крестьянские массы. Но было бы неправильным думать, что экспроприированный кулак уже не опасен для колхозов, ... он по-прежнему продолжал вести подрывную работу против колхозов, антиколхозную агитацию среди колеблющейся части крестьян. Поэтому, даже экспроприовав кулака, следовало вести систематическую борьбу против его влияния на колеблющуюся часть середняков. «Очевидно безнадежно пытаться разрешить «кулацкую проблему» выселением всей массы кулацкого населения в отдаленные края или тому подобными мероприятиями. Наша тактика должна быть дифференцирована»⁴⁰, — говорилось в документе подкомиссии.

³⁹ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 272.

⁴⁰ Там же, стр. 273.

Подкомиссия предлагала, во-первых, арестовывать или высылать кулаков, активно сопротивляющихся социалистическим порядкам и ведущих контрреволюционную подрывную работу; во-вторых, выселять (переселять) тех кулаков, которые отказываются подчиняться порядкам сплошной коллективизации; в-третьих, использовать большинство кулацкого населения как рабочую силу, без предоставления избирательных прав, установить 3—5-годичный испытательный срок, после которого бывшие кулаки могли стать полноправными членами колхоза ⁴¹.

Эти предложения говорят о стремлении комиссии вовлечь подавляющее большинство кулацкого населения (по данным комиссии, кулацкое население составляло 5—6 млн. человек) в общественно полезный труд с тем, чтобы основная масса его перевоспитывалась в процессе этого труда. Такая тактика в отношении лояльно настроенных кулаков ничего общего не имела с бухаринской «теорией» вращивания кулака в социализм, ибо здесь речь шла о включении в общественное производство экспроприированного кулачества. Комиссия рассчитывала, что такая дифференцированная тактика в отношении кулачества будет иметь успех, так как давление пролетарской диктатуры и успехи социалистического строительства, бесперспективность развития кулацкого хозяйства вынудят экспроприированного кулака в значительной массе подчиниться новым порядкам в деревне. «Без каких бы то ни было иллюзий насчет вращивания кулака в социализм, но в полной убежденности, что в порядке классовой борьбы мы в кратчайший срок сокрушим главный оплот враждебных классовых сил — кулачество, уничтожим остатки капитализма в нашей стране, выкорчем корни капитализма, уничтожим классы, мы должны развернуть могучим темпом колхозное строительство» ⁴², — указывалось в докладной записке подкомиссии К. Я. Баумана.

Эти предложения, однако, не получили единодушной поддержки. И. М. Варейкис, например, в своей докладной записке о сплошной коллективизации Львовского, Острогожского, Россошанского, Тамбовского и Борисоглебского округов ЦЧО от 15 декабря 1929 г. писал, что

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

кулака ни под каким видом нельзя допускать во вновь организуемые колхозы, массивы сплошной коллективизации и районы деятельности МТС; в зависимости от местных конкретных условий кулаков следует выселять за пределы района или переселять на самые отдаленные, худшие земли за границами колхозных массивов; злостных кулаков (вредителей) и не принимающих непосредственного участия в обработке земли совсем лишать земельного надела⁴³.

В декабре 1929 г. Средне-Волжский крайком направил в ЦК ВКП(б) докладную записку о колхозном строительстве в крае, в которой предлагал конкретные меры в отношении кулака. В записке говорилось: «В связи со сплошной коллективизацией остро стоит вопрос о том, куда деть кулака. Практическая работа в этой части, по нашему мнению, намечает следующие предложения:

1. Отвод кулаку земель в концах полей севооборота, не выселяя его из села.

2. Отвод худших земель и запольных участков и землеустройство их раздробленными, разобщенными между собой хозяйствами, не допуская образования кулацких сел.

3. В отдельных случаях — предложение кулацким хозяйствам выселяться из пределов края на необжитые колонизационные фонды»⁴⁴.

Предложения Средне-Волжского крайкома ВКП(б) свидетельствуют о том, что к концу 1929 г. партийная организация края приняла твердое решение — кулаков в районах сплошной коллективизации изолировать и в коллективные хозяйства не допускать.

Комиссия Я. А. Яковлева приняла компромиссное предложение. Об этом свидетельствует, в частности, выступление М. М. Хатаевича на заседании бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 21 декабря 1929 г., на котором он информировал членов бюро о работе комиссии Политбюро⁴⁵. М. М. Хатаевич отмечал, что по вопросу об отношении к кулаку в комиссии не было единого мне-

⁴³ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 274.

⁴⁴ Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1141, оп. 20, д. 295, л. 143.

⁴⁵ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 272.

ния и потому не было принято определенного решения⁴⁶.

И действительно, в проекте постановления, который был передан 22 декабря 1929 г. в Политбюро ЦК ВКП(б), нашло отражение компромиссное решение этого вопроса. В нем, в частности, отмечалось, что развертывание колхозного движения в округах сплошной коллективизации вплотную поставило задачу ликвидации кулачества как класса. Опыт колхозного строительства показал, что здоровое колхозное движение возможно только на основе решительной борьбы с кулачеством, беспощадного подавления его сопротивления политике партии и Советской власти, пресечения попыток кулачества проникнуть в колхозы. В соответствии с этим в округах сплошной коллективизации необходимо было, наряду с отведением кулакам отдаленных и худших земель по решению сходов и местных съездов Советов, применять также и прямую конфискацию средств производства кулацких хозяйств и передачу их в неделимые фонды колхозов⁴⁷. В отношении кулаков, оказывающих сопротивление установлению нового порядка ведения сельского хозяйства на социалистических началах, необходимо в дальнейшем применять меры выселения по постановлению сельских сходов и сельских Советов, допуская включение в состав колхозов, как рабочей силы, без предоставления как активного, так и пассивного избирательного права только той части семьи кулака, которая на деле докажет готовность подчиниться и добросовестно исполнять все постановления колхоза, беспощадно изгоняя из колхоза без всякой компенсации из средств колхоза классово чуждые элементы, пытающиеся взорвать колхозное движение изнутри⁴⁸.

Таким образом, и в общем проекте постановления ЦК ВКП(б), подготовленном комиссией Я. А. Яковлева, допускалась возможность включения части кулацкого населения в колхозы на правах рабочей силы. Одновременно с этим в проекте ставился вопрос о *немедленной* экспроприации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации, а не после завершения коллективизации, как предлагали некоторые члены комиссии.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2507, л. 663.

⁴⁷ «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 274.

⁴⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 40, лл. 213—212.

25 декабря 1929 г. проект комиссии Я. А. Яковлева должен был обсуждаться на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), однако ввиду замечаний И. В. Сталина он был возвращен обратно для доработки. 3 января 1930 г. переработанный текст проекта постановления был вновь представлен комиссией в Политбюро. Я. А. Яковлев в сопроводительной записке к проекту писал: «В соответствии с указанием тов. Сталина о необходимости сократить резолюцию «О плане коллективизации и мерах помощи со стороны государства колхозному строительству», исключив уставные вопросы и вопросы, относящиеся к непосредственному кругу ведения Наркомзема СССР, представляю сокращенный и переработанный текст резолюции»⁴⁹.

4 января И. В. Сталин вместе с Я. А. Яковлевым отредактировал представленный комиссией проект постановления, опустив все, что касалось уставных положений, и сделав основной акцент на оказании помощи со стороны государства колхозному движению (переключение средств, сил, землеустроительного дела и т. п. на колхозное строительство). Переработанный в таком виде проект постановления в тот же день был разослан членам Политбюро ЦК ВКП(б).

5 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило представленный комиссией проект постановления «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»⁵⁰. В ходе обсуждения уже переработанного проекта был внесен ряд существенных поправок и дополнений. В частности, в постановление был включен пункт об увеличении на 1929/30 год суммы кредитования по колхозному сектору с 270 до 500 млн. рублей. Был включен также и пункт о колхозных кадрах, который отсутствовал в проекте комиссии, хотя он неоднократно обсуждался в процессе подготовительной работы.

Существенные поправки были внесены и в ряд других пунктов проекта. Так, например, в последнем варианте проекта постановления пункт о сельскохозяйственной ар-

⁴⁹ «О работе Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации». — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, стр. 40.

⁵⁰ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 383—386.

тели формулировался следующим образом: «Поскольку опыт сплошной коллективизации на данной стадии колхозного развития выдвигает в качестве наиболее распространенной формы колхозов сельскохозяйственную артель, в которой коллективизированы *пока что лишь* основные средства производства (мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктовый скот), Центральный Комитет поручает Наркомзему Союза с широким привлечением колхозных организаций в кратчайший срок выработать примерный Устав сельскохозяйственной артели как переходной к коммуне формы колхоза»⁵¹.

После обсуждения и редактирования эта формулировка была уточнена таким образом: «Поскольку опыт сплошной коллективизации на данной стадии колхозного развития в качестве наиболее распространенной формы колхозов *вместо товарищества по общественной обработке земли, в котором при наличии обобществленного труда сохранялась частная собственность на средства производства*⁵², выдвигает сельскохозяйственную артель, в которой коллективизированы *основные* средства производства (мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктовый скот), Центральный Комитет ВКП (б) поручает Наркомзему Союза с широким привлечением колхозных организаций в кратчайший срок выработать примерный Устав сельскохозяйственной колхозной артели, как переходной к коммуне формы колхоза, *учтя при этом недопустимость приема кулаков в колхозы*»⁵³.

Сопоставляя эти редакции, нетрудно убедиться в заметных разночтениях. Во-первых, в тексте постановления указывалось, что в период массовой коллективизации основной формой колхозного движения вместо товарищества по совместной обработке земли становится сельскохозяйственная артель: во-вторых, категорически подчеркивалось, что в сельскохозяйственной артели обобществляются только основные средства производства, в то

⁵¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 40, лл. 229—231; «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 286 (курсив наш.— Н. И.).

⁵² Слова, выделенные нами курсивом, отсутствуют в проекте постановления ЦК, разработанном комиссией под руководством Я. А. Яковлева.

⁵³ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 385.

время как в последнем варианте проекта постановления комиссии говорилось, что в сельскохозяйственной артели обобществляются «пока что лишь основные средства производства», и это давало основание думать, что в процессе сплошной коллективизации в сельхозартели могли и должны были обобществляться и неосновные средства производства, что было неправильно. И наконец, в-третьих, в постановлении говорилось о недопустимости приема кулаков в колхозы вообще, а не только в районах сплошной коллективизации, как это предлагалось в проекте комиссии.

Сроки коллективизации в основном были приняты те, которые намечались вторым вариантом проекта: для важнейших зерновых районов (Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ) ориентировочным сроком была названа весна 1931 г. или даже осень 1930 г., для остальных зерновых районов — осень 1931 г. или весна 1932 г. Что касается национальных и потребляющих районов, то в постановлении конкретных сроков для них не назначалось; предложение комиссии о сроке в три-четыре года не вошло в постановление Политбюро ЦК ВКП(б).

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. было постановлено записать особым решением предложение председателя СНК РСФСР С. И. Сырцова (принятое СНК РСФСР по докладу Т. Р. Рыскулова) об усилении темпов коллективизации в животноводческих районах и районах специальных культур, поручив Наркомзему СССР и Колхозцентру СССР пересмотреть в соответствии с этим планы коллективизации⁵⁴.

Некоторые вопросы проекта не вошли в постановление, например о роли Советов в районах сплошной коллективизации. Это объясняется тем, что еще во время работы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление ЦИК СССР от 13 декабря 1929 г. «О значении и работе сельских Советов в районах сплошной кол-

⁵⁴ Более подробно о замечаниях Т. Р. Рыскулова и предложениях С. И. Сырцова см. нашу статью «История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г.» — «Источниковедение истории советского общества», вып. I, стр. 265—288; а также статью Б. А. Абрамова «О работе Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации» — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, стр. 32—43.

лективизации»⁵⁵. Кроме того, на январь 1930 г. было назначено всесоюзное совещание для специального обсуждения вопроса о новых задачах Советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне.

Другие вопросы колхозного строительства должны были найти отражение в разрабатывавшемся в то время Колхозцентром СССР Примерном уставе сельхозартели⁵⁶. Поэтому в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. определялись только основные, важнейшие вопросы колхозного строительства. Конкретизация и детализация их предполагалась в последующих советских и колхозно-кооперативных документах. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» имело огромное принципиальное значение для дальнейшего развития колхозного движения в нашей стране. Оно зафиксировало коренной поворот основных масс трудящегося крестьянства важнейших сельскохозяйственных районов в сторону колхозов; определило в качестве основной формы колхозного движения сельскохозяйственную артель и завершило выработку такого сложного вопроса, как определение новой политики в отношении кулачества в условиях сплошной коллективизации. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. отмечало, что в результате усиленного развития колхозного движения партия смогла «перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса»⁵⁷.

Оставалось только наметить конкретные формы и методы практического осуществления новой политики, но сколько комиссия Я. А. Яковлева не завершила эту работу. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) 15 января 1930 г. образовало комиссию для разработки мер в отношении кулачества во главе с секретарем ЦК ВКП(б) В. М. Молото-

⁵⁵ СЗ СССР, 1930, № 3, ст. 40.

⁵⁶ 23 декабря 1929 г. Коллегия Наркомзема поручила Колхозцентру с участием представителей Союза союзов сельскохозяйственной кооперации и Трактороцентра разработать Примерный устав, первый вариант которого был представлен 28 декабря, но признан неудовлетворительным. Новый проект Устава был внесен 13 января 1930 г. и в основном одобрен.— ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 1, л. 88.

⁵⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 384.

вым. В состав комиссии вошли: А. А. Андреев, С. А. Бергавинов, И. М. Варейкис, Ф. И. Голощекин, И. Д. Кабаков, М. И. Калманович, С. В. Косиор, Ф. Г. Леонов, М. И. Муралов, С. И. Сырцов, М. М. Хатаевич, Б. П. Шиболдаев, Р. И. Эйхе, Т. А. Юркин, Я. А. Яковлев и другие — всего 21 человек. Кроме того, 16—23 января 1930 г. Политбюро ЦК дополнительно включило в комиссию К. Я. Баумана, Г. Н. Каминского, Н. М. Голодеда, С. С. Одинцова и Н. М. Анцеловича⁵⁸. Таким образом, в комиссии Политбюро были представлены секретари партийных организаций как зерновых районов (Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга, ЦЧО, Украина, Урал, Казахстан), так и районов потребляющей полосы (Московская область, Северный край, Белоруссия), а также представители ряда центральных учреждений и организаций (Наркомземов СССР и РСФСР, Колхозцентра, Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, профсоюза сельхозрабочих и др.).

Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) сразу же приступила к выработке проекта постановления о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. В ходе работы по мере надобности она привлекала представителей и других учреждений и организаций (Прокуратуры, Наркомюста и т. п.). Так, например, в работе комиссии принимали участие прокурор Республики Н. В. Крыленко и другие⁵⁹.

К 26 января 1930 г. был подготовлен проект постановления ЦК и передан в Политбюро. 30 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», и в тот же день оно было передано по телеграфу всем местным партийным организациям⁶⁰.

Исходя из политики ликвидации кулачества как класса и в связи с этим из необходимости провести наиболее организованным путем начавшийся процесс ликвида-

⁵⁸ М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Указ. соч., стр. 16.

⁵⁹ М. Л. Богденко. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР.— «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 31.

⁶⁰ Ф. Ваганов. Преобразование сельского хозяйства.— «Коммунист», 1966, № 3, стр. 96; «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969, стр. 107 и др.

ции кулацких хозяйств, ЦК ВКП(б) признал необходимым в районах сплошной коллективизации отменить аренду земли, запретить применение наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные постройки и т. п.

В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные слои бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия кулачества мероприятиям Советской власти в области колхозного строительства предусматривались следующие меры против кулаков:

а) контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и антисоветских мятежей арестовывались и предавались суду за их преступления;

б) крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации, подлежали выселению из районов сплошной коллективизации в северные и отдаленные районы страны;

в) остальная часть кулаков расселялась в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях⁶¹.

Центральный Комитет ВКП(б) устанавливал, что количество ликвидируемых по каждой категории кулацких хозяйств «должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств» и не должно превышать в среднем 3—5% всех крестьянских хозяйств⁶². Это указание ЦК ВКП(б) имело большое значение, так как оно предостерегало местные организации от распространения репрессивных мер на середняцкую часть хозяйств. Выселению и конфискации имущества не подлежали семьи красноармейцев и командного состава РККА. В отношении кулаков, члены семей которых длительное время работали на фабриках и заводах, ЦК предлагал проявить особо осторожный подход, выясняя положение этих лиц не только в деревне, но и в соответствующих заводских организациях⁶³.

⁶¹ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 184; «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 107.

⁶² «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 107.

⁶³ М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 32.

Следовательно, постановление ЦК ВКП(б) имело целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам, не допуская, чтобы какая-либо часть середняцких хозяйств была задета этими мерами. Даже кулацкие хозяйства в районах сплошной коллективизации не все подлежали ликвидации.

Выселение кулацких семей из районов сплошной коллективизации должно было производиться в Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан. Выселение кулацких семей первой и второй категорий планировалось провести в течение четырёх месяцев со дня принятия постановления ЦК (с февраля по май), причем до 15 апреля эти меры должны были быть применены в отношении не менее чем половины указанного количества кулаков⁶⁴. Срочность проведения этих мероприятий диктовалась как интересами развития колхозного строительства (при этом учитывалась возможность усиления антиколхозной агитации и подрывной деятельности кулачества в районах сплошной коллективизации), так и приближающейся весенней сельскохозяйственной кампанией (проведение землеустройства, выделение земельного фонда выселяемым и расселяемым кулацким хозяйствам и т. п.)

Члены семей выселяемых кулаков могли при их желании и с согласия местных райисполкомов оставаться постоянно или временно в прежнем районе (округе).

Высылаемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые средства производства и необходимый минимум продовольствия. Кроме того, разрешалось оставлять на каждую семью до 500 рублей денег⁶⁵.

Что касается кулацких хозяйств третьей категории, оставляемых на месте с отводом им новых земельных участков вне колхозных полей, то для ведения хозяйства им оставлялись необходимые средства производства, предоставлялись некоторые льготы. Вместе с тем они должны были выполнять определенные задания по сдаче продукции и т. д.⁶⁶

В постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. устанавливался и порядок отнесения кулацких хозяйств

⁶⁴ М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 32.

⁶⁵ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 185.

⁶⁶ Там же.

к определенной группе. Выявление и удаление кулаков первой категории (контрреволюционный актив) возлагались на органы ОГПУ. Списки кулацких хозяйств второй категории составлялись райисполкомами на основании решений собраний колхозников, батрацко-бедняцких собраний и утверждались окрисполкомами. Порядок расселения кулацких хозяйств третьей категории определялся окрисполкомами⁶⁷.

Следовательно, ЦК устанавливал строгий порядок в определении принадлежности кулацкого хозяйства к той или иной категории, чтобы не допустить стихийности и самоуправства в деле ликвидации кулачества как класса.

Проведение конфискации кулацкого имущества возлагалось на уполномоченных райисполкомов с обязательным участием в этом сельских Советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов, т. е. с привлечением широкой общественности. При конфискации должна была быть произведена точная опись и оценка имущества, ответственность за сохранность которого возлагалась на сельские Советы.

Средства производства и имущество, конфискованные у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков, за исключением той части, которая шла на погашение причитающихся с кулаков долгов государству и кооперации. Конфискованные жилые постройки кулаков должны были использоваться на общественные нужды сельсоветов и колхозов (клубы, избы-читальни, школы и т. п.) или под общежития для вступающих в колхозы батраков⁶⁸.

Колхозы, получающие землю и конфискованное имущество, обязаны были обеспечить полный засев кулацкой земли и сдачу государству продукции.

Паи и вклады кулаков в кооперацию передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а сами кулаки исключались из кооперации. Конфискации подлежали также и вклады в сберегательные кассы. Выдача кулакам вкладов по сберегательным книжкам в районах сплошной коллективизации прекращалась.

⁶⁷ Там же, стр. 185.

⁶⁸ «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1969)». М., 1970, стр. 236—237.

Принимая это постановление, Центральный Комитет ВКП(б) категорически подчеркивал, что проведение мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации должно находиться «в организационной связи с действительным массовым колхозным движением бедноты и середняков», как неразрывная составная часть процесса сплошной коллективизации⁶⁹.

Для оказания непосредственной помощи местным организациям в осуществлении политики ликвидации кулачества как класса ЦК ВКП(б) решил мобилизовать на четыре месяца из промышленных центров (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Харьков и Донбасс) 2500 ответственных партийных работников⁷⁰.

Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. явилось, таким образом, практическим оформлением провозглашенной в конце 1929 — начале 1930 г. политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Принятое в разгар колхозного движения и в условиях развернувшегося в важнейших зерновых районах раскулачивания, постановление ЦК ВКП(б) вносило организованность в начавшийся процесс ликвидации кулачества как класса. Был определен порядок и круг кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации, установлены ограничительные контингенты ликвидируемых кулацких хозяйств, осуществлен дифференцированный подход к различным группам кулацких хозяйств.

Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. послужило основой для выработки ряда постановлений и других документов Советской власти. Так, 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР издали постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»⁷¹, которое законодательно оформило новую политику по отношению к кулачеству — политику ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

ЦИК и СНК СССР отменяли в районах сплошной кол-

⁶⁹ Ф. Ваганов. Указ. соч., стр. 96.

⁷⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 58.

⁷¹ СЗ СССР, 1930, № 9, ст. 105.

лективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах (VII и VIII разделы «Общих начал землепользования и землеустройства»).

Краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик предоставлялось право в районах сплошной коллективизации применять все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов данных районов и областей.

ЦИК и СНК СССР предложили правительствам союзных республик в развитие этого постановления дать соответствующие указания краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик.

Было запрещено самовольное переселение кулацких хозяйств и распродажа ими своего имущества под угрозой полной его конфискации.

В развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» 3 февраля СНК СССР принял протокольное постановление, которым обязывал СНК РСФСР совместно с ОГПУ в двухдневный срок разработать и представить на утверждение проект постановления о расселении выслаемых в отдаленные местности РСФСР кулаков и об использовании их на работе. Одновременно с этим Совнарком СССР поручал Наркомзему в трехдневный срок дать директивы по колхозной линии в связи с постановлением от 1 февраля и инструкцией ЦИК и СНК СССР о порядке проведения мероприятий по ликвидации кулачества как класса ⁷².

Таким образом, в январе — первых числах февраля 1930 г. была разработана целая система мероприятий по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса. Документы центральных партийных и советских ор-

⁷² М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 32. Инструкция ЦИК и СНК СССР 3 февраля была разработана, а 4 февраля утверждена и разослана на места. Она служила практическим руководством для местных органов власти в осуществлении мер по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

ганов строго регламентировали порядок ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации; они содержали категорические предупреждения против перегибов и извращений политики партии в этом вопросе. Не случайно ЦК ВКП(б) устанавливал ориентировочные ограничительные контингенты раскулачиваемых и высланных из районов сплошной коллективизации кулаков, превышать которые запрещалось. Анализ принятых в январе — феврале 1930 г. постановлений показывает, что выселению в отдаленные районы СССР подлежало не более четверти кулацких хозяйств, т. е. менее одного процента общего числа крестьянских хозяйств.

Все это свидетельствует о том, что Коммунистическая партия и Советская власть, принимая решение о ликвидации кулачества как класса, проявили максимум осторожности, чтобы эти мероприятия ни в какой мере не задели середняков. Больше того, даже часть кулаков (в зависимости от положения членов их семей, отношения к мероприятиям Советской власти и т. п.) не подлежала раскулачиванию. В отношении остальной части — подавляющего большинства кулачества — осуществлялся дифференцированный подход, при котором учитывалась степень опасности для колхозного строительства той или иной группы кулаков.

Таким образом, к началу 1930 г. была не только провозглашена новая классовая политика по отношению к кулачеству, но и разработаны конкретные пути осуществления этой политики.

**ПЕРВЫЙ ЭТАП
ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА
КАК КЛАССА**

(конец 1929—1930 г.)

**1. Развертывание колхозного движения
в конце 1929—1930 г.**

Решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» определили развертывание сплошной коллективизации деревни как главную и непосредственную задачу всех партийных, советских и колхозно-кооперативных организаций.

В начале 1930 г. массовое колхозное движение росло и ширилось изо дня в день. Это было подлинно революционное движение трудящихся масс крестьянства за социалистическое преобразование сельского хозяйства. В январе—феврале 1930 г. деревня бурлила, напоминая революционные события 1917—1918 гг. Повсюду шли митинги и собрания, на которых обсуждались вопросы коллективизации. Широко проводилась агитационно-массовая работа среди крестьянства. Десятки тысяч передовых рабочих двинулись в деревню, чтобы помочь крестьянину строить новую колхозную жизнь. Революционный энтузиазм охватил широкие массы крестьянской бедноты и значительную часть середняков.

Бедняки и батраки в союзе с маломощными середняками принимали решения о переходе к общественному ведению хозяйства, об организации колхозов. На Северном Кавказе хлеборобы станицы Тихорецкой в наказе краевому съезду по сплошной коллективизации писали: «Батраки, бедняки и середнячество станицы Тихорецкой

горячо приветствуют решение краевой организации о проведении сплошной коллективизации. Хлеборобы отлично понимают, что только через обобществление сельскохозяйственного производства лежит путь к поднятию урожайности, к расширению посева, облегчению труда и общему подъему жизни трудящихся»¹.

Бедняки и батраки были основной опорой партийных и советских организаций при создании колхозов. Очень часто они выступали непосредственными инициаторами коллективизации в своем селе или районе. Беднота готова была поддержать и поддерживала ускоренные темпы коллективизации, рассчитывая одним ударом покончить с нуждой и кулацкой кабалой. 2 января 1930 г. бедняцко-батрацкая конференция Галичского района Костромского округа заявила: «Нам нужно горячо приветствовать наше строительство. Нужно одной рукой строить, а другой готовиться отразить возможное нападение. Нам нужно строить быстро»².

Иногда, как это было в Тинганском сельском Совете (ЦЧО), крестьяне по своей инициативе обсуждали и одобряли мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства в области колхозного строительства. В резолюции, принятой собранием бедноты и середняков Тинганского сельсовета, говорилось: «Мы, бедняки, актив и середняки, сливаемся в одно целое, идем заодно с партией и правительством по пути социализма и переустройства сельскохозяйственной жизни. Мы, бедняки, актив и середняки, клянемся перед партией и правительством: директивы партии и правительства будем выполнять быстрым темпом и всех вредителей, мешающих нам в переустройстве сельского хозяйства, выбросим за борт»³.

В начале 1930 г., как и в конце 1929 г., основную массу колхозников по-прежнему составляли бывшие бедняки. Однако резко возрос в колхозах удельный вес середняков. По данным выборочного обследования колхозов Крыма, Северного Кавказа, Башкирии, Нижней Волги, Урала, Иваново-Вознесенской, Московской, Западной областей, Казахстана, Молдавии, Белоруссии и Сибирского

¹ «Молот», 6 февраля 1930 г.

² Государственный архив Костромской области, ф. 3, оп. 1, д. 250, л. 3.

³ ЦГАНХ СССР, ф. 380, оп. 1, д. 49, л. 1.

края (всего 245 колхозов), их социальный состав характеризовался следующим образом: бедняков — 52,1%, середняков — 42,7%, зажиточных — 0,7, рабочих — 1,4, служащих — 2,6, прочих — 0,5%⁴.

Сведения по Украине дают примерно такую же картину: в колхозах Одесского округа бедняки составляли 59,5, середняки — 39,0, зажиточные — 1,5%. Зато в Винницком округе основную массу колхозников составляли бывшие середняки — 58,3%. Удельный вес бедняков составлял здесь 39%, зажиточных — 2,7%⁵.

В национальных районах (Средняя Азия, Закавказье и др.) удельный вес середняков в колхозах был ниже, чем в зерновых районах РСФСР и на Украине. В Армении, например, в начале 1930 г. в колхозах было батраков 7,2, бедняков — 65,3, середняков — 24,4, зажиточных — 3,1%. В Казахстане среди вступивших в колхозы безлошадные составляли — 25, с одной лошадей — 35, с двумя лошадьми — 26, с тремя — 9, с четырьмя и более лошадьми — 5%⁶. Выборочные данные по 122 колхозам Самаркандского, Кокандского и Хорезмского округов Узбекистана говорят также, что по социальному составу колхозы являлись батрацко-бедняцкими. Например, в колхозах Самаркандского округа бедняки и батраки составляли 85,5, Кокандского — 89,2, Хорезмского — 100%⁷.

В целом же зимой 1930 г. в большинстве районов Советского Союза, и в особенности в зерновых, наблюдался заметный приток середняцких масс в колхозы.

В январе — феврале 1930 г. колхозное движение захватывало все новые и новые районы страны. Число районов сплошной коллективизации за два месяца почти удвоилось и достигло 1958 (почти $\frac{2}{3}$ административных районов). Вслед за районами появились округа, области и края сплошной коллективизации. Нижне-Волжский край уже в конце 1929 г. был объявлен краем сплошной коллективизации. К тому времени в колхозах края было объединено более половины крестьянских хозяйств, а в Хопер-

⁴ Там же, ф. 7446, оп. 230, св. 8, д. 64.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, д. 406, лл. 1—9.

⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 61, л. 67; д. 90, л. 69.

⁷ А. Ю. Ибрагимова. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Узбекистана.— «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963, стр. 237.

ском, Вольском, Сталинградском и Балашовском округах — 78—80% ⁸.

На Средней Волге было принято постановление в течение полутора лет осуществить сплошную коллективизацию. К началу 1930 г. были почти полностью коллективизированы крестьянские хозяйства в Оренбургском округе и в ряде районов — Барановском, Старо-Кулаткинском, Чапаевском. Пять округов сплошной коллективизации имелось в Центрально-Черноземной области. На Северном Кавказе сплошная коллективизация охватила весь край, за исключением некоторых автономных республик и областей. К февралю 1930 г. на территории Российской Федерации (вместе с автономными республиками и областями) насчитывалось 952 района сплошной коллективизации. Колхозы объединяли более 7500 тыс. крестьянских хозяйств ⁹.

На Украине к сплошной коллективизации перешли вначале южные округа — Одесский, Николаевский, Херсонский, Мелитопольский, Шевченковский, а также Криворожский и Сумской, где условия для перехода к крупному коллективному хозяйству были более благоприятными. В январе 1930 г. из 568 районов Украины задача сплошной коллективизации решалась в 180, в марте — в 309 ¹⁰.

В революционном переустройстве сельского хозяйства Украины важную роль сыграли комитеты незаможных селян. В начале 1930 г. они объединяли около 1600 тыс. членов. В январе—феврале на Украине были созданы 7762 группы содействия коллективизации и раскулачивания кулаков. Вопросы сплошной коллективизации широко обсуждались на окружных съездах колхозников, на конференциях комитетов незаможных селян, на собраниях и сходах крестьян. В конце января, например, в Херсоне и Запорожье состоялись окружные съезды колхозников, в которых участвовало более 200 человек ¹¹.

⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 10, дд. 175, 176.

⁹ «Коллективист», 1930, № 1, стр. 46—47; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 14, д. 2, л. 44.

¹⁰ *И. Ф. Ганжа, И. И. Слинко, П. В. Шостаков*. Украинское село на пути к социализму.— «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках».— М., 1963, стр. 179, 183.

¹¹ *И. Ф. Ганжа, И. И. Слинко, П. В. Шостаков*. Указ. соч.— «Очерки истории коллективизации...», стр. 179, 182, 183.

В Белоруссии было создано около 2 тыс. колхозов, бедняки и середняки 5 тыс. хуторов вступили в колхозы ¹².

В целом по СССР динамика коллективизации в начале 1930 г. показана в таблице 13 (в %).

Таблица 13¹³

Районы	На 20 января	На 1 февраля	На 20 февраля	На 1 марта
СССР	21,6	32,5	52,7	56,0
РСФСР	23,5	34,7	54,4	57,6
Северный Кавказ	46,5	60,7	75,5	76,8
Нижняя Волга	56,0*	58,7	66,1	67,8
Средняя Волга	39,0	48,4	54,3	56,4
Центрально-Черноземная область	40,0	50,0	79,4	81,8
Урал	35,4	47,4	65,9	68,8
Сибирь	14,0	19,0	40,6	46,8
Казахстан	20,5*	24,0	35,3	42,1
Киргизия	—	—	25,4	49,8
Башкирия	24,0	49,5	76,5	81,2
Дальневосточный край	12,5*	19,1	28,1	36,2
Татария	3,6	42,2	73,9	77,3
Московская область	14,1	36,5	73,6	73,0
Нижегородский край	7,1	18,9	45,3	48,7
Северный край	9,2*	12,2	42,1	45,1
Ленинградская область	—	6,6	20,0	23,1
Западная область	6,3	11,8	35,2	38,8
Ивановская промышленная область	5,4	11,2	32,8	33,8
УССР	15,4	29,2	54,1	62,8
Полесье	—	3,2	22,0	26,8
Правобережье	—	30,8	52,0	71,1
Левобережье	—	24,4	48,6	57,5
Степь	25,7	42,6	67,3	70,6
БССР	27,0	38,2	56,4	57,9
ЗСФСР	—	8,3	—	49,8
Узбекская ССР	—	—	26,7	45,5
Туркменская ССР	14,8*	23,6	38,0	36,7

* Сведения на 1 января 1930 г.

¹² «Коллективист», 1930, № 1, стр. 48.

¹³ Таблица составлена на основании данных Наркомзема СССР,

Таблица 13 лишь в самых общих чертах дает картину колхозного движения к весне 1930 г., показывает тенденцию его развития зимой 1930 г. Она не претендует на абсолютную точность, так как в ней учитывались не только реальные, но и фиктивные, «бумажные» колхозы. Данные об уровне коллективизации нередко преувеличивались, в центр посылались «дутые» сводки¹⁴.

При составлении таблицы 13 пришлось учитывать и другое обстоятельство, а именно то, что часть материалов как архивных, так и опубликованных содержит и преуменьшенные данные об уровне коллективизации в том или ином районе. Так, например, некоторые источники по Нижне-Волжскому краю, который отличался высоким уровнем коллективизации, содержат сведения, что там по состоянию на 20 января 1930 г. процент крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы, равнялся 20. Эта цифра приведена и в некоторых исследованиях. Между тем она не соответствует действительности¹⁵. Об этом говорят, например, хотя бы такие данные, содержащиеся в тех же самых источниках: процент коллективизации в целом по СССР на 20 января 1930 г. составлял 21,6, а по РСФСР — 23,5. Но поскольку Нижне-Волжский край являлся передовым районом по уровню коллективизации, то его показатели не могли быть ниже средних по Союзу и РСФСР.

Естественно, что разноречивой и противоречивостью в показателях существенно затрудняют их использование.

Колхозцентра, партийных органов и других источников (ЦГАНХ СССР, ф. 374, оп. 9, д. 392, лл. 1—6, 42—47; д. 406, лл. 1—9; ф. 7446, оп. 1, д. 81, лл. 1—27; оп. 2, д. 405, л. 137; оп. 14, д. 66, л. 67; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 75, д. 504, л. 60; ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2384, л. 171; д. 2602, лл. 2—3; Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 3500, л. 169; Партийный архив Архангельского обкома КПСС, ф. 290, оп. 2, д. 193, л. 99; «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 18; 1963, № 5, стр. 22; «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926—июнь 1941 гг.)». Сборник документов, ч. I. Алма-Ата, 1967, стр. 371; «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». М., 1964, стр. 339; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Сборник документов. Смоленск, 1968, стр. 301 и др.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 9, д. 406, л. 8; ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, д. 360, л. 27.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 40.

Многочисленные источники и составленная на их основании таблица 13 показывают, что колхозное движение зимой 1930 г. развивалось бурными темпами. Оно захватило многочисленные массы трудящегося крестьянства, и прежде всего бедняцко-батрацкие слои. Однако наряду с беднотой в колхозы стали вступать все в более широких масштабах и середняки.

Это придало колхозному движению массовость, обусловило его размах.

Наряду с несомненными успехами уже с конца 1929 г., и особенно в начале 1930 г., стали обнаруживаться недостатки и извращения линии партии в колхозном строительстве.

Искажения линии партии в колхозном движении получили широкое распространение в Московской и Центрально-Черноземной областях, национальных районах РСФСР, республиках Средней Азии и Закавказья. Многие работники искусственно форсировали темпы коллективизации.

В погоне за высокими процентами коллективизации были допущены значительные отступления от принципов добровольности в производственном кооперировании крестьянства на Урале, Украине, в Сибири.

Чрезмерная поспешность и администрирование вели к нарушению принципов добровольности. Предавались забвению указания В. И. Ленина о том, что переход крестьян от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному хозяйству — дело сложное и трудное, что здесь недопустимы ни торопливость, ни принуждение. Оказались забытыми и решения VIII съезда партии, в которых категорически осуждались любые попытки насильственного объединения крестьян в колхозы. Кропотливая организаторская работа среди крестьян подменялась административным нажимом.

В сводке Сибирского крайкома ВКП(б) от 26 января 1930 г. говорилось: «По ряду районов до сих пор со стороны местных партийных и советских работников довольно сильны тенденции заменить массовую разъяснительную работу методами администрирования и командования при проведении коллективизации. Случаи угроз и запугивания бедняков и середняков... отмечаются по ряду округов края и имеют тенденцию к увеличению. Недовольство основных прослоек деревни указанными метода-

ми коллективизации используется кулачеством для усиления антиколхозной и антисоветской агитации»¹⁶.

Попытки форсировать коллективизацию наблюдались и в национальных районах. Казахский крайком партии еще в декабре 1929 г. дал указание ускорить коллективизацию не только зерновых, но и животноводческих районов. Ошибочные постановления были приняты также в Киргизии, Узбекистане и других республиках Средней Азии. 28 января Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Этим решением в Узбекистане было объявлено 18 районов сплошной коллективизации; в Туркмении — 8, Таджикистане — 4, Киргизии — 6¹⁷.

Решение Средазбюро ЦК ВКП(б) от 28 января и аналогичные постановления республиканских организаций были ошибочными, так как при определении районов сплошной коллективизации не учитывались действительные настроения бедняцко-средняцких масс, своеобразие и сложности местных условий.

Центральный Комитет партии специально предупредил партийные организации национальных республик против чрезмерной спешки в вопросах коллективизации. 30 января 1930 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) по телеграфу запросило согласие Политбюро ЦК на проведение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества в 32 районах Средней Азии. В ответ Политбюро ЦК ВКП(б) направило в Ташкент специальную телеграмму, в которой говорилось: «Перенесение ускоренных темпов коллективизации из Центра СССР в районы Средней Азии считаем необоснованным. Требуется тщательный учет специфических условий этих районов, особенно Таджикистана. Отнеситесь к этому предупреждению серьезно и двигайте дело коллективизации в меру действительного вовлечения масс»¹⁸.

Поскольку нарушение установленных ЦК ВКП(б) тем-

¹⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 90, лл. 13—14.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 2384, л. 16; «Правда Востока», 29 января 1930 г.; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 184.

¹⁸ «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969, стр. 109—110.

пов коллективизации в незерновых районах получило широкое распространение, 4 февраля Политбюро ЦК решило назначить на 11 февраля совещание руководящих партийных работников национальных районов, а на 21 февраля — районов потребляющей полосы¹⁹.

7 Результатом работы совещания явилось постановление ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1930 г. «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах»²⁰. В постановлении отмечалось, что колхозное движение захватило не только зерновые, но и другие, в том числе и экономически отсталые районы. В связи с этим ЦК ВКП(б) решительно осуждал попытки механического перенесения мероприятий по борьбе с кулачеством, применяемых в районах сплошной коллективизации, в национальные экономически отсталые районы, подмены действительного движения масс администрированием. В постановлении указывалось на недопустимость игнорирования индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств и пренебрежения к кооперативной работе, па крайнюю недостаточность борьбы с хищническим уничтожением и угоном за границу скота и т. д.

ЦК обязал партийные организации национальных районов сосредоточить усилия на подготовке условий для проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, подчеркивал необходимость дифференцированного подхода к отдельным районам внутри республик и областей, развертывания коллективизации в первую очередь в наиболее развитых хлопководческих районах, где имелись МТС и совхозы. В числе мероприятий по подготовке массового колхозного движения в национальных районах особое внимание обращалось на организацию бедноты и батрачества, на оживление работы кооперации²¹.

В постановлении указывалось, что в районах, где не было условий для сплошной коллективизации, необходимо осуществлять политику ограничения кулачества (байства). Лишь в районах сплошной коллективизации разре-

¹⁹ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 256—257.

²⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 185.

²¹ «Ленинский кооперативный план...», стр. 104—105.

шалось проводить мероприятия по ликвидации кулацких и байских хозяйств. ЦК ВКП(б) обязал партийные организации национальных районов пересмотреть список районов сплошной коллективизации с точки зрения их готовности к социалистическому переустройству сельского хозяйства²².

Постановление ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1930 г. распространялось на Среднюю Азию, Закавказье, Киргизию, Казахстан, Якутию, Дагестан и Бурят-Монголию.

25 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял еще одно постановление, осуждавшее административные методы коллективизации в некоторых районах Узбекистана²³.

Основные установки, выработанные на совещании работников национальных районов и сформулированные в постановлениях ЦК ВКП(б) от 20 и 25 февраля 1930 г., нашли отражение в передовой статье «Правды» от 27 февраля 1930 г. «Выравнивать фронт колхозного строительства». В ней говорилось о несвоевременности перехода к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Казахстане, Бурятии, Якутии, горных районах Кавказа. «Поскольку мы здесь не добились сплочения подавляющего большинства трудящегося крестьянства вокруг лозунгов партии о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, не добились действительной и полной изоляции кулачества,— писала «Правда»,— проводить в настоящее время в этих районах сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, как это мы делаем в основных сельскохозяйственных районах Союза, значило бы подменять самостоятельность масс в деле коллективизации администрированием советского аппарата, вдобавок недостаточно связанного с населением. Такой политикой мы бы не привлекли, а оттолкнули от партии и Советской власти несознательные и малосознательные массы и, кроме того, нанесли бы удар товарности сельского хозяйства (земледелия и скотоводства), которое дает чрезвычайно ценные виды сырья для нашей промышленности (хлопок, шерсть)».

21—25 февраля 1930 г. Центральный Комитет ВКП(б)

²² «Ленинский кооперативный план...», стр. 139.

²³ «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», стр. 46, 241.

провел совещание секретарей областных и краевых комитетов партии незерновых районов для обсуждения задач колхозного строительства. В работе этого совещания приняли участие М. И. Калинин, Г. Н. Каминский, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Т. А. Юркин и другие члены ЦК ВКП(б) и руководители советских и колхозно-кооперативных учреждений и организаций. 25 февраля ЦК признал целесообразным объединить работу совещания и комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по выработке мер по организации сева, проведению дальнейшей коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В принятом комиссией постановлении предусматривались более медленные темпы коллективизации сельского хозяйства в районах потребляющей полосы, с тем чтобы завершить ее к концу первой пятилетки. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества должны были проводиться лишь в отдельных районах при наличии необходимых предпосылок. Основное внимание обращалось на закрепление достигнутых результатов в колхозном строительстве²⁴.

Эти мероприятия ЦК ВКП(б) имели важное значение для предупреждения дальнейшего распространения «левацких» перегибов в национальных и потребляющих районах.

Бурно развивающееся колхозное движение ставило перед центральными и местными организациями массу новых проблем и вопросов. Хотя сельскохозяйственная артель была определена в качестве основной формы колхозного движения, не было полной ясности в вопросе обобществления крестьянского имущества. Во многих районах наблюдалось стремление к возможно большему его обобществлению.

Обобществление коров и всего мелкого скота вызывало серьезное недовольство, которое кулаки умело использовали в борьбе против колхозов. Поскольку Устав сельскохозяйственной артели от 6 февраля 1930 г. не давал четкого ответа на этот и другие вопросы, то в ряде случаев местным работникам приходилось решать их самим. Естественно, что при этом допускались ошибки и промахи. Так, 14 февраля 1930 г. обком ВКП(б) ЦЧО дал директиву, которая существенно дополнила опубликованный

²⁴ Ф. Ваганов. Преобразование сельского хозяйства.— «Коммунист», 1966, № 3, стр. 96.

6 февраля Устав сельхозартели²⁵. Согласно этой директиве полностью обобществлялись все земельные угодия, за исключением приусадебных участков. Обобществлялся также весь сельскохозяйственный инвентарь, при этом разрешалось пользоваться инвентарем для работы на огородах, в садах и усадебных землях. Весь рабочий скот подлежал обобществлению; при отсутствии общественных помещений скот оставлялся у владельцев под сохранные расписки. Допускалось пользование лошадьми и для личных целей в свободное от работы в колхозе время. Продуктивный скот обобществлялся только в его товарной части, остальной скот оставлялся в личном пользовании владельцев (до постройки общественных сараев и заготовки кормов).

Таким образом, директива от 14 февраля 1930 г. являлась шагом вперед по сравнению с Уставом сельхозартели от 6 февраля, но и она страдала существенными недостатками. Подсобное хозяйство колхозника допускалось в ней как временная мера. В будущем предполагалось более полное обобществление имущества крестьян, вплоть до жилых построек.

Центральный Комитет партии принял решительные меры по исправлению ошибок и недостатков в колхозном движении. Вслед за постановлениями ЦК ВКП(б) от 20 и 25 февраля, 2 марта 1930 г. был опубликован исправленный в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и утвержденный СНК и ЦИК СССР Примерный устав сельскохозяйственной артели. Была внесена большая ясность в вопрос о степени обобществления средств производства крестьянских хозяйств, о членстве и оплате труда в колхозах и т. п.

Одновременно с новым Уставом по решению ЦК ВКП(б) была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались допущенные ошибки и перегибы в колхозном строительстве. «Она сыграла большую положительную роль. Статья разъясняла партийную политику в колхозном строительстве, подчеркивала принцип его добровольности, осуждала меры административного нажима на крестьян. Ее с удовлетворением встретила середняцкая масса деревни. Статья пово-

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, л. 114.

рачивала партийные кадры на путь исправления допущенных ошибок и перегибов в колхозном строительстве. Однако в ней не раскрывались в полной мере вышеуказанные причины тех ошибок; основная ответственность возлагалась на местных работников»²⁶.

Решающее значение в исправлении ошибок и перегибов имело постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», которое не только вскрывало ошибки и искривления партийной линии в колхозном движении, но и указывало пути их исправления²⁷.

Большую роль в укреплении колхозов и дальнейшем развитии колхозного движения сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О льготах для колхозов», принятое 2 апреля 1930 г.²⁸ Этим постановлением предусматривался ряд важных экономических льгот колхозам и колхозникам. ЦК предлагал ЦИК и СНК СССР освободить от налогового обложения на два года весь обобществленный и индивидуальный скот колхозников, а также установить для обобществленных огородов и огородных колхозов 50%-ную скидку с налога против принятых для данного района норм. В целях улучшения материального положения колхозов и колхозников ЦК ВКП(б) считал необходимым снять числящуюся на 1 апреля их задолженность по кредитам, землеустройству, штрафам и т. п. платежам.

Эти льготы сыграли большую роль не только в том, что прекратился выход из колхозов, но и в организации нового прилива крестьян в коллективные хозяйства.

В результате энергичных мер, принятых партией весной 1930 г., ошибки и перегибы в колхозном строительстве были преодолены. Все меры Центрального Комитета сводились к восстановлению ленинских норм в колхозном движении, к налаживанию правильных взаимоотношений с середняком, к закреплению действительных (а не бумажных) успехов в коллективизации. Если бы эти ошибки не были исправлены ЦК, «это грозило бы

²⁶ «История Коммунистической партии Советского Союза». (Издание четвертое, дополненное). М., 1971, стр. 405.

²⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 394—397.

²⁸ «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935». М., 1957, стр. 290—291.

срывом дела коллективизации сельского хозяйства, *подрывом самой основы Советского государства — союза рабочего класса с крестьянством*»²⁹.

Решительное исправление ошибок в проведении коллективизации благоприятно сказалось на развитии колхозного движения. Правда, в ходе исправления перегибов и ошибок в колхозном движении распались искусственно созданные «бумажные» колхозы, наблюдался отлив некоторой колеблющейся части крестьян из колхозов. Несмотря на значительный отлив из колхозов, весной 1930 г. основная масса крестьянских хозяйств закрепилась в колхозах. К лету 1930 г. процент коллективизации в основных зерновых районах равнялся 46,9, в остальных зерновых — 24,5 и в потребляющих районах — 13,4³⁰. Всего в колхозах закрепилось 6 миллионов крестьянских хозяйств.

Таблица 14 содержит данные об уровне коллективизации к лету 1930 г.

Следовательно, если сравнить показатели об уровне коллективизации к весне и к лету 1930 г., то сразу же бросится в глаза резкое падение удельного веса коллективизированных хозяйств (с 56 до 23,6%, т. е. более чем в два раза). И хотя отлив из колхозов весной 1930 г. был значительным, в действительности он был меньше, чем об этом говорят официальные данные. Дело в том, что, как уже говорилось выше, данные на февраль—март были преувеличены и не вполне соответствовали действительности. Нельзя также на основании того, что после отлива и уточнения сведений процент коллективизации весной 1930 г. упал до уровня января 1930 г., делать вывод о том, что в январе—феврале рост колхозного движения шел за счет администрирования, перегибов и т. п. Известно, что многие крестьяне, ставшие колхозниками в первые месяцы 1930 г., весной не поддались колебаниям и остались в колхозах. Это свидетельствует о том, что они вступали в колхозы добровольно, и рост колхозов, происходивший за их счет, был надежным. Вместе с тем весной 1930 г., во время отлива, из колхозов вышла и часть крестьян, которые вступили туда тоже добровольно. Так, например, в сводке, составленной Наркомзе-

²⁹ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 452.

³⁰ «Колхозы в 1930 году». М.—Л., 1931, стр. VII.

Таблица 14³¹

Районы	Число хозяйств, тыс.	Коллективизированных хозяйств, %
СССР *	5999,8	23,6
РСФСР *	3566,9	20,3
Северный край	45,1	9,8
Карельская АССР	3,5	8,5
Ленинградская область	40,4	5,7
Западная область	79,5	6,7
Московская область	105,8	7,2
Ивановская промышленная область	45,5	6,0
Нижегородский край	138,4	10,1
Уральская область	318,1	27,3
Башкирская АССР	104,3	20,9
Татарская АССР	46,9	8,8
Средне-Волжский край	271,7	20,5
Центрально-Черноземная область	326,1	15,8
Нижне-Волжский край	357,1	37,5
Северо-Кавказский край	829,2	58,1
Дагестанская АССР	10,6	6,0
Крымская АССР	45,6	50,6
Казахская АССР	353,9	28,5
Киргизская АССР	60,7	29,1
Сибирский край	300,3	19,8
Бурят-Монгольская АССР	22,5	22,6
Дальневосточный край	61,7	25,7
УССР	1913,2	38,2
Полесье	59,7	11,5
Правобережье	719,0	41,4
Левобережье	427,0	36,3
Степь	707,5	44,7
БССР	88,7	11,5
ЗСФСР	139,3	15,0
Туркменская ССР	42,6	22,8
Узбекская ССР	221,6	27,1
Таджикская ССР	27,5	13,3

* Без Якутской АССР.

мом СССР весной 1930 г., говорится, что многие случаи выходов из колхозов объясняются колебаниями середняка («без причины», «люди из колхоза и я тоже», «остались одни бедняки»), плохой организацией производства в колхозах («кто работает, кто лодырничает», «работаю я один, а семья восемь душ» и т. п.)³². Отрицательную роль в этом деле сыграла и антиколхозная кулацкая агитация.

Однако это было временным явлением, ибо «массовые выходы из колхозов, происходившие в феврале—марте... уносили значительную часть колеблющихся элементов, которые ушли из колхозов не потому, что их насильно втянули в колхозы, а под влиянием общего течения и удачной, временно удачной, кулацкой агитации»,— говорилось в материалах к отчету Вологодского окружкома партии (Северный край)³³. По истечении некоторого времени такие крестьяне, как правило, вновь возвращались в колхоз.

* * *

Начальный этап сплошной коллективизации был одним из самых ответственных и сложных в истории колхозного движения. Оценивая его содержание и результаты, следует иметь в виду огромные трудности, которые пришлось преодолеть. Это были трудности объективного и субъективного порядка. Страна шла к социализму непроторенными путями. Опыта социалистического преобразования деревни не было, конкретные формы и методы организации крупных коллективных хозяйств находились и проверялись непосредственно в ходе революционного переустройства деревни. «Надо было преодолеть вековую силу привычки мелкого собственника, узость его интересов и взглядов на жизнь, изменить его психологию. Нужно было крестьянина-индивидуалиста превратить в активного участника коллективного труда и общественной жизни»³⁴.

Серьезные трудности порождались отсталостью технической базы. Наблюдались своего рода «ножницы» между темпами колхозного строительства и темпами технической

³² ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 101, л. 69; д. 122, л. 103.

³³ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 345.

³⁴ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 16.

реконструкции сельского хозяйства. Не хватало квалифицированных и опытных кадров колхозных организаторов, агрономов и других специалистов сельского хозяйства.

Колхозное строительство того времени проходило в условиях обострения международной и внутренней обстановки. Активизировались контрреволюционные силы как внутри страны, так и за рубежом. Кулачество и другие капиталистические элементы, правые оппортунисты всячески противодействовали мероприятиям Коммунистической партии и Советской власти, стремясь воспрепятствовать социалистическому строительству.

В этих условиях были допущены серьезные ошибки руководящими работниками не только местных, но и центральных учреждений и организаций. Здесь сказалось увлечение первыми успехами коллективизации. Была переоценена степень готовности основных масс трудящегося крестьянства к переходу на путь социалистического развития и потому не всегда в достаточной мере учитывались реальные возможности. Массовое колхозное движение захлестнуло и опрокинуло ранее составленные наметки и планы и, чтобы не отстать от движения, срочно пересматривались контрольные цифры. При этом допускались просчеты, «забегание вперед», ненужная поспешность.

Торопливость в проведении коллективизации, недооценка силы привязанности крестьян к своему мелкому, частнособственническому хозяйству отрицательно сказались на развитии колхозного движения в конце 1929 — начале 1930 г.

Но были ошибки, проистекавшие от новизны дела, от незнания, отсутствия опыта, которые в тех условиях были неизбежны. «Колхозное строительство,— говорил М. И. Калинин,— есть для всех нас новое дело, поэтому ряд ошибок надо считать неизбежными»³⁵.

Л. И. Брежнев в докладе «50 лет великих побед социализма», характеризуя обстановку, в которой приходилось строить социализм, говорил: «Классовые враги, разгромленные на полях сражений, не прекратили сопротивления; они стремились использовать малейшую возможность, малейшую лазейку, чтобы подорвать, ослабить

³⁵ «Правда», 19 июня 1930 г.

молодое государство рабочих и крестьян. Правые и «левые» оппортунисты пытались сбить партию с ленинского генерального курса.

Строительство социализма было для нас сложным делом еще и потому, что мы были первыми. Нам не у кого было учиться...

Такова была обстановка, в которой началось строительство социализма. С высот, на которые мы поднялись теперь, не так уж трудно увидеть просчеты и ошибки, имевшие место в прошлом. Спору нет, что-то можно было сделать быстрее, что-то лучше, что-то с меньшими издержками. Но, чтобы объективно оценить пройденный путь, следует всегда помнить: каждый шаг был для нас поиском, каждое продвижение вперед достигалось в упорной борьбе с врагами внутри страны и на мировой арене»³⁶

XVI съезд партии, собравшийся летом 1930 г., подвел первые итоги колхозного строительства и наметил дальнейшие задачи в развитии сельского хозяйства. Съезд отметил, что период после XV съезда был «периодом величайшего перелома в развитии сельского хозяйства СССР»³⁷.

Определяя всемирно-историческое значение происходившего перелома и его итоги к лету 1930 г., съезд подчеркнул, что «значительная часть *средняцкой массы* в важнейших зерновых районах вслед за бедняками поняла преимущества крупного общественного хозяйства, объединившись добровольно в колхозы и проведя сев на коллективных полях, и *повернула* на социалистический путь». Тем самым была «не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата *непосредственного перехода* от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному, коллективному, высокопроизводительному хозяйству»³⁸.

Съезд указал, что важнейшей очередной задачей в области колхозного строительства является закрепление успехов колхозного движения и ликвидация последствий ошибок и перегибов, допущенных при проведении кол-

³⁶ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма, стр. 13—14.

³⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 448.

³⁸ Там же.

лективизации. Съезд с особой силой подчеркнул необходимость строгого соблюдения «коренных марксистско-ленинских принципов колхозного движения, отступление от которых является тягчайшим преступлением против диктатуры пролетариата»³⁹.

На основе решений XVI партсъезда партийные, советские и колхозные организации развернули большую разъяснительную работу среди крестьянства по закреплению успехов коллективизации и вовлечению новых членов в колхозы. В эту работу были включены широкие массы колхозников и единоличников, родились новые формы работы, активизировалось крестьянство.

В августе 1930 г. облколхозсоюз ЦЧО выступил инициатором в организации нового массового прилива крестьян в колхозы. 26 бригад колхозников передовых районов бывшего Россошанского округа было направлено в отстающие районы, где они провели в 200 отстающих колхозах свыше 300 собраний (на которых присутствовало около 10 тыс. крестьян), организовали 140 бесед, охвативших не менее 4 тыс. человек, сделали 50 докладов на пленумах сельсоветов, 17 — на районных совещаниях, 61 — на собраниях молодежи и 123 — на собраниях групп бедноты. Там, где работали бригады, возникло 145 инициативных групп из крестьян-единоличников, 157 вербовочных бригад из колхозников, было организовано 37 новых колхозов и вовлечено в колхозы 637 единоличников⁴⁰.

Инициатива облколхозсоюза ЦЧО была одобрена ЦК ВКП (б), обкомом партии и Колхозцентром. В циркуляре Колхозцентра о вовлечении единоличников в колхозы рекомендовалось проводить отчеты правлений колхозов на собраниях единоличников с тем, чтобы широко популяризировать производственные достижения колхозов. Колхозцентр предложил всем колхозсоюзам по примеру облколхозсоюза ЦЧО выделить бригады из числа передовых колхозников для проведения агитации среди единоличников, а также создавать инициативные группы из крестьян для организации новых колхозов. «Только тот колхоз является действительной и прочной опорой Советской власти, — говорилось в циркуляре, — который широко

³⁹ Там же, т. 4, стр. 450.

⁴⁰ «Социалистическое земледелие», 28 октября 1930 г.

развернет работу по вовлечению в колхоз единоличников»⁴¹.

Инициативу ЦЧО быстро подхватили другие районы страны и она получила широкое распространение. Если к концу сентября 1930 г. в ЦЧО было около 1100⁴² инициативных групп, то к концу октября — уже более 3100⁴³. За октябрь возникло более 1000 колхозов⁴⁴. На Украине осенью 1930 г. было создано свыше 2000 инициативных групп и 5700 вербовочных бригад⁴⁵. Большое количество инициативных групп и вербовочных бригад возникло на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге и в других районах.

Вербовочные бригады вели массовую работу не только в своих районах и областях, но выезжали и в другие области. Колхозники Средней Волги выезжали в Московскую область и Казахстан, Нижней Волги — в Ленинградскую область и т. п.

Вся эта организационно-массовая работа самих крестьян наряду с колхозными отчетно-выборными собраниями сыграла большую роль в организации нового массового прилива единоличников в колхозы. Так в ЦЧО в октябре в колхозы вступило 35717 единоличных хозяйств, в ноябре — 51456, в декабре — 33895⁴⁶. На Северном Кавказе в августе 1930 г. в колхозы влились 11828 хозяйств, в сентябре — 18846, в октябре — 42082, в ноябре — 36500 и в декабре 25120⁴⁷. Аналогичную картину можно видеть на Нижней и Средней Волге и других районах. В целом по РСФСР за сентябрь — декабрь 1930 г. в колхозы вступило более 700 тыс. крестьянских хозяйств⁴⁸.

С осени 1930 г. тенденция к постепенному росту коллективизации крестьянских хозяйств наблюдается и в национальных районах. Так, например, по данным сводки Колхозцентра, представленной в ЦК ВКП(б), видно, что процент коллективизации в Таджикской ССР поднялся с 13,3 в мае 1930 г. до 19 в октябре того же года,

⁴¹ «Социалистическое земледелие», 30 августа 1930 г.

⁴² «Сельскохозяйственный бюллетень», 1930, № 39, стр. 18.

⁴³ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 241, св. 21, д. 183.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, оп. 209, св. 5, д. 24.

⁴⁶ «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 95.

⁴⁷ Там же, стр. 96.

⁴⁸ Там же.

в Туркменской ССР — соответственно с 22,3 до 25,3, в Казахской АССР — с 28,5 до 29,5, Карельской АССР — с 8,5 до 12, Дагестанской АССР — с 6 до 7,5 и т. д.⁴⁹

Решающее значение для дальнейшего развертывания коллективизации имели итоги производственной деятельности колхозов. Именно поэтому в сентябре — декабре 1930 г. начался новый, все нарастающий подъем колхозного движения. Итоги работы колхозов наглядно убеждали единоличное крестьянство в преимуществах коллективного хозяйства.

А. А. Андреев, выступая в Политбюро ЦК ВКП(б) с докладом о колхозном движении на Северном Кавказе, среди причин, обусловивших массовое вступление крестьян в колхозы осенью 1930 г., указывал на результаты хозяйственной деятельности колхозов. На каждый колхозный двор приходилось 10 га посева, в то время как у единоличников 4,8 га, урожай в колхозах был на 20—25% выше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах, доход у колхозников равнялся 810 руб., а у единоличников — 508 руб.⁵⁰

Размер валовой продукции на одно хозяйство в колхозах Украины в 1930 г. составлял в среднем 1156 руб., а в единоличных хозяйствах почти в два раза меньше (659 руб.). В Белоруссии доход равнялся соответственно 1000 и 300—400 руб. и т. д.

Передовые колхозы уже в 1930 г. добились хороших успехов. Так, например, валовой доход колхоза «Красный Терек» (Северный Кавказ) в 1930 г. составлял 1400 тыс. руб. или 1120 руб. на одно хозяйство, т. е. в 4 раза больше, чем у единоличников, доход в колхозе «Первая пятилетка» (Средняя Волга) составил более 1000 руб. на одно хозяйство против 275 руб. у единоличников, в колхозе «Добрый путь» соответственно — 1100 руб. против 266 руб.⁵¹ и т. д.

Больших успехов добились колхозы и в распределении доходов натурой. По сведениям 8 районов Нижне-Волжского края, доходы натурой, подлежащие распределению по трудодням, составляли: в колхозах Балашовского района — 12,9 кг на трудодень, Романовского — 7,1, Краснояр-

⁴⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 241, св. 23, д. 1.

⁵⁰ «Социалистическое земледелие», 20 декабря 1930 г.

⁵¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 241, св. 24, д. 20.

ского — 6,6, Нехаевского — 5,4, Михайловского — 3,7, Камышинского — 3,2, Пугачевского — 2,8 и Духовницкого 2,6 кг⁵².

Правильное распределение доходов имело громадное значение не только для темпов роста колхозного движения, но и для организационного-хозяйственного укрепления колхозов. Не удивительно, что крестьяне стали массами вступать в колхозы, порывая с индивидуальным способом ведения хозяйства. Крестьяне окончательно и бесповоротно становились на путь социалистического развития.

В этой связи интересным документом является опубликованное 8 октября 1930 г. в газете «Правда» письмо единоличников села Семибалки и хутора Павло-Очаково, вступивших в колхоз «Труд Ильича» Азовского района Северо-Кавказского края:

«Дорогие товарищи!

Мы, вчерашние единоличники села Семибалки и хутора Павло-Очаково, хотим рассказать, почему мы вступили в семибалковскую артель «Труд Ильича». Весною, когда организовался колхоз «Труд Ильича» и крепок был еще кулак, противопоставивший обрез и вредительство сплошной коллективизации села, мы не пошли в колхоз. При встречах на базарах, в поле, в хате кулак нам говорил: «Все равно колхозы развалятся, там одна голь и беднота, которая через полгода передерется и пожрет друг друга, так как работать они не будут и есть будет нечего».

Нас смутила кулацкая агитация. Остановились мы на полпути к колхозу. Многие из нас под влиянием кулацкой агитации поспешно брали поданные заявления обратно. Мы решили подождать и посмотреть, как будет работать колхоз.

Несмотря на многие неурядицы и дезорганизацию, внесенную нашими выходами из колхоза, семибалковский колхоз «Труд Ильича» при 312 дворах засеял свыше 4,5 тыс. га зерновыми культурами и свыше 500 га пропашными, не оставив незасеянными ни одного клочка земли, колхоз, опираясь на свои силы, провел своевременно всю полку, уборку и к 1 октября закончил обмолот хлеба, дав значительно повышенный урожай по сравне-

⁵² «Проблемы источниковедения», вып. IV, стр. 96.

нию с нами — единоличниками (по гарновке почти на 2 центнера с га). К 10 сентября колхоз выполнил данный ему план хлебозаготовок на 102%. К 26 сентября колхоз закончил озимый сев на площади 450 га, на 70 га превысив план, данный районом, и на 100% выполнил все сельхозплатежи.

Сейчас колхоз переключил всю свою работу на зяблевую вспашку и помощь в обмолоте и севе единоличникам-беднякам. Четкая работа колхоза идет все время в разрез предсказаниям кулаков. Колхозники, оказывается, хотели и умели работать лучше нас — единоличников. Группами и отдельно мы приходили на колхозные собрания, беседовали с отдельными колхозниками, и вот оказалось, что каждый член, проработавший в колхозе с весны, получает сейчас до 18 пудов хлеба на едока, получает солому и полову, корм на свою необобщественную свинью, корову, птицу, а зимой получит заложенный колхозом силос. Кроме всего этого, добросовестно работавший колхозник получит, в зависимости от количества трудодней, до 100 и более рублей деньгами. В то же время мы, единоличники, проведя тяжелую непрерывную работу на своих клочках в течение весны, лета, осени, получаем едва-едва по 11 пудов хлеба на едока и оставляем «хвосты» по невыполнению хлебозаготовок, сельхозплатежей и т. п.

Мы сейчас воочию убедились в правильности линии партии по созданию коллективов и, не колеблясь более ни одного дня, вступили в колхоз «Труд Ильича».

Мы призываем всех единоличников нашего района и всего края, колеблющихся и внимающих до сих пор кулацким напештываниям, последовать нашему примеру, развеять навсегда туман классового врага, сплотиться и общими усилиями строить такие же колхозы, как наш «Труд Ильича».

Начавшийся с осени новый прилив в колхозы единоличного крестьянства носил здоровый характер, он укреплял успехи социалистического строительства в сельском хозяйстве, окончательно предрешив судьбу индивидуального способа ведения хозяйства.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), проходивший с 17 по 21 декабря 1930 г., подвел итоги выполнения плана 1929/30 хозяйственного года. Этот год, говорилось в резолюции Пленума, «явился годом новых и крупнейших достижений рабочего класса в деле социалистическо-

го строительства»⁵³. Задания пятилетнего плана как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства успешно перевыполнялись. Объем производства всей фабрично-заводской промышленности в 1929/30 г. превысил более чем вдвое довоенное производство. Успешное развитие индустрии обеспечило коренной перелом и в развитии сельского хозяйства. Посевные площади возросли со 118 млн. га в 1928/29 г. до 127,8 млн. га, превысив как по зерну, так и по техническим культурам наметки пятилетнего плана. Валовой сбор зерновых хлебов в 1930 г. составил 87,4 млн. тонн против 71,7 млн. тонн в 1929 г.⁵⁴

Все эти достижения, отмечал Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), явились результатом крупнейших успехов в области колхозного и совхозного строительства и неуклонно проводимой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса. Плановые предположения по коллективизации сельского хозяйства к концу 1930 г. были значительно превзойдены. На 1 декабря 1930 г. в колхозы объединились более 6 млн. 150 тыс. крестьянских хозяйств, т. е. 24,1%. Засеянная колхозами посевная площадь в 1930 г. составила 43,4 млн. га против 20,6 млн. га, планировавшихся на последний год пятилетки. Удельный вес социалистического сектора в товарной продукции зерна в 1930 г. составил около 50% против 43%, предполагавшихся пятилетним планом для 1932 г.⁵⁵

Это означало, что пятилетний план в области колхозного строительства был перевыполнен уже в 1930 г. В связи с этим декабрьский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) постановил в 1931 г. завершить в основном сплошную коллективизацию в важнейших зерновых районах (Степь Украины, Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга), охватив не менее 80% крестьянских хозяйств. Что касается остальных зерновых районов (ЦЧО, Сибирь, Урал, Лесостепная Украина и зерновые районы Казахстана), то здесь Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) предусматривал коллективизацию 50% крестьянских хозяйств, а в отношении зерновых хозяйств потребляющей поло-

⁵³ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 490.

⁵⁴ Там же, стр. 490, 491.

⁵⁵ Там же, стр. 491.

сы — 20—25%. В целом по Советскому Союзу предполагалось в течение 1931 г. вовлечь в колхозы не менее 50% крестьянских хозяйств⁵⁶.

Устанавливая контрольные цифры по сельскому хозяйству, Пленум исходил из реальных возможностей их выполнения каждой группой районов. Предусматривалась все возрастающая материально-техническая и финансовая помощь Советского государства, особенно социалистическому сектору. Капитальные вложения на 1931 г. колхозам и совхозам предусматривались в сумме 3,8 млрд. руб., в том числе по колхозам и машинно-тракторным станциям — 1745 млн. руб. Число МТС к концу 1931 г. планировалось довести до 1400⁵⁷.

Таким образом, декабрьский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подвел итоги развития народного хозяйства в 1930 г. и наметил конкретную программу социалистического строительства на 1931 г. и в области сельского хозяйства. 1930 год был годом массового колхозного движения. Поворот основных масс трудящегося крестьянства, начавшийся с осени 1929 г., закрепился новым приливом единоличного крестьянства в колхозы осенью 1930 г., особенно усилившимся в первой половине 1931 г. Важное значение в организации нового подъема коллективизации имели постановления декабрьского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

2. Переход к практическому осуществлению политики ликвидации кулачества как класса

Массовое колхозное движение, усиление классовой борьбы в деревне со всей остротой поставили вопрос о практических мерах по борьбе с кулачеством и ликвидации его как класса в районах сплошной коллективизации. Трудящиеся массы крестьянства, осуществлявшие сплошную коллективизацию, еще в конце 1929 г. явочным порядком стали сгонять кулаков с земли, отбирать у них скот, сельскохозяйственный инвентарь и требовать от Советской власти выселения наиболее злостных кулаков, мешавших колхозному строительству.

⁵⁶ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 493—494.

⁵⁷ Там же.

В начале сентября 1929 г. Колхозцентр сообщал в ЦК ВКП(б): «В Чапаевском районе (Средняя Волга.— Н. И.) предполагается выселение ряда кулаков. Оно будет произведено во время землеустройства, осенью этого года. В с. Дмитровке, Ульяновского округа, уже принято такое постановление»⁵⁸. В информационной сводке исполкома Средне-Волжского краевого Совета от 14 декабря сообщалось, что 8 сентября на общем собрании жителей села Покровки колхозники потребовали выселения кулаков. Вечером того дня в селе возник пожар. Поджог был сделан с таким расчетом, чтобы сжечь колхозное имущество. Сгорело 15 домов колхозников, корма и амбар, в котором было 3000 пудов зерна⁵⁹.

В Сибири в связи с выступлениями кулаков против колхозов крестьяне отдельных селений Черемховского района Иркутского округа 24 ноября 1929 г. приняли постановление: «Просить Черемховское райзо выселить всех кулаков с территории артели...». Собрание бедняков и батраков станицы Александро-Невской Куйтунского района 10 декабря 1929 г. постановило просить земельные органы раскулачить 5 наиболее злостных кулаков. Всего в Иркутском округе в 1929 г. было раскулачено 1234 хозяйства — примерно четвертая часть кулацких хозяйств округа⁶⁰.

Решения о выселении кулаков за пределы колхозных массивов выносили крестьяне на Украине, Нижней Волге, Северном Кавказе, Урале и в других районах. Такие действия являлись ответной мерой на контрреволюционные антиколхозные выступления кулаков.

Движение трудящегося крестьянства в борьбе с кулачеством нашло поддержку в ряде директивных документов — постановлениях местных партийных и советских органов, которые, чтобы не допустить самоуправства и перегибов, устанавливали определенный порядок ликвидации кулацких хозяйств. Естественно, что до начала массового колхозного движения эти директивы касались лишь части кулацких хозяйств, особо враждебно настроенных против мероприятий Советской власти. Еще в июне 1929 г. бюро обкома партии ЦЧО решило:

⁵⁸ «Материалы по истории СССР», вып. VII. М., 1959, стр. 242.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 108, д. 348, л. 387.

⁶⁰ См. И. С. Степичев. Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства (1928—1930 гг.). Иркутск, 1958, стр. 116—117.

«1. Считать возможным отобранный у кулаков рабочий скот и сложный сельскохозяйственный инвентарь передать за наличный расчет и в кредит колхозам, коммуна и совхозам; при этом признать желательным направление данного имущества в коллективные объединения, территориально расположенные в других районах округа.

2. Поручить фракции облисполкома установить порядок передачи взятого у кулаков рабочего скота и сложного с/х инвентаря»⁶¹.

Следует обратить внимание на две особенности этого документа. Во-первых, в директиве обкома ВКП(б) указывалось, что отобранный у кулаков скот и с/х инвентарь передается колхозам и совхозам не безвозмездно, а за наличный расчет или в кредит. Во-вторых, рекомендовалось конфискованное у кулаков имущество передавать в «коллективные объединения, территориально расположенные в других районах округа». Делалось это для того, чтобы не осложнять положение в данном районе, поскольку оставшиеся на месте кулаки будут всячески вредить тем коллективным хозяйствам, во владение которых попадет кулацкое имущество.

Решения о выселении кулацких хозяйств на края полей севооборотов стали выносить с конца 1929 г. местные партийные и советские организации. В декабре Елизаветградский окружком партии Украины принял решение кулацким хозяйствам во время землеустройства отводить «самую худшую землю в конце полей севооборота в разных местах, не допуская сгруппирования участков массивами»⁶². Аналогичное постановление принял осенью 1929 г. и Колхозцентр СССР⁶³.

О выселении кулацко-зажиточных элементов, лишения их части или полного земельного надела говорилось в постановлении Татарского обкома ВКП(б) от 1 октября 1929 г.⁶⁴ Северный крайком ВКП(б) в декабре 1929 г., обсуждая вопрос о кулаке, вынес постановление, в котором подчеркивалось, что весенняя посевная кампания 1930 г. должна дать решительное ускорение процесса лик-

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 675, л. 252.

⁶² Там же, оп. 32, д. 184, л. 18.

⁶³ Там же, оп. 2, д. 441, вып. II, стр. 18.

⁶⁴ «Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР. 1927—1937». Казань, 1968, стр. 111.

видации кулачества как класса. «Кулачество должно быть ликвидировано (раскулачено) беднячко-среднячками массами, осуществляющими сплошную коллективизацию, уже в текущую посевную кампанию путем конфискации имущества и выселения кулачества за пределы районов»⁶⁵.

Как видим, решения о выселении и конфискации имущества у кулаков стали выноситься с конца 1929 г. не только в зерновых, но и в национальных и потребляющих районах. Правда, эти меры касались лишь той части кулачества и духовенства, которая оказывала организованное сопротивление мероприятиям Советской власти. В осуществлении этих мер должна была принять активное участие беднячко-средняцкая общественность. Уже тогда некоторые районы (например, Татарии) намечали выселение кулацких элементов в отдельные поселки с тем, чтобы изолировать их от беднячко-средняцкой массы крестьянства, от колхозов.

Таким образом, инициатива трудящихся масс крестьянства, фактически выступавших за ликвидацию кулацких хозяйств (раскулачивание), получала поддержку и содействие со стороны партийных, советских и колхозно-кооперативных органов.

После выступления И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.) и принятия постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. борьба с кулачеством усилилась, крестьянство все настойчивее ставило вопрос о практических мерах по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса. В начале января 1930 г. делегация крестьян Средне-Волжского края выехала в Москву для встречи с членами правительства, чтобы разрешить ряд вопросов колхозного строительства, в числе которых был и вопрос об отношении к кулаку. М. И. Калинин, отвечая на вопрос членов делегации, что делать с кулаками после экспроприации, ответил: «Выселять на отдельные участки с плохими землями и отчуждать у них лишние орудия производства в пользу колхозов»⁶⁶.

Состоявшееся в первой половине января 1930 г. Всесоюзное совещание представителей районов сплошной кол-

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 184, л. 18.

⁶⁶ «Село и станица», 11 января 1930 г.

лективизации считало возможным проведение по отношению к кулачеству следующих мер: репрессии в отношении кулаков, активно выступающих против колхозов, конфискация средств производства, скота, сельскохозяйственных предприятий, хозяйственных и жилых построек, семенных и кормовых запасов; высылка в отдаленные местности СССР; отвод кулакам худших и дальних земель вне колхозных севооборотов и т. д.⁶⁷

Следовательно, еще до принятия официальных решений о порядке ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации совещание уже намечало конкретные пути ликвидации кулачества как класса. Это свидетельствовало о том, что на местах вопрос этот приобрел неотложное практическое значение.

Движение бедняцко-средняцких масс за ликвидацию кулачества как класса к началу 1930 г. получило значительное распространение, поэтому местные организации, чтобы ввести стихийное движение в организованное русло, обращались в вышестоящие органы для разрешения насущных вопросов колхозного движения. Так, 8 января 1930 г. Козловский окружком партии (ЦЧО) принял постановление, в котором отмечалось, что при развертывании коллективизации «кулак оказывает сильнейшее сопротивление, доходящее до попыток организации восстания на селе», что не только усугубляет трудности, но и представляет угрозу для проведения коллективизации. Окружком просил обком партии «о скорейшем разрешении вопроса об изъятии кулаков из села»⁶⁸.

Решения о непосредственном осуществлении мероприятий по ликвидации кулачества как класса принимались многими партийными организациями еще до завершения работы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). Средне-Волжский крайком ВКП(б) вынес такое решение 20 января, Нижне-Волжский крайком — 24 января, пленум обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области — 27 января, ЦК КП(б) Украины — 28 января, Северо-Кавказский крайком партии — 29 января и т. д.⁶⁹

В постановлении бюро Средне-Волжского крайкома

⁶⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 94, л. 111.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 184, л. 28.

⁶⁹ В. А. Сидоров. Ликвидация в СССР кулачества как класса. — «Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 29.

ВКП(б) от 20 января 1930 г. «Об изъятии и выселении контрреволюционных элементов и кулачества из деревни» говорилось, что в связи с усилившейся активностью и сопротивлением кулачества проведению коллективизации, а также ростом массовых выступлений, террористических актов, поджогов и т. п., крайком ВКП(б) считал необходимым в течение двух недель изъять из деревни активные контрреволюционные, антисоветские и террористические элементы и приступить к подготовке проведения выселения «кулацко-белогвардейских элементов вместе с семьями»⁷⁰. Для руководства работой по борьбе с кулачеством был создан краевой штаб под председательством секретаря крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича⁷¹.

30—31 января 1930 г. состоялось заседание краевого штаба по вопросу об экспроприации и ликвидации кулачества как класса. Краевой штаб постановил всю работу по изъятию кулацкого актива закончить к 3 февраля, т. е. на два дня раньше, чем предусматривалось постановлением крайкома от 20 января⁷². Штаб решил обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой дать необходимые директивы о выселении кулачества с тем, чтобы не позднее 5 февраля край мог приступить к выселению.

ЦК ВКП(б) осудил такую торопливость Средне-Волжского крайкома ВКП(б) и потребовал точного соблюдения директив партии⁷³. В телеграмме ЦК М. М. Хатаевичу (31 января) указывалось, что торопливость в вопросе о кулаке ничего общего с политикой партии не имеет. ЦК обязывал крайком точно проводить решения партии. Телеграмма ЦК была принята к исполнению⁷⁴.

Мероприятия по ликвидации кулачества стали проводиться и в других районах. 21 января 1930 г. Россошанский окружком партии (ЦЧО) принял постановление, которым предписывалось выслать из пределов округа

⁷⁰ Ф. А. Каревский. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80, стр. 94.

⁷¹ Там же.

⁷² М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР.— «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 17.

⁷³ Там же, стр. 17.

⁷⁴ Б. А. Абрамов, Ф. М. Ваганов, В. А. Голиков. О некоторых вопросах истории первого этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства.— «Вопросы истории КПСС», 1972, № 4, стр. 35.

часть кулацких хозяйств. В число высылаемых должны войти кулаки, бывшие помещики, офицеры, охранники, жандармы, представляющие социальную опасность и замешанные в активной антисоветской деятельности (бандитизм, террор и пр.), а также члены контрреволюционной секты «федоровцев». Внутри округа решено было переселить остальную часть кулаков. В эту категорию входили кулацкие элементы (торговцы, владельцы мельниц, субарендаторы и др.). Для них рекомендовалось отводить неудобные земли из расчета не более одного гектара на душу. В двухнедельный срок всем кулакам должны быть предъявлены иски на погашение всякой задолженности. Имущество кулаков по постановлению сходов и после утверждения райисполкомов предписывалось безвозмездно отбирать для передачи в общественное пользование ⁷⁵.

Вслед за зерновыми районами решения о ликвидации кулачества как класса стали принимать партийные организации национальных и потребляющих районов. Так, 28 января Средазбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление «О задачах Среднеазиатской партийной организации в деле проведения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса» ⁷⁶. «Осуществление задач ликвидации кулачества как класса, — говорилось в постановлении Средазбюро ЦК, — должно происходить на основе величайшей активности и непосредственного участия широких батрацких и бедняцких масс. Оно должно привести к лишению кулацко-байских эксплуататорских элементов земли, орудий и средств производства.

Это движение, неизбежно ускоряющее темп колхозного строительства, вместе с тем должно проходить в таких формах, которые безусловно обеспечивали бы середняцкие хозяйства от перегибов и ошибок в процессе ликвидации кулачества и содействовали бы еще большему усилению массовой тяги середняцких хозяйств в колхозное строительство» ⁷⁷.

Ликвидации подлежали все кулацкие хозяйства, определяемые по признакам индивидуального обложения или

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 184, л. 28.

⁷⁶ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 2384, лл. 16—25; «Правда Востока», 29 января 1930 г.

⁷⁷ «Правда Востока», 29 января 1930 г.

лишения избирательных прав как эксплуататорские хозяйства. У кулаков должны были отбираться: земля, сады, постройки хозяйственные и жилые, рабочий и продуктивный скот, сложный инвентарь, производственные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, фураж и пр. и передаваться в неделимые фонды колхозов.

В отношении кулацких хозяйств, лишенных земельных наделов и средств производства, постановление предусматривало выселение их из районов сплошной коллективизации, причем злостные, активно выступающие против коллективизации кулацкие элементы должны привлекаться к уголовной ответственности. Остальным кулацким хозяйствам предоставлялись земельные наделы в размере трудовой нормы на худших поливных и неорошаемых землях за пределами районов сплошной коллективизации. Для обработки земельных наделов разрешалось оставлять рабочий скот и несложный сельскохозяйственный инвентарь⁷⁸.

Хотя мероприятия, намеченные Средазбюро ЦК ВКП(б), в основе своей были правильными, но в силу того, что в республиках Средней Азии, особенно Таджикистане, Киргизии и Туркмении, массовое колхозное движение еще не развернулось, то принятие постановления о ликвидации кулачества было преждевременным.

Центральный Комитет ВКП(б) в целях пресечения перегибов при проведении ликвидации кулачества как класса 30 января разослал следующую директиву всем партийным организациям: «С мест получают сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании, ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что

⁷⁸ «Правда Востока», 29 января 1930 г.

только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии»⁷⁹.

Категорическое предупреждение против перегибов, которое содержалось в этой директиве и других документах ЦК ВКП(б), имело первостепенное значение, ибо некоторые организации провозглашение политики партии в отношении кулачества восприняли как указание к немедленной его ликвидации, не считаясь ни со специфическими условиями различных районов, ни с уровнем коллективизации. ЦК ВКП(б) своевременно пресекал нарушения директив партии. Так, когда 31 января 1930 г. бюро Московского обкома партии приняло решение о выселении большой группы кулацких семей, то 4 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) отменил это решение, как противоречившее постановлению ЦК от 30 января 1930 г., которым предусматривалось проведение ликвидации кулачества как класса лишь в районах сплошной коллективизации⁸⁰. Тогда же партийным организациям Украины, Белоруссии, Казахстана, Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Сибири, Урала, ЦЧО и Северного края была разослана директива, в которой осуждались торопливость в осуществлении мер против кулачества, завышение установленных ЦК ограничительных контингентов высылаемых кулаков и т. д. ЦК категорически требовал от местных партийных организаций *точного* проведения в жизнь принятого 30 января решения⁸¹.

Эти меры ЦК ВКП(б) имели большое значение, особенно в условиях начавшегося движения бедняцко-средняцких масс крестьянства за ликвидацию кулачества как класса. Раскулачивание из чисто административной меры, осуществлявшейся раньше органами власти, в период массового колхозного движения перерастало в ликвидацию кулачества как класса, которая проводилась самим крестьянством.

Движение за ликвидацию кулачества как класса уже в конце января 1930 г. приняло значительные масштабы на Украине, ЦЧО, Северном Кавказе, Нижней и Средней

⁷⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 63—64.

⁸⁰ «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6, стр. 116.

⁸¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 64.

Волге. Так, 20 января 1930 г. в селе Воскресенки Самарского района Средне-Волжского края состоялось собрание крестьян, которое рассмотрело вопрос о подрывной деятельности кулачества против колхозов. Собрание отмечало, что контрреволюционная деятельность кулачества (угрозы, террористические акты, срыв собраний и т. п.) направлена «против существующей власти и колхозного строительства», что «подрывная работа усиливается и расширяется». В целях пресечения контрреволюционной деятельности кулаков и «укрепления колхозного строительства» собрание батраков, бедняков и актива середняков постановило экспроприировать кулаков, передать их средства производства колхозу, отобрать кулацкие дома и вселить туда бедняков и батраков. Наиболее злостных кулаков было решено выселить за пределы округа⁸².

В селе Ново-Александровка Николаевского округа (Украина) в конце января 1930 г. состоялось многолюдное собрание бедняков и середняков, которое обсудило вопрос о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Пленум сельсовета с участием 300 избирателей постановил ликвидировать 32 хозяйства кулаков, создав общественную комиссию для практического проведения раскулачивания. На следующий день решение общего собрания бедняков и середняков и пленума сельсовета было выполнено. Комиссия с описью имущества кулаков снарядила 30 подвод и в сопровождении бедноты и середняков села Ново-Александровка двинулась на хутор Григорьево-Марьяновка, где жили кулаки. Все движимое имущество кулаков: машины, рабочий скот, инвентарь были переданы колхозу в неделимый фонд. Кроме того, у кулаков было отобрано 400 центнеров ячменя и 350 центнеров пшеницы и картофеля и передано в общественный семенной фонд. Кулакам отвели по 1 га земли на едока в конце севооборота на неудобных участках, обязав их точно соблюдать агроминимум⁸³.

Газета «Правда» 25 января 1930 г. сообщала, что бедняцко-середняцкие массы практически уже приступили к ликвидации кулачества. Беднота и середняки села Селище Почепского района Смоленского округа решили изгнать из своего района кулаков, выступавших против

⁸² Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 95—96.

⁸³ «Сельскохозяйственная газета», 25 января 1930 г.

колхозов. Колхозники артели «Новый пахарь» Смоленского округа потребовали выселения из района всех кулаков.

В Одесском округе раскулачивание охватило все районы. Сотни кулаков были выселены из домов, а все их имущество было передано колхозам. В одном Червоно-Повстанческом районе за три дня было выселено 100 кулаков. В Криворожском округе к концу января было раскулачено свыше 4 тыс. кулацких хозяйств⁸⁴. Началось раскулачивание в Артемовском округе Украины, Майкопском и Донском округах Северного Кавказа, Оренбургском округе Средне-Волжского края и других районах⁸⁵. 25 января 1930 г. корреспонденты «Правды» сообщали из Таганрога (Северный Кавказ): районные конференции хлеборобов в Батайске и Куцевке вынесли решение о необходимости немедленного выселения кулаков из района. Конференции требуют изъять у кулаков скот, инвентарь, усадьбы и прочее⁸⁶. Аналогичные постановления выносили крестьяне и других селений Северного Кавказа⁸⁷.

Наряду с зерновыми районами ликвидация кулачества развернулась в национальных и потребляющих районах. 25 января 1930 г. «Сельскохозяйственная газета» сообщила, что в Татарии (Арканский кантон) началась ликвидация кулачества, активное участие в которой принимала беднота. В докладной записке Ачадовского РК ВКП(б) в Мордовский областной комитет партии 26 января 1930 г. сообщалось: «Сегодня первый день проводится в массовом масштабе ликвидации кулацких хозяйств. Всего выселено из домов... 30 хозяйств. Положение в части настроения вполне устойчивое. Ликвидация проходила при полной поддержке бедноты и батрачества...»⁸⁸

Энергично развертывалась ликвидация кулачества как класса в Тверском округе Центрально-Промышленного района. В Токмачевском районе, например, к концу янва-

⁸⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 283, л. 13; «Правда», 24 января 1930 г.

⁸⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 283, лл. 13—14.

⁸⁶ «Правда», 26 января 1930 г.

⁸⁷ Там же, 29 января 1930 г.

⁸⁸ Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 23, л. 12.

ря у кулаков были отобраны инвентарь, скот, корма и постройки; у мельников отобраны мельницы, у торговцев — все их имущество. В Спиоровском районе все кулаки были высланы из района, а их имущество конфисковано. В Лихославльском округе колхозники произвели опись всего кулацкого имущества с тем, чтобы предупредить его распродажу кулаками. Раскулачивание охватило также и ряд районов Минского и Могилевского округов Белоруссии, многие районы Сибири, Урала, Кавказа и т. д.⁸⁹

Все это говорило о том, что раскулачивание развернулось уже в январе 1930 г., что оно охватило многие районы и превратилось в массовое движение трудящегося крестьянства за ликвидацию кулачества как класса.

«Мощная антикулацкая лавина сметала на своем пути кулачество. Сотни тысяч бедняков и батраков активно включались в последний, решительный бой с кулачеством, отбирали нажитое на эксплуатации трудового крестьянства имущество, изгоняли кулаков из сел и деревень, станции и хуторов.

Трудно было в разгар массового колхозного движения сдержать стихийное возмущение крестьянства против эксплуататоров. Новизна дела, увлечение некоторых местных работников административными методами борьбы с кулачеством — все это сказывалось на действиях местных организаций. Не случайно секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области И. М. Варейкис в докладной записке в ЦК ВКП(б) «О ходе коллективизации в ЦЧО и о мероприятиях по ликвидации кулачества» в феврале 1930 г. писал, что в практике колхозного строительства возникает масса новых вопросов, которые решаются на месте «на собственный страх и риск»⁹⁰.

В Центрально-Черноземной области раскулачивание в массовом масштабе началась сразу же после январьского пленума обкома ВКП(б) (26—27 января 1930 г.), который принял решение «развернуть во всем объеме наступление против капиталистических слоев в деревне и перейти к ликвидации кулачества как класса»⁹¹. К 25 фев-

⁸⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 283, лл. 13—14.

⁹⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, лл. 104—103.

⁹¹ «Очерки истории Воронежской организации КПСС». Воронеж, 1967, стр. 286.

раля в области было раскулачено 53,6 тыс. хозяйств⁹². Эта кампания проходила в обстановке высокого политического подъема. Секретарь обкома партии ЦЧО И. М. Варейкис в феврале 1930 г. сообщал в ЦК ВКП(б): «Раскулачивание проходит при активном участии бедноты, а в ряде районов и середняка. Беднота большими группами ходит вместе с комиссиями по кулацким дворам, отбирает имущество. По ночам, по своей инициативе сторожат на дорогах при выездах из селений, с целью задержания убегающих кулаков; на общих собраниях выносятся решения, требующие немедленного выселения из области особо злостных кулаков»⁹³.

О масштабах массово-политической работы, развернутой партийной организацией области, свидетельствуют данные по Острогожскому округу, где за период с февраля до середины мая 1930 г. было проведено около 2000 собраний бедноты, 1375 общих собраний крестьян, 651 собрание женщин, 196 собраний молодежи, 637 пленумов сельсоветов. В раскулачивании приняли участие 3208 членов рабочих бригад, 4493 бедняка, 1298 середняков и т. д.⁹⁴

Такой же процесс происходил и в других районах страны. На Северном Кавказе особенно широко развернулась кампания по ликвидации кулачества как класса после принятия постановлений президиума краевого исполнительного комитета от 3 и 10 февраля 1930 г.⁹⁵

Так, в станице Славянской Кубанского округа Северо-Кавказского края в середине февраля состоялась демонстрация бедняцко-батрацкой и середняцкой молодежи, в которой приняли участие около 1,5 тыс. человек. Проходившие в феврале районные конференции по сплошной коллективизации в Донском округе (Кашарский, Тарасовский, Миллеровский районы) потребовали лишить кулаков земельных наделов, выселить их из края. При обсуждении вопроса о раскулачивании на пленуме Терновского сельсовета Миллеровского района присутствовали красные партизаны, сельский актив, бедняки и серед-

⁹² В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 29.

⁹³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, лл. 113—112.

⁹⁴ «Очерки истории Воронежской организации КПСС», стр. 287.

⁹⁵ «Сборник материалов по вопросам сплошной коллективизации сельского хозяйства Северо-Кавказского края». Ростов-на-Дону, 1930, стр. 109—112.

няки. Пленум сельсовета решил кулацкое имущество конфисковать и передать его колхозам. В целях пресечения бегства кулаков из районов сплошной коллективизации в города и промышленные центры и не допущения раскулачивания ими своего имущества бедняцко-батрацкая часть крестьянства потребовала от местных властей запретить переселение, а хозяйства бежавших конфисковать⁹⁶.

К началу марта 1930 г. из районов Кубани и Черноморья была выселена большая группа кулацких хозяйств. В Донском округе Северо-Кавказского края было ликвидировано около 6 тыс. кулацких хозяйств, в том числе выселено за пределы края 1600 семей. Активное участие в проведении ликвидации кулачества принимали бедняцко-батрацкие массы. В том же Донском округе, например, в раскулачивании участвовало до 2,5 тыс. батраков⁹⁷. Всего на Северном Кавказе к августу 1930 г. было экспроприровано около 40 тыс. кулаков⁹⁸.

Широким фронтом развертывалась экспроприация кулачества в Средне-Волжском крае. 8 февраля 1930 г. крайисполком принял постановление «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по ликвидации кулачества как класса»⁹⁹. В отличие от ранее принятых ошибочных решений было установлено, что количество кулацких хозяйств, подлежащих выселению из края, не должно превышать 6 тыс. (против 15 тыс., намеченных предыдущими решениями). Причем выселение кулацких хозяйств предполагалось провести в течение трех месяцев (февраль — апрель), а не до 10 марта, как это было установлено ранее. В постановлении были определены условия конфискации кулацкого имущества и порядок расселения раскулаченных хозяйств, остающихся в пределах края.

К середине февраля в Средне-Волжском крае было раскулачено около 25 тыс. хозяйств, что составляло поло-

⁹⁶ Государственный архив Ростовской области, ф. р-1798, оп. 1, д. 752, лл. 3—4.

⁹⁷ «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 234; ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 12, д. 177, л. 152.

⁹⁸ М. Л. Богденко. К истории начального этапа сплошной коллективизации. — «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 34.

⁹⁹ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 94.

вину всех кулацких хозяйств края. Из деревни было изъято к тому времени 5 тыс. активных контрреволюционеров-кулаков, отнесенных к первой категории, и проведена подготовка к выселению 6 тыс. кулацких хозяйств второй категории¹⁰⁰.

13 февраля 1930 г. бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ходе проведения мер по ликвидации кулачества по краю»¹⁰¹. В постановлении крайкома подводились первые итоги раскулачивания. «Все мероприятия по ликвидации кулачества получили широкую поддержку бедняков, батраков и значительной части середняков»¹⁰², — отмечалось в постановлении. Крайком партии предложил окружным и районным организациям «без всякой торопливости продолжать во всех районах и селах сплошной коллективизации дальнейшие выявления действительно кулацких хозяйств, подлежащих раскулачиванию...»¹⁰³ В целях исправления перегибов, допущенных при раскулачивании, крайком предписывал реабилитировать всех раскулаченных середняков, вернуть их имущество и восстановить в избирательных правах; работников, допустивших грубые перегибы, привлечь к ответственности.

Краевому штабу предлагалось в пятидневный срок разработать и представить на утверждение бюро основные мероприятия по расселению кулацких хозяйств третьей категории с тем, чтобы они в предстоящую весенне-посевную кампанию могли засеять отведенные им участки. Крайком ВКП(б) предложил всем окружкам дать указания на места о выделении из переданных колхозам орудий производства необходимого количества для хозяйственного устройства расселяемых.

В Нижне-Волжском крае ликвидация кулачества как класса также начала проводиться с января 1930 г. И хотя в целом для этого края она еще не была массовым явлением, тем не менее в ряде районов она основательно подорвала кулачество. Так, в Баландинском районе Аткарского округа в течение последних месяцев 1929 г. и ян-

¹⁰⁰ Там же, стр. 97; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2512, лл. 51, 54.

¹⁰¹ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 97; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2512, лл. 51—54.

¹⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2512, лл. 51—52.

¹⁰³ Там же, л. 52.

варя 1930 г. было фактически раскулачено не менее 40% кулацких хозяйств¹⁰⁴.

После принятия постановлений ЦК ВКП(б) от 30 января и ЦИК и СНК СССР от 1 февраля ликвидация кулацких хозяйств в Нижне-Волжском крае приняла массовый характер. Постановления партии и Советской власти отвечали насущным потребностям колхозного строительства и чаяниям огромного большинства крестьянского населения. Именно поэтому они нашли живейший отклик и поддержку широких масс крестьянства. В Вязовском районе Аткарского округа участники собрания бедноты заявили: «Мы не построим наших колхозов, пока рядом с нами будут жить наши классовые враги. Мало раскулачить кулаков и отобрать добро, созданное нашими руками, их надо выселить за пределы края»¹⁰⁵.

Мероприятия по ликвидации кулачества как класса стали делом всего трудящегося крестьянства. При проведении этих мероприятий осуществлялся дифференцированный подход к кулакам. В отличие от большинства других районов в Нижне-Волжском крае кулацкие хозяйства были разделены на четыре (а не три) категории. О соотношении удельного веса различных категорий кулацких хозяйств можно судить по данным Вольского округа. Из 5090 кулацких хозяйств округа к первой категории было отнесено 400 хозяйств, ко второй — 990 (а фактически выселено за пределы края только 320), к третьей (расселялись внутри округа) — 200, и к четвертой (оставлялись на местах) — 3500 хозяйств¹⁰⁶.

Как видим, основная масса кулацких хозяйств была отнесена к третьей и четвертой категориям (более 80%). В целом по краю удельный вес третьей и четвертой категорий в общем количестве раскулачиваемых хозяйств был еще более значительным. По неполным данным, к маю 1930 г. было раскулачено 39 494 кулацких хозяйства, т. е. примерно 2,5% крестьянских хозяйств края. За пределы края было выслано 2675 кулацких хозяйств¹⁰⁷.

Таким образом, зимой и весной 1930 г. в Нижне-Волж-

¹⁰⁴ В. К. Медведев. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае.— «История СССР», 1958, № 6, стр. 18.

¹⁰⁵ «Знамя коммуны» (г. Аткарск), 9 февраля 1930 г.

¹⁰⁶ В. К. Медведев. Указ. соч., стр. 24.

¹⁰⁷ Там же, стр. 25—26.

ском крае кулачеству был нанесен сокрушительный удар, от которого оно уже не могло оправиться.

Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса развертывались и на Украине. В конце января 1930 г. ЦК КП(б) Украины принял постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Тогда же ЦК ВКП(б)У разослал всем окружкам и райкомам партии специальное письмо, в котором рекомендовались практические меры по проведению сплошной коллективизации и ликвидации кулачества¹⁰⁸. ЦК КП(б) Украины призвал сельские партийные организации возглавить движение беднячко-средняцких масс. «Мы не только не должны сдерживать широкое массовое движение бедноты, середняков и батраков, особенно в районах сплошной коллективизации,— говорил секретарь ЦК КП(б)У С. В. Кошиор,— но и сами обязаны организовать это движение, помочь ему нанести действительный уничтожающий удар политическому влиянию, а главное, экономической возможности кулацкого слоя села»¹⁰⁹.

После письма ЦК КП(б)У окружкомы и райкомы партии послали в села большую группу коммунистов для разъяснения крестьянам новой политики партии в отношении кулачества и оказания помощи в проведении раскулачивания. В эту работу активно включились комсомольцы, колхозники, батраки, сельский актив, комитеты незаможных селян, которые в начале 1930 г. объединяли около 1600 тыс. членов. По их инициативе в январе — феврале 1930 г. было создано 7762 группы содействия коллективизации и ликвидации кулачества как класса. К 10 марта 1930 г. по 309 районам Украины было раскулачено 61 887 хозяйств, т. е. 2,5% общего числа крестьянских хозяйств. У кулаков было отобрано 586 392 га земли и конфисковано имущества на сумму свыше 40 млн. рублей¹¹⁰.

В Сибири и на Урале массовая экспроприация кулацких хозяйств проводилась в феврале — марте 1930 г., хотя начало практического осуществления политики ликвидации кулачества как класса относится к январю 1930 г.,

¹⁰⁸ *И. Ф. Ганжа, И. И. Слинко, П. В. Шостак.* Указ. соч., стр. 179.

¹⁰⁹ «Коммунист» (Орган ЦК КП(б)У), 28 января 1930 г.

¹¹⁰ *И. Ф. Ганжа, И. И. Слинко, П. В. Шостак.* Указ. соч., стр. 183.

а в Краснополянском районе Урала даже к концу декабря 1929 г.¹¹¹ 21 января 1930 г. бюро Уралобкома ВКП(б) на основании телеграммы секретаря обкома И. Д. Кабакова¹¹² «О мероприятиях по борьбе с кулаками» приняло постановление, в котором давались рекомендации по ликвидации кулачества как класса¹¹³. Более подробные указания о порядке ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации Уральский обком партии дал в постановлении от 5 февраля 1930 г. «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией». Обком наметил три категории кулацких хозяйств, подлежащих раскулачиванию; количество кулацких хозяйств каждой категории устанавливалось на основании фактического их числа в округах. К первой категории было отнесено около 5 тыс., ко второй — до 15 тыс. кулацких хозяйств, т. е. всего примерно 1,5% общего числа крестьянских хозяйств области¹¹⁴. В отличие от других зерновых районов Европейской части СССР на Урале вторая категория не выселялась за пределы края, а расселялась в малонаселенных и необжитых районах северных округов области.

На основании этих указаний партийные, советские, профсоюзные и колхозно-кооперативные организации области провели большую массово-политическую и организационную работу среди крестьянства. Особенно активно включились в эту работу местные организации Челябинского округа, где в течение двух недель с 29 января до 10 февраля 1930 г. было проведено 777 общих собраний крестьян, в которых приняло участие 48364 человека. Наряду с этим состоялось 362 собрания колхозников, на которых присутствовало 40935 человек¹¹⁵. На собра-

¹¹¹ Н. В. Ефременков. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 годах.— «Ученые записки Уральского государственного университета имени А. М. Горького». Свердловск, 1966, № 41, стр. 120.

¹¹² И. Д. Кабаков в это время находился в Москве, где принимал участие в работе комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по выработке мер по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

¹¹³ Н. В. Ефременков. Указ. соч., стр. 120.

¹¹⁴ Партийный архив Челябинского обкома КПСС, ф. 75, оп. 75—1, д. 641, л. 46.

¹¹⁵ Партийный архив Свердловского филиала ИМЛ, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 43.

ниях обсуждались вопросы коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Трудящиеся массы крестьянства с энтузиазмом встретили решение о переходе к ликвидации кулачества. Челябинский окружком ВКП(б) 12 февраля 1930 г. сообщал в Уральский обком партии: «Бедняцко-батрацкие массы, середняки и колхозники по вопросу ликвидации кулачества как класса проявляют большую активность и встречают это мероприятие с большим подъемом и организовано выступают против кулачества»¹¹⁶.

Организовано проходила работа по ликвидации кулачества в Свердловском, Ирбитском, Тюменском и других округах области. К июню 1930 г. на Урале было раскулачено около 30 тыс. кулацких хозяйств (2,6% всех хозяйств области), их имущество конфисковано и передано в неделимые фонды колхозов¹¹⁷.

В Сибири ликвидация кулацких хозяйств осуществлялась на основании постановлений бюро крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и о ликвидации кулачества как класса» и президиума Сибирского крайисполкома от 12 февраля 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса в связи с проводимой сплошной коллективизацией»¹¹⁸. Учитывая сложность задачи, требующей проявления максимальной организованности, бюро Сибирского крайкома решило мобилизовать в помощь деревне не менее 6 тыс. городских коммунистов, а также послать рабочие бригады.

Экспроприация кулачества должна была проводиться в округах, районах и селах сплошной коллективизации в соответствии с темпами колхозного строительства. Раскулачиванию подлежали все кулацкие хозяйства данного села или района, перешедшего к сплошной коллективизации (но не свыше 4—5% всех хозяйств). При отнесении хозяйств к кулацким рекомендовалось руководствоваться данными списков налоговых комиссий на 1929/30 год, которые, однако, подлежали тщательной проверке с тем, чтобы в число раскулачиваемых не попали середняки.

¹¹⁶ Там же, л. 42.

¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 108, д. 351, л. 19.

¹¹⁸ Н. Я. Гущин. Ликвидация кулачества как в сибирской деревне.— «Социальная структура населения Сибири». Новосибирск, 1970, стр. 128—129.

Согласно решениям местных органов власти Сибири о сельскохозяйственном налоге к кулацким хозяйствам относились хозяйства:

а) систематически применявшие наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарном промысле и на предприятиях;

б) имевшие мельницы, маслобойни, крупорушки, волокночесалки, сыроваренные, колбасные, кожевенные, овчинно-шубные и другие промышленные заведения, а также механические двигатели или предприятия с другими двигателями, дающие более 150 руб. дохода в год при обязательном условии применения наемного труда;

в) систематически сдающие в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями или производящие работы этими машинами в других хозяйствах, а также сдающие в наем другие сельхозмашины (конная полусложная молотилка, сноповязалка, жатка и пр.), если доход от них превышает 150 руб. в год;

г) систематически сдающие в наем постройки, оборудованные под жилье или предприятие, доход от которых (построек) составляет в сельских местностях — более 150 руб., а в городах — более 200 руб. в год;

д) арендующие земли на кабальных для сдатчика условиях или с целью торговой и промышленной эксплуатации садов и огородов;

е) занимающиеся торговлей, ростовщичеством, скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции и скота;

ж) содержащие постоянные дворы с доходом свыше 200 руб. в год;

з) эксплуатирующие батраков, бедняков и середняков путем раздачи им денег, семян, продуктов, кормов, товаров и т. п. под отработку, независимо от количества отработанных дней;

и) применяющие наемный труд при занятии извозом или ямщиной;

к) применяющие скрытые формы эксплуатации под видом «помощи», а также хозяйства, имеющие другие нетрудовые доходы¹¹⁹.

Однако не все хозяйства, имевшие признаки кулацких хозяйств, относились к кулацким. Так, например, соглас-

¹¹⁹ И. С. Степичев. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне. Иркутск, 1966, стр. 468—469.

но положению о сельскохозяйственном налоге, не относились к числу кулацких крестьянские хозяйства, прибегавшие к найму рабочей силы в виду особых обстоятельств (болезни, призыва, а также во время страдной поры) на срок до 40 человеко-дней. Не признавались кулацкими и хозяйства кустарей и ремесленников, использовавшие наемный труд в связи с особой спецификой условий их производства, а также хозяйства, использовавшие свои сельхозмашины по договорам, заключенным с сельсоветами и райисполкомами по таксе, установленной райисполкомом¹²⁰.

Решения партийных и советских организаций устанавливали, таким образом, признаки кулацких хозяйств, подлежащих экспроприации. В Сибири, как и в стране в целом, соблюдался дифференцированный подход к разным группам кулацких хозяйств. Вторая категория здесь, как и на Урале, выселялась не за пределы края, а за пределы округа (в отдаленные и малообжитые северные районы края). Что касается кулацких хозяйств третьей категории, то они расселялись в данном районе на новых участках, отводимых им за пределами колхозных земель. В этой связи вряд ли можно согласиться с утверждением И. С. Степичева о том, что в Сибири, «в отличие от других районов страны, в связи с наиболее обостренным характером классовой борьбы выселялись кулаки и третьей категории»¹²¹.

Если и имели место случаи выселения кулаков третьей категории, то это объяснялось не особенностями классовой борьбы в Сибири, а тем, что местные организации нарушили директивы партии и краевых организаций.

К апрелю 1930 г. в Сибирском крае, по данным крайкома ВКП(б), было раскулачено около 46 тыс. кулацких хозяйств¹²². По другим сведениям, количество раскулаченных хозяйств в Сибири составляло 51,9 тыс.¹²³ и даже 59 тыс.¹²⁴ Разной в цифрах объясняется несовершенством учета, а также тем, что процесс ликвидации кулацких хозяйств ко времени составления сведений

¹²⁰ Там же, стр. 469.

¹²¹ И. С. Степичев. Указ. соч., стр. 469—470.

¹²² Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 3468, лл. 56—57.

¹²³ М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 34.

¹²⁴ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 29.

не был еще закончен, в связи с чем в источниках содержатся различные данные. Иногда местные организации в число раскулаченных в процессе сплошной коллективизации включали кулацкие хозяйства, ликвидированные в ходе хлебозаготовок или самоликвидировавшиеся. Так, например, по 17 округам Сибири с конца 1929 до лета 1930 г. было раскулачено более 59 тыс. кулацких хозяйств. Между тем в это число вошли 14,7 тыс. кулацких хозяйств, ликвидированных по пятикратному обложению и 4 тыс. самоликвидировавшихся хозяйств¹²⁵.

Что же касается количества экспроприированных кулацких хозяйств, отнесенных к первой категории, то здесь источники называют одну цифру — 9 тыс. Это и понятно, так как ликвидация кулацких хозяйств первой категории была завершена еще в феврале, поэтому к апрелю 1930 г. были известны ее результаты.

Ко второй категории было отнесено 30 тыс. кулацких хозяйств. Фактически к апрелю 1930 г. было раскулачено около 19 тыс. кулацких хозяйств второй категории, а выселено в северные районы края примерно 15,3 тыс. семей¹²⁶.

В Восточной Сибири в результате осуществления мероприятий по ликвидации кулачества как класса раскулачено и выселено 6869 кулацких хозяйств, что составляло 1,5% от общего числа всех крестьянских хозяйств и 1/3 часть кулацких хозяйств Восточной Сибири¹²⁷.

Таким образом, подавляющее большинство кулаков, отнесенных к третьей категории, составлявшей не менее 2/3 кулацких хозяйств Сибири, в 1930 г. расселялось в данном районе за пределами колхозных земель.

Практическое осуществление политики ликвидации кулачества как класса началось и в районах сплошной коллективизации потребляющей полосы и национальных областей и республик. В январе 1930 г. в Белоруссии было принято постановление, которым определялся порядок ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. В январе — феврале 1930 г. на основе общесоюзных постановлений в Белоруссии также были приня-

¹²⁵ Н. Я. Гуцин. Указ. соч., стр. 130.

¹²⁶ Государственный архив Новосибирской области, ф. 47, оп. 1, д. 502, л. 214; В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 29.

¹²⁷ И. С. Степичев. Указ. соч., стр. 479.

ты решения о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Был определен порядок ликвидации кулацких хозяйств и установлено общее количество раскулачиваемых хозяйств (не более 3—3,5%). Выселению из районов сплошной коллективизации подлежали кулацкие хозяйства первой и второй категорий.

Из пограничных районов Белоруссии выселялись все кулацкие хозяйства, причем кулаки третьей категории переселялись в восточные районы республики. Эта мера диктовалась напряженной политической обстановкой на советско-польской границе в конце 1929 — начале 1930 г. Многие кулацкие группировки и организации пограничных районов Белоруссии были связаны с контрреволюционными буржуазно-националистическими центрами в панской Польше и с польской разведкой¹²⁸.

Одновременно с раскулачиванием кулаков в ряде мест Белоруссии и в других районах страны стала проводиться ликвидация городской буржуазии, что являлось серьезной ошибкой¹²⁹. Для этого не было никаких оснований, ибо городская буржуазия, нэпманы к началу сплошной коллективизации были лишены в основном производственной базы и поэтому не имели серьезного веса в хозяйственной жизни страны. Конечно, переход к политике ликвидации кулачества как класса сказывался и на положении городской буржуазии — сфера ее действия сужалась, а экономические санкции Советской власти вели к постепенному ее вытеснению и ликвидации. Но это уже было следствием косвенного воздействия политики ликвидации кулачества как класса на нэпманские элементы города.

Ликвидация кулачества как класса проводилась и в других национальных и потребляющих районах СССР. В Казахстане, например, в 60 зерновых и хлопководческих районах к концу января 1930 г. было ликвидировано 3123 кулацко-байских хозяйств¹³⁰. 2 февраля 1930 г.

¹²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 380, лл. 22—64.

¹²⁹ «История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.)». Тбилиси, 1970, стр. 271.

¹³⁰ А. Б. Турсунбаев. Торжество колхозного строя в Казахстане. — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», стр. 278.

бюро Западного обкома ВКП(б) вынесло постановление о ликвидации кулачества как класса; 5 февраля аналогичные решения были приняты Северным крайкомом и Уральским обкомом партии; 1 февраля — ЦК КП(б) Туркмении и т. д.¹³¹

Постановление бюро Северного крайкома ВКП(б) от 5 февраля предусматривало не только принудительное выселение, но и добровольное переселение отдельных кулацких хозяйств в северные районы при условии оставления им минимально необходимого инвентаря и средств для ведения хозяйства¹³².

Такое указание содержится только в решении Северного крайкома, в постановлениях других крайкомов (обкомов) этого нет.

19 марта 1930 г. бюро Северного крайкома ВКП(б) приняло постановление о раскулачивании и выселении кулацких семейств второй категории и утвердило специальную инструкцию по этому вопросу. В постановлении говорилось, что раскулачивание и выселение кулацких семей второй категории должно начаться в Вологодском и Няндомском округах с 30 марта, в остальных округах и Коми области не раньше 5—10 апреля¹³³. Выселение кулацких семей разрешалось производить только из районов сплошной коллективизации, утвержденных III пленумом крайкома партии (январь 1930 г.), при условии, что в этих районах имеются колхозы, способные принять и производственно использовать конфискованные у кулаков орудия производства, скот, землю и т. п. Раскулачивание и выселение кулацких семей из остальных районов края можно было производить при наличии указанных выше предпосылок и с разрешения в каждом отдельном случае крайкома ВКП(б).

Инструкция крайкома ВКП(б) определяла порядок ликвидации кулацких хозяйств. В ней указывалось, что «раскулачиванию и выселению из района — округа подлежат кулацкие хозяйства, эксплуатирующие наемный

¹³¹ «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)», стр. 246—250; «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 272—277; *М. Л. Богденко*. Указ. соч., стр. 33.

¹³² «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе...», стр. 273.

¹³³ Там же, стр. 680; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 192, л. 93.

труд, занимающиеся торговлей, спекуляцией и ростовщичеством или приобретающие средства к существованию иными нетрудовыми путями, а также бывшие помещики и крупные землевладельцы»¹³⁴.

Особенно важное значение имел содержащийся в инструкции перечень хозяйств, не подлежащих раскулачиванию и выселению. К таким хозяйствам относились: а) середняцкие хозяйства, хотя бы временно применяющие наемный труд, но которые в основном являются трудовыми хозяйствами; б) хозяйства крестьян, лишенных избирательных прав, но по своей экономической мощности и производственным признакам не относящиеся к кулацким; в) трудовые хозяйства сельской интеллигенции (учителя, медперсонал, земельные работники и т. п.); г) хозяйства крестьян, члены семей которых работают на фабриках и заводах в качестве постоянных рабочих; д) хозяйства, хотя бы и кулацкие, но члены которых служат в Красной Армии; е) хозяйства бывших партизан, красноармейцев и командного состава — участников гражданской войны, имеющих заслуги перед революцией или получивших ранения на фронте; ж) хозяйства середняков и бедняков, выступающих против коллективизации, и относимых местными советскими и партийными органами к разряду подкулачников¹³⁵.

Инструкцией запрещались всякие замаскированные, скрытые формы раскулачивания середняцких хозяйств (увеличение сельхозналога, лишение избирательных прав и конфискация имущества и пр.). Во всех сомнительных случаях, не предусмотренных инструкцией, раскулачивание запрещалось, а материалы должны были направляться для разрешения спорных вопросов в окружные исполкомы Советов.

Таким образом, постановление бюро Северного крайкома ВКП(б) от 19 марта 1930 г. и утвержденная крайкомом инструкция предостерегали местных работников от спешки в проведении мероприятий по ликвидации кулачества как класса и от распространения этих мероприятий на середняцкие хозяйства.

В районах сплошной коллективизации Средней Азии, по данным записки секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б)

¹³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 192, л. 95.

¹³⁵ Там же.

И. А. Зеленского, к апрелю 1930 г. было ликвидировано 558 кулацко-байских хозяйств, в том числе 354 хозяйства первой категории. Это значит, что весной 1930 г. раскулачивание коснулось только наиболее контрреволюционной и опасной части кулачества¹³⁶. В дальнейшем ликвидация кулачества как класса в Средней Азии должна была осуществляться по мере развертывания колхозного движения. В Таджикистане в основном проводилась политика ограничения и вытеснения байско-кулацких хозяйств и только в Аральском районе, где проводилась сплошная коллективизация, земли и усадьбы баев отчуждались и передавались колхозам, причем за отчуждаемую землю байы получали компенсацию в размере 4 га земли на хозяйство за пределами колхозов. Наиболее крупные байские хозяйства помещичьего типа земли не получали, а их владельцы выселялись за пределы района. В остальных районах (за исключением Горно-Бадахшанской автономной области) байские хозяйства выводились за черту колхоза и им предоставлялись новые участки земли, но не свыше 6—8 га.

В феврале 1930 г. в Грузии были приняты решения о ликвидации кулачества как класса и выселении кулаков из районов сплошной коллективизации. «В районах, не охваченных сплошной коллективизацией,— говорилось в постановлении ЦК КП(б) Грузии,— пленум ЦК ставит перед парторганизациями задачу решительного проведения политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества и всемерного усиления подготовительной работы (организация бедноты и батрачества, укрепления существующих колхозов, усиление производственной работы кооперации и т. д.) в целях перевода этих районов на сплошную коллективизацию в ближайшее время»¹³⁷.

Таким образом, зимой—весной 1930 г. ликвидация кулачества как класса приняла массовый характер, распространившись не только на зерновые, но и иотребляющие районы страны.

¹³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3257, лл. 92—87.

¹³⁷ «История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.)», стр. 271.

* * *

По мере развертывания сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса стало проводиться выселение кулацких семей первой и второй категорий. В первую очередь выселялись кулаки из зерновых районов (Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга, ЦЧО, Украина).

Серьезную помощь местным организациям в практическом осуществлении мероприятий по ликвидации кулачества как класса оказали партийные работники промышленных центров. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. в районы сплошной коллективизации не позднее 20 февраля посылались сроком на 4 месяца 2500 опытных партработников. В течение 5—7 дней было мобилизовано свыше 2600 человек, главным образом из Москвы, Ленинграда, Украины, Урала. Мобилизованные направлялись в зерновые районы страны, на Северный Кавказ, например, было послано 450 человек, Нижнюю Волгу — 350, Среднюю Волгу — 300, Украину — 550, в Сибирь — 300, Казахстан — 200, ЦЧО — 225 человек и т. д. Они являлись в основном работниками союзного, краевого, областного и окружного масштаба, около 80% их имели партийный стаж с 1919—1920 гг., т. е. это были коммунисты, прошедшие гражданскую войну и принимавшие активное участие в социалистическом строительстве. Поскольку они стали прибывать в районы сплошной коллективизации в конце февраля, когда, с одной стороны, были достигнуты громадные успехи в колхозном строительстве, а с другой — стали обнаруживаться и серьезные ошибки и искривления партийной линии, то им, естественно, пришлось уделять большое внимание исправлению ошибок и перегибов в коллективизации, а также подготовке и организации первого колхозного сева.

В числе ошибок, допущенных на местах, были нарушения принципа добровольности в колхозном строительстве и отступления от принципа классового подхода в отношении к различным слоям крестьянства, и прежде всего к середнякам. «В ряде районов,— констатировалось в постановлении ЦК от 14 марта 1930 г.— добровольность заменяется *принуждением* к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательных прав и т. п. В результате в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент «раскулаченных»

доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15—20. Наблюдаются факты исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением со стороны некоторых низовых работников, являющихся иногда жертвой провокации со стороны примазавшихся контрреволюционных элементов (мародерство, дележка имущества, арест середняков и даже бедняков и т. п.)»¹³⁸.

В Центрально-Черноземной области, особенно в Орловском, Козловском, Тамбовском и Острогожском округах, имели место случаи грубого нарушения директив партии и правительства о раскулачивании. В Острогожском округе, в слободе Ливенка, было раскулачено 9% всех хозяйств¹³⁹. В ряде районов оказались превышенными и ограничительные контингенты кулаков первой и второй категорий. В Сибири, например, к кулакам первой категории было отнесено 9 тыс. хозяйств, в то время как постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января был установлен ограничительный контингент не более 5—6 тыс. хозяйств; в Средне-Волжском крае — 5 тыс. вместо 3—4 тыс.¹⁴⁰

Нарушались указания партии о том, что при экспроприации кулацких хозяйств необходимо оставлять минимум средств производства для хозяйственного устройства в новых местах поселения. Нередко у кулаков отбирались не только все средства и орудия производства, но и предметы домашнего обихода и продовольствие.

Чем же объяснить, что, несмотря на неоднократные предупреждения ЦК ВКП(б), при раскулачивании в первый период были допущены серьезные ошибки?

Объясняется это, во-первых, тем, что в ряде случаев местные работники превращали раскулачивание в основной метод ускорения темпов колхозного строительства. Поэтому иногда ликвидация кулачества являлась не результатом сплошной коллективизации, а ее причиной.

Объясняется это, во-вторых, тем, что бедняцко-батрацкие массы, заинтересованные в экспроприации кулачества, стремились расширить круг хозяйств, подлежащих раскулачиванию, ибо конфискованное у кулака имущество

¹³⁸ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 395.

¹³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 158, оп. 15, д. 691, лл. 47—37.

¹⁴⁰ Госархив Новосибирской области, ф. 47, оп. 1, д. 502; л. 214; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, л. 48; Ф. А. Каревский. Указ соч., стр. 96—97 и др.

передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. К тому же часть кулацкого имущества в нарушение директив партии распределялась среди батраков и бедняков. Это значит, что последние и лично были заинтересованы в возможно большем числе раскулаченных. Вот почему М. И. Калинин весной 1930 г. говорил, что «органам власти в 95 случаях из ста приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль»¹⁴¹.

Сказывались здесь, в-третьих, также нечеткие, а иногда и неправильные установки периодической печати, призывавшей к скорейшему раскулачиванию.

Центральный Комитет ВКП(б) и до постановления от 14 марта неоднократно указывал на недопустимость нарушения директив партии в колхозном строительстве. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. 30 января 1930 г., как уже отмечалось, ЦК ВКП(б) направил всем парторганизациям телеграмму, запрещающую раскулачивание вне связи с коллективизацией. 10 февраля был опубликован «Ответ товарищам свердловцам» И. В. Сталина, в котором говорилось, что основным методом осуществления ликвидации кулачества как класса является массовая коллективизация; «все остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу»¹⁴². Далее отмечалось, что хотя с переходом к политике ликвидации кулачества как класса этот последний лозунг стал главным лозунгом, тем не менее в районах без сплошной коллективизации остается лозунг ограничения кулачества, как подсобный, вспомогательный лозунг по отношению к главному лозунгу. Он должен подготовить переход к ликвидации кулачества как класса и в районах несплошной коллективизации¹⁴³.

Несмотря на нечеткость отдельных формулировок (о главном и подсобном лозунгах), в «Ответе товарищам свердловцам» определенно указывалось, что раскулачивание должно проводиться на базе сплошной коллективизации.

¹⁴¹ М. И. Калинин. На путях сплошной коллективизации. Воронеж, 1930, стр. 13.

¹⁴² «Правда», 10 февраля 1930 г.

¹⁴³ Там же.

На недопустимость раскулачивания вне связи с коллективизацией указывалось и в постановлениях ЦК ВКП(б) от 20 февраля и 10 марта 1930 г. и др.¹⁴⁴ Чтобы решительно положить конец перегибам в колхозном строительстве и в проведении ликвидации кулачества как класса, ЦК ВКП(б) в постановлении «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» наряду с другими мерами предлагал проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и «немедля *исправить допущенные в этой области ошибки* в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)»¹⁴⁵. ЦК разрешал принимать в колхозы в порядке исключения членов тех кулацких хозяйств, в составе которых имелись преданные Советской власти красные партизаны, учителя, красноармейцы, при условии их поручительства за членов своей семьи.

В связи с наступлением весенне-полевых работ ЦК ВКП(б) считал важнейшей задачей всех партийных организаций обеспечение успешного проведения весеннего сева как в колхозах, так и в единоличных хозяйствах. В качестве временной меры в отдельных областях на период сева прекращалось расселение кулацких хозяйств третьей категории и их оставляли в данном селе, но с тем, чтобы они не принимались в колхозы, а пользовались специально отведенной им землей.

По предложению М. И. Калинина, 9 апреля 1930 г. была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе с С. А. Бергвиновым для проверки состава высланных в Северный край РСФСР кулаков и их семей. Для рассмотрения жалоб на неправильное раскулачивание и высылку на местах создавались временные комиссии (Урал, Сибирь, Казахстан, Северный и Дальневосточный края и др.). К концу апреля комиссия ЦК закончила свою работу и в начале мая доложила Политбюро результаты проверки. Из 46 261 высланных кулацких семей в Северный край 35 тыс. подали заявления в комиссию с просьбой пересмотреть решения о высылке их из районов сплошной коллективизации. Комиссия ЦК путем лич-

¹⁴⁴ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 452.

¹⁴⁵ Там же, стр. 397.

ной проверки, а также через посредство окружных подкомиссий рассмотрела заявления и установила, что в основном кулацкие семьи были правильно высланы на Север¹⁴⁶.

По данным проверки, количество неправильно высланных составляло не более 10% общего числа высланных в Северный край кулацких семей. Комиссия ЦК ВКП(б) путем личной проверки семей, отнесенных окружными подкомиссиями к неправильно раскулаченным, установила, что окружные подкомиссии учитывали только социальные признаки. Между тем из пограничных районов Украины и Белоруссии было выслано на Север значительное количество контрреволюционных элементов, которые были связаны с белоэмигрантскими организациями Польши и Румынии, а также принимавших в прошлом активное участие в бандитизме. Это обстоятельство дало основание комиссии признать, что из числа высланных были неправильно раскулачены не 10, а 6%. Неправильно высланные или возвращались обратно на место прежнего жительства, или расселялись в Северном крае как полноправные граждане, их имущество возвращалось или возмещалась его стоимость. Для разбора оставшихся заявлений и окончательной проверки возвращаемых домой при Северном крайисполкоме создавалась постоянная комиссия.

К лету 1930 г. была завершена проверка неправильно раскулаченных хозяйств и в других районах страны. Все неправильно раскулаченные или лишенные избирательных прав были восстановлены в правах, перегибы и извращения политики партии в ликвидации кулачества были устранены.

К июлю 1930 г. по данным Наркомфина СССР, в 1269 районах из 2851 (без ЗСФСР, Средней Азии и Якутии) было экспроприровано 191 035 кулацких хозяйств, или 58,1% хозяйств, обложенных индивидуальным налогом. Стоимость конфискованного кулацкого имущества достигла 111 364,4 тыс. руб., т. е. 564,2 руб. на одно хозяйство. Из общей суммы конфискованного имущества колхозам было передано около 76% (84,5 млн. руб). Кроме того, у кулаков было ото-

¹⁴⁶ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 58; Партийный архив Архангельского обкома КПСС, ф. 290, оп. 2, д. 155.

Таблица 15

Районы	% колхозов, получивших имущество раскулаченных хозяйств	Стоимость имущества, тыс. руб.	Доля стоимости имущества раскулаченных хозяйств в неделимом фонде
СССР	50,3	175 419,9	34,4
Основные зерновые районы	58,0	57 749,2	35,7
Производящие районы	55,0	62 516,2	34,9
Потребляющие районы	42,7	55 154,5	32,6
РСФСР	51,3	108 995,7	30,7
Северный край	21,1	470,4	8,4
Карельская АССР	11,9	11,2	2,6
Ленинградская область	26,8	1 690,1	18,7
Западная область	52,2	3 561,7	28,3
Московская область	70,1	7 837,6	37,6
Ивановская промышленная область	48,2	3 334,7	37,8
Нижегородский край	36,5	4 632,2	30,6
Уральская область	49,8	10 624,9	30,5
Башкирская АССР	41,9	4 128,9	43,8
Татарская АССР	61,1	3 369,2	48,6
Средне-Волжский край	61,5	10 460,0	37,2
Заволжье	60,5	6 652,1	38,2
Правобережье	62,5	3 807,9	35,7
Центрально-Черноземная область	55,3	8 355,0	27,0
Нижне-Волжский край	72,4	15 045,3	33,5
Северо-Кавказский край	60,2	12 067,3	28,4
Степной	61,8	11 718,3	28,4
Горный	42,4	349,0	29,5

Таблица 15 (окончание)

Районы	Процент колхозов, получивших имущество раскулаченных хозяйств	Стоимость имущества, тыс. руб.	Доля стоимости имущества раскулаченных хозяйств в недельном фонде
Дагестанская АССР	11,9	261,7	31,9
Крымская АССР	64,6	2 359,8	31,6
Казахская АССР	44,5	5 489,1	25,2
Сибирский край	58,6	11 547,1	30,1
Юго-Западная Сибирь	58,2	7 491,6	30,3
Северо-Восточная Сибирь	59,3	4 055,5	29,9
Дальневосточный край	51,9	3 363,8	25,7
Бурят-Монгольская АССР	20,7	375,7	9,7
Украина	54,6	50 187,4	42,8
Полесье	41,6	1 780,2	26,8
Правобережье	56,4	11 895,4	41,2
Левобережье	58,3	12 157,0	44,8
Степь	53,6	16 135,3	49,3
Днепропетровский потребляющий район	55,3	3 540,7	38,2
Горнопромышленный потребляющий район	49,7	4 678,5	35,0
Белоруссия	79,6	11 583,4	50,9
Закавказские республики	14,4	3 024,3	30,9
Узбекская ССР	16,0	1 631,0	30,2

брано наличных денег, облигаций, вкладов на сумму, превышающую 2250 тыс. руб. По примерным подсчетам Наркомфина, общее количество экспроприированных кулацких хозяйств к лету 1930 г. в целом по СССР составило свыше 320 тыс., а сумма конфискованного имущества превысила 180 млн. рублей¹⁴⁷.

Представление о стоимости имущества раскулаченных кулацких хозяйств, переданного в неделимые фонды колхозов, дает таблица 15, составленная на основании рапортов колхозов к XVI съезду партии¹⁴⁸.

При анализе таблицы 15 следует иметь в виду, что приводимые в ней сведения неполны (не все колхозы вошли в разработку) и, кроме того, преуменьшены, так как стоимость имущества, конфискованного у кулаков, при описи занижалась. О неполноте сведений, содержащихся в приведенной выше таблице, свидетельствуют следующие примеры. По данным таблицы 15, в Татарской АССР колхозам было передано кулацкого имущества на сумму 3369,2 тыс. руб. На самом же деле колхозам было передано имущества почти в три раза больше (9355 тыс. руб.). На Украине колхозы получили имущества на 90—95 млн. руб., а не на 50,2 млн., как значится в таблице 15; в ЦЧО было конфисковано имущества на сумму, превышавшую 13 млн. руб., а не 8,4 млн.; на Нижней Волге — более 27 млн. руб. против 15 млн. руб. и т. д.¹⁴⁹

В целом по СССР, по более полным сведениям, к лету 1930 г. колхозы получили в результате раскулачивания средств производства на сумму свыше 400 млн. руб.¹⁵⁰

Конфискация имущества, нажитого эксплуатацией бедняцко-батрацких и середняцких масс крестьянства, являлась справедливой мерой борьбы с кулачеством. Бедняки

¹⁴⁷ М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Указ. соч., стр. 18.

¹⁴⁸ «Колхозы в 1930 г.». М.—Л., 1931, стр. 200—223.

¹⁴⁹ «Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР. 1927—1937». Казань, 1968, стр. 145; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, л. 58; ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 3, д. 549, л. 10; «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», стр. 183.

¹⁵⁰ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III. М., 1956, стр. 369.

деревни Симоновой Зайковского района Челябинского округа (Урал), принимая решение о конфискации кулацкого имущества в пользу колхоза, говорили: «Давайте проведем раскулачивание организованно. Сделаем так, чтобы кулак почувствовал не грабеж, а советское раскулачивание, чтобы отобрание имущества было не грабежом белой банды, а народной карой за кулацкие дела. Пусть кулак почувствует, что народ отвернулся от него; мы не грабим, а отбираем в пользу народа». Одному из кулаков крестьяне заявили: «Мы отбираем от тебя скот, машины, землю, дом, постройки не потому, что злы на тебя за притеснение при белых. А потому, что ты кулак, потому, что ты до революции и за 12 лет жизни Советской власти доказал лишь одну ненависть к народу, вредительство Советской власти и на нашей колхозной земле тебе не может быть места...»¹⁵¹.

При рассмотрении первых результатов раскулачивания зимой и весной 1930 г. необходимо обратить внимание и еще на одно обстоятельство. ~~Хотя~~ переданное колхозам конфискованное кулацкое имущество составляло значительный процент к общей сумме неделимого капитала в колхозах, тем не менее удельный вес его по сравнению со стоимостью кулацкого имущества в 1927 г. был незначительным. На Украине, например, доля изъятого и переданного колхозам кулацкого имущества составляла 16,7% к общей стоимости его в 1927 г.; на Нижней Волге — 13,5, Средней Волге — 17,5, ЦЧО — 15,1% и т. д.¹⁵² Это объясняется не только занижением стоимости изъятого имущества, но и тем, что к 1930 г. экономическая мощь кулацких хозяйств в результате проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов была в значительной мере подорвана. Объясняется это и тем, что кулачество к моменту экспроприации постаралось сократить свое имущество, переведя его в денежные фонды. Это подтверждается данными, специально исчисленными по некоторым районам сплошной коллективизации (см. таблицу 16).

Аналогичное положение наблюдалось и в других районах. На Северном Кавказе основные фонды кулацких хо-

¹⁵¹ Н. В. Ефременков. Начало массового колхозного движения в уральской деревне.— «Исторические записки», т. 74, стр. 55—56.

¹⁵² «Колхозы в 1930 г.», стр. L.

Баланс раскулаченных хозяйств по Макушинскому району Курганского округа (Урал) (в % к 1927.)

Скот и с/х инвентарь	Ликвидировано кулацкими хозяйствами в % к 1927 г.		Изято при раскулачивании
	к 1 июля 1929 г.	к 1 января 1930 г.	
Лошади	35,8	29,6	33,6
Крупный рогатый скот	47,4	23,4	29,2
Свиньи	46,9	51,0	2,1
Плуги	12,3	—	87,7
Сеялки	35,5	—	44,5
Жнейки	44,8	6,0	48,2
Молотилки	28,9	—	71,1

зяйств в 1929 г. составляли 30,4% по отношению к фондам их в 1927 г., на Нижней Волге — 25,8, Средней Волге — 33,2, ЦЧО — 32,5%. А в неделимые фонды колхозов, по нашим подсчетам, была передана в 1930 г. примерно половина имевшегося в 1929 г. кулацкого имущества (на Нижней Волге — 53%, на Средней Волге — 52,5%, в ЦЧО — 46%).

Следовательно, кулачество в значительной части своей предупредило экспроприацию, заранее распродав часть своего имущества. Несмотря на это, оно и после «самораскулачивания» представляло еще заметную хозяйственную силу в деревне.

Как уже отмечалось, в связи с началом весенне-полевых работ и исправлением ошибок, допущенных зимой 1930 г., раскулачивание было временно приостановлено. После окончания весенне-полевых работ ликвидации кулачества как класса возобновилась.

Средне-Волжский крайком ВКП(б) 20 июня 1930 г. принял решение о выселении кулацких хозяйств третьей категории в отдельные поселки или на запольные участки колхозных массивов. При этом обращалось особое внимание на тщательное составление списков кулаков, чтобы не допустить перегибов. Срок выселения (расселения) кулаков крайком установил — до начала осеннего сева¹⁵⁴.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 21, д. 2512, л. 138 об.

Аналогичные решения были приняты партийными организациями и других районов (Украина, Нижняя Волга, ЦЧО, Северный Кавказ, республики Средней Азии и т. д.)¹⁵⁵.

К концу 1930 г. в Нижне-Волжском крае было раскулачено около 45 тыс. кулацких хозяйств, наиболее контрреволюционная часть их (5600) была выселена за пределы края¹⁵⁶. В ликвидации кулачества в крае участвовало около 50 тыс. сельскохозяйственных рабочих и батраков¹⁵⁷. На Украине было раскулачено примерно 93 тыс. кулацких хозяйств¹⁵⁸, в Узбекистане — 2648 байских и кулацких хозяйств. В августе и ноябре 1930 г. проводилось выселение из районов сплошной коллективизации Туркмении (1943 хозяйства), Киргизии (456 байско-манапских хозяйств)¹⁵⁹.

Всего к концу 1930 г. по всему Союзу было раскулачено примерно 400 тыс. кулацких хозяйств, из них 77975 семей выселено из районов сплошной коллективизации в Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан¹⁶⁰.

По данным налогового обложения, к осени 1930 г. насчитывалось 353,4 тыс. кулацких хозяйств, т. е. 1,4% к общему числу крестьянских хозяйств¹⁶¹. Это значит, что количество кулацких хозяйств сократилось почти втрое по сравнению с 1929 г.

Если учесть, что к началу сплошной коллективизации в стране насчитывался примерно один миллион кулацких хозяйств, из которых почти 400 тыс. было раскулачено в ходе ликвидации кулачества как класса, а свыше 350 тыс. кулацких хозяйств осталось к осени 1930 г., то значит 200—250 тыс. хозяйств «самораскулачились», т. е. распродали свое имущество и бежали в города и промышленные центры. Например, в 56 районах Средне-

¹⁵⁵ Там же, ф. 17, оп. 26, д. 33, л. 75.

¹⁵⁶ М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 34.

¹⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 3, д. 549, л. 10.

¹⁵⁸ ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 11, д. 104, лл. 1—3.

¹⁵⁹ А. Ю. Ибрагимова. Указ. соч., стр. 246; С. Д. Какабаев. Победа колхозного строя в Туркменской ССР.— «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», стр. 491; Т. Дуйшемалиев. Очерк истории коллективизации сельского хозяйства Киргизии. Фрунзе, 1965, стр. 58.

¹⁶⁰ «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, стр. 157.

¹⁶¹ ЦГАНХ, СССР, ф. 7733, оп. 9, л. 23.

Волжского края (из 86 имевшихся) самораскулачилось около 6 тыс. кулацких хозяйств из 28,5 тыс.¹⁶², т. е. более 1/5. По данным Нижне-Волжского крайкома партии, бежало 10 тыс. кулаков и т. д.

Таким образом, 1930 год явился решающим этапом в ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Кулачество было разгромлено, значительная часть его экспроприрована, а наиболее опасная, явно контрреволюционная часть кулаков была выслана за пределы районов сплошной коллективизации. В условиях резкого обострения классовой борьбы, вызванного отчаянным сопротивлением кулачества, основным методом ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации являлось раскулачивание. М. И. Калинин в одном из своих выступлений весной 1930 г. говорил, что экспроприация кулачества необходима, ибо она предписывается такими решающими политическими соображениями, как интересы многомиллионных масс трудящихся. «Как ни кажется она жестокой..., но эта мера абсолютно необходима, ибо она обеспечивает здоровое развитие колхозного организма в дальнейшем, она страхует нас от многочисленных издержек и огромной растраты человеческих жизней в будущем»¹⁶³.

Несмотря на перегибы, допущенные зимой 1930 г., в общем процесс экспроприации кулацких хозяйств шел в непосредственной связи с ходом коллективизации сельского хозяйства, хотя и несколько опережал его. Не случайно поэтому, что ликвидация кулацких хозяйств наиболее интенсивно проводилась в период наибольшего подъема колхозного движения зимой 1930 г. и в период нового прилива крестьянских масс в колхозы с осени 1930 г. С весны и до осени 1930 г., т. е. в период исправления ошибок и перегибов в колхозном строительстве, раскулачивание фактически прекратилось и производилось лишь выселение и расселение уже раскулаченных кулацких хозяйств.

¹⁶² Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 101.

¹⁶³ М. И. Калинин. Указ. соч., стр. 13.

3. Дальнейшее обострение классовой борьбы в деревне в связи с развертыванием массового колхозного движения и ликвидацией кулачества как класса

Массовое колхозное движение зимой и весной 1930 г. и развернувшаяся на этой основе ликвидация кулачества как класса проходили в условиях ожесточенной классовой борьбы. Кулачество отчаянно сопротивлялось, чувствуя неминуемую гибель, которая становилась реальным фактом по мере коллективизации сельского хозяйства и осуществления других мероприятий Советской власти в деревне. Оно не хотело сдаваться без боя, не хотело уступать своих позиций, отступало медленно, цепляясь за всякую возможность, чтобы сорвать колхозное строительство. Кулаки пытались подорвать доверие крестьян, особенно середняков, к Советской власти и ее мероприятиям в деревне. Один из кулаков в селе Майдан-Куриловское (Винницкий округ УССР) выступая против раскулачивания, говорил на собрании селян: «Вы думаете, что они, разрушив два-три кулацких хозяйства, этим ограничатся?.. Вы ошибаетесь. Все крестьяне маленькие капиталисты, придет очередь и ваши хозяйства будут уничтожены»¹⁶⁴ J

В ряде случаев кулаки с целью дискредитации идеи коллективизации толкали местных работников на левацкие перегибы (организацию коммун вместо артелей, создание колхозов-гигантов, полное обобществление имущества и т. п.).

Все это до предела накаляло обстановку в деревне, осложняло и затрудняло социалистическое преобразование сельского хозяйства. М. И. Калинин, выступая 20 января 1930 г. на открытии Всесоюзного совещания по вопросам советского строительства, говорил, что колхозное движение влечет за собой уничтожение, ликвидацию кулачества как класса. «В связи с этим неизбежно обострение классовой борьбы, главной и решающей формой которой является теперь борьба кулачества против колхозов... Несомненно, кулак оказывает и будет оказывать бешеное сопротивление социалистическому наступлению, будет отчаянно бороться за самосохранение»¹⁶⁵. Эта же

¹⁶⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 61, л. 134.

¹⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 42, л. 265, л. 40.

мысль повторялась и в других выступлениях М. И. Калинина, относящихся к 1930 г. Коллективизация, говорил он на собрании актива Московской областной парторганизации, представляет собой «величайший социально-экономический переворот, здесь немислимо избежать обострения классовой борьбы и сопротивления со стороны классов, обреченных на гибель, на уничтожение»¹⁶⁶. На конференции Нижне-Волжской краевой партийной организации в июне 1930 г. М. И. Калинин вновь подчеркивал, что в переходный период «классовая борьба неминуемо должна обостряться, по крайней мере, до тех пор, пока наступающий социализм в своем движении не достигнет перевала...»¹⁶⁷ *с тем же содержанием в партияльном документе*

Со всех концов страны поступали сведения об усилении кулацкой активности, о крайнем обострении классовой борьбы. Северо-Кавказский крайисполком сообщал, что «классовая борьба в деревне достигла своего пивысшего развития»¹⁶⁸. Кулаки и другие антисоветские элементы края все чаще стали переходить к открытому террору. Из Сибири также поступали сведения о возросшей кулацкой активности в связи с переходом к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Классовый враг, сообщалось в бюллетене Сибирского крайзу (6 апреля), в своей борьбе против колхозов идет на все, вплоть до попыток организации антиколхозных и антисоветских восстаний¹⁶⁹.

В разгар массового колхозного движения и ликвидации кулачества как класса многие партийные, советские, колхозно-кооперативные работники, сельские активисты пали от рук классового врага. В начале февраля вблизи Владикавказа кулаками-бандитами были убиты секретарь Ингушского обкома ВКП(б) И. М. Черноглаз, инструктор Северо-Кавказского крайкома партии (бывший инструктор ЦК) И. Д. Жуковский¹⁷⁰. В селе Рогожском Матвеево-Курганского района Донского округа кулаки убили батрака; на

¹⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, д. 357, л. 73.

¹⁶⁷ Там же, д. 360, л. 52.

¹⁶⁸ М. Я. Левина, Е. Н. Осолоков. Из истории коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). — «Архивы — общественным наукам». Ростов-на-Дону, 1970, стр. 175.

¹⁶⁹ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 2, оп. 2, д. 3618, л. 110.

¹⁷⁰ «Социалистическое земледелие», 6 февраля 1930 г.

хуторе Жлобен-Михайловском Куцевского района кулаки сожгли дом активиста¹⁷¹.

Кулаки настолько обнаглели, что открыто стали угрожать колхозникам и коммунистам: «Нам нужно убивать коммунистов и руководителей села, и тогда сплошной коллективизации не будет», — заявляли кулаки (Ставропольский округ, Северный Кавказ). То же самое происходило и во многих районах страны. В Новоселовском районе Красноярского округа кулаки предупреждали крестьян: «Подождите, не ходите в колхоз, вот 30-й год пройдет, тогда Советская власть падет. Если войдешь в колхоз, то тебе смерть будет». 20 января 1930 г. в деревне Мишуково (Кимрский округ Московской области) был убит председатель сельсовета комсомолец Ветохин; 15 февраля — организатор одного из колхозов Горицкого района (Кимрский округ). В селе Трилисах (Белоцерковский округ УССР) во время общего собрания, посвященного сплошной коллективизации, был убит рабочий 25-тысячник Сницер¹⁷².

В начале февраля в лесу у деревни Бобылевка Романовского района Балащовского округа Нижне-Волжского края был зверски убит председатель колхоза Гарбузов. Убитого привязали за шею к лошади и волочили 6 километров. В марте 1930 г. в Бобровском и Хреновском районах ЦЧО кулаки убили 14 коммунистов¹⁷³, а всего в области было совершено 192 террористических акта. На Урале в январе—марте 1930 г. было зарегистрировано 260 случаев кулацкого террора¹⁷⁴. В Новгородском округе (Ленинградская область) в результате кулацких поджогов сгорели четверо малолетних детей. Всего за январь — апрель 1930 г. в округе было зарегистрировано около 50 террористических актов¹⁷⁵.

Кулацкий террор сопровождался разнузданной антикол-

¹⁷¹ Госархив Ростовской области, ф. р-1798, оп. 1, д. 752, л. 25.

¹⁷² Там же, оп. 1, д. 752, л. 25; Партархив Новосибирского обкома КПСС, ф. 2, оп. 2, д. 3618, лл. 110—111; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 49, лл. 46, 47; ф. 7446, оп. 5, д. 38, л. 197.

¹⁷³ П. Н. Шарова. Указ. соч., стр. 156; ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 38, л. 198.

¹⁷⁴ Н. В. Ефременков. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 годах, стр. 124.

¹⁷⁵ Партархив Новгородского обкома КПСС, ф. 128, св. 42, д. 758, л. 10.

хозной пропагандой. Кулаки вновь вытаскивали лозунг: «Да здравствует власть Советов без коммунистов!» Во многих местах кулаки пытались протаскивать «обновленный» лозунг: «Да здравствует Советская власть без колхозов!» или «Коллективизацию приветствовать, но в колхоз не вступать!» (с. Истомино, Московской области)¹⁷⁶.

Особенно острый характер приняла классовая борьба в национальных районах. В некоторых районах, как отмечал ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б), развертывание коллективизации было связано с ликвидацией остатков феодально-родового уклада, что в свою очередь вызвало бешеное сопротивление «кулацких и полуфеодальных элементов, сохранивших еще в некоторых случаях значительное влияние в деревне и ведущих упорную борьбу против социалистического строительства под маской защиты якобы «национальных интересов» и т. п.»¹⁷⁷.

Используя экономическую и культурную отсталость коренного населения, кулацко-байские элементы пытались запугать трудящиеся массы угрозами и террором. Только в Узбекистане в 1930 г. было зарегистрировано 333 террористических акта¹⁷⁸.

Деревня зимой—весной 1930 г. действительно напоминала фронт, на котором решался вопрос: «кто — кого?» Кулак отчаянно и ожесточенно сопротивлялся. В письме Псковского окружного комитета партии от 20 января 1930 г. говорилось: «Кулак злобствует, вредит, он выступает против партии и Советской власти и с оружием, и с поджогами, и через агитацию против колхозов...»¹⁷⁹

Несмотря на террор и угрозы, диверсии и вредительство, кулачеству не удалось запугать бедняцко-средняцкие массы. Напротив, в ответ на кулацкие вылазки трудящиеся массы крестьянства создавали колхозы, требовали от органов Советской власти сурового наказания кулаков и выселения их за пределы края. Так, в ответ на убийство активистки Санько собрание бедняцко-батрацкой и середняцкой молодежи села Тимофеевки (Армавирский округ Северного Кавказа) потребовало выселения

¹⁷⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 38, л. 197.

¹⁷⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 358.

¹⁷⁸ А. Ю. Ибрагимова. Указ. соч., стр. 235.

¹⁷⁹ Партийный архив Псковского обкома КПСС, ф. 7, оп. 1, св. 4, д. 48, л. 5.

кулаков¹⁸⁰. В Узбекистане в Джалал-Кадукском районе, в кишлаке Таш-Ата, был убит комсомолец Исламов. Это вызвало гнев и возмущение бедняков и середняков кишлака; в ответ на террористический акт в кишлаке был организован колхоз и назван именем убитого комсомольца¹⁸¹. Беднота и батрачество села Булдыря Чистопольского кантона (Татария) на выступление кулачества против колхозов ответили еще большим сплочением вокруг партии и Советской власти. В своей резолюции они заявили: «Мы, беднота и батрачество с. Булдыря, решительно отмежевываемся, категорически и резко осуждаем кулацкую вылазку, по своему существу направленную против рабоче-крестьянской Коммунистической партии и проводимых партией и правительством мероприятий.

Мы, беднота, громогласно заявляем, что за кулачеством, своим вековым врагом, мы не пойдем, под какими бы то ни было лозунгами ни выступало кулачество против Советской власти и проводимых ею мероприятий на селе и в городе, а, наоборот, окажем своей власти и партии всяческое содействие, решительно не останавливаясь ни перед какими трудностями по устранению стоящих на пути строительства социализма препятствий»¹⁸².

А трудности были действительно огромными. К началу 1930 г. сопротивление капиталистических элементов настолько ожесточилось, что в ряде случаев перерастало в повстанческие антиколхозные и антисоветские выступления. Основной силой этих выступлений являлись кулаки, бывшие белогвардейцы и другие контрреволюционные элементы.

Зимой и весной 1930 г. в районах Северного Кавказа, Украины, Поволжья, Сибири, ЦЧО, Урала, а также в национальных районах Средней Азии и Кавказа было раскрыто и ликвидировано значительное число контрреволюционных групп и организаций. Так, за январь—май 1930 г. в Северо-Кавказском крае было ликвидировано 508 контрреволюционных организаций с 5167 участниками¹⁸³. Эти организации принимали активное участие в террористических актах против колхозов, колхозных активистов, партийных работников, а также предпринимали

¹⁸⁰ «Молот», 9 января 1930 г.

¹⁸¹ А. Ю. Ибрагимова. Указ. соч., стр. 236.

¹⁸² ЦГА Татарской АССР, ф. 2027, д. 37, л. 98.

¹⁸³ М. Я. Левина, Е. Н. Осколков. Указ. соч., стр. 173—174.

попытки организовать массовые антиколхозные и антисоветские выступления. Такие выступления были организованы в Воронцово-Николаевском районе Сальского округа, Таганрогском районе Донского округа и других районах¹⁸⁴. Кулачество все чаще прибегало к таким острым формам борьбы против колхозов и Советской власти, как политический бандитизм. В банде, действовавшей в Баксапском и Нагорном округах Северного Кавказа, было 48 кулаков, 13 мулл, 8 бывших князей, 20 бывших дворян. Такая же банда действовала и в районах Владикавказа. Тогда же в Дагестане кулаками было организовано Дидаевское восстание (банда Вали Догиева), в Карачае действовала банда Айсанова. Контрреволюционные организации и группировки делали все, чтобы сорвать коллективизацию и развалить колхозы.

В период развертывания массового колхозного движения обострилась классовая борьба и на Украине. Кулаки усилили террор против сельских активистов: во всех округах Украины возросло количество поджогов, диверсий и убийств. Только за три недели марта 1930 г. на Украине было зарегистрировано 159 террористических актов, в том числе 115 против сельских активистов, проводивших коллективизацию. В селе Сморщики Антоновского района Шепетовского округа кулак поджег дома председателя сельсовета и руководителя комитета незаможных селян. В том же округе кулаки убили комсомольца и совершили покушение на председателя сельсовета, члена ВУЦИК Мазуренко. Иногда дело доходило до вооруженных столкновений между кулаками и колхозниками. Так, в Донбассе банда кулаков и подкулачников, численностью до 300 человек, напала ночью на коммуну имени Реввоенсовета. Коммунары при поддержке крестьян окрестных сел разбили банду и отстояли колхозное имущество¹⁸⁵.

На Урале кулаки некоторых районов (Аромашевского, Юргинского и др.) поддерживали связь друг с другом с целью организации массовых выступлений против Советской власти. Некоторое представление о степени организованности и активности уральского кулачества дают следующие данные. В начале 1930 г. здесь было выявле-

¹⁸⁴ Там же, стр. 174. Госархив Ростовской области, ф. р-1485, оп. 8, д. 189, лл. 158—159.

¹⁸⁵ И. Ф. Ганжа, И. И. Слинько, П. В. Шостак. Указ. соч., стр. 181.

но 27 кулацких контрреволюционных организаций с 552 членами, более 300 контрреволюционных групп с 1913 участниками и около 3000 кулаков, действовавших самостоятельно¹⁸⁶. Наибольшая активность кулачества наблюдалась в районах сплошной коллективизации (Бродокалмакский, Троицкий, Частинский, Багарякский, Верхнеуральский). Кулачество, с одной стороны, надеялось сорвать сплошную коллективизацию и, таким образом, избежать раскулачивания. С другой — кулаки рассчитывали, что вследствие допущенных в этих районах перегибов в колхозном строительстве им удастся привлечь на свою сторону часть середняков.

В Бийском округе Сибири к весне 1930 г. было ликвидировано 48 антисоветских кулацких группировок, в том числе контрреволюционно-повстанческие организации в Бийске, Башелакском, Солонежском и Куяганском районах, которые готовили антисоветские выступления. Наиболее контрреволюционная, явно антисоветская часть кулачества организовалась в банды, диверсионно-террористические группы и т. п. Некоторые из них насчитывали по несколько сот человек. Усть-пристанская банда объединяла до 400 кулаков. В планы банды входили: захват Бийска, распространение восстания на всю Сибирь и установление связи с белой эмиграцией. «Программа» банды предусматривала созыв Учредительного собрания, которое должно избрать «царя или президента». Ее лозунгами были: «Долой колхозы, разбирайте обобществленный скот!», «Советская власть без коммунистов!» и т. п. Открытое выступление усть-пристанской банды началось 9 марта, но уже через несколько дней банда была ликвидирована¹⁸⁷.

Острый характер приняло организованное кулаками выступление в селе Началове Астраханского округа Нижне-Волжского края, которое произошло 22 февраля 1930 г. в связи с выселением 26 кулацких семей из своих домов. И хотя поводом к началу восстания послужило выселение кулаков, тем не менее кулаки готовили его заранее. При этом были использованы ошибки, допущенные

¹⁸⁶ Н. В. Ефременков. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 годах, стр. 124.

¹⁸⁷ Н. Я. Гуцин. Указ. соч., стр. 133; Партархив Новосибирского обкома КПСС, ф. 2, д. 421, лл. 160—161.

местными работниками в религиозном вопросе, в раскулачивании и т. п. В результате вооруженного выступления было убито 6 и ранено 10 человек, преимущественно коммунистов и колхозников¹⁸⁸. Беднота и колхозники соседних сел помогали органам власти ликвидировать кулацкое выступление. Колхозники села Мошанка первыми поспешили на помощь, прислав 12 вооруженных крестьян. Уполномоченный Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) сообщил Б. П. Шеболдаеву: «Настроение батрачества, бедноты боевое; бедноты-колхозников хорошее. В беседе с отдельными бедняками и середняками, колхозниками заявлялось, что примут все меры, чтобы не было подобных явлений»¹⁸⁹.

Колхоз в селе Началове, в котором состояло 544 хозяйства (из 920), был назван имени «Шести павших коммунаров».

Контрреволюционные кулацкие мятежи вспыхнули и в ряде других районов. В Центрально-Черноземной области с 17 декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. кулаки спровоцировали 38 выступлений на почве коллективизации и раскулачивания¹⁹⁰. В ряде случаев в ЦЧО, как и в других районах, кулаки выдвигали лозунги: «Мы за Советскую власть, но без коммунистов!», «Советская власть, но без колхозов!».

Особенно ожесточенный характер приняла классовая борьба в национальных районах, где кулачество (байство) и представители разбитых буржуазно-националистических партий перешли от антиколхозной агитации к вооруженной борьбе против Советской власти и колхозов. Внутренняя контрреволюция находила поддержку у зарубежных эмигрантских центров буржуазных партий и правительств империалистических государств. В феврале 1930 г. в Варшаве состоялась конференция эмигрантских центров, которая приняла решение объединить контрреволюционные силы на Кавказе. Из соседних государств (Ирана и Турции) сюда перебрасывались оружие и боеприпасы, переходили вооруженные банды, в которые вли-

¹⁸⁸ «Путь трудовых побед». Сборник документов и материалов. Волгоград, 1967, стр. 236—246, 432.

¹⁸⁹ Там же, стр. 243.

¹⁹⁰ Б. А. Абрамов. Коллективизация сельского хозяйства в РСФСР — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках», стр. 103.

валось кулачество. Банды нападали на колхозы, Советы, терроризировали крестьянское население. Советская власть вынуждена была принимать решительные меры для подавления кулацких выступлений. Только в Азербайджане в 1930 г. было ликвидировано 207 кулацких банд¹⁹¹. Это способствовало улучшению политической обстановки в деревне.

В республиках Средней Азии антиколхозные, контрреволюционные выступления также приобрели широкий размах. В ряде мест баям и кулакам удалось толкнуть на выступления и часть дехканства. Начало массовых антиколхозных волнений относится к концу января — началу февраля 1930 г. В первой половине февраля в Средней Азии было зарегистрировано 7 выступлений, а в последующие дни число их резко возросло, достигнув к середине марта 137¹⁹². Всего за январь — март 1930 г. баи и кулаки организовали 190 вооруженных выступлений против колхозов и Советской власти¹⁹³.

Наибольшее число выступлений приходилось на долю Узбекистана (105), так как он являлся передовым районом в отношении коллективизации, здесь больше всего было районов сплошной коллективизации и прежде всего началось практическое осуществление ликвидации кулачества (байства) как класса. Это не могло не вызвать бешеной злобы у баев, духовенства и других реакционных сил узбекского кшплага. Классовая борьба крайне обострилась. Используя религиозный фанатизм отсталой части дехканства, пережитки феодально-родовых отношений в некоторых районах, общую культурную отсталость дехканства, а также перегибы в коллективизации, враги спровоцировали ряд массовых выступлений. В Зеравшанской долине байство, опираясь на поддержку иностранных империалистов, попыталось организовать открытую вооруженную борьбу против колхозов и Советской власти, вплоть до создания басмаческих отрядов. В 1930 г. в Узбекистане действовало 16 басмаческих банд общей численностью 520 человек¹⁹⁴.

¹⁹¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 174.

¹⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3259, лл. 133, 348.

¹⁹³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 185.

¹⁹⁴ А. Ю. Ибрагимова. Указ. соч., стр. 236.

Наибольшую активность проявило байство в Андижанском и Ферганском округах, ошибочно объявленных округами сплошной коллективизации. Об этом свидетельствуют данные о количестве массовых выступлений, спровоцированных кулачеством в этих округах. Так, с 1 февраля по 17 марта 1930 г. в Андижанском и Ферганском округах было зарегистрировано 58 массовых выступлений, спровоцированных кулаками, т. е. более половины всех контрреволюционных выступлений в Узбекистане за это время ¹⁹⁵.

Иногда выступления носили довольно затяжной характер и сопровождались убийствами и избиениями сельского актива, разгоном колхозов и органов местной власти, разоружением милиции. В Андижанском округе, в Курган-Тюбинском районе, в результате спровоцированного кулаками выступления был убит секретарь партийной ячейки, ранены уполномоченный посевокома и некоторые колхозники, разоружена милиция (5 человек). В Ферганском округе (Кувинский район) толпа, науськиваемая баями, избивала членов комиссии по раскулачиванию. В Киргизии, в Базар-Курганском районе, толпа в 400 человек потребовала отмены коллективизации и обобществления орудий и средств производства. В ходе этого выступления были убиты два активиста, ранен милиционер и избит председатель хлопкового товарищества ¹⁹⁶.

Анализ 137 кулацких выступлений из 190, имевших место в январе — марте 1930 г. в Средней Азии, показывает, что 65 носили антиколхозный, а 72 политический явно антисоветский характер. При этом 66 выступлений сопровождалось террором, убийствами и избиениями (число убитых и раненых достигало 21, а избитых — 40 человек). Остальные выступления также носили контрреволюционный характер: кулацкие элементы требовали распустить местные Советы, освободить арестованных баев, допустить в колхозы кулаков, восстановить в правах «лишенцев», духовенство и т. п. За полтора месяца 1930 г. (февраль — первая половина марта) в Средней Азии было раскрыто и ликвидировано более 200 контрреволюционных групп и организаций ¹⁹⁷.

¹⁹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3259, л. 352.

¹⁹⁶ Там же, лл. 368, 367—366, 360.

¹⁹⁷ Там же, лл. 347—349; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 185.

В феврале — первой половине марта отдельные кулацкие выступления все чаще перерастают в массовые волнения, захватывавшие иногда по несколько сот человек. По степени активности кулачества и числу антиколхозных и антисоветских выступлений можно наметить три группы районов СССР.

К первой группе относятся районы, наиболее пораженные волнениями, — это Северный Кавказ, Украина, Центрально-Черноземная область, Московская область, Узбекистан, Белоруссия, Грузия, Киргизия, Средне-Волжский край.

Ко второй группе следует отнести Нижнюю Волгу, Западную область, Армению.

И, наконец, третью группу районов составляли Урал, Сибирь и др., где волнений было меньше и значительная часть их была спровоцирована на почве выселения и расселения кулаков.

Само собой разумеется, что эта группировка относительна, во-первых, она не охватывает всех районов СССР (сюда не вошли национальные районы РСФСР) и, во-вторых, она учитывает только число волнений в январе — марте, а не в течение всего 1930 г. Тем не менее такая группировка позволяет выявить степень остроты классовой борьбы в самый ответственный и сложный период сплошной коллективизации.

Великий пролетарский писатель М. Горький, характеризуя обстановку в стране в 1930 г., писал: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян — коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, — его истребляют.

Извне против творческой работы Союза Советов — европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 25. М., 1953 стр. 228.

Нужны были решительные меры, чтобы пресечь контрреволюционные выступления кулачества и других вражеских элементов. Аресты наиболее опасной категории кулачества — организаторов террористических актов, антиколхозных и антисоветских контрреволюционных выступлений, активных участников банд — в значительной мере оздоровили обстановку в деревне.

Важную роль в этом сыграли также мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по исправлению ошибок и перегибов в колхозном движении. Они уничтожили почву для антиколхозных и антисоветских выступлений. Кулачество было политически изолировано, а репрессии по отношению к кулацкому активу в значительной мере ослабили антисоветскую деятельность врага. Не случайно поэтому, что с середины марта и особенно с апреля 1930 г. резко падает число антиколхозных выступлений. Достаточно указать, что, например, в Средне-Волжском крае количество кулацких или организованных кулаками выступлений сократилось с 585 в первом полугодии 1930 г. (основная масса выступлений падает на январь — март) до 133 во второй половине года¹⁹⁹. При этом весьма отчетливо проявляется тенденция неуклонного снижения (по месяцам) числа кулацких выступлений.

Потерпев неудачу в открытом бою, кулачество все-таки не сдавалось, оно лишь изменило методы борьбы, приспособившись к изменившейся обстановке. Открытые контрреволюционные выступления уступали место скрытым, подпольным формам борьбы (вредительство, разложение колхозов, антиколхозная агитация). Это естественно, ибо теперь кулакам было все труднее вводить в заблуждение крестьян, они не находили опоры в массах. Если им и удавалось втянуть в свои сети крестьян, то это были единицы, масса за ними не шла и на кулацкие провокации не поддавалась. Кулаки могли рассчитывать только на собственные силы, которые к тому времени были значительно ослаблены в результате осуществления мероприятий по ликвидации кулачества как класса, с одной стороны, и разгрома контрреволюционных организаций и группировок, ликвидации кулацких банд и мятежей, — с другой. Некоторое оживление кулачества происходит с конца

¹⁹⁹ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 101.

лета и осенью 1930 г., когда стало проводиться расселение раскулаченных хозяйств, временно приостановленное весной в связи с началом весенне-полевых работ. Оживление кулацкой активности находилось также в непосредственной связи с новым подъемом колхозного движения, начавшегося с конца лета — начала осени 1930 г. Это отмечалось в многочисленных документах. Средне-Волжский крайком ВКП(б) в постановлении от 16 августа 1930 г. констатировал «выявляющееся за последнее время усиление кулацкого террора в отношении деревенских активистов и колхозников, ряд поджогов колхозного хлеба и имущества», что свидетельствовало «об усилившемся сопротивлении кулачества и его попытках противодействовать проведению в жизнь важнейших хозяйственно-политических кампаний (хлебозаготовки, коллективизация, выселение на запольные участки и т. п.)»²⁰⁰. Об этом же сообщалось и в письме секретаря Коми обкома ВКП(б), а также в информационных сводках Колхозцентра и Хлебоцентра, относящихся к сентябрю — декабрю 1930 г.²⁰¹

Кулаки совершали диверсии против колхозов, ломали машины, травили скот, жгли колхозное имущество. Наряду с диверсионно-террористическими актами кулачество применяло и другие методы и средства противодействия колхозному строительству. Нередко оно пыталось запугивать колхозников и крестьян-единоличников надвигающейся войной, в результате которой якобы все колхозники будут перерезаны, в других случаях, используя отдельные организационно-хозяйственные неполадки в колхозах, кулаки стремились опорочить общественное хозяйство в целом. Они развили бешеную антиколхозную агитацию, не гнушаясь никакими средствами, распускали слухи, что «на колхозников наложат такие же контрольные цифры, как и на кулаков», «весь хлеб отберут», «колхозники будут переселены в Сибирь» и т. п.²⁰² Наконец, кулаки пытались пролезть в колхозы, чтобы изнутри вредить общественному производству (разваливали трудовую дисциплину, запутывали учет и т. п.).

²⁰⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 24, д. 2512, л. 188 об.

²⁰¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 83, лл. 46—48; д. 97, лл. 249—251; д. 38, лл. 59—60; д. 51, лл. 26—27 и др.

²⁰² ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 82, л. 210.

С лета и осени число открытых антиколхозных массовых выступлений резко сократилось, но возрос удельный вес скрытых форм борьбы кулачества против колхозов и случаев индивидуального террора. В целом же количество кулацких выступлений во второй половине 1930 г. значительно сократилось по сравнению с первой половиной того же года.

Смягчение остроты классовой борьбы в деревне с осени 1930 г. объясняется рядом причин.

Решающее значение имели мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, проведенные весной и летом 1930 г., по исправлению ошибок и перегибов в коллективизации, допущенных зимой 1930 г. Особенно большую роль в закреплении достигнутых успехов в коллективизации и привлечении середняков на сторону колхозов сыграли льготы, предоставленные колхозам и колхозникам согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. Колебавшиеся между колхозами и кулаками середняки стали определенно поворачивать в сторону колхозов. Кулачество потеряло всякую опору в деревне.

Серьезную роль в ослаблении кулацкого сопротивления сыграли мероприятия Советской власти по ликвидации кулачества как класса. В результате этого основная масса кулаков, прежде всего в районах сплошной коллективизации, была разгромлена, лишена своих экономических и политических позиций, а наиболее опасная их категория выселена в отдаленные районы СССР.

**ЗАВЕРШЕНИЕ В ОСНОВНОМ
СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ЛИКВИДАЦИИ
КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА**

**1. Решающие успехи колхозного строительства
в 1931—1932 гг.**

Новый подъем колхозного движения, начавшийся осенью 1930 г., непрерывно продолжался, нарастая с каждым днем. Большое значение для развития колхозного движения и успешной производственной деятельности колхозов имело постановление ЦК ВКП(б) от 20 января 1931 г. «О развертывании производственной агитации и массовой работы в связи с подготовкой к весенней посевной кампании и об укреплении земельно-колхозных органов»¹. ЦК обращал внимание партийных организаций на необходимость широкого развертывания массовой работы по вовлечению единоличных крестьянских хозяйств в колхозы, ибо только превращение начавшегося осенью 1930 г. роста колхозного движения в новый мощный прилив в колхозы могло обеспечить успех весеннего сева в деревне.

ЦК предлагал всем крайкомам, обкомам и ЦК нацкомпартий создавать инициативные группы по организации колхозов: «Во всех зерновых районах и в районах технических культур,— говорилось в постановлении,— создать инициативные группы по организации артелей, добываясь на основе опыта старых колхозов превращения этих групп в колхозы»².

¹ «Партийное строительство», 1931, № 2, стр. 61.

² Там же, стр. 61.

Важнейшим средством в развертывании колхозного движения и организационно-хозяйственном укреплении колхозов явилась помощь рабочего класса и передовой части колхозников. В конце 1930 г. по инициативе ряда районов сотни колхозников из старых колхозов были посланы в новые, только что возникшие колхозы для оказания помощи в организации коллективного производства. ЦК ВКП(б) одобрил решение Колхозцентра о посылке 20 тысяч колхозников из старых колхозов — лучших ударников, бригадиров, активистов соцсоревнования — для передачи опыта новым колхозам. В помощь деревне на проведение весеннего сева из городов направлялись рабочие бригады. ЦК партии также предусматривал мобилизовать на проведение весеннего сева не менее 60% агрономов, работавших в городах, всех студентов старших курсов сельскохозяйственных учебных заведений.

Претворение в жизнь мероприятий партии привело к коренным сдвигам в темпах коллективизации сельского хозяйства. Это особенно наглядно видно на примере ЦЧО. В ЦЧО впервые возникли и множились инициативные группы по организации колхозов, к марту 1931 г. число их превысило 8 тыс., более половины из них переросло в сельскохозяйственные артели³. В деревню было послано 1700 партийных активистов, 1500 рабочих, 1200 комсомольцев, большое число колхозников переброшено в отстающие районы. Всего на организацию нового прилива в колхозы в ЦЧО было мобилизовано 18 тыс. человек⁴. За время с 20 января по 1 февраля 1931 г. в колхозы ЦЧО вступило 56,5 тыс. крестьянских хозяйств, с 1 по 10 февраля — 90 тыс., с 10 по 20 февраля — 88,6 тыс., с 20 февраля по 1 марта — 51,5, с 1 по 10 марта — 64 тыс. и с 10 по 20 марта — 46 тыс. хозяйств. Всего за два месяца в колхозы вступило почти 400 тыс. крестьянских хозяйств, т. е. около 7 тысяч единоличных хозяйств ежедневно становилось на путь социалистического развития. Процент коллективизации в ЦЧО поднялся с 23,7 до 45. К 20 апреля в колхозах области было объединено 990 тыс. крестьянских хозяйств (50,2%)⁵, это означало, что дирек-

³ «Коллективист», 1931, № 10, стр. 38.

⁴ «Социалистическое земледелие», 19 февраля 1931 г.

⁵ Там же, 28 апреля 1931 г.

тивы декабрьского (1930 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) были досрочно выполнены.

Больших успехов в коллективизации добились Северный Кавказ — 85,1%, Нижняя Волга — 74,6%, Средняя Волга (Левобережье) — 77,5%, Степная Украина — 76%⁶.

Всего за январь — июнь 1931 г. в колхозы вступило более 7 млн. единоличных крестьянских хозяйств, и теперь колхозы объединяли свыше 13 млн. крестьянских хозяйств. Если за четыре последних месяца 1930 г. в колхозы вступило немногим более миллиона крестьянских хозяйств, то за четыре первых месяца 1931 г. — около 5,5 миллиона хозяйств; темпы коллективизации, как видим, возросли более чем в 5 раз⁷.

В различных районах процесс коллективизации протекал по-разному. Так, например, в важнейших зерновых районах (первая группа) темпы коллективизации в первые три месяца 1931 г. значительно превосходили темпы прироста коллективизированных крестьянских хозяйств остальных зерновых районов (вторая группа) и районов потребляющей полосы и национальных (третья группа). В период с 1 января до 1 апреля 1931 г. процент коллективизации в первой группе возрос с 57,4 до 78,2, в то время как во второй — с 27,7 до 44,6, а в третьей — с 11,4 до 23,9⁸. К июню 1931 г. сплошная коллективизация в первой группе была в основном завершена — в колхозах было объединено почти 85% крестьянских хозяйств и более 90% посевных площадей. Это дало основание июньскому (1931 г.) Пленуму ЦК констатировать, что весной 1931 г. «завершена коллективизация в основных зерновых районах (Украинская степь, Северный Кавказ, Нижняя Волга, заволжье Средней Волги, Крымская степь)»⁹.

⁶ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 298.

⁷ И. Е. Зеленин. Колхозное строительство в СССР в 1931—1932 гг. (К итогам сплошной коллективизации сельского хозяйства). — «История СССР», 1960, № 6, стр. 23.

⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 1, д. 145, лл. 7—10; И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 25.

⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4. М., 1970, стр. 525.

В апреле — мае 1931 г. картина меняется — основной прирост коллективизированных хозяйств приходится на районы второй и третьей группы.

Это объясняется прежде всего тем, что в важнейших зерновых районах к апрелю 1931 г. сплошная коллективизация сельского хозяйства уже завершалась, и резерв для пополнения колхозов оставался все меньше и меньше, в то время как в других районах он был еще весьма значительным (во второй группе более 55%, а в третьей — свыше 75%).

В целом по Советскому Союзу к июню 1931 г. в колхозах было объединено более половины крестьянских хозяйств (52,7%). Это была большая победа политики партий и Советской власти. М. Горький писал по этому поводу: «Крестьянство, которое до сей поры жило раздробленно на маленьких клочках земли, бесплодно истощая свои силы в непрерывной борьбе с нищетой, — теперь, наученное партией большевиков, почувствовало себя в силе освоить всю землю, как единое свое хозяйство. Это значит — 12 с половиною миллионов враждебно разъединенных единиц поняли, что единоличный труд отжил свой век и что для них выгоднее, разумнее сплотиться в единого хозяина своей земли»¹⁰.

Новый подъем колхозного движения сказался и на изменении социального состава колхозников. Если в старых колхозах удельный вес середняков составлял 40,6%, а большинство членов колхозов являлись бывшими бедняками и батраками, то в новых колхозах удельный вес середняков возрос до 56,3%¹¹. Следовательно, рост коллективизации в это время шел в основном за счет середняцких хозяйств.

Изменилось и соотношение уставных форм коллективных хозяйств. Артели стали не только преобладающей формой колхозов (они и раньше являлись таковой), но и превратились в безраздельно господствующую форму: их удельный вес составлял 91,7% к общему числу колхозов (против 81,5% в конце 1930 г.), коммуны теперь фактически не возникали, и поэтому удельный вес их уменьшился с 6,9% до 3,6%¹².

¹⁰ «Коллективист», 1931, № 10, стр. 21.

¹¹ И. Е. Зеленгин. Указ. соч., стр. 26.

¹² Там же.

Важнейшим показателем преимущества колхозного строя перед единоличным хозяйством является рост производительности труда. Весной 1931 г. колхозы, объединявшие примерно половину крестьянских хозяйств, засеяли более $\frac{2}{3}$ яровой посевной площади, а единоличники — менее $\frac{1}{3}$. (Для сравнения укажем, что весной 1930 г. единоличные хозяйства засеяли вдвое больше, чем колхозы.) О более высокой производительности труда в колхозах свидетельствуют следующие данные: посев на один двор в колхозе превысил в 2—3 раза посев на двор единоличника; посев на одну колхозную лошадь почти втрое превысил посев на одну лошадь единоличника; качество обработки земли в колхозах улучшилось¹³.

Сбывались слова В. И. Ленина о том, что «вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному»¹⁴.

Итоги колхозного строительства к лету 1931 г. свидетельствовали о том, что «колхозное крестьянство уже превратилось в центральную фигуру земледелия, колхозы стали основным производителем не только в области зерна, но и важнейшего сельскохозяйственного сырья (*хлопок, свекла, подсолнух* и др.).

Роль бедняка и середняка-единоличника в сельскохозяйственном производстве стала второстепенной. Завершается ликвидация кулачества, как класса, в зерновых и сырьевых районах СССР»¹⁵.

Таким образом, 1931 год явился годом решающих побед трудящегося крестьянства в борьбе за коллективизацию. Было организовано свыше 200 тысяч колхозов, объединивших более половины крестьянских хозяйств, 4 тысячи совхозов¹⁶ и 1400 машинно-тракторных станций, располагавших передовой техникой. Это означало, что колхозный строй в деревне одержал серьезную победу; отныне колхозы, а не единоличные хозяйства определяли направление развития сельскохозяйственного производства.

¹³ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 526.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 357.

¹⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 526.

¹⁶ Там же.

1932 год характеризуется дальнейшим развитием колхозного движения, хотя в начале года (зимой и весной) наблюдался некоторый отлив из колхозов, главным образом зерновых районов РСФСР. В целом по СССР к лету 1932 г. количество коллективизированных крестьянских хозяйств сократилось на 0,5 млн., т. е. примерно на 3%¹⁷.

Некоторое сокращение числа коллективизированных хозяйств было обусловлено трудностями реорганизационного периода, которые были усугублены засухой и неурожаем в ряде районов РСФСР, Украины и Казахстана, происками разгромленного, но полностью не добытого классового врага — кулачества и т. п. Отлив из колхозов зимой и весной 1932 г. был невелик и не шел ни в какое сравнение с отливом весной 1930 г., который был вызван главным образом перегибами и ошибками в колхозном движении.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что весной 1930 г. отлив из колхозов происходил повсеместно, а в начале 1932 г. — в основном в зерновых районах РСФСР, УССР и частично БССР. В республиках Средней Азии и Закавказья, напротив, наблюдался рост колхозного движения.

И еще одна особенность. Зимой и весной 1932 г. даже в зерновых районах наряду с отливом происходил и прилив новых членов в колхозы. Уже в конце весны 1932 г. отлив из колхозов прекратился повсеместно, и с лета в большинстве районов СССР начался рост колхозного движения. Этому способствовали мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на дальнейшее развитие колхозного строительства. В частности, для оказания помощи колхозам неурожайных районов было выделено 107 млн. пудов зерна¹⁸, сокращен размер хлебазаготовок и скотозаготовок, принято постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г., которое решительно осуждало практику принудительного обобществления скота¹⁹ и т. д.

Во втором полугодии 1932 г. уровень коллективизации поднялся на Урале с 64,3 до 68%, в Западной Сибири —

¹⁷ И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 27.

¹⁸ СЗ СССР, 1932, № 12, ст. 63; «Большевик», 1932, № 14, стр. 2.

¹⁹ «Партийное строительство», 1932, № 6, стр. 71.

с 58,1 до 63%, в Нижегородском крае — с 41,8 до 45%, в Московской области — с 48 до 55%. В целом по Союзу уровень коллективизации поднялся с 61,5 до 62,4%, т. е. вырос менее чем на один процент²⁰. Это объясняется тем, что уже к концу 1931 г. сплошная коллективизация сельского хозяйства была в основном завершена в зерновых районах, и поэтому в 1932 г. ее рост происходил преимущественно за счет национальных и потребляющих районов.

С победой колхозного строя в основных зерновых районах на первый план стала выдвигаться задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Еще в январе 1931 г. в постановлении «О коллективизации на Северном Кавказе» ЦК ВКП(б) указывал, что поскольку в колхозы края вступило 2/3 крестьянских хозяйств, «главное внимание в колхозном строительстве должно быть сосредоточено на укреплении внутренней организации колхозного хозяйства, на повышении его производительности, культурности и интенсификации»²¹.

Летом 1931 г. ЦК партии принял постановление «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов», в котором подвел итоги колхозного движения, установил темпы дальнейшей коллективизации и поставил задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов²². В постановлении ЦК говорилось, что в районах, где коллективизация в основном уже завершена (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Степь и Лесостепь Украины, зерновые районы Урала и Молдавии), в центре внимания партийных организаций должны стоять вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

В тех районах, в которых еще не была завершена коллективизация сельского хозяйства, ЦК предлагал усилить и улучшить работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов с тем, чтобы закрепить имеющиеся достижения в колхозном движении.

Следовательно, уже с летá 1931 г. вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов становятся

²⁰ И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 29.

²¹ «Справочник партийного работника», вып. 8. М., 1934, стр. 679.

²² «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2. М., 1957, стр. 316—317.

в центре внимания партийных, советских и колхозных организаций.

Особое значение в деле укрепления коллективных хозяйств имело постановление ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов»²³. В постановлении подчеркивалось, что задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов является прежде всего задачей укрепления артельной формы колхозов. Важнейшим звеном в организации труда должна стать постоянная производственная бригада с внедрением сдельщины, правильного учета и оплаты труда в зависимости от количества и качества затраченного труда. Большая роль и ответственность в организационно-хозяйственном укреплении колхозов отводилась машинно-тракторным станциям.

Эти постановления легли в основу деятельности всех партийных, советских и колхозных организаций. Основными вопросами организационно-хозяйственного укрепления колхозов в 1931—1932 гг. являлись: правильная организация труда и колхозного производства, распределение доходов, подготовка колхозных кадров. Внедрение сдельщины, правильная постановка учета труда, создание постоянных производственных бригад и ликвидация обезлички на орудия и средства производства — вот что определяло успех хозяйственной деятельности колхозов. К концу 1931 г. почти 3/4 колхозов СССР перешли на сдельщину, а на Северном Кавказе — 96,1%, в Средне-Волжском крае — 91,8%. Весной 1932 г. почти все колхозы СССР проводили весенне-полевые работы на основе сдельщины²⁴.

Широкое распространение получили в 1932 г. постоянные производственные бригады. В ЦЧО, например, 4/5 колхозов имели постоянные производственные бригады, в Московской, Ленинградской, Западной областях — 2/3 и т. д.²⁵

Постоянный состав бригад, во-первых, обеспечивал

²³ «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935». М., 1957, стр. 409—410.

²⁴ «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 98.

²⁵ Там же, стр. 99.

устранение обезлички на орудия и средства производства путем закрепления за бригадами земельных площадей, инвентаря и тягловой силы (а внутри бригады за отдельным колхозником); во-вторых, способствовал поднятию производительности труда, созданию материальной заинтересованности в работе колхозников, так как в зависимости от конечных результатов работы бригады повышалась или понижалась оценка трудодня.

Колхозы, являясь социалистическим типом хозяйства, предполагают как плановое руководство ими со стороны государства, так и плановое ведение самого коллективного хозяйства. Колхозы работали на основе производственно-финансовых планов. По данным Колхозцентра СССР, к апрелю 1932 г. более 9/10 колхозов имели свои производственно-финансовые планы.

Успех колхозного строительства зависел от активности практических работников, от массовых колхозных кадров. Растущая техническая вооруженность деревни, крупное коллективное хозяйство предъявляли повышенные требования к кадрам, поэтому в течение 1931 г. было подготовлено около 1 млн. 400 тыс. колхозных кадров, т. е. почти втрое больше, чем в 1930 г.²⁶

Внедрение новой техники в сельскохозяйственное производство, переход основных масс крестьянства на путь коллективизации освободили значительную часть рабочих рук в деревне для промышленности. К лету 1932 г. деревня, главным образом колхозная, дала промышленности более 3 млн. человек²⁷. Пополнение промышленности рабочей силой из деревни способствовало укреплению дружественного союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Таким образом, к концу 1932 г. реорганизационный период в сельском хозяйстве был уже завершен, и теперь важнейшей задачей являлось укрепление коллективных хозяйств и постепенное вовлечение в колхозы и перевоспитание бывших крестьян-единоличников.

Победа колхозного строя в деревне изменила соотношения секторов в сельскохозяйственном производстве. Социалистический сектор стал решающей силой, удельный вес его неуклонно повышался. Так, посевные площади

²⁶ «Сельскохозяйственный бюллетень», 1931, № 36, стр. 23.

²⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 219, св. 32, д. 5.

Таблица 17²⁸

Виды хозяйств	Посевы зерновых, млн. га			
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Совхозы	1,5	2,9	8,1	9,3
Колхозы	3,4	29,7	61,0	69,1
Единоличники	91,4	69,2	35,3	21,3
Весь посев зерновых по СССР	96,0	101,8	104,4	99,7

зерновых в годы реорганизационного периода росли за счет сокращения индивидуальных крестьянских посевов (см. таблицу 17).

В целом посевные площади по СССР возросли на 21 млн. га по сравнению с 1927/28 г.²⁹ Однако валовые сборы зерна в 1931—1932 гг. были ниже, чем в предыдущие годы. В этом сказались, во-первых, трудности реорганизационного периода, когда совершалась ломка старых хозяйственных устоев деревни, перевод миллионных масс крестьянства на путь социалистического развития и поэтому не могли сразу полностью проявиться преимущества новых форм хозяйствования. Во-вторых, в 1931—1932 гг. сельское хозяйство поразила сильнейшая засуха, от которой особенно пострадали зерновые районы. Урожайность зерновых культур продолжала оставаться низкой, хотя в 1932 г. она несколько повысилась по сравнению с 1931 г. (до 7 ц против 6,7 ц). Значительно повысилась товарность производства хлеба по сравнению с доколхозным периодом: вместо 700 млн. пудов товарного хлеба, сданного государству в 1927/28 г., 1/10 которого дали совхозы и колхозы, в 1931/32 г. было сдано 1400 млн. пудов, т. е. в два раза больше, причем не менее 75% товарного хлеба сдали колхозы и совхозы³⁰.

²⁸ «XVII Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 20.

²⁹ «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 68.

³⁰ Там же.

Говоря о достижениях, которых добились колхозы к концу первой пятилетки, следует иметь в виду, что недостатков и трудностей было еще много, немало имелось организационной неразберихи, слабо был организован коллективный труд и т. п. В стране насчитывалось много отсталых колхозов.

Особенно болезненно пережила реорганизационный период животноводческая отрасль сельского хозяйства — сокращение поголовья продолжалось. Основная причина снижения поголовья скота заключалась в том, что кулацкой верхушке деревни удалось уничтожить значительную часть не только своего скота, но и контрреволюционной агитацией толкнуть на уничтожение скота середняцкие слои крестьянства. Необходимо указать и на объективные трудности организации общественного животноводства: нехватка животноводческих помещений, слабая кормовая база, недостаток кадров животноводов и т. п.

Но это были недостатки роста, которые по мере развития колхозного производства постепенно преодолевались.

Важнейшим достижением реорганизационного периода, итогом первой пятилетки в области сельского хозяйства было осуществление в основном сплошной коллективизации. В результате этого, как отмечал Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., было: «а) разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства;

б) решена историческая задача перевода мелкого, индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия...»³¹.

2. Развитие классовой борьбы в деревне в 1931—1932 гг.

Подъем колхозного движения в 1931—1932 гг. сопровождался усилением контрреволюционной активности кулачества, которая в отдельные моменты достигала значительной остроты.

³¹ «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 68.

В 1931 г. кулачество еще представляло значительную силу, хотя его основные отряды (прежде всего в важнейших зерновых районах) были разгромлены уже в ходе сплошной коллективизации в 1930 г. Как уже отмечалось, в течение 1930 г. из районов сплошной коллективизации было выселено менее 1/5 общего числа раскулаченных хозяйств. Кроме того, не все кулацкие хозяйства даже в районах сплошной коллективизации были раскулачены в 1930 г. Поэтому подавляющее большинство кулаков продолжало оставаться в районах своего местожительства. Они не могли и не хотели примириться со своим положением, затаили бешеную злобу и лютую ненависть к колхозам. Они понимали, что их дни сочтены, что развертывание сплошной коллективизации ускоряет их гибель и поэтому активно противодействовали наступлению социализма в деревне.

Однако в отличие от зимы и весны 1930 г., теперь кулачество, потерпев поражение в открытом бою, изменило тактику и все чаще прибегало к скрытым, замаскированным формам борьбы против колхозов и коллективизации.

Часть кулаков покинула места прежнего жительства и переселилась в другие районы. Там под видом середняков и даже бедняков они пытались обманным путем пролезть в колхозы для того, чтобы, с одной стороны, укрыться от налогов и других повинностей, а также от преследования за свои проступки, а с другой,— чтобы вредить колхозному производству.

Кулаки вновь развернули в широких масштабах антиколхозную агитацию. В ряде районов Московской области кулаки использовали затруднения с керосином, чтобы дискредитировать МТС. «Керосина нет,— говорили кулаки,— благодаря организации МТС, которые требуют много горючего. Земля, обрабатываемая трактором, впитывает керосин, хлеб будет вонять керосином. Керосин вывозится за границу, там условились выкупить у России весь керосин и потом начать войну, а колхозников на войну пошлют в первую очередь»³².

Единым фронтом с кулаками выступали и церковники, сектанты и пр. Баптисты вели среди колхозников и

³² ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 22, лл. 93—94.

единоличников такие разговоры: «Трактор — это сатанинская сила, антихристова машина, — об этом сказано в библии, поэтому записываться в колхоз и заключать договор с МТС чистые христиане не должны»³³.

Кулаки собирали подпольные собрания, на которых обсуждали методы саботажа сельскохозяйственных кампаний и борьбы против колхозов. Особую активность в этом деле проявляли кулацко-байские элементы национальных районов. В кишлаке Мумин-Аба Ургутского района Узбекистана бай собирались на подпольные совещания, на одном из которых бай Иманкул Иманкулов заявил: «Вы все присутствующие обязаны убедить своих родственников, что если их будут насильно заставлять сеять, пусть отказываются, мотивируют отсутствием рабскота, семян и проч. В недалеком будущем в районе должны появиться басмачи. Все активисты и сельские работники, издевающиеся над нами, будут убиты, поэтому не падайте духом, твердо выполняйте решение нашего данного собрания»³⁴.

И надо сказать, что эти угрозы были небезосновательны. К лету 1931 г. в Средней Азии насчитывалось 67 банд³⁵. Весной 1931 г. усилился и террор баев. В марте в Узбекистане были убиты председатель производственного товарищества Ишматов, коммунист Абдуллаев, председатель колхоза Ахметов, учитель Шамсутдинов, тяжело ранены батрак Мирза Капилов, секретарь правления производственного товарищества Ниязов. Всего за первые три месяца 1931 г. на активистов колхозного движения в республиках Средней Азии было совершено несколько десятков покушений³⁶.

Дальнейшее развертывание колхозного строительства и связанное с ним наступление на кулачество вызвали активизацию контрреволюционной деятельности классовых врагов. В Московской области, например, с конца 1930 г. до середины мая 1931 г. было зарегистрировано более 80 покушений на активистов, колхозников, советских и партийных работников, свыше 50 поджогов колхозного имущества и более 20 случаев порчи сельскохозяйствен-

³³ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 22, лл. 93—94.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3246, л. 328.

³⁶ Там же, д. 3208, л. 216.

ных машин³⁷. В Средне-Волжском крае в первом квартале 1931 г. кулаки-террористы убили или ранили 10 человек и совершили 30 покушений на убийство³⁸. Активизировалось и кулачество Сибири, особенно в связи с тем, что в марте 1931 г. началось выселение кулацких хозяйств из 14 районов сплошной коллективизации. По сведениям 2688 колхозов Западной Сибири, 1138 из них подверглись кулацкому нападению, в том числе в 10,6% колхозов зарегистрированы поджоги, в 3,3% — отравление скота, в 10,4% — порча машин, в 18% — нападение на актив³⁹. Аналогичные сведения поступали и из других районов Северного Кавказа, Северного края, Урала, Дальнего Востока, Армении, Украины, Белоруссии. Материалы весенней переписи колхозов 1931 г. говорят о том, что диверсионно-террористические акты кулачества (поджоги, порча машин, отравление скота, террористические акты против колхозного актива) были зарегистрированы в 15,8% колхозов СССР. При этом наибольшее число враждебных актов со стороны кулаков приходилось на колхозы национальных районов: в Северной Осетии — 37,5% колхозов, Чувашской АССР — 27%, Хакасской автономной области — 25,5%, в Коми автономной области — 24,3% и т. д.⁴⁰

В первой половине 1931 г. примерно шестая часть колхозов СССР подверглась нападениям со стороны кулачества и других вражеских элементов.

По характеру выступлений на первом месте стоят террористические акты против колхозного актива: 35,1% по СССР и до 40—50% в отдельных районах. В Адыгейской автономной области из общего числа кулацких нападений 70% составляли террористические акты, в Черкессии, Ингушетии, Чувашии соответственно — 50 и более процентов. Более трети всех выступлений составляли поджоги колхозного имущества и порча сельскохозяйственных машин и инвентаря. Кулачество, совершая диверсионно-вредительские акты, стремилось подорвать экономическое положение колхозов.

³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 9, д. 992, л. 5.

³⁸ Ф. А. Каревский. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье. — «Исторические записки», т. 80, стр. 101—102.

³⁹ Н. Я. Гуцин. Ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. — «Социальная структура населения Сибири». Новосибирск, 1970, стр. 134.

⁴⁰ И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 31.

Наряду с террористическими актами и явным вредительством кулачество прибегало и к другим формам и методам сопротивления коллективизации. Кулаки пытались развалить колхозы путем разжигания борьбы между колхозниками — бывшими бедняками и середняками; насаждали рваческие, иждивенческие настроения в колхозах, расшатывали производственную дисциплину, запутывали учет; в ряде случаев агитировали за коммуны против сельскохозяйственной артели. Чаще всего это удавалось там, где местные организации недооценивали кулацкой опасности. На Украине один из руководящих местных работников заявил: «В данное время кулак уже экономически уничтожен; в области политической большой опасности кулак не представляет»⁴¹. Такие же настроения были и в ряде районов Средне-Волжского края. Поэтому в постановлении Средне-Волжского крайкома от 12 июля 1931 г. было записано: «Признать явно оппортунистическими и сугубо вредными разговоры о том, что у кулачества якобы совершенно порваны все нити его влияния на отсталые массы не только колхозников, но и единоличников и что оно уже неспособно к дальнейшему сопротивлению мероприятиям партии и Советской власти»⁴². Между тем в первой половине 1931 г. 1/5 колхозов Средней Волги явилась объектом кулацких происков.

О влиянии кулаков на отсталую часть крестьянства говорят и такие факты. На Средней Волге зимой 1931 г. кулакам удалось организовать и спровоцировать отдельные антиколхозные выступления. Всего таких выступлений было в январе 20, а в первой половине февраля — 35⁴³.

В 1931 г. наблюдался рост кулацкой активности в других районах страны — на Северном Кавказе, Украине, Дальнем Востоке, в Сибири, Северном крае. В результате этого создавалась напряженная политическая обстановка в ряде районов, в частности в Сибири. Сопротивление кулачества в Сибири значительно усилилось в связи с выселением в январе из районов сплошной коллективизации 717 кулацких хозяйств⁴⁴, и особенно в связи с проведе-

⁴¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 5, д. 22, л. 72.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2513, ч. 1, л. 204.

⁴³ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 102.

⁴⁴ Н. Я. Гущин. Указ. соч., стр. 134.

нием экспроприации кулачества весной и летом 1931 г. Острые формы приняла классовая борьба в Восточной Сибири. Этому способствовали такие факторы, как наличие значительного слоя деревенской буржуазии, остатков разгромленной колчаковской армии, а также пограничное положение края. Враждебная деятельность кулачества и осевших здесь контрреволюционных белогвардейских и бандитских элементов поощрялась и материально поддерживалась антисоветскими организациями за границей и империалистами Японии. В информационном обзоре Восточно-Сибирского крайкома в начале 1931 г. сообщалось, что на территории Восточной Сибири (Забайкалье) были вскрыты и обезврежены контрреволюционные вредительские группы, которые должны были создать плацдарм для развертывания военных действий японскими империалистами против Советского Союза и захвата Забайкалья. «Отмечается,— говорилось в обзоре,— значительное оживление белогвардейской эмиграции, ставящей задачу — создание повстанческих организаций, широкое восстание с одновременным вторжением в наш край крупных эмигрантских банд. Бандитские повстанческие выступления в Нерчинско-Заводском, Газимуро-Заводском районах инспирировались и руководились из-за границы. Классово враждебные силы особенно активизировались в связи с коллективизацией и, воспользовавшись имевшими место в ряде районов перегибами, сумели организовать контрреволюционные повстанческие выступления»⁴⁵.

Такое же положение сложилось и в некоторых районах Средней Азии. Здесь весной 1931 г. на почве дальнейшего наступления на капиталистические элементы киблака усилилось сопротивление кулаков и баев.

В апреле 1931 г. в Таджикистане байско-басмаческие элементы предприняли попытку контрреволюционного выступления. Басмаческие банды, группировавшиеся за рубежом вокруг бухарского эмира, возглавил феодал Ибрагим-бек. В апреле 1931 г. они вторглись в Таджикистан. Ибрагим-бек надеялся, что поддерживавшие его буржуазно-националистические и байские элементы сумеют привлечь на свою сторону дехканские массы и

⁴⁵ Цит. по: *И. С. Степичев*, Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966, стр. 451—452.

толкнуть их на выступление против Советской власти⁴⁶. Однако вражеская авантюра провалилась. Врагам не удалось затормозить социалистическое строительство и наступление на капиталистические и остатки феодальных элементов в кишлаке Таджикистана. Более 53 тыс. колхозников и дехкан-единоличников влились в добровольческие отряды и отряды «краснопалочников»⁴⁷ и выступили в защиту социалистических преобразований. В течение апреля — июня они разгромили и ликвидировали основные силы Ибрагим-бека. Разгром кулацкой контрреволюции способствовал росту политической активности масс, сплочению их вокруг Коммунистической партии и Советской власти⁴⁸.

Весной и летом 1931 г. в Туркмении произошел ряд басмаческих выступлений, которые так же, как и в Таджикистане, поддерживались империалистами зарубежных стран. Основной базой басмачества были отсталые скотоводческие районы Северо-Западных Каракумов, куда бежала часть баев земледельческой полосы. Они-то и явились основной силой басмаческих банд. К осени объединенными усилиями частей Красной Армии и добровольческих отрядов трудящихся туркмен басмаческое движение было ликвидировано⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что после 1930 г. кулачеству все труднее стало втягивать крестьянство в массовые антиколхозные или антисоветские выступления. Кулачество было политически изолировано, экономически разгромлено, поэтому оно уже не находило поддержки и опоры в крестьянских массах. Естественно поэтому резкое сокращение числа массовых кулацких выступлений в 1931—1932 гг. К сожалению, мы не располагаем сводными итоговыми данными о кулацких массовых выступлениях в этот период. Но имеющиеся материалы по отдельным

⁴⁶ «Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.)». Душанбе, 1968, стр. 73.

⁴⁷ Краснопалочники — отряды дехкан, вооруженные палками, топорами, ружьями и т. п. На них возлагалась задача защищать кишлаки от нападения басмачей.

⁴⁸ «Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917—1965 гг.)», стр. 73.

⁴⁹ С. Д. Какабаев. Победа колхозного строя в Туркменской ССР. — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963, стр. 492.

районам позволяют сделать такой вывод. В отличие от зимы — весны 1930 г., когда в центр поступали сведения о сотнях массовых выступлений в некоторых районах, в 1931—1932 гг., даже во время осуществления второго этапа ликвидации кулачества как класса, материалы говорят лишь об отдельных массовых выступлениях против колхозов.

Так, например, в ЦЧО, в Краснинском районе, в июне 1931 г. произошли два массовых выступления, в Добринском районе — одно (в июле) в результате допущенных местными работниками перегибов. Были отдельные выступления и в национальных районах Северного Кавказа, Нижней Волги и в Средне-Волжском крае. Однако удельный вес их в общей массе кулацких выступлений (диверсий, террора, вредительства) в 1931—1932 гг. был незначительным. Главными формами кулацкого противодействия колхозному строительству становятся скрытые формы борьбы, которые труднее было разоблачить и которые ставили целью подрыв экономического положения колхозов. Особенно большие размеры приняли воровство, хищения общественной собственности. Враги, используя частнособственнические навыки и пережитки колхозников, вчерашних единоличников, толкали их на преступление — хищение социалистической собственности.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР вынуждены были принять специальный закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»⁵⁰. Суровый закон, принятый против расхитителей, способствовал укреплению колхозной собственности. Кулацкие элементы и их приспешники, вынуждавшие колхозников выходить из колхозов, должны были привлекаться к уголовной ответственности.

Успехи социалистического строительства вообще и колхозного, в частности, вызвали оживление и усиление сопротивления отживающих сил общества — кулацких и иных враждебных элементов, которые различными путями и способами пытались развалить колхозы, сорвать социалистическое строительство. В резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (январь 1933 г.) гово-

⁵⁰ СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360.

рилось: «Хозяйственно-разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы, их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы из буржуазно-националистической и в том числе эсеровской и петлюровской интеллигенции, осевшие на селе, всячески стараются разложить колхозы, стараются сорвать мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства, используя в этих целях несознательность части колхозников против интересов общественного, колхозного хозяйства, против интересов колхозного крестьянства.

Проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т. п., а нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов, антисоветские элементы стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебазаготовок, — и иногда удается им разложить колхозы...

Все эти противосоветские и противоколхозные элементы преследуют одну общую цель: они добиваются восстановления власти помещиков и кулаков над трудящимися крестьянами, они добиваются восстановления власти фабрикантов и заводчиков над рабочими»⁵¹.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, поддержанные многомиллионными массами крестьянства, и прежде всего организация политотделов МТС и совхозов, способствовали окончательному подрыву кулацкого влияния на отсталые массы крестьян, пресечению кулацкого вредительства. Они способствовали организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов.

3. Второй этап осуществления ликвидации кулачества как класса

Новая волна массового колхозного движения, начавшаяся с конца 1930 г., и усилившееся в связи с этим сопротивление кулачества со всей остротой и категоричностью поставили вопрос о дальнейшем осуществлении

⁵¹ «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 78—79.

ликвидации кулачества как класса. С мест поступали многочисленные сообщения об активизации кулачества, его противодействии колхозному строительству и другим мероприятиям Советской власти. Местные партийные и советские организации обращались в ЦК ВКП(б) и правительство с просьбой разрешить временно приостановленное раскулачивание и выселение кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации, массивов деятельности МТС.

В январе 1931 г. на Северном Кавказе было принято решение о переселении большой группы кулацких хозяйств из районов Кубани в восточные районы бывших Ставропольского и Сальского округов. Переселению подлежали кулаки, особенно те, которые в прошлом были связаны с повстанческим белогвардейским движением, а ныне срывали мероприятия Советской власти. Одновременно с этим из засушливых районов Ставрополя и Сальских степей в плодородные районы Кубани и Черноморья должны были переселиться бедняцко-средняцкие хозяйства, бывшие красные партизаны, колхозники.

Непосредственное выселение кулацких хозяйств в восточные районы Северного Кавказа проводилось с 20 февраля по 1 апреля. Выселение из 13 районов Кубани и Черноморья большой группы кулацких хозяйств в значительной мере укрепило колхозное движение, способствовало упрочению колхозов и притоку в них новых членов. В течение февраля 1931 г. в этих районах вступило в колхозы свыше 5,5 тыс. хозяйств.

К проведению мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах и селах сплошной коллективизации приступили в начале 1931 г. и местные организации Укraiны.

Наступление на кулацкие элементы села велось при высокой активности бедняцко-средняцких масс крестьянства. Мероприятия по раскулачиванию проводились в первую очередь в отношении тех кулацких хозяйств, которые саботировали хлебозаготовки и срывали другие хозяйственно-политические кампании⁵².

В целях предупреждения торопливости и неизбежных при этом ошибок и перегибов запрещалось до особого указания производить расселение кулацких хозяйств третьей

⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 40, л. 200.

категорий, обеспечив в срочном порядке отвод для раскулаченных полевых земель и оставление необходимого инвентаря для обработки земли. Кроме того, предусматривался ряд мероприятий по хозяйственному и трудовому устройству раскулачиваемых⁵³.

Бюро Татарского обкома ВКП(б) еще в январе 1931 г. вынесло решение о выселении кулаков с массивов, обслуживаемых МТС. «В целях создания наиболее благоприятных условий для организации и работы МТС, — указывалось в постановлении обкома, — признать необходимым произвести выселение кулаков третьей категории из сел, находящихся в радиусе обслуживания МТС»⁵⁴.

27 февраля 1931 г. Средне-Волжский крайком принял решение о выселении из пределов края кулацких хозяйств⁵⁵. 11 февраля крайком партии Северного края, отмечая усиление значительной кулацкой активности в южных районах (террористические акты, саботаж и пр.), решил выселить особо опасную категорию кулаков в отдаленные районы края⁵⁶.

Решения о новом наступлении на кулачество в связи с массовым колхозным движением были вынесены Крымским, Башкирским обкомами, Казахским крайкомом партии. Аналогичные директивы принимались партийными и советскими организациями Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии и т. д.

Чтобы не допустить перегибов и ошибок в отношении середняков, местные партийные организации провели тщательную подготовку этого важного политического мероприятия. Выявление и включение в списки для раскулачивания и выселения кулацких хозяйств осуществлялись под строгим контролем партийных организаций, причем вопрос о выселении кулацких семей за пределы данного района решался только с санкции ЦК ВКП(б).

Практическое осуществление директив партии по ликвидации кулачества как класса началось с середины марта 1931 г. Оно охватило Сибирь, Украину, Среднее и Нижнее Поволжье, ЦЧО, республики Средней Азии,

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 26, д. 40, лл. 107—108.

⁵⁴ Партийный архив Татарского обкома КПСС, ф. 15, оп. 12, д. 15, л. 7.

⁵⁵ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 102.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 194, л. 50.

Дальний Восток, Белоруссию, Казахстан, Северный край, Московскую и Ленинградскую области, Нижегородский край, Башкирию и Татарию, Ивановскую промышленную область.

Для руководства и контроля за осуществлением мероприятий по ликвидации кулачества как класса 11 марта 1931 г. ЦК партии образовал специальную комиссию во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. В состав комиссии вошел секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев⁵⁷. Все вопросы, связанные с раскулачиванием, выселением и использованием кулаков, решались комиссией ЦК. Комиссия рассматривала предложения местных организаций о переселении кулацких хозяйств, заслушивала доклады с мест о ходе раскулачивания и выселения кулацких семей и принимала по этим вопросам специальные решения, которые являлись обязательными для всех советских и партийных органов. В связи с оживлением антиколхозной кулацкой агитации, участившимися фактами кулацкого террора и вредительства против колхозов весной 1931 г. в Западносибирском крае была переселена большая группа кулаков в северные районы края (Каргасовский, Парабельский, Колпашевский, Чаинский, Кривошеинский и др.).

Такие меры применялись только к явным врагам Советской власти, социально опасной категории кулачества, белогвардейско-бандитским элементам. Что касается лояльно настроенных к Советской власти кулаков, не занимающихся враждебной деятельностью, то и в условиях обострения классовой борьбы в деревне весной 1931 г. они не подвергались выселению, а некоторая часть даже не раскулачивалась и принималась на определенных условиях в колхозы. В постановлении Восточносибирского крайкома ВКП(б) от 11 марта 1931 г. указывалось: «Зажиточные хозяйства, желающие вступить в колхоз, принимаются на следующих условиях: а) если не замечены в антисоветской деятельности и имеют положительный отзыв бедняцко-средняцкого и колхозного актива; б) своевременно и полностью выполнили все государственные обязательства и твердые задания; в) при условии сдачи

⁵⁷ Н. А. Иеницкий. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 45—46.

ими всего имущества в неделимый фонд колхоза; г) в случае выхода или исключения из колхоза все имущество этого хозяйства остается в колхозе»⁵⁸.

Не подлежала раскулачиванию и выселению та часть кулацкой молодежи, которая проявляла лояльное отношение к Советской власти и порывала с эксплуататорским прошлым своих родителей.

Это указание имело важное значение, ибо было направлено на привлечение молодежи — выходцев из кулацких семей на сторону Советской власти и вовлечение ее в социалистическое строительство.

Гибкость в проведении политики ликвидации кулачества как класса проявлялась и в национальных районах, где надо было учитывать национальные особенности и большую сложность социально-экономических отношений в деревне. Поэтому здесь устанавливались особые сроки раскулачивания и выселения баев, разрабатывались дополнительные мероприятия, обеспечивающие наиболее безболезненное проведение этой политики (например, в Хакасии и других районах Сибири). Дело заключалось не только в том, что число раскулачиваемых и выселяемых здесь было меньше, чем в основных районах Сибири, но и в том, что критерий определения кулацких хозяйств был несколько другим. Да и сроки ликвидации кулацких хозяйств были значительно растянуты с тем, чтобы можно было провести необходимую подготовительную работу.

В республиках Средней Азии весной 1931 г. ликвидация байских хозяйств проводилась лишь в Кокандском, Гиждуванском, Акдарьинском, Икрамовском, Янгиюльском, Денауском, Сарыассийском и Мирзачульском районах Узбекистана и в Чарджоуском, Фарабском, Святском и Апшхабадском районах Туркмении. Эти районы были наиболее подготовлены к проведению такого мероприятия. Здесь еще весной 1930 г. были организованы первые машинно-тракторные станции (в Янгиюльском, Денауском, Сарыассийском районах), имелись опытные станции, агрономические показательные участки, что оказало решающее влияние и на темпы коллективизации. В Узбекистане с осени 1930 г. начался новый подъем колхозного движения. К концу 1930 г. в колхозах состояло уже 37,7% дехканских хозяйств, а к весне 1931 г. —

⁵⁸ Цит. по: *И. С. Степичев*. Указ. соч., стр. 480.

47,9%⁵⁹. Весной 1931 г. в Узбекистане имелось уже 14 районов сплошной коллективизации, что позволило продолжить начатую в 1930 г. работу по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса.

Еще в январе 1931 г. согласно постановлению СНК Узбекской ССР стало проводиться выявление всех кулацких хозяйств, поскольку в 1930 г. эта работа была проделана неудовлетворительно (в число кулацких хозяйств попала часть середняцких и в то же время не были выявлены многие кулацкие хозяйства). Поэтому СНК Узбекистана в своем постановлении от 7 января 1931 г. «О выявлении кулацких хозяйств» прямо указывал, что «развернутое социалистическое наступление и осуществление ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации требуют принятия мер, обеспечивающих действительное выявление всех кулаков, ограждая интересы середняка»⁶⁰.

8 марта 1931 г. была утверждена инструкция ЦК КП(б) Узбекистана о порядке выселения и раскулачивания кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации республики⁶¹. Она состояла из трех разделов. В первом — содержались общие положения о работе по проведению выселения, конфискации и распределения имущества кулацких хозяйств; второй — определял порядок конфискации кулацкого имущества; третий — устанавливал порядок устройства выселяемых хозяйств.

Хотя инструкция имела много общего с аналогичными инструкциями, принятыми в 1930 г., тем не менее она отличалась и некоторыми особенностями. В отличие от подобных документов 1930 г. в инструкции 1931 г. устанавливались *не три, а две* категории кулацких хозяйств, подлежащих ликвидации. Первая категория выселялась, а вторая — расселялась в данном районе за пределами колхозных массивов. Основная масса кулаков оставалась на местах. Это значит, что родовые и иные отношения расселяемой группы кулаков сохранялись, что осложняло

⁵⁹ А. Ю. Ибрагимова. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Узбекистана. — «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963, стр. 250.

⁶⁰ СУ УзССР, 1931, № 1, ст. 6.

⁶¹ Н. А. Ивницкий. О начальном этапе сплошной коллективизации (осень 1929 — весна 1930 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 69; ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3176, лл. 69—62.

работу местных партийных, советских и колхозно-кооперативных организаций.

В инструкции предусматривалась конфискация кулацкого (байского) имущества, за исключением: а) предметов домашнего обихода; б) денег до 500 рублей на семью; в) продовольствия (3 пуда на человека); г) одной головы рабочего скота (лошадь или бык); д) сельскохозяйственного инвентаря, необходимого для обработки земли (трудовой нормы); е) запаса фуража для содержания скота (на 3 месяца)⁶².

Следовательно, кулацко-байским хозяйствам, расселяемым за пределами колхозных севооборотов, предоставлялись необходимые условия для хозяйственного устройства на вновь отводимых землях.

В отличие от документов подобного рода других районов страны, инструкция Исполбюро ЦК КП(б) Узбекистана предусматривала передачу конфискованного кулацкого имущества не только колхозам, но и совхозам. Инструкция определяла порядок устройства переселяемых кулацких хозяйств. Кулацкие хозяйства должны были расселяться в этом же районе, но за пределами колхозных массивов. Устанавливалась и форма землепользования — единоличная или групповая. Но в том и другом случаях на кулацкие хозяйства возлагалась обязанность полностью засеять отведенную им площадь и сдавать государству товарную продукцию. Использование наемного труда запрещалось.

В марте 1931 г. начался второй этап экспроприации кулацко-байских хозяйств в районах сплошной коллективизации Узбекистана⁶³. Ликвидация байских хозяйств в марте 1931 г. проводилась в Кокандском, Мирзачульском, Янгиюльском, Акдарьинском и других районах. Основная масса кулацко-байских хозяйств была отнесена ко второй категории и расселялась в пределах данного района⁶⁴.

Процесс ликвидации кулацко-байских хозяйств весной 1931 г. проходил также и в районах сплошной коллективизации Туркмении⁶⁵.

⁶² Н. А. Ивеницкий. Указ. соч.— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, стр. 69.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 3259, лл. 378—377.

⁶⁴ Там же, лл. 380—381, 388.

⁶⁵ «Очерки истории Коммунистической партии Туркмении». Ашхабад, 1961, стр. 344.

Тогда же были приняты решения о выселении и раскулачивании байских хозяйств в ряде районов Казахстана (Арысском, Лбищенском и др.)⁶⁶.

Осуществление мероприятий по ликвидации кулацких и байских хозяйств в республиках Средней Азии и Казахстане проходило в обстановке подъема политической активности дехканских масс, усиления влияния партии и Советской власти в кишлаке и ауле. Беднота и колхозники активно включились в работу по непосредственному раскулачиванию байских хозяйств и по выявлению и изгнанию из колхозов классово чуждых элементов. Всего в 1931 г. из республик Средней Азии было выселено 6944 бая и кулака, а из Казахстана — 5500⁶⁷. В горных и кочевых районах проводилась политика ограничения и вытеснения кулачества.

Весенне-летнее наступление на кулацко-байские элементы в Средней Азии и Казахстане способствовало дальнейшему успешному строительству колхозов, укреплению советских и колхозно-кооперативных организаций, пополнению рядов Коммунистической партии и Ленинского комсомола за счет передовой части трудящегося дехканства.

Весной 1931 г. начался второй этап генерального наступления на кулачество в потребляющих и в зерновых районах СССР.

10 марта бюро Западного обкома ВКП(б) приняло решение приступить практически к организованному массовому проведению ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

В отличие от постановления бюро обкома ВКП(б) 1930 г. здесь не давалась разбивка кулацких хозяйств на группы (категории), к которым применялись соответствующие санкции, но зато указывались признаки кулацких хозяйств. «Для составления списков выселяемых должны браться не только кулацкие признаки в данное время, но особенно кулацкие признаки 1928/29 года (признаки эксплуатации, обложение, лишение прав)»⁶⁸.

⁶⁶ ЦГА Казахской ССР, ф. 5, оп. 12, д. 234, лл. 72, 73; ф. 733, оп. 1, д. 49, л. 6.

⁶⁷ «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление». М., 1969, стр. 143.

⁶⁸ «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР». Смоленск, 1968, стр. 358.

Это указание обкома имело важное значение. Дело в том, что к весне 1931 г. многие кулаки растранили свое имущество, перевели его в денежный капитал, лишились права найма и эксплуатации чужого труда. Поэтому внешне они «осередничались», «самораскулачились», а по существу оставались кулаками, изменив формы и методы эксплуатации (спекуляция, ростовщичество и пр.) или на время вообще притаились, чтобы переждать.

Поскольку часть кулаков в результате первого этапа осуществления мероприятий по ликвидации кулачества как класса либо покинула прежнее место жительства, устроившись в городах и поселках, на лесоразработках и дорожном строительстве, либо обманным путем пробралась в колхозы, то в постановление был включен специальный пункт, предусматривавший выселение и этой категории кулаков. В целях предупреждения перегибов в деле ликвидации кулачества как класса в постановлении подчеркивалось, что раскулачиванию не подлежат «твердообложенные» (зажиточные), не имеющие признаков кулацких хозяйств.

Для 1931 г. оставались в силе указания ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. о недопустимости раскулачивания семей красноармейцев и командного состава РККА, красных партизан, учителей, рабочих промышленных предприятий и т. п.

При выселении кулацких хозяйств за пределы области предусматривалось обеспечение их продовольствием, одеждой, обувью, средствами производства (топоры, пилы и т. п.) общим весом не более 25—30 пудов на каждую семью, а также оставление им денежных средств до 500 руб.

Проведение мероприятий по ликвидации кулачества как класса вызвало активизацию кулачества, обострение классовой борьбы в деревне. Кулачество отчаянно сопротивлялось, используя все методы борьбы против колхозов и сельского актива. Поэтому в постановлении бюро Западного обкома ВКП(б) был записан пункт, который гласил: «В связи с работой по ликвидации кулачества и их выселением возможны поджоги кулацких и др. помещений, складов, мельниц, промышленное вредительство, усиление террора и т. д. Партийные организации должны мобилизовывать все силы, всю партийную организацию, рабочих и колхозников к особой бдительности».

сти, организовав дело охраны заводов, складов, мельниц и т. д., гарантирующее их сохранность»^{69.}

В конце марта — начале апреля 1931 г. были приняты решения о дальнейшем наступлении на кулачество и осуществлении мер по его ликвидации в Центрально-Черноземной области, Северном крае, Ленинградской области и других районах^{70.}

Экспроприация и выселение кулацких хозяйств проводились и в зерновых районах Союза, хотя основной удар по кулачеству там был нанесен еще в 1930 г. Из районов Северного Кавказа была выселена большая группа кулацких семей как раскулаченных в предыдущем году, так и экспроприированных в 1931 г. В Средне-Волжском крае выселению подлежало 3 тыс. кулацких семей из общего числа раскулаченных в первой половине 1931 г. 16 тыс. кулацких хозяйств^{71.} В Сибири к лету 1931 г. было экспроприровано около 40 тыс. кулацких хозяйств^{72.}

Итоги обследования колхозов, входивших в сферу обслуживания МТС в районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины, Казахстана, Западной Сибири, Московской и Ленинградской областей, показывают, что к лету 1931 г. раскулачивание коснулось менее 5% общего числа крестьянских хозяйств, а количество выселенных кулацких семей колебалось в разных районах от 20 до 50% раскулаченных^{73.} Наибольший удельный вес выселенных падает на Северный Кавказ, Среднюю и Нижнюю Волгу, значительно снижается он в районах Украины, Сибири, Московской области.

Успешно продолжалась начатая весной 1931 г. экспроприация байских, манапских и кулацких хозяйств в республиках Средней Азии, хотя она в отличие от других районов не носила массового характера. К проведению этой важной политической кампании местные партийные и советские организации отнеслись со всей серьезностью и ответственностью. Под руководством ЦК ВКП (б) и специально созданной комиссии ЦК ВКП (б) на местах была

⁶⁹ Там же, стр. 360.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 696, л. 100; д. 194, лл. 115—116 и др.

⁷¹ Ф. А. Каревский. Указ. соч., стр. 102.

⁷² Н. Я. Гуцик. Указ. соч., стр. 136.

⁷³ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 75, д. 27, лл. 1—29.

проведена большая подготовительная работа, что имело серьезное значение для правильного осуществления политики Коммунистической партии и Советской власти в деле ликвидации последнего эксплуататорского класса в СССР.

Мероприятия по ликвидации кулачества как класса проводились в 1931 г. в обстановке подъема колхозного движения, роста политической и трудовой активности рабочего класса и трудящегося крестьянства. Среди крестьянства как в период подготовки, так и в момент раскулачивания и выселения проводилась широкая массово-разъяснительная работа, которая дала положительные результаты. В районах сплошной коллективизации проходили расширенные пленумы сельских и кишлачных Советов с участием крестьян, на которых обсуждались вопросы, связанные с ликвидацией кулачества и колхозным строительством вообще. Принимались решения и брались конкретные обязательства по организации нового прилива в колхозы, укреплению колхозов и своевременному проведению других хозяйственно-политических кампаний. Списки кулаков обсуждались на собраниях групп бедноты и колхозников ⁷⁴.

В обстановке возросшей политической активности создавались новые колхозы, пополнялись старые, усилилась тяга крестьян в партию и комсомол. Только в Янгикурганском районе Узбекистана в течение августа 1931 г. было организовано 8 новых колхозов, вовлечено в колхозы 978 единоличных хозяйств ⁷⁵. В период проведения мероприятий по ликвидации кулачества как класса в районе было принято в партию более 200 крестьян и около 1000 человек в комсомол ⁷⁶. В Нарпайском районе было организовано 15 колхозов, которые объединяли 828 хозяйств, а в партию вступило 78 бедняков и колхозников-активистов ⁷⁷.

Вообще для 1931 г. характерен значительный численный рост деревенских партийных организаций и их членов. В Центрально-Черноземной области, например, за 1931 г. число партийных организаций выросло в де-

⁷⁴ Партархив ИИП при ЦК КП(б) Узбекистана, ф. 58, оп. 7, д. 247, лл. 6—11.

⁷⁵ Там же, д. 491, лл. 26—30.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, д. 273, лл. 2—3.

ревне с 1916 до 3176, а коммунистов с 31 тыс. до 47 тыс. В Северо-Кавказском крае количество парторганизаций возросло с 1981 до 2377, а число членов в них с 44 тыс. до 79 тыс. Всего по СССР в 1931 г. число деревенских коммунистов увеличилось на 200 тыс., т. е. на 40% (с 500 тыс. до 700 тыс. человек)⁷⁸.

Это говорило о дальнейшем росте среди крестьянства авторитета Коммунистической партии, о том, что интересы и цели партии становились понятны и близки трудящемуся крестьянству, передовая и наиболее сознательная часть которого вступала в ряды активных строителей социализма.

Большое значение в укреплении деревенских партийных организаций, повышении их роли в колхозном строительстве имело утвержденное ЦК ВКП(б) 11 февраля 1931 г. «Положение о ячейках ВКП(б) в колхозах»⁷⁹. Оно мобилизовывало коммунистов на борьбу за успешное завершение коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Партийные организации оказывали свое руководящее влияние на деятельность всех общественных организаций деревни, спланировали трудящиеся массы крестьянства вокруг партии и Советской власти, организовывали их на борьбу с кулачеством. Именно поэтому мероприятия по ликвидации кулачества в 1931 г. были проведены более четко и организованно, чем в 1930 г.

Центральный Комитет партии осуществлял непосредственное руководство и контроль за ходом экспроприации и выселения кулачества из районов сплошной коллективизации. На места направлялись представители ЦК ВКП(б), посылались специальные директивы, в которых особое внимание местных организаций обращалось на необходимость серьезной и тщательной работы по проверке списков раскулачиваемых и выселяемых, ограждения середняков от раскулачивания и т. п.

В связи с тем, что основная масса наиболее опасных кулаков была удалена из районов сплошной коллективизации, ЦК решил с 1932 г. прекратить массовое переселе-

⁷⁸ Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. М., 1968, стр. 272.

⁷⁹ «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935», стр. 363—370.

ние кулачества, ограничившись выселением отдельных контрреволюционных элементов, после строгой проверки и предварительного точного определения возможности хозяйственного устройства их по месту нового поселения⁸⁰.

Центральный Комитет партии неоднократно подчеркивал, что при проведении выселения должна быть обеспечена строжайшая проверка и тщательный классовый отбор с тем, чтобы выселялись только действительно кулацкие элементы, представляющие опасность для колхозного строительства и Советской власти. Краевые и областные исполнительные комитеты Советов должны были наладить точный учет кулаков, чтобы его данными пользовались финансовые, земельные и статистические органы, запретив другим ведомствам учитывать кулаков.

Такое указание имело серьезное значение, так как зачастую у каждого ведомства был свой учет кулацких хозяйств, что вело к неразберихе и разнобою в определении численности кулацких хозяйств⁸¹. Происходило это потому, что различные органы подходили со своим критерием к определению кулацких хозяйств, нарушая тем самым законодательство о признаках кулацких хозяйств. Конечно, в ходе осуществления сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса одни кулацкие хозяйства претерпели существенные изменения, многие признаки эксплуататорского хозяйства у них исчезли (использование наемного труда, сдача внаем инвентаря и аренда земли на кабальных условиях и пр.), другие — видоизменились, что потребовало пересмотра прежних критериев, чтобы полностью учесть (и выявить) все кулацкие хозяйства. Поэтому при определении кулацких хозяйств партийные и государственные органы требовали исходить из данных налогового обложения 1928/29 г., т. е. последнего хозяйственного года до начала массового колхозного движения.

О том, как изменилось экономическое положение кулаков за годы коллективизации, говорят, в частности, данные по Сибири. Если в 1929 г. средняя обеспеченность скотом на одно кулацкое хозяйство составляла: лоша-

⁸⁰ М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков. Некоторые проблемы коллективизации в СССР.— «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 19.

⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 194, л. 43.

дей — 2,5, головы, крупного рогатого скота — 2,71, овец и коз — 10,16, то в 1931 г. эти показатели были соответственно: 1,3, 1,4 и 2,9⁸².

В 1931 г. органы Советской власти совместно с бедняцко-середняцким активом провели большую и сложную работу по экспроприации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. О масштабах этой работы говорит хотя бы тот факт, что к концу 1931 г. было раскулачено около 200 тыс. деревенских эксплуататоров. А всего за два года (1930—1931) было раскулачено 569,3 тыс. кулацких хозяйств⁸³. И хотя в 1931 г. было экспроприровано кулацких хозяйств вдвое меньше, чем в 1930 г., объем работы, проделанной партийными и советскими организациями, был достаточно велик. Дело в том, что подавляющее большинство раскулаченных в 1930 г. кулацких семей продолжало оставаться в районах сплошной коллективизации, осложняя положение в деревне. Многие из оставшихся на месте кулаков не смирились со своим положением, не отказались от борьбы и всяческими путями противодействовали социалистическому преобразованию деревни. В связи с этим в 1931 г. пришлось выселять из районов сплошной коллективизации часть контрреволюционно настроенных, замешанных в антисоветской и антиколхозной деятельности кулаков, раскулаченных, но не выселенных в 1930 г. Этим и объясняется, что за период с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г. из районов сплошной коллективизации было выселено 162 962 кулацкие семьи против 77 795 семей в 1930 г. Таким образом, за два года из районов сплошной коллективизации было выселено 240 757 кулацких семей, что составляло около одного процента к общему числу крестьянских хозяйств и примерно 1/4 кулацких⁸⁴.

Насильственная экспроприация кулацких хозяйств являлась вынужденной мерой, навязанной нам кулачеством, которое ожесточенно сопротивлялось наступлению социализма в деревне. Коммунистическая партия и Советская власть вынуждены были к ней прибегнуть, чтобы сломить

⁸² Н. Я. Гущин. Указ. соч., стр. 136.

⁸³ В. А. Сидоров. Ликвидация в СССР кулачества как класса.— «Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 34.

⁸⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1972, стр. 420.

сопротивление кулачества, парализовать его влияние на крестьянские массы и расчистить дорогу социализму. Но и в условиях массового колхозного движения насильственная экспроприация кулацких хозяйств не являлась единственным средством ликвидации кулачества как класса. Советское государство использовало и другие каналы для решения важнейшей задачи социалистического преобразования деревни. Налоговая политика также была подчинена этой задаче. В годы сплошной коллективизации было пересмотрено налоговое законодательство таким образом, чтобы оно стимулировало развитие колхозного производства и способствовало вытеснению (а затем и ликвидации) кулацкого производства.

Если колхозам и колхозникам предоставлялись льготы, которые в дальнейшем были еще больше увеличены, то для кулацких хозяйств были установлены повышенные ставки налога. Все кулацкие хозяйства подлежали обложению в индивидуальном порядке. Был расширен перечень признаков кулацких хозяйств, чтобы не допускать укрытия кулаков; резко повышено обложение неземледельческих доходов. На хозяйства, обложенные индивидуальным налогом, никакие льготы не распространялись. А поскольку все кулацкие хозяйства подлежали индивидуальному обложению, то значит — все они лишались льгот.

Для кулацких хозяйств налоговым законодательством 1930—1931 гг. устанавливалась специальная шкала доходов с резко выраженной прогрессией. Об этом свидетельствуют следующие данные⁸⁵:

С 500 руб. дохода на хозяйство	—20%	налога
С излишка дохода сверх 500 до 700 руб.	—30%	»
» » 700 до 1000 руб.	—40%	»
» » 1000 до 3000 руб.	—50%	»
» » 3000 до 6000 руб.	—60%	»
» » 6000 руб.	—70%	»

Как видим, резко повышенная прогрессия ставок налога с кулацких хозяйств была направлена на вытеснение и ликвидацию кулацкого производства. Это особенно ярко

⁸⁵ СЗ СССР, 1931, № 19, ст. 171.

видно, если учесть всю совокупность налогового обложения кулацких хозяйств в годы сплошной коллективизации. Помимо сельхозналога кулаки должны были уплачивать самообложение и культсбор, которые находились в прямой пропорциональной зависимости от размеров сельхозналога. Правда, в связи с введением новых платежей был пересмотрен процент изъятия доходов. Некоторое представление о размерах обложения кулацких хозяйств в 1931 г. с учетом всех видов платежей дает таблица 18:

Таблица 18⁸⁶

Размеры обложения кулацких хозяйств в 1931 г. с учетом всех видов платежей

Доход, руб.	Сельхозналог		Культсбор		Самообложе- ние		Всего	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
500	100	20,0	100	20,0	100	20,0	300	60,0
1000	280	28,0	280	28,0	280	28,0	840	84,0
1500	530	35,3	530	35,3	530	35,3	1590	105,9
2000	780	39,0	780	39,0	780	39,0	2340	117,0
3000	1280	42,6	1280	42,6	1280	42,6	3840	133,8
5000	2480	49,6	2480	49,6	2480	49,6	7440	148,8
7000	3780	54,0	3780	54,0	3780	54,0	11 340	162,0

Для сравнения укажем, что в 1931 г. на один колхозный двор в среднем приходилось около 3 руб. сельскохозяйственного налога, на одно трудовое единоличное хозяйство — немногим более 30 руб., а на одно кулацкое хозяйство — почти 314 руб.⁸⁷

Значит, что уже при доходе в 1500 рублей налоговые платежи превышали весь доход кулацких хозяйств, поэтому для их выполнения изымался не только весь годовой доход, но и часть имущества, орудий и средств производства. Это вело к фактическому раскулачиванию кулацких хозяйств.

⁸⁶ См. М. Я. Залесский. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940, стр. 97.

⁸⁷ Там же, стр. 98.

При рассмотрении системы мер, проводившихся в период сплошной коллективизации в отношении кулака, не следует упускать и такие, как обложение кулацких хозяйств твердыми заданиями по основным видам заготовок сельскохозяйственных продуктов. Твердые задания давались всем кулацким хозяйствам, облагаемым в индивидуальном порядке. Иногда такие задания давались и зажиточным хозяйствам, которые хотя по формальным признакам не подходили под индивидуальное обложение, но владели такими средствами производства и излишками сельхозпродукции или имели скрытые доходы в результате скупки-продажи сельскохозяйственной продукции, скрытой эксплуатации наемного труда, что фактически ставило их на одну доску с кулаками.

Удельный вес хозяйств, которым давалось твердое задание, устанавливался местными органами с учетом особенностей того или иного района. В Белоруссии, например, в разных районах удельный вес хозяйств, подлежащих твердому обложению, колебался от 2 до 6% ⁸⁸.

В принятом 31 марта 1931 г. постановлении Средне-Волжского крайкома ВКП(б) указывалось, что твердые задания по весеннему севу должны даваться всем кулацким хозяйствам как в районах сплошной коллективизации, так и вне их ⁸⁹.

Твердые задания давались кулацким хозяйствам и по хлебозаготовкам, причем в случае их невыполнения имущество кулаков подлежало продаже, а к наиболее злостным саботажникам (прячущим хлеб и т. п.) применялись репрессивные меры вплоть до выселения в отдаленные районы СССР. Однако такие меры должны были применяться к узкому кругу кулаков, в отношении 3—4 хозяйств села, с тем чтобы не допустить превращения этих мер в голое раскулачивание, в ликвидацию кулацких хозяйств вне связи со сплошной коллективизацией.

Следовательно, налоговые и иные повинности в условиях массового колхозного движения были хотя и важным средством вытеснения кулацких хозяйств, но они не являлись решающими, основными в ликвидации кулачества как класса. В сложившейся обстановке резкого обо-

⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 401, л. 80.

⁸⁹ Там же, д. 2513, ч. I, л. 88.

стрения классовой борьбы таким средством являлась насильственная экспроприация кулачества.

Советское государство усиливало дальнейшее наступление на кулачество и вне районов сплошной коллективизации не только по линии налогового обложения, но и по линии ограничения наемного труда в кулацких хозяйствах, защиты прав батраков от эксплуататорских устремлений кулачества. 13 октября 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление «О наемном труде в кулацких хозяйствах»⁹⁰, в котором указывалось, что в местностях, где допускается применение наемного труда в кулацких хозяйствах, т. е. вне районов сплошной коллективизации, к этим хозяйствам применяется полностью Кодекс законов о труде. При этом должны соблюдаться следующие правила: наниматель обязан заключать при участии профсоюза письменный договор и зарегистрировать его в сельсовете; бесплатно предоставлять рабочему и работнице жилье и спецодежду; натуральная часть заработной платы (включая питание) не могла быть больше 1/3 всей зарплаты. Рабочие, временно утратившие трудоспособность, имели право бесплатно пользоваться жильем в течение двух месяцев и получать от нанимателя пищу по стоимости, указанной в трудовом договоре.

В кулацких хозяйствах не применялись особые законы об условиях труда на сезонных работах и об условиях труда временных рабочих.

В результате осуществления мероприятий по ограничению и вытеснению эксплуататорских тенденций кулачества в районах несплошной коллективизации и проведения мер по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации уже к концу 1931 г. резко сократилось количество кулацких хозяйств. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют отчетливо проследить такую тенденцию. Если к середине 1930 г. в деревне насчитывалось свыше 450 тыс. кулацких хозяйств, то к концу года их было не более 350 тыс., а еще через год, в конце 1931 г., количество кулацких хозяйств составляло примерно 150 тыс., т. е. сократилось более чем вдвое⁹¹. В РСФСР число кулацких хозяйств в сред-

⁹⁰ СЗ СССР, 1930, № 53, ст. 551.

⁹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 9, д. 93, л. 31; д. 95, л. 18.

нем сократилось на 50%, на Украине — на 55,7%, в Белоруссии — на 47,1% и т. д.⁹²

В последующие годы в зерновых районах страны уже не проводились мероприятия по экспроприации кулацких хозяйств в массовых масштабах, поскольку к этому времени кулачество было разгромлено и завершалась работа по его ликвидации. Конечно, и в 1932 и даже в 1933 г. кулацкие элементы еще оставались и продолжали в меру своих сил и возможностей мешать социалистическому строительству в деревне, но благодаря изменившейся обстановке и решающим успехам социализма теперь раскулачивание проводилось по мере выявления отдельных кулацких хозяйств, а выселение главарей и организаторов борьбы против колхозов производилось в индивидуальном порядке и небольшими группами.

В тех районах, где ликвидация кулацких хозяйств в предыдущие годы не была завершена (республики Закавказья и Средней Азии, национальные районы РСФСР), экспроприация кулачества и байства проводилась и в 1932—1933 гг. Однако и здесь уже не производились ни массовое раскулачивание, ни массовое выселение; кулацкие хозяйства расселялись на территории национальных республик и областей. Исключение составляло переселение в 1932 г. части кулацких хозяйств из Среднеазиатских республик в районы Казахстана, Северного Кавказа и Украины. Но число выселенных не шло ни в какое сравнение с числом выселенных в предшествующий период массовой ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

Массовое выселение кулацких хозяйств фактически было прекращено уже в конце 1931 г. Правда, некоторые партийные и советские организации и в дальнейшем обращались в ЦК ВКП(б) с просьбой санкционировать массовое выселение кулацких семей из районов сплошной коллективизации с тем, чтобы облегчить работу по завершению коллективизации и организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Однако эти требования были решительно отвергнуты, так как период массового выселения кулаков уже прошел. Эта мера борьбы с кулачеством была нужна пока основные силы кулака не были раз-

⁹² ЦГАНХ СССР, ф. 7733, оп. 9, д. 95, л. 18.

громлены. В результате трехлетней борьбы партии, рабочего класса и трудящихся масс крестьянства были разгромлены эксплуататорские классы и укреплены социалистические позиции в деревне. Поэтому в последующие годы Коммунистическая партия и Советская власть не могли допустить массового выселения, ибо в условиях разгрома кулачества, в условиях, когда кулачество как класс в основных районах страны было ликвидировано, эта мера невольно задела бы и трудящихся крестьян-единоличников. Поэтому партийные и советские организации сосредоточили основное внимание на массовой политической и организационной работе в деревне.

Это не означало ослабления борьбы с кулацкими элементами и проводниками их идей, как и не означало затухания классовой борьбы в деревне. Кулачество, хотя и разбитое, лишенное экономической опоры, продолжало сопротивляться наступлению социализма в деревне, причем чем скорее приближался его конец, тем отчаяннее оно хваталось за самые острые формы борьбы с колхозами и Советской властью. Конечно, масштабы этой борьбы значительно сузились, во-первых, потому, что количество кулацких хозяйств резко сократилось, и, во-вторых, потому, что кулачество не получало поддержки со стороны крестьянства.

За четыре года (1930—1933) выселению подверглось не свыше 260—270 тыс. кулацких семей. Если даже учесть, что и в конце 1929 г. было переселено некоторое количество кулацких хозяйств (из приграничных районов Украины, Белоруссии, Средней Азии, а также часть кулаков Северного Кавказа), то и тогда общее количество выселенных не превысит 300 тыс. семей.

Между тем в литературе последних лет приводятся и другие данные. В учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» указывается, что за время с 1930 по осень 1932 г. было выселено 240 757 кулацких семей⁹³. В самом деле, эта цифра относится к 1930—1931 гг. Но поскольку с 1932 г. массовое выселение кулацких семей фактически прекратилось, то погрешность будет невелика. Несколько иные данные приводятся в книге «Ленинский кооперативный план и борьба партии

⁹³ «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 420.

за его осуществление». Здесь утверждается, что в 1930 г. было выселено 115 231 кулацкая семья, а в 1931 г.— 265 795⁹⁴, т. е. всего за два года было выселено 381 026 кулацких семей. Преувеличенные данные объясняются тем, что, во-первых, сюда включена часть кулацких семей, неправильно высланных и возвращенных обратно, во-вторых, тем, что в материалах о выселении, на которых базируются эти данные, содержатся сведения как о выселяемых кулаках-одиночках (главах семей), так и о выселяемых кулацких семьях. Поэтому одна и та же выселенная кулацкая семья могла значиться дважды: сначала, когда выселялся глава кулацкой семьи, а затем, когда переселялась к месту его высылки семья.

И, наконец, в-третьих, в число выселенных могли попасть кулацкие семьи, расселяемые в пределах районов сплошной коллективизации. Всего, по нашим подсчетам, выселенные кулаки составляли немногим более 1%, к общему числу крестьянских хозяйств и примерно 1/3 кулацких хозяйств.

Основная работа по массовому выселению кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации была проведена в 1930—1931 гг., когда было выселено 240 тыс. кулацких семей, т. е. более 80% выселенных за 1929—1933 гг. кулаков. Выселение кулаков являлось одной из мер в общем комплексе мероприятий по ликвидации кулачества как класса, и поэтому было бы неправильно сводить процесс ликвидации кулачества только к выселению. Ни по объему, ни по значению оно таким не являлось.

Данные налогового обложения за 1932—1933 гг. говорят о том, что количество кулацких хозяйств в стране к осени 1932 г. сократилось примерно до 80 тыс., а в 1933 г. оно составляло не более 50 тыс. Из этого числа основная масса кулацких хозяйств приходилась на долю национальных районов (республик Средней Азии, Закавказья, некоторых районов РСФСР). Но позиции кулачества и в этих районах были настолько ослаблены, что оно уже не представляло прежней опасности, ибо было лишено возможности эксплуатировать пролетарские и полупролетарские элементы деревни. Это значит, что уже к концу

⁹⁴ «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление», стр. 108, 121.

первой пятилетки (1932 г.) кулачество было разгромлено, а в основных зерновых и сырьевых районах страны ликвидировано как класс.

В резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦК ВКП (б) в январе 1933 г. отмечалось, что «на основе роста социалистической индустрии, развертывания сплошной коллективизации в основных зерновых районах и перехода к политике ликвидации кулачества, как класса, решен основной вопрос «кто — кого», решен в пользу социализма против капиталистических элементов города и деревни»⁹⁵.

Успехи в социалистическом строительстве, в ликвидации капиталистических элементов города и деревни стали возможны потому, что Коммунистическая партия вела борьбу за последовательное, неуклонное проведение генеральной линии против правого оппортунизма, «левацких» перегибов и контрреволюционного троцкизма. Эти успехи стали возможны потому, что партия сумела возглавить борьбу трудящихся с капиталистическими элементами города и деревни, за ликвидацию кулачества как класса.

⁹⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 72.

**МЕРОПРИЯТИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПО ТРУДОВОМУ
ПЕРЕВОСПИТАНИЮ
БЫВШИХ КУЛАКОВ**

**1. Размещение, хозяйственное устройство
и использование труда выселенных кулаков**

Проводя политику ликвидации кулачества как класса, Коммунистическая партия и Советская власть решали наряду с главной задачей — ликвидацией последнего эксплуататорского класса в СССР — ряд других задач социалистического строительства.

В результате осуществления мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации создавались благоприятные условия для успешного развития колхозного движения, поскольку изолировалась наиболее опасная категория кулаков, активно выступавшая против колхозов. Высылая кулаков в отдаленные малонаселенные или необжитые районы, Советское государство попутно решало и задачу хозяйственного освоения этих районов. В ходе хозяйственного освоения северных или отдаленных районов СССР шел процесс вовлечения бывших кулаков в общественно-полезную деятельность, процесс их трудового перевоспитания.

Поскольку выселение кулаков из районов сплошной коллективизации намечалось прежде всего в Северный край, районы Сибири и Урала, то естественно, что партийные и советские организации этих районов в первую очередь должны были подготовиться к приему и расселению высылаемых кулацких семей. 27 января 1930 г. Северный крайком ВКП(б) обсудил этот вопрос и поручил специальной комиссии крайкома уточнить план порайон-

ного расселения выселяемых в край кулацких семей¹. Комиссия должна была в соответствии с планом определить пункты расселения, учесть все имеющиеся там помещения, наметить места постройки временного жилья, определить количество строительных материалов, рабочей силы и сумму средств для этого.

30 января 1930 г. Северный крайком ВКП(б) вновь рассматривал вопрос о расселении в крае кулачества, высылаемого из южных районов СССР². На внеочередном заседании бюро крайкома партии 31 января 1930 г. был утвержден план расселения кулацких семейств в Северном крае. Из общего количества переселяемых в край кулацких семейств (70 тыс.) в Архангельском округе должно быть расселено 30 тыс., в Вологодском — 10 тыс., Северо-Двинском — 9,5 тыс., Няндомском — 8,5 тыс. и Коми автономной области — 12 тыс.³.

План предусматривал государственные ассигнования для строительства жилья, школ, медпунктов. Общая стоимость затрат на жилищно-бытовое строительство была определена в 5 млн. рублей. Лесоматериал для строительства должен быть отпущен Северолесом, Комилесом и крайсовнархозом⁴.

В первой половине февраля 1930 г. число расселяемых кулацких хозяйств в Северном крае и на Урале было сокращено. Теперь в Северный край предполагалось переселить не 70 тыс. семей, а 45 тыс., на Урал — не 20 тыс., а 15 тыс. семей. Таким образом, выселению в районы Северного края и Урала подлежало 60 тыс. кулацких семей⁵. Наиболее ранние сроки начала перевозок кулацких семей были намечены для Северного Кавказа — 11—13 февраля 1930 г. Отсюда отправились первые три эшелона с переселяемыми на Север кулацкими семьями. В остальных зерновых районах начало перевозки кулаков намечалось на 20 февраля. Срок окончания перевозки кулацких семей первой очереди для всех районов устанавливался 15 апреля.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 192, л. 23.

² Там же, лл. 23, 25.

³ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Вологда, 1964, стр. 681—682.

⁴ Там же, стр. 682.

⁵ Там же.

В конце февраля 1930 г. в Северный край стали прибывать первые эшелоны с переселяемыми. Несмотря на большие трудности, прием и размещение выселяемых проходили нормально. Трудоспособные члены семей отправлялись на строительные работы по месту будущего постоянного жительства, а нетрудоспособные временно размещались в общежитиях и бараках. Расселение кулацких семей производилось в таких районах, где выселяемые могли использоваться в различных отраслях народного хозяйства. Так, в одних районах (Северо-Двинском) они могли заниматься льноводством и частично хлебопашеством; в других (Вологодский округ) — животноводством; в-третьих (Архангельск и Коми автономная область) — рыболовством и охотой. Кроме того, во всех районах переселенцам обеспечивалась работа в лесной промышленности: зимой — на лесозаготовках, а летом — на лесосплаве.

Большую работу по размещению и устройству переселенцев проводили партийные организации тех краев и областей, куда переселялись кулацкие семьи. При обкомах и крайкомах создавались специальные комиссии, которые занимались вопросами расселения, трудового и хозяйственного устройства кулаков⁶. Руководящие работники партийных и советских органов сами выезжали на места постоянного и временного расселения кулаков, знакомились с ходом строительства жилых, хозяйственных и культурно-бытовых помещений. Так, секретарь Северного крайкома ВКП(б) С. А. Бергавинов выезжал в места расселения кулацких семей в районах Архангельска, Вологды, Котласа.

16 марта 1930 г. бюро Сибкрайкома приняло решение о расселении кулачества⁷. «Исходя из директив ЦК о ликвидации кулака как класса в районах сплошной коллективизации и продолжении политики ограничения и усиленного вытеснения кулака в остальных районах (не сплошной коллективизации), — говорилось в решении, — также исходя из задач преодоления кулацкого контрреволюционного сопротивления в связи с успешным развертыванием коллективизации», бюро Сибкрайкома постановило

⁶ В. А. Сидоров. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков. — «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 58; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 192, л. 23.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3099, л. 29.

до 20 марта закончить выселение на Север в малообжитые районы кулаков второй категории. Расселение кулацких хозяйств третьей категории планировалось закончить за 20 дней до начала весенне-полевых работ с тем, чтобы обеспечить им возможность проведения сева⁸. Для расселения кулаков третьей категории крайком ВКП(б) предлагал местным организациям выделять землю, чтобы расселяемые могли заняться сельским хозяйством; часть кулаков рекомендовалось использовать на лесозаготовках и рыбных промыслах.

Как видим, первоначально Сибирский крайком решил расселять в пределах края только кулаков Сибири, выселяя вторую категорию в малообжитые северные районы. Однако в дальнейшем Сибирь стала одним из основных районов, в котором были размещены выселенные кулаки. Достаточно указать, что только в Нарыме в 1930—1931 гг. было поселено 47 тыс. кулацких семейств (196 тыс. человек). Для освоения им было выделено свыше двух миллионов га земли, т. е. более чем по 10 га на человека⁹.

Кроме основных районов вселения кулацких семейств (Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан), расселение проводилось и в других местах, в том числе на Дальнем Востоке, в Ленинградской области, Нижегородском, Средне-Волжском, Северо-Кавказском краях, на Украине, в Средней Азии.

В Ленинградской области, например, для выселяемых кулацких хозяйств выделялось 431,5 тыс. га земельных угодий для расселения 600 кулацких семей. В каждом поселке расселялось по 25—30 семей¹⁰. В Ленинградскую область была выселена также часть кулаков из других районов страны. Направлялись они на Кольский полуостров на разработку апатитов, на Синявинские торфопереработки и Нивострой. К концу 1931 г. в Ленинградской области было расселено более 8 тыс. кулацких семей.

В Нижегородском крае было размещено сравнительно небольшое число кулацких семей (около 1,5 тыс.), которые должны были использоваться на лесоразработках.

⁸ Там же.

⁹ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. II. М., 1967, стр. 451.

¹⁰ ГАОР ЛО, ф. 7179, оп. 3, д. 128, лл. 187—189.

Примерно 2,5 тыс. семей кулаков были расселены в Средне-Волжском крае.

Значительная часть кулацких семей (свыше 10 тыс.) расселялась на Дальнем Востоке в районах лесозаготовок и золотопромышленности. Предприятия Дальлеса уже весной 1930 г. приняли 700 семей. Свыше тысячи семей приняла Якутия.

В Северо-Кавказском крае в 1930 г. на территории Дивенского района было размещено 9,5 тыс. кулацких хозяйств, которые получили 76 тыс. га земли (по 8 га на каждое хозяйство). Расселялись кулацкие семьи и в Прикумском и Моздокском районах. В крае в 1930—1931 гг. было расселено около 14 тыс. кулацких семей¹¹.

На Украине кулаки переселялись на выселки и надеялись землей по потребительской норме. Наряду с расселением кулаков внутри республики в 1931 г. на Украину была переселена часть раскулаченных баев и кулаков из Средней Азии и, в частности, из Узбекистана (более 3,5 тыс. семей). Кроме того, более 2 тыс. байских семей были расселены небольшими группами в некоторых районах Средней Азии.

В Казахстане переселенцы размещались главным образом в районах бывшего Акмолинского и Каркаралинского округов и Караганды. К концу 1931 г. в Казахстане было расселено около 45 тыс. кулацких семей, причем в районах Северного Казахстана более 33 тыс. и Южного Казахстана не менее 10 тыс. кулацких семей. Они устраивались на Кропидово-Кропштадтском, Кургалино-Ишимском, Анилипском, Боян-Аульском, Дюр-Сартском земельных фондах. Часть кулацких семей расселялась в районе озера Балхаш с тем, чтобы они могли заниматься рыболовством.

Таким образом, хотя кулацкие семьи расселялись во многих районах, основными районами их поселения являлись Северный край, Урал, Сибирь и Казахстан, на долю которых приходилось почти 9/10 общего количества выселенных кулаков¹². Это наложило свой отпеча-

¹¹ М. Я. Левина, Е. Н. Осколков. Из истории коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.). — «Архивы — общественным наукам». Ростов-на-Дону, 1970 г., стр. 175; Госархив Ростовской области, ф. 1390, оп. 6, д. 1347, лл. 43, 78.

¹² Н. А. Ивницкий. Классовая борьба в деревне и ликвидация кула-

ток на процесс ликвидации кулачества как класса в этих районах. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса в Северном крае, на Урале, в Сибири и Казахстане имело свои особенности. Эти районы, помимо того, что сами проводили мероприятия по ликвидации кулачества как класса, должны были принять большое количество кулацких семей из других районов СССР. Выселенные из районов сплошной коллективизации кулаки представляли собой огромную массу чрезвычайно озлобленных врагов, которые, с одной стороны, осложняли и без того трудное дело социалистического строительства в этих районах. С другой стороны, переселенцы при правильном к ним отношении могли в дальнейшем сыграть значительную роль в развитии производительных сил края.

Советские и хозяйственные организации приняли ряд мер по упорядочению расселения кулацких семей. Еще в апреле 1930 г. Наркомземом было принято специальное постановление «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации». В нем, в частности, говорилось, что при выселении кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации, но в пределах данного края (области), необходимо создавать специальные поселки в размере не менее 20 и не более 100 дворов, чтобы обеспечить возможность организации в них медико-санитарной помощи, школ, производственных сельскохозяйственных предприятий и т. п. Поселки должны были находиться между районами сплошной коллективизации с тем, чтобы последние оказывали свое воздействие на население поселков. Запрещалась организация хуторов и отрубов. Допускалась с особого разрешения организация неуставных поселковых товариществ. Определение мест нахождения поселков, норм земельных наделов должно производиться комиссией из представителей земельных органов, административных управлений обл. (край) исполкомов и других учреждений¹³.

В течение 1930—1932 гг., когда сплошная коллективизация осуществлялась бурными темпами, проблема расселения и первоначального устройства на новых местах кулацких семей занимала важное место в работе партий-

чества как класса (1929—1932 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 49.

¹³ ЦГАНХ СССР, ф. 357, оп. 1, д. 1, л. 58.

ных и советских организаций. Большие масштабы переселения, произведенного в 1930—1931 гг., потребовали колоссального напряжения сил от партийных и советских организаций, чтобы эту массу населения в короткий срок переселить, расселить и устроить в новых районах. В этих условиях неизбежны были ошибки и недостатки. Несмотря на это, переселение, расселение и первоначальное устройство были успешно и в короткий срок осуществлены, и на очередь дня стали вопросы хозяйственного устройства и культурно-бытового обслуживания переселенцев.

* * *

Выселенных кулаков намечалось использовать в различных отраслях народного хозяйства — сельское хозяйство (земледелие, животноводство), охота, промыслы, промышленность (лесная, горнодобывающая и т. п.).

Это требовало наряду с проведением организационных мероприятий больших материально-технических средств. Между тем Советское государство, реализуя напряженные планы социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, не имело свободных ресурсов и потому не могло в первое время выделять достаточно средств на устройство выселяемых кулаков. Тем не менее и в этих условиях Коммунистическая партия и Советское правительство много делали для того, чтобы решить проблему переселения и трудоустройства кулаков.

1 апреля 1930 г. при Совете Народных Комиссаров СССР была создана специальная Комиссия по устройству выселенных кулаков¹⁴. Уже 5 апреля состоялось первое заседание, на котором присутствовали представители различных наркоматов и ведомств (ВСНХ, Наркомфина, Наркомзема и др.). Комиссия обсудила вопросы хозяйственного устройства переселенцев и приняла постановление об отпуске им сельскохозяйственного инвентаря на тех же условиях, что и единоличникам, выделении семян для засева огородов и полей, а также необходимых стройматериалов.

Бюро Северного крайкома ВКП(б) неоднократно обсуждало вопросы хозяйственного устройства переселенцев и

¹⁴ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 57.

приняло ориентировочные нормы снабжения кулацких семей хозяйственным и производственным инвентарем, согласно которым каждая семья должна иметь: лошадей — 0,5, коров — 0,4, сбри, саней — 0,5 комплекта, плугов — 0,25, борон — 0,1, кос — 2, серпов — 2, мотыг — 2, заступов — 1, топоров — 2, пил поперечных — 1, пил продольных — 0,1, разного инвентаря — на 15 руб.¹⁵ Для семей, расселяемых в пунктах промыслового рыболовства и охоты, предусматривалось обеспечение хозяйственно-промысловым снаряжением на сумму в 200 рублей на каждую семью¹⁶.

По решению Комиссии Совнаркома СССР от 11 апреля 1930 г. для устройства кулацких семей на местах нового поселения из специального резервного фонда отпускалось 15 млн. рублей. Помимо этого было переведено более 25 млн. руб. на расходы, связанные с переселением и устройством кулацких семей в новых районах¹⁷.

Комиссия признала необходимым отпускать выселяемым кулацким семьям в кредит (без задатков) сельскохозяйственные машины и орудия. Наркомзему СССР было предложено удовлетворить заявки на с/х инвентарь. Некоторое представление о размерах отпускаемого сельхозинвентаря кулацким хозяйствам, расселенным в Сибири, Северном крае и на Урале, дают следующие данные¹⁸: плугов было выделено 18,4 тыс., борон — 18,4 тыс., кос — 145 тыс., серпов — 145 тыс., вил — 87,5 тыс., телег и ходов — 1,5 тыс. и т. д. В дальнейшем помощь Советского государства районам новых поселений неуклонно возрастала как в количественном отношении, так и за счет отпуска более сложного инвентаря и сельскохозяйственных машин (тракторов, молотилок и др.).

Наряду с сельхозинвентарем и орудиями хозяйственного обихода по решению Комиссии от 11 апреля 1930 г. для переселенцев Урала и Сибири отпускалась семенная ссуда: Уралу — 10 тыс. ц овса, 10 тыс. ц ячменя и семян огородных культур, рассчитанных на засев 2 тыс. га,

¹⁵ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе», стр. 682.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Н. А. Ивницкий. Указ. соч., стр. 49.

¹⁸ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 57 (Заметим, что В. А. Сидоров эти данные ошибочно относит только к Сибири и Уралу, исключая Северный край).

Сибири — 5 тыс. ц пшеницы, 4 тыс. ц овса, 3 тыс. ц ячменя и на засев 2 тыс. га огородных культур. И хотя первоначально семенная ссуда отпускалась до реализации нового урожая, т. е. до осени 1930 г., фактически она была безвозмездной, так как сроки возврата ее были перенесены, а затем задолженность по ссуде вообще была списана ¹⁹.

Значительная часть кулаков использовалась в лесной, горнодобывающей промышленности, на торфоразработках и т. д. Это имело большое значение для развития производительных сил северных и малонаселенных районов страны.

Хозяйственные организации заключали договоры об использовании труда бывших кулаков на своих предприятиях. Эти организации должны были заботиться не только о трудоустройстве выселенных кулаков, но об их материально-бытовом обеспечении. Так, Северный крайком ВКП(б) решением от 9 июня 1930 г. обязывал Северолес и Производсоюз подписать договоры о расселении переселенцев и предложил организациям лесной промышленности на время строительства поселков для постоянного жительства освободить кулаков от работ в леспромпхозах ²⁰.

Кроме ранее выделенных средств, Комиссия СНК СССР в мае—июне 1930 г. дополнительно выделила 25,7 млн. руб. на переселение и хозяйственное устройство переселенцев ²¹.

Все это положительно сказалось на хозяйственном устройстве бывших кулаков. В ряде районов Сибири уже в первый год переселения были достигнуты определенные успехи в трудовом устройстве переселенцев. В Шерстобитовском районе расселения бывших кулаков, где находилось 1347 семей, были организованы артели по дегтярному и бондарному производству, лову рыбы и сбору орехов. В распоряжении переселенцев имелось 40 тыс. га земли, пригодной к сельскохозяйственному производству, 791 лошадь, т. е. на каждые три хозяйства приходилось две лошади; сельскохозяйственным инвентарем переселенцы были обеспечены на 80—90%, а семенами — полно-

¹⁹ В. А. Сидоров Указ. соч., стр. 57.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 193, л. 6.

²¹ «Проблемы аграрной истории советского общества». М., 1971, стр. 158; Н. А. Ивницкий. Указ. соч., стр. 49.

стью. Несмотря на огромные трудности первого года переселения, бывшие кулаки в 1930 г. засеяли 832 га. В Чаинском районе, где было расселено 2278 кулацких семей, имелось 1800 лошадей (на каждые 5 семей 4 лошади); сельскохозяйственным инвентарем переселенческие хозяйства были обеспечены полностью²².

Хозяйственное устройство и использование труда бывших кулаков потребовали от Советского государства в 1930 г. не только значительных материальных затрат, но и огромной организационно-хозяйственной работы партийных и советских органов. Впервые в таких масштабах приходилось решать задачу вовлечения социально чуждых элементов в общественно полезную деятельность. Поэтому только на практике, на опыте выявлялись наиболее целесообразные формы и методы их трудоустройства и использования. Не обошлось при этом без ошибок и недостатков. Не все районы вселения (Сибирь, Казахстан) подготовились к приему высылаемых кулаков, поскольку они недооценили сложности и трудностей этого мероприятия. Но в целом первый этап переселения и хозяйственного устройства бывших кулаков прошел удовлетворительно.

Весной 1931 г., как известно, был нанесен второй главный удар по кулачеству, начался второй основной этап ликвидации кулачества как класса. В результате этого значительная часть кулацких хозяйств была ликвидирована, а более 160 тыс. кулацких семей выселено из районов сплошной коллективизации. Как и в 1930 г., намечалось их труд использовать в промышленности (лесной и горнодобывающей), в земледелии и на промыслах.

Потребность в рабочей силе восточных и северных районов страны росла из года в год. Объяснялось это прежде всего развитием промышленности в этих районах, так как здесь не только расширялось старое производство (Урал, Алдан), но и возникали новые промышленные центры (Магнитогорск, Кузбасс, Печора). В связи с этим весной 1931 г. было принято решение о передаче 10 тыс. кулац-

²² В. Т. Шуклецов. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае.— «Из истории партийных и советских организаций Сибири». Новосибирск, 1962, стр. 155; Партийный архив Новосибирского обкома КПСС, ф. 3, оп. 2, д. 247, лл. 21, 23.

ких семей в распоряжение Цветметзолота, а 8 тыс. для освоения угольных районов Печоры²³.

Коммунистическая партия и Советское правительство учитывали не только потребности в рабочей силе, но и возможности бытового устройства, материального обеспечения, а также опыт использования рабочей силы хозяйственными организациями. Выселению подлежали только те кулацкие семьи, которые имели в своем составе трудоспособных мужчин, а также при условии обязательного обеспечения соответствующими фондами продовольствия, инструментов, инвентаря по установленным нормам. Еще в письме П. П. Постышева, разосланном в конце мая 1931 г. местным партийным организациям, указывалось на необходимость обеспечения выселяемых для хозяйственного устройства их на новых местах поселения определенным минимумом инструментов, сельскохозяйственного инвентаря и тягла²⁴.

Важное значение для хозяйственного устройства, культурно-бытового обслуживания и использования труда бывших кулаков имело постановление СНК СССР от 16 августа 1931 г.²⁵ Согласно этому постановлению для переселенцев было выделено дополнительно 240 тыс. га земли для огородов и посевов, в том числе 84 тыс. га под полевые культуры и 156 тыс. га под огороды. Наркомзему СССР предлагалось в двухмесячный срок завезти различного сельхозинвентаря на сумму 5400 тыс. рублей, семян — на 11330 тыс. руб. Наркомснаб обязан был в тот же срок передать переселенцам 20 тыс. лошадей (на 7360 тыс. руб.), 33 тыс. коров (на 4885 тыс. руб.), 8,3 тыс. свиней (на 621 тыс. руб.) и птицы на 150 тыс. рублей²⁶. На улучшение земельных фондов и землеустройство выделялось 9,5 млн. руб. Кроме того, Наркомснаб должен был выделить для Западной Сибири 25 тыс. ц озимой ржи для посева осенью 1931 г. Всего, таким образом, было ассигновано 40 млн. руб.²⁷

Переселенцам разрешалось приобретать за наличные деньги или по специально отпущенным кредитам лошадь,

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 194, лл. 115, 117.

²⁴ Партархив Ростовского обкома КПСС, ф. 7, оп. 1, д. 1074, л. 68.

²⁵ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 57.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

корову, свиней, овец, птицу. Поступавший от государства инвентарь должен был передаваться или в личное пользование поселенцев, если они вели индивидуальное хозяйство, или в общественное, если они объединялись в артели.

Всем переселенцам предоставлялись большие льготы — в течение двух лет они освобождались от уплаты налогов, сборов и заготовки сельскохозяйственных продуктов. Кредиты для них также предоставлялись на льготных условиях — погашались в рассрочку, причем первый взнос через полтора—два года после получения ссуд. Это давало возможность переселенцам хозяйственно устроиться и экономически окрепнуть.

Бывшим кулакам, работавшим в промышленности, главным образом, горнодобывающей и лесной, разрешалось иметь небольшое подсобное хозяйство (огород) для удовлетворения личных потребностей. Труд поселенцев использовался и во вновь организуемых совхозах, где бывшие кулаки составляли основную рабочую силу, и в неуставных артелях, которым передавались на договорных началах сельскохозяйственный инвентарь и тягло. Все работы по подготовке земельных фондов для переселенцев, расселяемых в совхозах или организуемых в неуставные артели, снабжение их сельхозмашинами, инвентарем, рабочим и продуктивным скотом осуществлялись Наркомземом СССР.

Ответственность за использование труда бывших кулаков в промышленности и обеспечение их необходимым инструментом, спецодеждой и жильем возлагалась на соответствующие промышленные предприятия и хозяйственные организации. В отношении норм выработки, условий и оплаты труда, снабжения, жилья, медицинского обслуживания, социального страхования переселенцы, работающие в промышленности и совхозах, приравнивались к местным рабочим.

Специальный раздел постановления был посвящен кооперации. С целью привлечь бывших кулаков к участию в кооперативном строительстве разрешалось принимать переселенцев и членов их семей в качестве пассивных членов потребительской и производственной кооперации; они пользовались всеми правами членов кооперации в отношении снабжения, но не могли участвовать в выборах и быть избранными в органы управления кооперацией.

Для того времени эти ограничения были понятны и оправданны. Опыт кооперативного строительства показывал, что даже в условиях, когда классово чуждые элементы составляли в кооперации незначительное меньшинство, им удавалось пролезть в органы управления, и кооперативы нередко перерождались в кулацкие. Не случайно еще в 1929 г. было запрещено принимать кулаков в кооперацию. Однако, учитывая все это, советские организации считали возможным использовать молодежь из кулацких семей для работы в аппарате кооперативной сети. Предусматривались и другие мероприятия по освобождению молодежи от контрреволюционного влияния кулаков-стариков. Рекомендовалось, например, создавать особые молодежные бригады на производстве, вовлекая молодежь в соревнование. К молодежным бригадам прикреплялись политические руководители для ведения политико-массовой работы. Молодежь в первую очередь снабжалась литературой, принималась в кружки по повышению квалификации и т. п. Разрешалось досрочно снимать всякие ограничения для молодежи за ударную работу и перевыполнение производственных заданий.

Осуществление всех этих мер, несомненно, способствовало привлечению молодежи на сторону Советской власти, освобождению ее из-под кулацкого влияния.

В постановлении СНК СССР предусматривался комплекс мероприятий, связанных с жилищно-бытовым устройством, материальным обеспечением, санитарно-медицинским обслуживанием, школьным образованием, культурно-просветительной и массово-политической работой среди выселенных кулаков.

Таким образом, августовское постановление СНК СССР охватывало все основные проблемы, связанные с устройством и использованием переселенцев, оно давало местным организациям четкие указания по практическому осуществлению политики партии и правительства в отношении выселенных кулаков.

В конце августа 1931 г. местные партийные и советские организации ряда районов приняли аналогичные постановления²⁸. Так, например, Северо-Кавказский крайисполком в постановлении от 29 августа 1931 г. разработал меро-

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 195, лл. 31—33; Госархив Ростовской области, ф. р-1485, оп. 8, д. 231, лл. 108—115 и др.

приятия по развертыванию хозяйственно-производственной деятельности и использованию труда переселенцев в поселках Дивенского и Прикумского районов²⁹.

Весной 1931 г. силами переселенцев этих районов были посеяны продовольственные культуры и хлопок, организованы молочная ферма, овцеводческое хозяйство, были налажены кирпично-черепичное производство и сетевязание, создана пошивочно-обувная фабрика и т. д.

В поселках Дивенского и Прикумского районов только часть переселенцев была занята на кустарно-промысловых предприятиях, в пригородных хозяйствах и совхозах, а в остальных предусматривалась организация неуставных артелей. В Прикумском районе (села Петропавловка и Новоромановка) намечалось организовать хлопкосовхоз с привлечением переселенцев как основной рабочей силы. Одним из источников такой рабочей силы стали прибывшие в 1931 г. из Средней Азии (главным образом Узбекистана) байские семьи. Часть их использовалась на производстве хлопка, другие стали заниматься животноводством или земледелием, а небольшая часть — промыслами.

В Дивенском и Прикумском районах Северного Кавказа в коллективном пользовании поселенцев было около 3 тыс. голов рабочего скота, а около 4 тыс. голов продуктивного скота находилось в индивидуальном пользовании. На приобретение 2 тыс. голов рабочего скота, 720 коров, 30 тыс. овец Советское государство отпустило 1650 тыс. руб. В 1931 г. было засеяно почти 15 тыс. га. Уже к концу 1931 г. было организовано 36 неуставных артелей, которые объединяли 5537 хозяйств.

Основным направлением хозяйственного развития Дивенского района являлось животноводство (овцеводство). Наряду с неуставными артелями в 1932 г. был создан специальный каракулеводческий совхоз с поголовьем в 10 тыс. овец.

Прикумский район специализировался как хлопковый район. Здесь создавался хлопковый совхоз с посевной площадью в 10 тыс. га. Кроме того, 4 тыс. га хлопка засеивали неуставные артели. Что касается кустарных промыслов, то они были распространены в той или иной степени в обоих районах, в них были заняты 3600 человек, а годовая выработка продукции их превышала 550 тыс. руб. Были ор-

²⁹ М. Я. Левина, Е. Н. Осколков. Указ. соч., стр. 175.

ганизованы также неуставные молодежные артели: сельскохозяйственные — объединяли 266 человек, огородные — 68, кустарно-промысловые — 33 человека.

На Северном Кавказе наряду с местными кулаками расселялись узбекские и таджикские баи. Национальные особенности их быта и хозяйственного уклада создавали дополнительные трудности при организации хозяйственной деятельности поселенцев.

В Северном крае порядок хозяйственного устройства, использования и культурно-бытового обслуживания бывших кулаков определялся как постановлением СНК СССР, так и специальными постановлениями Северного крайкома ВКП(б) и крайисполкома.

Эффективность производственного использования выселенных кулаков находилась в неразрывной связи с правильной расстановкой рабочей силы. В Северном крае основная масса выселенных кулаков использовалась в лесной промышленности: на лесозаготовках, лесосплаве, лесозаводах и т. д. Часть из них занималась кустарными промыслами, на которые в 1931 г. было ассигновано более 330 тыс. руб. Так, например, в Усть-Цилемском районе Коми автономной области в распоряжение Кустпромсоюза были направлены 100 кулацких семей для развития производства шифера, а 200 семей — для разработки точильного камня. Использовался труд бывших кулаков и в других кустарных промыслах³⁰.

Заметное место в занятиях переселенцев Северного края занимало земледелие, причем важнейшей отраслью его являлось огородничество. Из 9420 га, подлежащих освоению весной 1932 г., под овес намечалось подготовить 3931 га, а под огороды — 5489 га. Для этой цели в 1931 г. было раскорчевано почти 2700 га. К лету 1935 г. площадь раскорчевки достигла 16 тыс. га. Для переселенцев отводились большие массивы земли. Достаточно указать, что только 8 поселкам Сыктывкарского района Коми автономной области было передано 8948 га, в том числе около 2300 га чистых земель и выгонов³¹.

В крае к концу 1931 г. было построено значительное количество хозяйственных и производственных объектов. В поселках бывших кулаков, входивших в ведение треста

³⁰ ЦГА Коми АССР, ф. р-3, оп. 1, д. 26, л. 9.

³¹ Там же, д. 19, л. 43.

«Комилес», было построено 30 овощехранилищ, 15 скотных дворов, 35 конюшен, 42 склада, 32 кузницы, 20 мастерских, 42 колодца. В условиях бездорожья Севера постройка дорог имела серьезное хозяйственное значение. В крае было проложено 228 км дорог, не считая 440 км построенных в 1931 г. грунтовых дорог временного пользования в Коми автономной области ³².

Некоторое представление об использовании труда переселенцев в крае дают сведения по Коми автономной области. Здесь к осени 1932 г. имелось 8140 семей, насчитывавших 13 328 трудоспособных. На работе было занято 12 964 человека, т. е. 96% общего числа трудоспособных, из них на лесозаготовках — 4294 человека, на строительстве — 3614, на сельхозработах — 2815, в сфере обслуживания — 933 и на дорожных работах — 308 человек. Основная масса бывших кулаков, таким образом, была занята на лесозаготовках и на строительстве поселков (около 75%). Они были организованы в бригады, общее количество которых достигало 779 (8283 человека). Правильная организация и оплата труда благоприятно сказывались на производительности труда. Так, до сентября 1932 г. было заготовлено 144 413 кубометров и вывезено более 85 тыс. кубометров леса ³³.

В Северном крае, как и в других районах поселений, значительное распространение получили такие формы борьбы за повышение производительности труда, как трудовое соревнование и ударничество. Между неуставными артелями, бригадами и отдельными переселенцами заключались договоры. В качестве примера можно привести договор на трудовое соревнование между неуставными сельхозартелями переселенческих поселков «Певк» и «Сапич» Сыктывдинского района Коми автономной области. В договоре говорилось: «В целях создания собственной продовольственной и кормовой базы, путем увеличения посевных площадей и сенокосных угодий, улучшения материально-бытового положения членов неуставной сельхозартели, путем решительного повышения урожайности, увеличения продуктивности скота и увеличения количества его, берем на себя обязательство в течение года провести нижеследующие мероприятия...» ³⁴.

³² Там же, д. 26, л. 81.

³³ Там же, д. 66, лл. 13, 14.

³⁴ Там же, д. 9, л. 29.

В числе обязательств, включенных в договор, были пункты о расширении посевных площадей, сенокосов и пастбищ, для чего предусматривались раскорчевка и очистка новых земель. Устанавливались сроки работ и их качество. Важное место занимали вопросы агротехники: «полностью произвести сортирование и очистку посевного материала, проверку его на всхожесть и протравление»; «заготовить по 12 тонн на одну семью торфа на удобрение и собрать по 250 кг золы для удобрения»³⁵. Бралась и другие обязательства, гарантирующие успешное проведение полевых работ (ремонт сельхозинвентаря, подготовка рабочего скота). В договоре был записан пункт о получении высокой для той местности урожайности сельскохозяйственных культур: «Путем хорошей обработки земли, удобрения, ухода за культурами (прополка, окучивание, рыхление посевов), борьбы с потерями при уборке добиться следующей урожайности с одного га (в центнерах): ржи — 9, овса — 14, ячменя — 19, гороха — 15, картофеля — 150, овощей (средняя) — 150»³⁶. Предусматривалось также получение 1000 литров молока в год с каждой дойной коровы.

В договоре содержались и обязательства по организации труда, особенно важным из них являлось то, что все работы в неуставной артели производятся исключительно бригадами, за которыми закрепляется живой и мертвый инвентарь, участки работ и т. п.

Заключение подобных договоров сыграло большую роль в повышении трудовой активности переселенцев, развертывании в массовом масштабе соревнования и ударничества. Договоры на трудовое соревнование имели и политико-воспитательное значение, поскольку в их выработке, обсуждении и утверждении принимали участие все переселенцы.

Включившись в трудовое соревнование, переселенцы Северного края добивались высоких производственных показателей. На лесозаготовках многие переселенцы, особенно из молодежи, значительно перевыполняли нормы выработки. Так, бригадир-ударник В. Г. Захаров на лесозаготовках систематически перевыполнял нормы в два раза; бригадир молодежной бригады Ф. П. Цимбала поднял

³⁵ ЦГА Коми АССР, ф. р-3, оп. 1, д. 9, л. 29.

³⁶ Там же.

трудо­вую дис­ци­п­ли­ну, до­бил­ся пе­ре­вы­пол­не­ния нор­м все­й бри­га­дой. Хо­ро­шо ра­бо­та­ли на ле­со­за­го­тов­ках и не­од­но­к­рат­но пре­ми­ро­ва­лись за у­дар­ную ра­бо­ту бри­га­ды А. А. Мо­ро­за, И. З. Се­но­наль­ни­ко­ва, А. О. Шу­мей­ко, П. Н. Ве­ре­в­ки­на, В. М. Ка­рам­зи­на, А. Г. Си­во­ла­но­ва, Л. И. А­ле­хи­на, А. И. Хо­мен­ко и дру­гие. На­ря­ду с мо­ло­де­жью, хо­ро­шо тру­ди­лась и часть пе­ре­се­лен­цев бо­лее стар­ше­го воз­ра­ста. Ле­со­руб-у­дар­ник П. Е. Се­ма­жен­ко (39-ти лет) за хо­ро­шие по­ка­за­те­ли и вы­со­кую про­из­во­ди­тель­ность тру­да за ле­со­за­го­тов­итель­ный се­зон 1931/32 г. пре­ми­ро­вал­ся 10 раз; П. К. Па­шен­ко (34 го­да), А. В. Кли­мов­ич (31 год) и дру­гие доб­ро­со­вест­но тру­ди­лись на про­из­вод­стве, по­ка­зы­вая при­мер ос­та­ль­ным пе­ре­се­лен­цам³⁷.

При­об­ще­ние бь­в­ших ку­ла­ков к об­ще­ствен­но по­лез­но­му тру­ду бла­го­при­ят­но ска­зы­ва­лось как на про­из­вод­ствен­ных ре­зуль­та­тах, так и на по­ве­де­нии пе­ре­се­лен­цев.

Са­мы­м круп­ным райо­ном по­се­ле­ний яв­лял­ся Урал. Здесь к на­ча­лу 1932 г. имел­ось бо­лее 500 тыс. по­се­лен­цев, т. е. 130 тыс. се­мей. Они бы­ли рас­се­ле­ны в 69 райо­нах об­ла­сти (574 по­се­лка)³⁸. Во всех от­рас­лях на­род­но­го хо­зяй­ства бы­ло за­ня­то свы­ше 220 тыс. че­ло­век, т. е. бо­лее 40% об­ще­го чис­ла пе­ре­се­лен­цев и око­ло 85% тру­дос­по­соб­но­го на­се­ле­ния, ко­то­рые ис­поль­зо­ва­лись глав­ным об­ра­зом в про­мыш­лен­но­сти — уголь­ной, ме­тал­лур­гиче­ской, зо­ло­то­про­мыш­лен­но­сти, на ле­сных раз­ра­бот­ках и т. д. Успеш­но ос­ва­и­ва­лось на У­ра­ле и сель­ское хо­зяй­ство. Об­щие за­т­ра­ты на сель­ско­хо­зяй­ствен­ное ус­трой­ство по­се­лен­цев в 1931/32 г. ис­чис­ля­лись в 11 с лиш­ним мил­ли­о­нов ру­блей. Не­смот­ря на ог­ром­ные тру­д­но­сти на­ла­жи­ва­ния сель­ско­хо­зяй­ствен­но­го про­из­вод­ства в не­об­жи­тых райо­нах У­ра­ла, ос­во­е­ние но­вых райо­нов успеш­но прод­ви­га­лось впе­ред. Здесь соз­да­ва­лись не­ус­тав­ные сель­ско­хо­зяй­ствен­ные ар­те­ли, в ко­то­рых объ­еди­ня­лось по­дав­ляю­щее боль­шин­ство пе­ре­се­лен­цев. В У­ват­ском райо­не, на­при­мер, в 1933 г. из 1220 пе­ре­се­лен­че­ских хо­зяй­ств 1009, т. е. 82,7%, бы­ли объ­еди­не­ны в не­ус­тав­ные сель­хоз­ар­те­ли. Эти ар­те­ли име­ли 1256 го­лов

³⁷ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе», стр. 482—488.

³⁸ Р. Н. Куреев. Партийные организации Южного Зауралья во главе борьбы крестьянских масс с кулачеством в период коллективизации (1928—1932 гг.). Свердловск, 1971, стр. 18.

крупного рогатого скота, 386 лошадей, 436 овец. Переселенцы раскорчевали 1176 га земли, посеяли 982 га озимых. Площадь всех посевов только за 1933 г. увеличилась с 1406 до 2756 га. В неуставных артелях обеспеченность скотом была несравненно выше, чем в единоличных хозяйствах переселенцев. Так, если на каждое хозяйство, состоящее в артели, приходилось по 1,2 головы крупного рогатого скота, 0,4 лошади, то на каждое единоличное хозяйство приходилось 0,3 головы коров, 0,1 лошади³⁹. Еще в большей степени это относится к сельхозинвентарю, посевным площадям и т. д. Таким образом, даже в условиях некоторых ограничений, в которых действовали неуставные артели, коллективное хозяйство демонстрировало свои преимущества перед индивидуальным.

Значительное число кулацких семей было расселено в Сибири, главным образом в Западно-Сибирском крае, причем основным районом расселения кулацких семей был Нарымский край. В конце 1931 г. в Нарыме было расселено свыше 40 тыс. кулацких семей, основными занятиями которых были сельское хозяйство, лесозаготовки и кустарный промысел. На освоение Нарымского края были ассигнованы значительные средства. Для развития сельскохозяйственного производства в крае в 1932 г. было отпущено 12,7 млн. руб.⁴⁰, в том числе на улучшение земельных фондов 6247 тыс. руб., на приобретение сельскохозяйственного инвентаря — 1658 тыс., скота — 1806 тыс., семенного материала — 663 тыс., на строительство хозяйственных построек — почти 2 млн. и на содержание агрозоветработников — 400 тыс. рублей.

В конце 1931 г. в северных районах Нарыма имелось 17 808 лошадей, 4067 голов крупного рогатого скота (кроме передаваемых от Союзмяса 4100 голов молочного скота и 3570 лошадей, закупаемых по нарядам центра). В край было завезено 1500 свиней⁴¹.

Сельскохозяйственное освоение края началось в 1930 г., когда сюда была переселена первая группа кулацких семей. Уже осенью 1930 г. ими было посеяно 1573 га озимых, а весной 1931 г. — 6604 га яровых культур. В течение

³⁹ Госархив Свердловской области, ф. 1824, оп. 3, д. 540, лл. 112—113.

⁴⁰ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 453.

⁴¹ Госархив Новосибирской области, ф. 3, оп. 2, д. 163, лл. 30—31; ф. 47, оп. 4, д. 315, лл. 176, 397.

первых двух лет освоения края в его северной части было раскорчевано 22 673 га земли. Это дало возможность осенью 1931 г. засеять 9445 га озимых и вспахать 3,4 тыс. га зяби. Общее представление о темпах сельскохозяйственного освоения Нарымского края дают следующие данные: в 1930 г. посевные площади составляли 1,6 тыс., в 1931 г.— 16 тыс., в 1932 г.— 52,6 тыс., в 1933 г.— 75 тыс. га⁴². Существенные сдвиги были достигнуты и в повышении урожайности сельскохозяйственных культур. За два года в Нарымском округе⁴³ урожайность зерновых и картофеля повысилась в среднем в 2,5 раза. Урожайность ржи, пшеницы и ячменя в северных районах края уже в 1933 г. не только достигла уровня южных районов, но и в ряде случаев превосходила его. Росла и развивалась животноводческая отрасль хозяйства. За четыре года (1930—1933) поголовье скота у переселенцев выросло: крупного рогатого в 6,6 раза, свиней — в 3,6, овец — в 2,2 раза⁴⁴.

Успехи в развитии сельского хозяйства создавали условия для освобождения Нарымского округа от ввоза продовольствия и фуража. И действительно, начиная с 1934 г. поселки переселенцев Нарымского Севера полностью обеспечивали свои потребности в хлебе, фураже, овощах и наряду с местным населением принимали участие в госпоставках.

Сельское хозяйство переселенческих районов Нарымского Севера развивалось в форме неуставных артелей, совхозов и индивидуальных хозяйств. Организация неуставных артелей развернулась с 1931 г. К концу 1931 г. они объединяли 14% переселенческих хозяйств, к концу 1932 г. уже 39%, летом 1933 г.— 59,6%, к концу 1934 г.— уже 69,3%⁴⁵.

В целях создания благоприятных условий для развития кооперативного движения Советское правительство приняло решение и на 1934—1935 гг. освободить неуставные артели Нарымского округа (как и переселенцев Восточной Сибири и Урала) от сдачи продуктов животноводства. В районах поселений Нарыма было организовано две

⁴² С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 453.

⁴³ В 1932 г. в составе Западно-Сибирского края был образован Нарымский округ.

⁴⁴ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 453—454.

⁴⁵ Там же, стр. 454.

МТС (с 59 колесными и 4 гусеничными тракторами), которые обслуживали неуставные артели.

Другой формой ведения сельскохозяйственного производства являлись совхозы, возникновение которых в Нарымском крае относится к 1930—1931 гг. Наличие огромных земельных массивов, большого количества свободных рабочих рук в лице бывших кулаков создавали благоприятные условия для совхозного строительства.

Значительный удельный вес в сельском хозяйстве, особенно в первые годы вселения, занимал индивидуальный сектор. Однако по мере развития кооперативного строительства удельный вес единоличных переселенческих хозяйств, как и вообще индивидуальных крестьянских хозяйств края, неуклонно падал. Поэтому к осени 1935 г. уровень коллективизации в Нарымском округе достиг 78,3%. Рост социалистического сектора в сельском хозяйстве и неуставных артелей переселенцев сказался на развитии сельскохозяйственного производства в целом в северных районах Западной Сибири. Северные районы в 1935 г. получили больший урожай зерновых, чем старые земледельческие районы. Так, например, в Нарымском округе был получен урожай пшеницы от 9 до 12 ц с га, овса — 11,5 ц против 6 и 5 ц в среднем по Западно-Сибирскому краю. В результате этого колхозно-совхозный, индивидуально-крестьянский сектор и переселенцы Нарыма сдали и продали государству в 1935 г. 2500 тыс. ц хлеба. Огромный и малонаселенный Нарымский край превращался из потребляющего в производящий, в край, способный полностью обеспечить свои потребности в продовольствии ⁴⁶.

Помимо сельскохозяйственного производства в Нарымском крае развивались и другие отрасли народного хозяйства: лесная промышленность и лесозаготовки, угольная промышленность, рыбный и кустарный промыслы, транспорт. В 1931 г. было организовано 306 кустарно-промысловых артелей, объединявших 3827 переселенцев, которые только за четыре месяца (июнь — сентябрь) выработали продукции на 2,4 млн. руб. Это позволило запланировать на 1932 г. валовой продукции кустарных

⁴⁶ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 454. Население Нарыма насчитывало немногим более 300 тыс. человек, $\frac{2}{3}$ которого составляли бывшие кулаки-переселенцы.

промыслов на сумму в 16 млн. руб. Советское государство ассигновало для развития промыслов 1,8 млн. руб. Кроме того, были предусмотрены капиталовложения на развитие рыбных промыслов в сумме 500 тыс. руб., что обеспечивало выполнение плана добычи рыбы в 1932 г. в количестве 50 тыс. ц. Значительные средства отпускались и на развитие лесного хозяйства. Капитальные вложения на выполнение лесозаготовительной программы (в 1932 г. предусматривалось заготовить и вывезти 2300 тыс. кубометров леса) составляли 5 млн. руб.⁴⁷

Кроме северных районов Нарыма, 26 тыс. семей переселенцев размещались в южных промышленных районах. Здесь переселенцы трудились в горнорудной промышленности (тресты «Востокуголь», «Востоксталь», «Цветмет-золото» и др.).

В Восточно-Сибирском крае труд переселенцев использовался в основном в горнорудной и лесной промышленности (трест «Востоксиблес»), а небольшой их части (около 3 тыс. семей) в сельском хозяйстве⁴⁸.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по хозяйственному устройству и трудовому перевоспитанию бывших кулаков начали уже в первые годы давать свои результаты, особенно заметными они стали в 1934—1935 гг. Начинало меняться отношение многих переселенцев к труду. На шахтах Кузбасса, золотоприисках Алдана, Анжерских угольных копей и других предприятиях уже в 1931 г. переселенцы выполняли нормы на 105—127%. На шахте № 5/7 Анжерских угольных копей 143 рабочих из числа бывших кулаков выполняли нормы на 85%, 290 рабочих — на 100—150%, 53 — на 150—200%⁴⁹. Тогда же впервые там возникли ударные бригады переселенцев.

Конечно, было бы ошибочным рост производительности труда, появление первых ударных бригад относить за счет только нового отношения бывших кулаков к труду. Определяющее значение в начальный период освоения новых районов имели не столько моральные стимулы, сколько материальная заинтересованность, хотя общий

⁴⁷ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 452.

⁴⁸ И. С. Степичев. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966, стр. 701.

⁴⁹ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 60.

трудоустройке на промышленных предприятиях, развертывание социалистического соревнования среди рабочих промышленности оказали свое влияние и на переселенцев, особенно молодежь. Не случайно первые ударные бригады были организованы из молодежи и первые договоры на трудовое соревнование заключались между молодежными бригадами. Это свидетельствовало о том, что уже появились признаки начавшегося перелома в отношении переселенцев к труду. Новое отношение к труду рождалось в борьбе, порой острой и непримиримой.

Наряду с Северным краем, Уралом и Сибирью крупнейшим районом расселения кулацких семей являлся Казахстан. Труд поселенцев использовался в Северном Казахстане преимущественно в сельском хозяйстве, в Южном Казахстане — в промышленности. В 1931 г. землеустроительные работы в Северном Казахстане были проведены на площади в 141,5 тыс. га. Советское государство на сельскохозяйственное устройство переселенцев в Северном Казахстане в 1931 г. ассигновало более 2,8 млн. руб., выделило 40 тракторов, 3580 лошадей, 1200 голов молочного скота. Освоение свободных земель развивалось довольно быстрыми темпами. Если в 1931 г. было освоено всего несколько тысяч га, то в 1932 г. — более 30 тыс., а к лету 1935 г. — 90 тыс. га целинных земель⁵⁰. Переселенцы Северного Казахстана в 1934 г. добились хорошего урожая. Средний урожай пшеницы составлял 12,1 ц с га, ячменя — 13,6, овса — 13,9, картофеля — 41,8, овощей — 55,1 ц с га. Переселенцы Северного Казахстана получили в 1934 г. более высокий урожай зерновых культур, чем в среднем по стране. Было собрано более 470 тыс. ц зерна, 6 тыс. ц технических культур, 324 тыс. ц картофеля и овощей, заготовлено 325 тыс. ц сена и 25 тыс. ц силоса. Переселенцы не только полностью обеспечили свои потребности в хлебе, семенах, фураже и овощах, но и возвратили ссуду государству. Кроме того, оставался еще товарный излишек зерна — 42 тыс. ц, а картофеля и овощей — 73 тыс. ц. Реализация товарной продукции дала возможность погасить задолженность государству в 3,7 млн. руб. и выделить на расширение сельскохозяйственного производства в 1935 г. 3,5 млн. руб.

⁵⁰ «Проблемы аграрной истории советского общества», стр. 158.

После всех отчислений в различные фонды осталась значительная часть продукции для распределения по трудодням. Неуставные артели выдали на трудодень в среднем по 4,7 кг зерна (от 3 до 10 кг), картофеля и овощей — по 4,3 кг.

Таких успехов переселенцы достигли благодаря всемерной помощи Советского государства, правильной организации форм хозяйствования. Подавляющее большинство переселенцев объединилось в 44 неуставные артели, которые обслуживались 5 МТС, располагавшими 268 тракторами, 50 автомашинами, 2 комбайнами. Машинно-тракторные станции в 1934 г. обработали 90% посевной и уборочной площади. Все это привело в конце 1934 — начале 1935 г. к массовому приливу в артели единоличных переселенческих хозяйств.

В южных районах Казахстана земледелие (огородничество) играло подсобную роль и призвано было лишь частично удовлетворять потребительские нужды переселенцев. В 1931 г. для переселенцев промышленных районов было заготовлено 21 тыс. тонн овощей. Здесь же было организовано несколько животноводческих ферм (на рудниках «Цветметзолота», рыбных промыслах Аральского моря, Мозкумском совхозе и других), каждая из которых насчитывала до 1,5—2 тыс. голов скота. Переселенцам Южного Казахстана на развитие подсобного хозяйства и животноводства было отпущено 1,5 млн. руб. Всего, таким образом, на сельскохозяйственное устройство кулацких семей, выселенных в Казахстан, Советское государство ассигновало в 1931 г. более 4,3 млн. руб.

Кустарные промыслы первоначально были развиты слабо и поэтому не играли заметной роли в хозяйстве переселенцев. Наиболее значительное распространение получил лишь извозный промысел, для организации которого переселенцам было передано более тысячи лошадей и около 750 пароконных бричек и одноконных телег. На развитие промыслов в 1931 г. было переведено Всекоопромсоюзу 320 тыс. руб. В 1934 г. в кустарных промыслах было занято уже 6 тыс. человек, которые за 9 месяцев произвели продукции на 5,7 млн. руб.

В районах Южного Казахстана труд кулаков использовался, главным образом, в горнорудной промышленности. Только на предприятиях «Карагандауголь» в 1935 г. работало 16 тыс. переселенцев, почти треть которых явля-

лись ударниками. Аналогичное положение было и на предприятиях «Цветметзолота».

В других районах поселений (Дальневосточный край, Алдан, Ленинградская область, Нижегородский и Средне-Волжский края, Украина и Средняя Азия) направление хозяйственной деятельности переселенцев определялось природно-климатическими условиями и особенностями занятий выселяемых. На Дальнем Востоке, например, тайга и болота не позволяли в сколько-нибудь значительных размерах заниматься земледелием. Основная масса переселенцев использовалась на рудниках треста «Цветметзолото», угольных коях и лесозаготовках. На Алдане труд бывших кулаков использовался на золотых приисках.

На Украине и в Средней Азии выселенные байские семьи занимались хлопководством и животноводством. Переселенцы показывали высокую производительность труда, вовлекались в трудовое соревнование и ударничество. В Средней Азии, например, почти 50% всех работающих были охвачены трудовым соревнованием. Некоторые переселенцы на сборе хлопка выполняли норму на 200—300%.

Рост производительности труда переселенцев положительно сказывался, с одной стороны, на их материальном положении, а с другой — на результатах сельскохозяйственного производства. При использовании труда выселенных из Средней Азии на Украину баев учитывалась специфика их занятий (хлопководство, животноводство) с тем, чтобы получить наибольший эффект от использования их опыта и навыков в ведении хозяйства. Наряду с этим организация производства хлопка в южных районах Украины способствовала решению стоявшей в то время перед страной задачи — полностью освободиться от ввоза хлопка из-за границы. Переселенцы из Средней Азии должны были внести свой вклад в решение этой общей задачи.

Труд кулаков, расселенных в Северо-Западном районе (Ленинградская область), использовался преимущественно на разработке апатитовых залежей (Хибины). Несмотря на то, что в этом районе большинство переселенцев использовалось в промышленности и строительстве, тем не менее часть их занималась земледелием (огородничеством), животноводством (молочным) и рыбным промыслом.

Что касается остальных районов расселения кулачества (Нижегородский и Средне-Волжский края), то здесь оно не играло существенной роли в хозяйственной жизни. Напомним, что в Средне-Волжском и Нижегородском краях было расселено менее 1% общего числа высланных кулаков. В Нижегородском крае переселенцы использовали Союзлеспромом на лесозаготовках, а в Средне-Волжском — промышленными трестами (Халиловским горным и др.) и строительными организациями⁵¹.

К весне 1935 г. во всех районах кулацких поселений было создано на строго добровольных началах 1271 неуставная сельскохозяйственная артель, где насчитывалось 445 тыс. человек. Посевная площадь составляла 368 тыс. га, причем более 160 тыс. га было освоено в результате раскорчевки земель в северных районах (Нарымском Севере, на Урале, в Восточной Сибири и Северном крае), а около 90 тыс. га целинных земель распахано в Северном Казахстане⁵².

Все это позволило поселкам Нарымского Севера, Северного Казахстана и Северного Кавказа с 1934 г. полностью обеспечивать свои потребности в хлебе, фураже и овощах, а также принимать участие в государственных поставках наряду с местным населением. Переселенцы этих районов, работавшие в промышленности, также обеспечивали свои потребности в продовольствии.

Всего на промышленных предприятиях и новостройках районов поселений к 1935 г. было занято 640 тыс. человек (вместе с семьями). Более половины — 383 тыс. человек — приходилось на долю тяжелой промышленности (главным образом, горнодобывающей); 179 тыс. человек было занято в лесной промышленности и 78 тыс. — в легкой промышленности, на транспорте и в других организациях⁵³.

Уравнение переселенцев с остальными рабочими в отношении норм выработки, оплаты труда, социального страхования, снабжения и культурно-бытового обслуживания создало благоприятные условия для развертывания трудового соревнования, ударничества и стахановского движения. Как уже отмечалось, из 16 тыс. рабочих —

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2514, л. 47.

⁵² Н. А. Иеницкий. Указ. соч., стр. 52—53.

⁵³ Там же, стр. 52.

переселенцев, занятых на предприятиях треста «Карагандауголь», около 5 тыс. являлись ударниками. На предприятиях Кузбасса насчитывалось почти 6 тыс. ударников из 25 тыс. работающих; на приисках «Алданзолото» на 4 тыс. рабочих приходилось 1,5 тыс. ударников, на лесоразработках из 72 тыс. ударниками являлись более 20 тыс. и т. д.⁵⁴

Трудовое соревнование и ударничество в промышленности, объединение переселенцев в неуставные артели (как сельскохозяйственные, так и промысловые) — это были не только факторы повышения производительности труда и развития производства в целом, но и важные рычаги в трудовом перевоспитании, в изменении отношения бывших кулаков к Советской власти, к социалистическому строительству. Благодаря правильной политике Коммунистической партии бывшие враги Советской власти постепенно превращались в строителей социализма. Обще­ственно полезный труд приобщил прежних кулаков к новому общественному укладу жизни.

2. Материальное обеспечение и культурно-бытовое обслуживание переселенцев

Важнейшей составной частью мероприятий по трудовому перевоспитанию бывших кулаков являлось их культурно-бытовое обслуживание. В условиях большой отдаленности районов новых поселений от промышленных и культурных центров, при острой нехватке кадров для культурно-бытовых и лечебных учреждений, ограниченных материально-финансовых ресурсах, когда приходилось экономить на всем, культурно-бытовое обслуживание переселенцев представляло большую сложность. Страна, в сложнейших условиях проводившая социалистическую индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, осуществлявшая культурную революцию, должна была помочь бывшим кулакам хозяйственно устроиться на новом месте, обеспечить их необходимым продовольствием, позаботиться и об их культурно-бытовом обслуживании.

Учитывая, что на первых порах переселенцы не смогут обеспечить себя продовольствием, Советское государство

⁵⁴ Там же.

взяло на себя обязанности снабжения их хозяйственным инвентарем, семенами и продовольствием. Первоначально, до получения продовольствия в централизованном порядке, переселенцы обеспечивались за счет местных ресурсов⁵⁵. Северный крайком ВКП(б) 19 и 23—24 марта 1930 г. принял постановления о порядке и нормах снабжения кулаков, расселенных в крае и занятых в лесопромышленности⁵⁶.

В мае 1930 г. нормы снабжения переселенцев, работающих на лесозаготовках, были приравнены к нормам постоянных рабочих лесной промышленности. Не следует упускать из виду того обстоятельства, что в годы первой пятилетки страна была поставлена перед выбором «либо пойти на сознательное ограничение уровня жизни людей и героическими усилиями, в кратчайший срок создать могучую экономику и укрепить свою обороноспособность, либо быть раздавленной объединенными силами реакции»⁵⁷.

И в этих условиях Коммунистическая партия и Советское правительство нашли возможным выделить для снабжения переселенцев значительные продовольственные ресурсы из неприкосновенного фонда. Летом 1930 г. для переселенцев Северного края, Урала и Сибири было выделено свыше 290 тыс. ц муки, 27,3 тыс. ц крупы, 7,3 тыс. ц сахара, 2,6 тыс. ц масла растительного, 72,4 тыс. ц рыбы и 81,6 тыс. ц овса.

Кроме того, в апреле 1930 г. Северный край получил 18 вагонов сахара и 120 тонн чая и чайного напитка, Урал соответственно: 13 вагонов и 59 тонн, Сибирь — 3 вагона и 31 тонну.

Продовольствие завозилось таким образом, чтобы отдаленные районы были обеспечены до июля 1931 г., а ближние — до сентября 1930 г. Делалось это потому, что транспортная связь с Крайним Севером и отдаленными районами Сибири с осени и до лета прерывалась ввиду бездорожья. При распределении продовольствия по районам учитывалось как количество переселенцев, так и осо-

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 193, л. 6.

⁵⁶ Там же, д. 192, л. 115; «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 680, 682.

⁵⁷ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 27.

бенности природно-климатических и экономических условий района. Поэтому Северный край получил продовольствия в общем больше, чем Урал или Сибирь, так как в 1930 г. он являлся самым крупным районом новых поселений.

Снабжение переселенцев продуктами питания и промышленными товарами осуществлялось через сеть магазинов, ларьков, столовых, число которых быстро росло. На Урале к началу 1932 г. имелось более 100 столовых, 170 хлебопекарен, 786 магазинов; в Северном крае осенью 1931 г. насчитывалось 44 столовых. В Коми автономной области для переселенцев было построено 29 пекарен, 35 магазинов; в Ленинградской области на апатитовых разработках столовые ежедневно отпускали 19 тыс. обедов т. е. общественным питанием было обеспечено 2/3 переселенческого населения, а остальные получали сухой паек⁵⁸. Общественное питание для переселенцев имело первостепенное значение, особенно в начальный период, когда было больше всего трудностей с обеспечением домашним хозяйственным инвентарем, имели место перебои со снабжением продовольствием. Поэтому в тот период на организацию общественного питания обращалось особое внимание.

До лета 1930 г. на хозяйственное и культурно-бытовое устройство переселенцев местным организациям было переведено около 12 млн. руб. В 1931 г. ассигнования на устройство переселенцев еще более возросли. Только за 7 месяцев 1931 г. было переведено 21,5 млн. руб., в том числе: «Цветметзолоту» — 6 млн., Союзлеспрому — 12 млн.; Сахалиннефти — 2 млн., Дальуглю — 1,2 млн. руб. Фактически на устройство переселенцев было израсходовано значительно больше средств. Так, например, Союзлеспромом было израсходовано — 21 млн. руб., «Цветметзолотом» — 12 млн. руб., Дальуглем — 3 млн. руб. и т. д. В сентябре 1931 г. было отпущено дополнительно Главлеспрому (Союзлеспрому) 18 млн. руб. на жилищное строительство для переселенцев.

Превышение ранее намеченных ассигнований объясняется возросшими потребностями в связи с выселением в

⁵⁸ Р. Н. Киреев. Указ. соч., стр. 18; Партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 10, д. 253, лл. 30, 31; ЦГА Коми АССР, ф. р-3, оп. 1, д. 26, л. 81 и др.

1931 г. из районов сплошной коллективизации большой группы кулаков. Ввиду этого хозяйственные организации, получавшие дополнительную рабочую силу, расходовали часть собственных средств на устройство и обслуживание переселенцев.

В дальнейшем расходы на хозяйственное устройство и культурно-бытовое обслуживание еще больше возросли, хотя число переселенцев существенно не изменилось. В 1932 г. для переселенцев Нарымского края было выделено 45,5 млн. руб., из них на жилищное строительство, здравоохранение и образование не менее 14 млн. руб.⁵⁹ Тогда же на эти цели Совнарком СССР отпустил 16 млн. руб. Всего на переселение, хозяйственное устройство и обслуживание бывших кулаков в 1930—1932 гг. Советское государство отпустило около 250 млн. руб.⁶⁰ Это значит, что затраты на переселенцев равнялись или превышали стоимость конфискованного у них имущества. В самом деле, по данным Наркомфина СССР, стоимость конфискованного в 1930 г. кулацкого имущества составляла в среднем 550—600 руб. на хозяйство (180 млн. руб. приходилось на 320 тыс. кулацких хозяйств). Если принять во внимание, что эти данные занижены и стоимость экспроприированного у кулаков имущества будет составлять не 180 млн. руб., а 400 млн., то и тогда на каждое выселенное хозяйство будет приходиться примерно 1000 руб. Между тем переселенцам Нарымского Севера в одном 1932 г. было отпущено не менее 1000 руб. на семью. Но ведь затраты на переселенцев Нарыма производились и до 1932 г., поэтому сумма затрат возрастет еще минимум на 50% и составит около 1500 руб. на одну кулацкую семью.

Конечно, не во всех районах новых поселений затраты на переселенцев были одинаковы: в северных и отдаленных районах они были выше, чем в южных и центральных. Естественно, что на Северном Кавказе, Украине, Поволжье и Средней Азии расходы на устройство переселенцев были меньше, чем в северных районах Урала, Сибири, Дальнего Востока и Северного края. В южных районах, например, на Северном Кавказе расходы на жилищное строительство, одежду и обувь были сравнительно

⁵⁹ Госархив Новосибирской области, ф. 47, оп. 4, д. 315, л. 357.

⁶⁰ «Проблемы аграрной истории советского общества», стр. 158.

невелики, во-первых, потому, что кулаки переселялись в обжитые районы, где имелись жилые и хозяйственные постройки, культурно-бытовые учреждения; во-вторых, продолжительность зимы здесь была меньше, чем в северных районах, и это также требовало меньше затрат на теплую одежду и обувь. Наконец, нельзя не учитывать и того, что многие кулацкие хозяйства переселялись сюда со своим скотом и инвентарем. Это же относится и к районам поселений Украины, Средней Азии, Средней Волги. Но в общем затраты на переселенцев всех районов Советского Союза составляли огромную по тому времени сумму.

Конечно, такие большие вложения материально-финансовых средств не могли быть целиком безвозмездными. Часть их отпускалась в виде кредитов на особо льготных условиях. Кредиты отпускались из расчета 3% годовых, причем погашение долга растягивалось на 4 года и более, а первые взносы в счет его погашения должны были выплачиваться примерно через два года после получения кредитов. На практике, однако, и эти сроки либо еще более растягивались, либо переселенческие поселки вообще освобождались от их уплаты.

Рассмотрим основные направления и характер использования государственных кредитов, средств хозяйственных организаций и самих переселенцев на материальные, культурно-бытовые и социальные нужды.

Одной из самых острых и сложных проблем являлась жилищная проблема. Жилищный кризис испытывала вся страна. Социалистическая индустриализация страны вызвала резкий рост городского населения и рабочего класса. Приток сельского населения в города и промышленные центры в период первой пятилетки был настолько значителен, что, несмотря на большое жилищное строительство, которое велось в те годы (в 1931 г. капитальные вложения в жилищное строительство составили 1156 млн. руб., было построено 10 млн. кв. метров жилья), жилищный кризис продолжал обостряться⁶¹.

В этих условиях, естественно, не мог быстро решиться и жилищный вопрос для переселенцев. Правда, временные жилища — бараки — удалось построить сравнительно

⁶¹ «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 546.

быстро. Но они не могли кардинально решить проблему. Поэтому местным организациям рекомендовалось разрешить переселенцам строить себе жилища (избу и хозяйственные постройки) без ограничения размера и планировки. Местные организации указывали только место стройки и должны были оказывать содействие в строительстве: отпускать кредиты, стройматериалы, инструмент и т. п. Переселенцам разрешалось строить как в нерабочее, так и в рабочее время. Следует подчеркнуть, что это не освобождало хозяйственные организации от обязанности обеспечить в срок жильем занятых у них переселенцев.

К жилищному строительству было приступлено сразу же как стали прибывать переселенцы. На строительство поселков, прежде всего жилья, было мобилизовано почти все трудоспособное взрослое население. В постановлении Северного крайкома ВКП(б) от 1 апреля 1930 г. указывалось, что «на работах по подготовке колонизационного фонда и жилстроительства в ближайшие 6 месяцев будет занята почти вся трудоспособная часть переселенцев»⁶². Благодаря такой расстановке сил большинство переселенцев Северного края уже в 1930 г. получили постоянные жилища. Поселенцы, занятые в сельском хозяйстве, были лучше обеспечены жильем, чем переселенцы на лесозаготовках и в горнодобывающей промышленности. В качестве примера можно привести два сельхозпоселка Сторожевского района Коми автономной области. Поселок «Боровой» в 1930 г. насчитывал 134 семьи бывших кулаков (401 человек), которые имели 3144 кв. метров жилья, т. е. по 7,8 кв. метров на человека. В поселке «Лева-Керос» проживали 42 семьи переселенцев, которые имели 1789 кв. метров жилплощади или по 13 метров на человека⁶³.

На Урале из 130 тыс. семей в 1931 г. постоянной площадью было обеспечено 98 тыс., а остальные 32 тыс. семей были временно размещены у крестьян, в бараках и т. д. К апрелю 1932 г. здесь имелось 574 переселенческих поселка, в которых было построено 24 269 домов и 77 241 квартира, кроме того, завершалось строительство

⁶² Партархив Архангельского обкома КПСС, ф. 290, оп. 2, д. 157, л. 63.

⁶³ ЦГА Коми АССР, ф. р-3, оп. 1, д. 129, л. 26.

еще 6 тыс. домов и 16 687 квартир⁶⁴. В Сибири постоянным жильем были обеспечены почти все семьи, а в Нарымском крае и Восточной Сибири более чем на 90%.

В Казахстане для 140 тыс. переселенцев дома были построены уже в 1931 г., а остальные 50 тыс. получили постоянное жилье к весне 1932 г. Лучше были обеспечены жилплощадью переселенцы Южного Казахстана. Здесь из 42 тыс. человек к концу 1931 г. только 2,7 тыс. были размещены в крестьянских домах.

Что касается обеспечения жильем переселенцев на Украине и Северном Кавказе, то здесь проблема временного расселения к 1931 г. была разрешена: почти все переселенцы были размещены в постоянных домах.

Огромные средства вкладывались и в развитие системы медико-санитарных, социально-бытовых и культурно-просветительных учреждений в районах поселения кулаков. Одним из первых мероприятий по организации медико-санитарного обслуживания переселенцев было создание в апреле 1930 г. специального фонда в 1,5 млн. руб. В районах новых поселений одновременно с хозяйственным устройством и жилищным строительством шла интенсивная работа по организации лечебных и профилактических пунктов, коммунально-бытовых учреждений для обслуживания переселенцев. Советское правительство обязало Центросоюз, Наркомздрав и другие ведомства выделить необходимое количество предметов санитарии и гигиены, медикаментов и медицинского оборудования.

Медико-санитарное обслуживание переселенцев осуществлялось как местной сетью лечебных учреждений, так и специально организуемыми для этой цели учреждениями. В Нижегородском, Средне-Волжском, Северо-Кавказском краях, на Украине и в Средней Азии переселенцы получали медицинскую помощь в тех же лечебных учреждениях, что и местные жители. В Северном крае, Сибири, Казахстане, на Урале и Дальнем Востоке для переселенцев строились специальные больницы, медпункты, аптеки и бытовые учреждения (бани, дезкамеры и пр.). Наряду с этим переселенцы прикреплялись и к медицинским учреждениям, обслуживавшим местное население.

⁶⁴ Партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 4. оп. 10, д. 253, л. 1.

Так, в Восточно-Сибирском крае стационарное лечение производилось в 13 больницах для переселенцев и 19 районных больницах.

О сети медико-санитарных и бытовых учреждений, созданных в районах массовых поселений кулацких семей, можно судить по таким далеко не полным данным: на Урале к началу 1932 г. для переселенцев имелось 44 больницы и 223 медпункта (в которых работали 69 врачей и 602 фельдшера), 730 бань, 87 дезкамер; в Восточной Сибири к концу 1931 г. насчитывалось 13 больниц и 77 медпунктов, 58 бань и 47 дезкамер, в Северном крае — 118 больниц и медпунктов; в Южном Казахстане — 12 больниц и 31 медицинский пункт и т. д.⁶⁵ В 1931 г. в районы переселения было послано 135 врачей и 754 фельдшера. Пополнение медицинского персонала лечебных учреждений шло и за счет подготовки кадров из среды самих переселенцев. В 1931 г. при Вологодском медицинском техникуме были организованы курсы для подготовки среднего медперсонала из числа переселенцев. Готовились кадры медицинских работников и в других районах.

Предметом специальной заботы Коммунистической партии и Советского правительства являлись дети. Забота Советского государства о детях проявлялась как в вопросах материально-бытового устройства, так и в деле их воспитания и школьного образования. Серьезное внимание уделялось улучшению питания, обеспечению детей одеждой и обувью, что имело первостепенное значение. В мае 1930 г. сверх выделенных ранее для переселенцев продовольственных фондов было отпущено специально для детей 1000 ц масла и 1000 ц сахара. В районах поселения кулацких семей создавались специальные детские столовые, детям выделялись продовольственные пайки, завозились коровы для обеспечения детей молоком и т. д. В начале 1932 г. на дополнительное питание детей до 8 лет отпускалось 50 тыс. пайков. Общая сумма дополнительных ассигнований на детское питание и школы составила 17 млн. руб.

Большую роль в воспитании детей и улучшении их материально-бытового положения играли детские ясли, до-

⁶⁵ Партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 10, д. 253, лл. 1, 30, 31; В. А. Сидоров. Указ, соч., стр. 59.

школьные учреждения, школы. Развертывание сети специальных дошкольных учреждений обеспечивало лучшее использование труда переселенцев. В Северном крае, например, к 1932 г. имелось 111 дошкольных учреждений⁶⁶, на Урале к осени 1931 г. насчитывалось 34 детских яслей, в Западно-Сибирском крае в детских яслях было 1,5 тыс. детей переселенцев. В Северном Казахстане к 1934 г. кроме яслей, было 51 дошкольное детское учреждение, где воспитывалось 3650 детей переселенцев; около 2,5 тыс. детей находилось в детских домах.

Значительные масштабы приняло школьное строительство в районах расселения кулацких семей. Осенью 1931 г., по неполным данным, здесь было построено более 750 школ и строилось свыше 300. На Урале в 1931/32 учебном году было 197 школ, в Сибири — 266, Северном крае — 145, Северном Казахстане — 61, на Северном Кавказе — 46 и т. д. Для обучения детей на родном языке создавались специальные украинские, белорусские и другие школы. Школы переселенцев бесплатно обеспечивались учебниками, школьными принадлежностями, учебно-наглядными пособиями. В начале 1932 г. в Северном крае обучалось 90% детей кулаков; на Дальнем Востоке — 92,5%; в Сибири — 91,3%, на Урале в школах обучалось 50 тыс. детей, т. е. примерно 90% всех детей переселенцев⁶⁷. Это означало, что в районах переселения в 1931/32 г. осуществлялось всеобщее обязательное начальное обучение.

Осуществление всеобщего начального образования в районах поселения кулаков потребовало большого числа учителей. Только для школ переселенцев на Урале нужно было 1319 учителей, а к началу 1931/32 учебного года их было лишь 442 человека. В начале 1931/1932 г. в школах переселенцев Сибири работало 436 учителей вместо 710, Северного края — соответственно 233 (нужно — 352), Северного Казахстана — 135 (потребность — 264). Однако это было временным явлением, которое усилиями центральных и местных организаций постепенно устранялось. К апрелю 1932 г. число учителей в районах расселения

⁶⁶ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 59.

⁶⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2514, л. 47; д. 195, лл. 32—33; Партагив Свердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 10, д. 253, лл. 1, 30, 31; В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 63.

кулаков на Урале почти утроилось и достигало 1183, т. е. потребность в учителях была удовлетворена на 90% ⁶⁸. Чтобы восполнить нехватку учителей, разрешалось привлекать для работы в школах самих переселенцев ⁶⁹. На Урале, например, учителями работали 340 переселенцев, в Северном крае — 140, Сибири — 266, Северном Казахстане — 82 и т. д.

Особенно большую роль в воспитании молодого поколения сыграли учителя-коммунисты и комсомольцы, присланные в поселки бывших кулаков партийными и комсомольскими организациями, органами народного образования. Школа сыграла чрезвычайно важную роль в перевоспитании не только детей, но и их родителей. В письме секретаря Северного крайкома партии В. И. Иванова в ЦК ВКП(б) в августе 1935 г. следующим образом характеризовалась роль школ в перевоспитании переселенцев: «За время своего существования, в течение 4 лет, школы в поселках в своем преобладающем большинстве полностью оправдали звание советских школ... И если первое время как со стороны детей, так и со стороны родителей было очень недоброжелательное отношение к школе, как и в целом к мероприятиям Советской власти, так сейчас картина совсем изменилась... Учащиеся являются активными участниками всей общественной работы, проводимой в поселках. Школа через детей оказала свое положительное влияние и на взрослых» ⁷⁰.

С осени 1932 г., когда основная масса детей школьного возраста была уже охвачена начальным обучением, стали создаваться школы II ступени (неполные средние школы). В 1934/35 г. в Северном Казахстане насчитывалось 11 неполных средних школ, в Северном крае — 15 ⁷¹. В 1935 г. состоялся первый выпуск учащихся этих школ. Характеризуя выпускников, секретарь Северного крайкома ВКП(б) писал: «Среди учащихся есть очень одаренные, талантливые ребята, у которых большое стремление продолжать образование. По своему мировоззрению это вполне советски настроенная молодежь, что является одним из яр-

⁶⁸ Партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 10, д. 253, лл. 30, 31; В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 63.

⁶⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 195, л. 32.

⁷⁰ Партархив Архангельского обкома КПСС, ф. 290, оп. 7, д. 99, л. 1.

⁷¹ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 63.

ких доказательств претворения в жизнь идеи о переделке сознания людей»⁷².

Наряду со школьным образованием проводилась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В районах поселения бывших кулаков организовывались пункты и школы ликвидации неграмотности (ликбезы). В Западно-Сибирском крае осенью 1931 г. в школах и пунктах ликбеза обучалось около 2,5 тыс. человек, а в феврале — апреле 1932 г. — более 7 тыс.⁷³, в Ленинградской области (в конце 1931 г.) — свыше тысячи неграмотных, в Средней Азии — 1200, в Северном крае — 2,5 тыс. Одной из причин сравнительно небольшого числа обучавшихся в школах ликбеза являлось то, что удельный вес неграмотных среди бывших кулаков был значительно ниже, чем среди трудящегося (и прежде всего сельского) населения страны. Так, если к началу 1931 г. в стране насчитывалось более 30% неграмотного населения⁷⁴ (а в деревне процент неграмотных был еще выше), то среди кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации, неграмотные составляли в среднем 10—15%, колеблясь по отдельным районам поселения от 5% (Северный край) до 25—30% (Средняя Азия). Учителями (культурмейцами) в школах ликбеза являлись в основном переселенцы. В Северном крае, например, во всех 65 школах ликбеза учителями были переселенцы, такое же положение было в поселках Сибири, Нижегородского края, Урала и других районов.

Важной задачей местных партийных и советских организаций было профессиональное обучение бывших кулаков, так как подавляющее их большинство представляло собой неквалифицированную рабочую силу, а земледелие составляло только одну из отраслей занятий переселенцев. Поэтому еще в 1930 г. в районах поселений стали создаваться школы и курсы профтехнического образования. Однако планомерная и широкая их организация началась только в 1931 г. На Урале было открыто 6 профтехшкол, в которых обучалось свыше тысячи человек. В Уватском районе Свердловской области, где было рассе-

⁷² Там же, стр. 64.

⁷³ Там же, стр. 63.

⁷⁴ «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М., 1934, стр. 25.

лено 1009 кулацких семей, в течение 1933 г. было подготовлено из числа переселенцев 14 счетоводов, 22 бригадира, 28 агрозоуполномоченных⁷⁵. В Западной Сибири профтехучебой в 1931 г. было охвачено 1094 и в 1932 г. — 1034 человека⁷⁶; в Северном Казахстане — 430, в Южном — 75, а в 1934 г. профтехкурсы Северного Казахстана окончило более 2000 человек. В Ленинградской области на апатитовых разработках в 1931 г. работала школа фабрично-заводского ученичества для переселенцев, на Синявинских торфоразработках в школе ФЗУ обучалось 106 человек; в Нижегородском крае на курсах бригадиров училось 35 человек из молодежи; в Средней Азии — 200 человек на курсах трактористов и 10 на курсах медсестер и т. д.

Подготовка кадров специалистов из числа переселенцев, с одной стороны, в значительной мере освобождала от необходимости присылать сюда специалистов из других районов, а с другой стороны, создавала в районах поселений новую культурную силу, оказывавшую свое влияние на массу бывших кулаков. Влияние выходцев из той же социальной среды, что и переселенцы, было более глубоким и заметным, чем влияние присланных специалистов, к которым большая часть переселенцев относилась настроенно, а иногда и просто враждебно.

Серьезную роль в системе культурно-просветительной и политико-массовой работы среди переселенцев играли такие очаги культуры, как клубы, избы-читальни, библиотеки, красные уголки. Они вели большую и разностороннюю работу. Хотя их деятельность в целом была аналогична работе этих очагов культуры в остальных районах СССР, тем не менее она имела и свои специфические особенности. Проявлялось это по преимуществу в ведении политико-массовой работы. При выборе тематики докладов и бесед значительное место отводилось вопросам правового положения бывших кулаков, разъяснению причин временного ограничения прав переселенцев и т. п.

Важнейшими задачами культурно-просветительной и политико-массовой работы среди переселенцев являлись привлечение молодежи на сторону Советской власти, вовлечение ее в активную общественно полезную деятельность.

⁷⁵ Госархив Свердловской области, ф. 1824, оп. 3, д. 540, лл. 112—114.

⁷⁶ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 63.

Важную роль в этом сыграл комсом. Комсомольские организации районов поселения бывк кулаков вели среди молодежи широкую политико-воспитательную работу, разъясняя политику партии и Советов власти; поощряли ударничество и трудовое соревнование на производстве, вовлекали молодежь в работу убоов, изб-читален, библиотек, красных уголков, а также кол и пунктов по ликвидации неграмотности среди насния. Из числа переселенческой молодежи организовались кружки художественной самодеятельности, группсодействия добровольным обществам «Автодор», «Беззник», «Долой неграмотность» и др. Несколько позже л определен и порядок организации пионерских отряд и приема молодежи в комсомол.

Вовлечение молодежи в работу рчных культурно-просветительных учреждений и в ведение политико-массовых мероприятий имело существенное значение и для перевоспитания молодежи, и дляботы самих учреждений. О размахе культурно-просветильной и массово-политической работы среди переселенцев говорят такие данные. На Урале к началу 1932 г. поселках бывших кулаков действовало 531 культурно-светильное учреждение, в том числе 10 клубов, 161библиотека, 360 изб-читален и красных уголков. При их учреждениях работало 470 кружков художественнсамоедеятельности, в которых принимали участие 7 тысяч человек, выпускалось 100 стенгазет, имелось 516 радичек и 35 пунктов демонстрации кино. Кроме того, в елках Урала издавалось 5 многотиражек⁷⁷. В Северн крае насчитывалось 230 клубов, изб-читален и крых уголков, при которых было создано 205 кружков хжественной самоедеятельности⁷⁸. В Северном Казахстав 1932 г. имелось 26 клубов, 42 библиотеки, 35 красных лков.

Культурно-просветильные учреждения были обеспечены различным оборудованием, музыкальными инструментами, спортивным инвентарем, кними, журналами и газетами. Значительное число переселенцев в индивидуальном порядке подписывалось на эти и журналы. В Западной Сибири, например, в 193. каждая вторая

⁷⁷ Р. Н. Киреев. Указ. соч., стр. 18; Партакхвердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 10, д. 253, лл. 30, 31.

⁷⁸ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 63.

переселенческая семья выписывала газеты и журналы, а па Алдане все переселенцы были обеспечены газетами и журналами.

Тяга к знаниям, стремление быть в курсе происходящих в стране и в мире событий, активное участие переселенческой молодежи в общественной жизни поселков — результат большой массово-политической и культурно-просветительной работы. Она не только удовлетворяла культурные запросы переселенцев, но и переделывала сознание бывших кулаков, перевоспитывала их в социалистическом духе.

3. Некоторые итоги трудового перевоспитания бывших кулаков

Меры по трудовому перевоспитанию бывших кулаков оказали существенное влияние на их поведение, изменяли их отношение к Советской власти и, в конечном счете, сказались на сознании переселенцев.

Экспроприация кулачества, проводившаяся в ходе сплошной коллективизации, изменила социально-экономическое положение этой группы людей, которая лишилась возможности эксплуатировать, но которая сразу же не перестала быть враждебной Советской власти. Превращение бывших эксплуататоров в честных тружеников советского общества — длинный и сложный процесс. Решающую роль в этом сыграл общественно полезный труд, к которому привлекались выселенные кулаки и трудоспособные члены их семей.

Изменение социально-экономического положения бывших кулаков — переселенцев, включение их в число тружеников советского общества, постоянное общение с местными рабочими не могли не сказываться на поведении, взглядах и психологии бывших кулаков. Они втягивались в общественно полезную деятельность, постепенно, хотя не без трудностей и колебаний, становились на путь честного труда. Большое значение при этом имели моральные стимулы, которые использовала Советская власть для переделки сознания переселенцев. Принятое 3 июля 1934 г. постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» регламентировало правовое положение бывших кулаков.

В постановлении ЦИК СССР указывалось: «Кулаки, лишенные на основании конституции союзных республик и общесоюзной инструкции о выборах в Советы избирательных прав и выселенные по постановлению общих собраний граждан села и местных органов власти за противосоветские и противоколхозные выступления (поджоги, бандитизм и т. п.) из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали, — восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса при условии:

а) если они в течение этого срока на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий Советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства;

б) если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»⁷⁹.

Это постановление широко популяризировалось среди переселенцев. Ряд крайкомов партии (Западно-Сибирский, Северный и др.) провел совещания партийных, советских и хозяйственных работников, на которых обсуждалось постановление ЦИК СССР и были намечены практические меры по широкому ознакомлению и разъяснению декрета среди населения переселенческих поселков⁸⁰.

Согласно директивам ЦК ВКП(б) и Советского правительства для переселенцев создавались равные условия с остальными рабочими в отношении норм выработки, оплаты труда, снабжения, социального страхования, медицинского обслуживания, школьного образования, культурно-просветительной работы. В случае добросовестного и честного отношения к работе, поддержки мероприятий Советской власти ЦК ВКП(б) разрешил досрочно восстанавливать в избирательных правах бывших кулаков. В апреле 1932 г. в ЦИК СССР был представлен список бывших кулаков, выселенных в Северный край, подлежащих досрочному восстановлению в избирательных правах. Среди них большинство составляла молодежь, успешно перевыполнявшая нормы выработки, неоднократно премированная за ударную работу и лояльно относившаяся к

⁷⁹ СЗ СССР, 1931, № 44, ст. 298.

⁸⁰ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 60.

мероприятиям Советской власти⁸¹. Многие из восстанавливаемых в правах переселенцев не только сами хорошо работали, являясь примером для остальных, но и вели разъяснительную работу среди переселенцев, активно участвовали в общественной жизни поселков.

Восстановление в гражданских правах бывших кулаков получило значительные масштабы в 1935—1936 гг. Это было связано, во-первых, с тем, что к этому времени у многих переселенцев кончился пятилетний срок высылки, по истечении которого, согласно постановлению ЦИК СССР от 3 июля 1931 г., они подлежали восстановлению в избирательных правах; а во-вторых, 27 мая 1934 г. было принято новое постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков»⁸². ЦИК СССР предоставлял право краевым (областным) исполкомам Советов восстанавливать в гражданских правах выселенных кулаков по истечении пяти лет со дня выселения, а для работавших в золотой и платиновой промышленности — по истечении трех лет. Кроме того, край (обл) исполкомам разрешалось досрочно восстанавливать в правах наиболее отличившихся переселенцев, особенно молодежь, «являющихся ударниками на производстве и активно участвующих в общественной работе»⁸³. Как видим, досрочное восстановление в правах было распространено не только на бывших кулаков, работавших на предприятиях «Цветметзолота», но и в других отраслях промышленности или сельского хозяйства при условии добросовестного отношения к труду и всем мероприятиям Советской власти. Поэтому начиная с 1935 г. крайисполкомы стали восстанавливать в правах большие группы переселенцев. Только в октябре 1935 г. исполком Сибирского края досрочно восстановил в гражданских правах 349 бывших кулаков, а в 1936 г. всего в Сибири было восстановлено в правах около 17,5 тыс. переселенцев⁸⁴.

Предоставление избирательных прав бывшим кулакам, по словам М. И. Калинина, давало им возможность активно участвовать в общественной жизни, приобщаться на практике к строительству социализма, а также

⁸¹ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)», стр. 482—488.

⁸² СЗ СССР, 1934, № 33, ст. 257.

⁸³ Там же.

⁸⁴ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 62, 64.

открывало возможности для воздействия на них широких масс трудящихся в различных общественных организациях (Советах, профсоюзах, кооперации и т. п.).

Детям бывших кулаков предоставлялись равные права со всеми гражданами СССР на получение среднего и высшего образования, им не чинили никаких препятствий при выезде в другие города и области для поступления в учебные заведения. Это имело большое значение как для обеспечения кадрами районов расселения, так и для перевоспитания молодежи. М. И. Калинин говорил по этому поводу: «Дети лишенцев, растущие и воспитывающиеся в советских условиях, невольно заражаются тем настроением, которым проникнута наша политическая, хозяйственная и общественная жизнь»⁸⁵.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по трудовому перевоспитанию бывших кулаков, по переделке их психологии полностью оправдали себя, доказав правильность политики партии в отношении самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества.

В перевоспитании бывших кулаков, превращении их в честных тружеников социалистического общества огромную роль сыграли успехи социалистического строительства, упрочение внутреннего и международного положения Советской страны. Эволюция взглядов бывших врагов колхозного строя, Советской власти находилась в прямой зависимости от успехов и достижений советского народа в строительстве социализма. В этой связи следует привести один весьма любопытный документ, характеризующий изменение кулацкой психологии по мере успехов социалистического строительства, — письмо бывшего кулака А. И. Панова (п/о Усть-Кубинское, Северный край). В этом письме, датированном 15 апреля 1936 г., говорится: «Правильно ли поступила Советская власть, выслав кулаков, зажиточных крестьян? Советская власть поступила совершенно правильно.

Зажиточные являлись самыми яркими, самыми непримиримыми агитаторами и противниками коллективизации... По всем этим причинам и выходило: раз Советская власть твердо и бесповоротно решила бороться до конца за кол-

⁸⁵ М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. М., 1958, стр. 584.

хозяйный строй, который только и мог двинуть вперед сельское хозяйство путем его механизации (разве мыслимо применение трактора и комбайна в старых условиях?), и раз величайшим тормозом в этом деле являлось зажиточное крестьянство, то нужно было его временно удалить. Другого выхода не было! Только этот путь мог обеспечить решительную победу над кулачеством... Победу экономическую и политическую.

Но вот странность: я нигде в печати не встречал упоминания о попутно одержанной еще одной победе огромной значимости! Неужто так никто и не заметил, что, кроме разгрома экономического и политического, кулачество потерпело также разгром моральный?! Странно, очень странно. Ведь кулачество было убеждено, что «без него не обойдутся», что все эти колхозы — «одни глупости», что его скоро позовут, да еще «честью позовут», с поклоном, со сконфуженной улыбкой! Оно было убеждено, что «товарищи очеено даже скоро проголодаются»?!

И что же? Колхозы не только не рассыпались и не «обанкрутились» («какой там черт — как раз наоборот»), они с каждым днем все больше и больше развивались, тверже становились на ноги, крепче брались за дело. «Неожиданно» оказалось, что все эти «лодыри», вся эта «голытьба» при хорошем руководстве вполне способны получать от земли столько, сколько преждему, «настоящему» хлеборобу и не снилось. Да и жить «голытьба» начала много культурней и веселее по сравнению с былыми богачами!

Так что же выходило на поверку? А выходило то, что кулачество ошиблось во всех своих планах и расчетах!..

Насмешки, издевательства, раньше столь обычные среди ссыльных по адресу колхозников, — заменялись сначала сомнениями, а потом уже и завистью... Одним словом, мозги ссыльных совершенно «перевернулись». Они стали мечтать не только о скорейшем возврате домой, но и о вступлении в колхозы.

Нет никаких оснований опасаться, что в случае войны эти люди станут вредить словом и делом. Давно прошло то время, когда они мечтали о войне как об избавлении и средстве восстановления царского строя. Было это — да прошло!..»

Не вдаваясь в подробный анализ содержания письма, следует остановиться лишь на некоторых моментах. Во-

первых, автор письма — бывший кулак — признает, что кулаки являлись «самыми яркими, самыми непримиримыми агитаторами и противниками коллективизации», поэтому, чтобы обеспечить успешное развитие колхозного движения, необходимо было кулаков временно удалить, выселить из районов сплошной коллективизации. Другого выхода у Советской власти в тех условиях не было, тем более что в первое время кулачество возлагало большие надежды на иностранную интервенцию со стороны империалистических держав. Это признание бывшего кулака весьма показательное.

Во-вторых, в письме признается, что поскольку прямая атака на коллективизацию оказалась безуспешной, то кулаки надеялись, что отсутствие достаточного опыта, организационные неполадки, частнособственническая психология крестьян и иждивенческие настроения части бедноты и батраков приведут в конечном счете к развалу колхозов, к провалу идеи коллективизации. Ввиду этого Советская власть будет вынуждена отказаться от проведения коллективизации, а для решения хлебной проблемы обратиться за помощью к кулачеству. Но, как признает автор письма, и эта надежда рухнула.

В-третьих, автор признает, что убедившись в полном провале надежд и иллюзий, под воздействием успехов социалистического строительства вообще и колхозного в особенности, отношение кулаков к мероприятиям Советской власти стало постепенно меняться, «они стали мечтать не только о скорейшем возврате домой, но и о вступлении в колхозы». Это признание свидетельствует о том, что после долгих сомнений и раздумий, под воздействием различных факторов (и прежде всего трудового перевоспитания) значительная часть бывших кулаков постепенно меняла свои взгляды, свое отношение к Советской власти.

Конечно, было бы ошибочно упрощать сложный и противоречивый процесс трудового перевоспитания бывших кулаков, немало было здесь срывов и неудач, нередко высланные кулаки устраивали побеги, пополняя бандитские шайки. Не все кулаки смирились со своим положением, часть из них притаилась, выжидая «лучших времен». Процесс трудового перевоспитания — это сложный и длительный процесс, который занял значительно больше времени, чем непосредственная ликвидация кулачества как класса. Если переделка частнособственнической пси-

хологии мелкого товаропроизводителя — дело, требующее много времени, то, разумеется, перевоспитание бывших эксплуататоров, изменение их психологии, навыков и быта — дело еще более трудное. Не сразу бывшие кулаки становились на путь честного отношения к труду — некоторые из переселенцев в первое время отказывались работать, вели антисоветскую агитацию, принимали участие в контрреволюционных заговорах. Так, например, в одном из районов Томского округа сосланные кулаки в 1930 г. готовили восстание⁸⁶. Но подавляющее большинство переселенцев под влиянием успехов социалистического строительства, политики Советского государства по отношению к бывшим кулакам убеждались в бесперспективности борьбы и постепенно становились в ряды тружеников социалистического общества. Добросовестное отношение к труду основной массы переселенцев позволило Коммунистической партии и Советскому правительству принять решение о приеме в колхозы бывших кулаков, возвращающихся из районов поселения в родные края. Однако огромное большинство выселенных кулаков и после снятия ограничений и восстановления в гражданских правах продолжало оставаться на местах⁸⁷.

К началу 1941 г. в местах поселений находилось 930 221 бывших кулаков, т. е. примерно 220 тыс. семей⁸⁸. Это свидетельствует о том, что бывшие кулаки, а к тому времени полноправные граждане СССР, остались в новых краях на постоянное жительство. Большая часть бывших кулаков, работая длительное время в промышленности и других отраслях народного хозяйства, приобрела высокую квалификацию и являлась рабочими ведущих профессий. Они приобщились к социалистическому образу жизни и стали сознательными строителями социалистического общества.

В годы Великой Отечественной войны за хорошую работу только в Свердловской области 5988 переселенцев

⁸⁶ В. А. Сидоров. Указ. соч., стр. 60.

⁸⁷ В сентябре 1938 г. постановлением Совнаркома СССР неуставные артели переселенцев были переведены на Устав сельскохозяйственной артели, принятый в феврале 1935 г. II Всесоюзным съездом колхозников-ударников. — А. П. Финаров. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР. М., 1961, стр. 12.

⁸⁸ «Вопросы аграрной истории». Вологда, 1968, стр. 53.

были награждены орденами и медалями; 4735 бывших кулаков сражались на фронтах Великой Отечественной войны и все были награждены орденами и медалями. В Красноярском крае в годы войны в армию было призвано свыше 8 тыс. бывших кулаков и их детей, из них 682 стали офицерами Советской Армии. За героизм, проявленный в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, многие бойцы из числа бывших кулаков были награждены орденами и медалями, а двое из них — В. И. Давыдов и Г. А. Слобоженюк — удостоены высокого звания Героя Советского Союза⁸⁹. Оставшиеся в тылу самоотверженно трудились на благо Советской Родины, во имя победы над врагом. Так, колхоз бывших кулаков «Новый путь» Канского района систематически перевыполнял государственные задания, он превратился в один из самых передовых колхозов края. Члены колхоза только на строительство танковой колонны «Красноярский рабочий» внесли более полумиллиона рублей. Три колхоза Кожемского района ежегодно перевыполняли свои обязательства в полтора раза. Передовыми колхозами в Красноярском крае были колхозы бывших кулаков «Новая жизнь» Даурского района, «Новый путь» Рыбинского района, «Ударник» Ярцевского района. Из среды бывших кулаков выросли кадры руководителей, организаторов колхозного производства. К началу 1947 г. в колхозах Красноярского края на руководящей работе было 1800 бывших кулаков⁹⁰.

Хорошо работали в тылу и мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны переселенцы Чаинского, Васюганского, Банчарского, Парабельского и других районов Нарыма. Только в 1941—1942 гг. колхозники этих районов сдали государству около 3 млн. пудов зерна, а зимой 1942 г. доставили шахтерам Кузбасса санным путем на 2100 подводах 38 тыс. пудов свежей рыбы⁹¹. Тысячи бывших кулаков, переселенцев Нарымского края, были награждены орденами и медалями за доблестный труд в тылу и героизм и мужество, проявленные на фронте.

⁸⁹ «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, стр. 278.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ «Из истории партийных и советских организаций Сибири». Новосибирск, 1962, стр. 163.

Большая Отечественная война явилась суровым экзаменом для всех народов Советского Союза, которые с честью выдержали его. Вместе со всем советским народом большинство бывших кулаков как в мирные годы социалистического строительства, так и в годы Великой Отечественной войны доказали верность своей Родине, проявили настоящий советский патриотизм. Поэтому отпала необходимость в сохранении каких-либо ограничений в отношении бывших кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации в 1929—1932 гг. После окончания войны по решению партии и правительства были сняты последние ограничения.

Таким образом, проблема трудового перевоспитания бывших кулаков была успешно решена. Бывшие эксплуататоры, враги Советской власти — кулаки благодаря правильной политике Коммунистической партии и Советской власти, превратились в честных тружеников советского общества, в строителей социализма. Советская власть сумела вовлечь основную массу бывших кулаков в общественно полезный труд, в процессе которого перековывались люди, создавался новый человек социалистического общества.

Опыт трудового перевоспитания бывших кулаков убедительно показал правильность политики Коммунистической партии и Советского государства. Это был единственный в тех условиях путь вовлечения значительной массы населения — бывших кулаков в строительство новой жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социалистическое преобразование сельского хозяйства означало коренную ломку старых производственных отношений, уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, ликвидацию последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, — говорится в Программе КПСС, — означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»¹.

Социалистическое строительство сопровождалось резким обострением классовой борьбы, которая в переломные моменты истории достигала особого накала. В период непосредственной подготовки массового колхозного движения в деревне происходило резкое размежевание классовых сил, полнее обнажались социальные противоречия между кулаками и трудящимися крестьянами, усиливалась классовая борьба в деревне. Переход к осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства характеризовался дальнейшим обострением классовой борьбы, значительным усилением сопротивления кулачества наступлению социализма, которое нередко выливалось в

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 14.

открытые контрреволюционные массовые выступления против Советской власти, против колхозов.

По мере достижения решающих успехов социалистического строительства и колхозного движения, в ходе которого были разгромлены основные силы кулачества, открытое сопротивление враждебных сил общества ослабело. Однако это отнюдь не означало, что разбитые в открытом бою контрреволюционные элементы сложили оружие, прекратили сопротивление. Они изменили лишь свою тактику, прибегая по преимуществу к «мирным», скрытым формам борьбы.

С победой социализма в СССР, когда была ликвидирована социальная основа для реставрации капитализма, классовая борьба внутри страны смягчается, проявляясь главным образом на международной арене. Это явилось результатом прежде всего ликвидации всех эксплуататорских классов в нашей стране, в том числе и последнего эксплуататорского класса — кулачества.

Кулачество как класс было ликвидировано в процессе сплошной коллективизации, т. е. в период с конца 1929 до конца 1932 г. Борьба с остатками разбитого и в основном ликвидированного эксплуататорского класса — кулачества велась и после 1932 г., в частности, в период деятельности политотделов (1933—1934 гг.), но она носила уже иной характер — это была борьба с отдельными кулацкими и другими классово чуждыми элементами. Остатки кулачества в хозяйственной жизни страны уже не играли никакой роли: во-первых, ввиду своей малочисленности и, во-вторых, ввиду резкого падения экономической мощи их хозяйств. Поэтому хотя процесс ликвидации отдельных кулацких хозяйств продолжался и после 1932 г. — в некоторых национальных и потребляющих районах он шел в 1933—1934 гг., а в районах Крайнего Севера даже до 1938 г., — основная и главная задача в этой области была уже решена в итоге первой пятилетки. В СССР был построен фундамент социалистического общества и завершена в основном ликвидация эксплуататорских классов.

Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидация на ее основе кулачества как класса привели к качественным изменениям в социальной структуре советского общества, во взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством. Крестьянство

освободилось от эксплуатации со стороны кулаков, спекулянтов и ростовщиков, которые были ликвидированы в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. Советское крестьянство не являлось уже больше классом мелких производителей, члены которого разобщены и привязаны к частной собственности. Оно превратилось в колхозное крестьянство — активного строителя социалистического общества. Изменения в социальной структуре свидетельствовали о том, что советское общество стало свободным от эксплуататорских классов, от непримиримых антагонистических противоречий, присущих буржуазному обществу. Рабочие и крестьяне, а также трудовая советская интеллигенция объединены одним общим делом — делом строительства социализма. Общность интересов в коренных вопросах социалистического строительства явилась основой союза рабочих и крестьян, основой морально-политического единства советского общества.

Опыт социалистического строительства в нашей стране, а затем и в странах социалистического содружества убедительно доказал, что *ликвидация кулачества как класса в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства является исторической закономерностью*. Процесс ликвидации кулачества как класса характеризуется как общими чертами, присущими этому процессу в целом, так и специфическими особенностями его развития в отдельных социалистических странах. Так, например, в СССР, как и во всех странах, строящих социализм, проводилась политика ограничения и вытеснения кулачества мерами экономического и политического воздействия. И хотя меры и средства проведения этой политики не всегда были одинаковыми, сущность и направление их были общими.

Точно так же экспроприация является обязательным и неизбежным средством ликвидации кулачества как класса для всех стран, вступивших на путь социалистического развития. Но пути и методы проведения этой акции могут быть различными. В СССР в связи с резким обострением классовой борьбы, ожесточенным сопротивлением кулачества наступлению социализма, проведению коллективизации сельского хозяйства в условиях враждебного капиталистического окружения Советская власть была вынуждена, во-первых, ускоренными темпами про-

водить экспроприацию кулачества и, во-вторых, прибегнуть к насильственной экспроприации орудий и средств производства у сельской буржуазии, к применению репрессий против ожесточенно сопротивляющегося кулачества. Само собой разумеется, что другим странам социализма, опирающимся на помощь и поддержку Советского Союза, не нужно было прибегать ни к массовым репрессиям, ни к насильственной экспроприации кулачества, так как наличие такого могучего союзника, как СССР, исключало всякую возможность реставрации капитализма в этих странах. Огромный размах социалистического строительства в деревне подорвал социально-экономическую базу развития кулацких хозяйств, в большой степени ослабил их позиции в деревне, изолировал кулаков от трудящихся масс крестьянства. Специфические условия классовой борьбы в деревне, наличие содружества социалистических стран позволили применить к кулакам главным образом меры трудового перевоспитания. Не случайно поэтому в уставах производственных кооперативов Чехословакии, Болгарии, Германской Демократической Республики и других социалистических стран предусматриваются особые условия приема кулаков в коллективные хозяйства. Следует заметить, что даже в СССР не везде применялись массовые репрессии против кулачества и методы насильственной их экспроприации. Так, в некоторых национальных районах, например, Якутии, районах Крайнего Севера, а также в отдельных районах Закавказья в силу специфических условий их развития (хозяйственной и культурной отсталости, патриархально-родовых пережитков, сравнительно слабого классового расслоения, поведения кулачества и т. д.) ликвидация кулацкой верхушки осуществлялась главным образом методами экономического порядка, к административным мерам прибегали лишь в исключительных случаях². Что касается таких мер, как выселение части кулаков в отдаленные и малонаселенные местности, то, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в ряде районов оно вообще не проводилось.

² См. А. Избекова. Победа колхозного строя в Якутской АССР, т. I. Хабаровск, 1958; А. Дзидзигури. История колхозного строительства в Абхазии (1929—1937 гг.). Автореф. канд. дисс. Сухуми, 1968.

Следовательно, насильственная экспроприация и применение массовых репрессий против кулачества не являются при всех обстоятельствах обязательными. Они вызваны определенными условиями исторического развития страны как внутреннего, так и внешнеполитического порядка. Большое значение при этом имеет и поведение самого кулачества. Только ожесточенное сопротивление, доходившее до открытых контрреволюционных мятежей, вынудило Советское государство стать на путь насильственной экспроприации кулачества и применения к нему репрессивных мер. В иных условиях этого могло и не быть.

Ликвидация кулачества как класса в СССР не означала физического уничтожения кулаков, как это пытаются представить буржуазные фальсификаторы; а имела своей целью наряду с другими задачами трудовое перевоспитание бывших эксплуататоров, превращение их в равноправных тружеников социалистического общества. Эта же задача является одной из главных для всех стран, строящих социализм. Конечно, для различных стран могут быть разными пути и средства осуществления этой задачи. В Советском Союзе, например, в период сплошной коллективизации кулаки не принимались в колхозы, а либо выселялись из районов сплошной коллективизации, либо расселялись в районах их постоянного места жительства.

Трудовое перевоспитание бывших кулаков осуществлялось в СССР путем вовлечения последних в общественно полезный труд в промышленности, на промыслах и в сельском хозяйстве. Бывшие кулаки, занятые в сельском хозяйстве и на промыслах, объединялись в неуставные артели, которые затем превращались в артели обычного типа.

В других социалистических странах меры трудового перевоспитания осуществлялись непосредственно в производственных кооперативах, прием в которые бывших кулаков оговаривался определенными условиями.

Таким образом, при всем различии условий развития разных стран, ставших на путь социализма, при множестве форм и методов социалистического преобразования сельского хозяйства и ликвидации эксплуататорских классов в процессе коллективизации основные принципы, их содержание и направление остаются едиными и неизменными.

Важнейшие и основополагающие идеи социалистического преобразования сельского хозяйства заложены в ленинском кооперативном плане. «Ленинский кооперативный план,— говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960 г.) — доказал свою великую жизненность как для стран, где существовала длительная традиция глубокой привязанности крестьянства к частной собственности на землю, так и для стран, недавно покончивших с феодальными отношениями»³.

³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1961, стр. 47.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллаев 273
 Абрамов Б. А. 13, 14, 20, 22, 24, 34, 80, 93, 166, 176, 214, 254
 Азизьян А. 11
 Айсанов 252
 Алехин Л. И. 318
 Ангаров А. 11
 Андреев А. А. 28, 88, 92, 93, 137, 161, 162, 163, 166, 178, 205, 282
 Анцелович Н. М. 178
 Асадулы 133
 Ахметов 273
- Баранов 78
 Барсов А. А. 25
 Бауман К. Я. 151, 152, 166, 167, 169, 170, 171, 178
 Бельский З. М. 151, 156, 167, 169
 Бергавинов С. А. 178, 238, 303
 Бергауз Р. Г. 16
 Бобров 120
 Богденко М. Л. 15, 20, 22, 23, 30, 34, 80, 178, 179—180, 183, 222, 229, 232, 245
 Борисов Ю. С. 25
 Босый С. В. 16
 Брежнев Л. И. 200, 201, 202
 Бубнов А. С. 147
 Бувье Ш. 25
 Бухарин Н. И. 134, 135, 136, 137, 138, 139, 142—144, 146—148, 156
- Ваганов Ф. М. 16, 24, 135, 136, 137, 144, 178, 182, 195, 214
- Варейкис И. М. 11, 142, 147, 154, 155, 166, 171, 178, 220, 221
 Васюков В. С. 25
 Вегер Е. И. 76
 Вербичкая О. М. 35
 Веревкин П. Н. 318
 Ветохин 249
 Владимирский М. Ф. 31, 32, 141, 147
 Вольф М. М. 167
 Ворошилов К. Е. 137
 Вылцан М. А. 90, 160, 178, 214, 242, 291
- Гаврилов И. А. 89
 Гайстер А. И. 11
 Гамарник Я. Б. 147
 Ганжа И. Ф. 188, 225, 252
 Гарбузов 249
 Глезерман Г. Е. 13
 Гожанский А. 11
 Голиков В. А. 24, 214
 Голодод Н. М. 178
 Голощекин Ф. И. 118, 144, 166, 178
 Горький А. М. 257, 264
 Губенко М. П. 34
 Гукровский А. А. 24
 Гусаров 103
 Густи Ф. Ф. 152
 Гушин Н. Я. 15, 16, 17, 18, 20, 115, 128, 227, 230, 253, 274, 275, 288, 292
- Давыдов В. И. 347
 Давыдов В. Н. 19

- Данилов В. П. 15, 19, 20, 44,
45, 79, 104
- Дахшлейгер Г. Ф. 19, 20
- Дзидзигури А. М. 352
- Догиев В. 252
- Долгов 109
- Дуйшпемалиев Т. 109, 245
- Евдокимов А. Е. 11
- Ермолаев А. И. 11
- Ефременков Н. В. 18, 23, 119,
226, 243, 249, 253
- Жуковский И. Д. 248
- Зайцев П. Е. 152
- Залесский М. Я. 12, 52—54, 294
- Захаров В. Г. 317
- Зеленин И. Е. 15, 20, 23, 263,
264, 266, 267, 274
- Зеленский И. А. 234
- Зимин 107
- Ибрагимова А. Ю. 187, 245, 250—
251, 255, 284
- Ибрагим-бек 276, 277
- Иванов В. И. 336
- Иванов Н. Г. 166
- Иванова Е. А. 15
- Избекова А. А. 352
- Иманкулов И. 273
- Ирматов 133
- Исламов 251
- Ишанаков С. 133
- Ишматов 273
- Кабаков И. Д. 178, 226
- Каврайский В. А. 11
- Какабаев С. Д. 245, 277
- Калинин М. И. 28, 31, 32, 42,
54, 137, 142, 147, 150, 151,
152, 154, 156, 157, 164, 195,
201, 212, 237, 238, 246,
247, 248, 342, 343
- Калманович М. И. 178
- Калыгина А. С. 142, 152, 153
- Калягин 107
- Каминский Г. Н. 88, 123, 142,
151, 152, 154, 161, 163, 167,
169, 178, 195
- Капилов М. 273
- Карамзин В. М. 318
- Каревский Ф. А. 17, 18, 20,
21, 22, 115, 116, 126, 128, 139,
214, 218, 222, 223, 236, 246,
258, 274, 275, 281, 288
- Карпинский В. А. 11, 151, 156
- Касилов 120
- Касьян А. К. 19
- Каткова 103
- Каценельбоген М. Е. 167
- Киреев Р. Н. 318, 329, 339
- Киров С. М. 128, 147
- Клименко И. Е. 167, 169
- Климович А. В. 318
- Комаров Н. 11
- Конюхов Г. А. 16, 17, 55
- Коснор С. В. 89, 137, 147, 157,
161, 162, 167, 178, 225
- Кошелев Ф. П. 11
- Краев М. А. 13, 14, 20, 43
- Красавин С. Н. 12
- Кржижановский Г. М. 87, 141
- Криницкий А. И. 141
- Крохин 109
- Крыленко Н. В. 178
- Кубанов 109
- Куйбышев В. В. 28, 87, 137,
141
- Кукушкин Ю. С. 16, 17, 18,
20, 119, 290
- Куликов В. И. 24
- Кульбакин В. Д. 24
- Куянов 120
- Лаговниер Н. О. 11
- Левина М. Я. 248, 251, 305,
314
- Левинский 129
- Ленин В. И. 6, 7, 8, 9, 10, 27,
28, 38, 51, 116, 135, 150, 191,
265
- Леонов Ф. Г. 178
- Леорова В. И. 16
- Лихницкий Н. Т. 11
- Ломинадзе В. В. 155, 156
- Любченко П. П. 142, 152, 153
- Лященко П. И. 242
- Мазуренко 252
- Макаров 120
- Мальцев 167
- Манько 131
- Маркс К. 5, 6, 150
- Марьяхин Г. 53
- Медведев В. К. 17, 18, 20, 22,
124, 224

- Микоян А. И. 28, 105—106,
 137, 147, 161, 162, 163
 Молотов В. М. 89, 147, 161,
 162, 177, 195
 Мороз А. А. 318
 Мошков Ю. А. 16, 17, 20, 21,
 113
 Мурадов Я. 100
 Муралов М. И. 178
 Мурашов С. И. 24

 Некрутенко 110
 Немаков Н. И. 24
 Николаева К. И. 141
 Никулихин Я. 12
 Ниязов 273
 Нуристов А. 16
 Нусинов И. С. 11

 Овсянкин В. А. 15
 Одинцов С. С. 178
 Орджоникидзе Г. К. 28, 31,
 32, 135, 137, 144
 Орлов Д. 11
 Осколков Е. Н. 248, 251, 305,
 314
 Осокина В. Я. 16, 17

 Панасенко 125
 Панов А. И. 343
 Пашенко П. К. 318
 Перепечко И. Н. 141
 Петровский Г. И. 123, 141, 162
 Погудин В. И. 15
 Пожидаев 118
 Поляков Ю. А. 90, 160, 178,
 214, 242, 291
 Попов А. Г. 16
 Постышев П. П. 137, 147, 282,
 311
 Преображенский Е. А. 38

 Роднянский А. К. 11
 Рошаль Л. Б. 142
 Рубцов 120
 Рыков А. И. 134, 136, 137, 141,
 144, 146, 147, 169
 Рыскулов Т. Р. 167, 169, 176
 Рябинин Е. И. 145, 146

 Сашко 250
 Селунская В. М. 15
 Семаженко П. Е. 318
 Семерин П. В. 17, 18, 22, 23,
 100, 128, 163

 Семькин И. С. 16, 17
 Сенопальников И. З. 318
 Сиволапов А. Г. 318
 Сидоров В. А. 18, 22, 23, 213,
 221, 229, 230, 239, 292, 303,
 307, 308, 309, 311, 322, 334,
 335, 336, 337, 338, 339, 341,
 342, 346
 Сиротинин П. 11
 Слинько И. И. 15, 20, 188,
 225, 252
 Слобоженюк Г. А. 347
 Сницер 249
 Сталин И. В. 28, 31, 32, 54,
 56, 137, 147, 164, 165, 174,
 195, 196, 212, 237
 Степичев И. С. 16, 17, 20, 118,
 210, 228, 229, 230, 276, 283,
 322
 Сырцов С. И. 155, 167, 176, 178

 Томский М. П. 134, 136, 137,
 139, 144, 147
 Трапезников С. П. 13, 15, 23,
 47, 126, 179, 180, 193, 263,
 304, 319, 320, 321, 322, 323
 Трифионов И. Я. 15, 16, 17, 20,
 42, 44, 119
 Турсунбаев А. Б. 15, 231

 Угаров А. И. 147
 Угрюмов А. 24
 Устинов М. 151, 156

 Федин П. 11
 Федоров И. 113
 Финаров А. П. 23, 346
 Френкель И. Ш. 19

 Хамармер И. 11
 Хатаевич М. М. 11, 23, 123,
 155, 166, 168, 172, 178, 214
 Хватов М. 11
 Хлопьянкин М. М. 166
 Ходжиханов Х. 103
 Хоменко А. И. 318

 Цимбала Ф. П. 317

 Черноглаз И. М. 248
 Чинчиков А. М. 15
 Чубарь В. Я. 141
 Чхиквишвили И. И. 24

- Шабельников 120
Шамсутдинов 273
Шарапов Г. В. 25
Шарова П. Н. 13, 17, 34,
48, 102, 120, 126, 249
Шатагин Н. И. 24
Шаумян С. С. 24
Шахрай А. И. 159
Шацкин Л. А. 151, 156
Шеболдаев Б. П. 89, 123, 147,
161, 162, 166, 169, 178, 254
Шерстобитов В. П. 19
Шлихтер А. Г. 142
Шостак П. В. 188, 225, 252
- Шуклецов В. Т. 23, 310
Шумейко А. О. 318
- Эйхе Р. И. 11, 141, 147, 178
Энгельс Ф. 5, 149, 150
- Юркин Т. А. 178, 195
- Якобай А. 133
Яковлев Я. А. 147, 166, 168,
169, 172, 173, 174, 175, 177,
178
Яковцевский В. Н. 43, 45

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая	
Ограничение и вытеснение кулачества накануне сплошной коллективизации.	36
1. Курс на коллективизацию сельского хозяйства. Мероприятия по дальнейшему наступлению на кулачество	36
2. Важнейшие итоги проведения политики ограничения и вытеснения кулачества к началу массового колхозного движения	57
Глава вторая	
Обострение классовой борьбы в деревне в связи с переходом к сплошной коллективизации сельского хозяйства.	75
1. Начало массового колхозного движения	75
2. Обострение классовой борьбы в деревне	96
3. Разгром правого оппортунизма — неперемное условие успешного строительства социализма	134
Глава третья	
Переход от политики ограничения и вытеснения к политике ликвидации кулачества как класса.	149
1. Выработка новой политики по отношению к кулачеству в связи с началом массового колхозного движения	149
2. Разработка практических мероприятий по ликвидации кулачества как класса	165
Глава четвертая	
Первый этап ликвидации кулачества как класса (конец 1929—1930 г.).	185
1. Развертывание колхозного движения в конце 1929—1930 гг.	185
2. Переход к практическому осуществлению политики ликвидации кулачества как класса	209
	359

3. Дальнейшее обострение классовой борьбы в деревне в связи с развертыванием массового колхозного движения и ликвидацией кулачества как класса	247
--	-----

Глава пятая

Завершение в основном сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса	261
--	-----

1. Репающие успехи колхозного строительства в 1931—1932 гг.	261
2. Развитие классовой борьбы в деревне в 1931—1932 гг.	271
3. Второй этап осуществления ликвидации кулачества как класса	279

Глава шестая

Мероприятия Коммунистической партии и Советской власти по трудовому перевоспитанию бывших кулаков.	301
---	-----

1. Размещение, хозяйственное устройство и использование труда выселенных кулаков	301
2. Материальное обеспечение и культурно-бытовое обслуживание переселенцев	327
3. Некоторые итоги трудового перевоспитания бывших кулаков	340

Заключение	349
-------------------	-----

Указатель имен	355
-----------------------	-----

Николай Алексеевич Ивницкий

Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Э. И. Гракина. Художник Л. А. Грибов
Художественный редактор В. Н. Тикунов
Технические редакторы Л. И. Куприянова, И. Н. Жмуркина

Сдано в набор 23/V 1972 г. Подписано к печати 27/IX-1972 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 19.
Тираж 2500. Т-09795. Тип. зак. 696. Цена 1 р. 37 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

10. 37 r.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY